ПУТЯМИ ИСТОРИИ

ОБЩЕРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ, ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ НАУКИ И ЖИЗНИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ОЛЕГА АЛЕКСЕЕВИЧА ГРАБАРЯ

ТОМ II

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАРПАТОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА"
(„СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ")
НЬЮ ЙОРК, 1979

ПУТЯМИ ИСТОРИИ

ОБЩЕРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ, ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ НАУКИ И ЖИЗНИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ОЛЕГА АЛЕКСЕЕВИЧА ГРАБАРЯ

ТОМ II

●

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАРПАТОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА"
(„СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ")
НЬЮ ЙОРК, 1979

ГЛАВА I

ИЗ ПРОШЛОГО КАРПАТСКОЙ РУСИ

Проф. Георгий Ю. Геровский

КНЯЗЬ ФЕДОР КОРИАТОВИЧ

В истории нашего народа и края нет другого такого имени, относительно которого до такой степени расходились бы мнения историков. Прежде с именем этого князя связывали многие события, которые считали важными для нашей истории: переселение в наш край будь-то бы значительного числа наших соплеменников с севера („с Подолья"), основание монастыря на Чернечьей Горе, объединившего край в церковном отношении, управление краем под началом этого князя и т. п. В новейшее время, наборот, за князем Федором не признавали ничего: доказывали, что он был на юге Карпатских гор лишь „пришельцем" (беглецом) из Литвы-Руси, жившим тут по милости короля, что он был феодалом (богатым землевладельцем), который не выходил за пределы мелких землевладельческих интересов, о народе и крае не заботился, грабил соседей, т. е. других феодалов, и заводил с ними споры и т. п. Так писал о Федоре Кориатовиче историк А. Л. Петров.

В виду таких противоречивых мнений историков, посмотрим, чем был на самом деле князь Федор Кориатович,и какое значение он имел в истории нашего народа и края.

Прежде всего нужно сказать об его имени и происхождении. У нас обыкновенно называли его Федор Кориатович (с ударением на -о-), как будто это семейное прозвище или фамилия западнорусского типа. На самом деле Федор имел отца Кориата, литовского князя, которому принадлежал Новгородок Литовский недалеко от Вильны, тогдашней столицы Литовского великого княжества. Этот Кориат был Литовец, и имя имел литовское. Следовательно, Федор назывался Кориатовичем по отцу (с ударением на -а-), как называли по отцу и других князей по древнерусскому обычаю; т. е. это было его отчество. Сам Федор был христианин восточного обряда, литовско-русский князь, подобно другим ли-

товским князьям, которые, принявши „русскую веру" и воспитавшись соответственно традициям древнерусской культуры, сами чувствовали себя в родстве с Русью и говорили по-русски.

Спорным является первое время жизни и деятельности князя Федора. У него было несколько братьев, которые из отцовского княжения все разошлись, ибо там нечего было делать: Юрий ушел в Молдавию, Александр княжил сперва в Володимире Волынском как подручник польского короля Казимира, который после взятия Галича (в 1349 г.) там распоряжался. После смерти Казимира (1370 г.) Александр перешел в Подолье, куда его переместил угорский король Людвик I, управлявший Польшею после Казимира. После смерти Александра Кориатовича (1390 г.), Подольем управлял его брат Федор Кориатович, которого поставил туда как своего наместника преемник Людовика на угорском троне, Сигиз мунд. О четвертом брате, Василии Кориатовиче, известно вообще лишь из угорских источников (из грамоты короля Сигизмунда 1398 года); он, следовательно, тоже был на угорских службах, как старший Александр и младший Федор. Потому является невероятным предположение историка Петрова о том, якобы Федор оставался в отцовском Новгородке Литовском до 1389 года, а наоборот, заслуживает доверия известие польских летописцев о том, что он был из отцовского удела изгнан литовским великим князем Ольгердом. Это могло случиться вскоре после смерти отца, умершего после 1358 года; в этом году он еще жил, о чем свидительствует его подпись на договоре 1358 года с мазовецкими князьями (как на это указал польский историк Стадницкий в своем сочинении „Synowic Gedymina"). Сестра Федора, Анна, тоже оставила родной Новгородок и воспитывалась у своей тетки королевы Елизаветы, матери Людовика I, при угорском дворе, где была потом выдана замуж за короля чешского и императора Карла IV (в 1353 г.); от них родился сын Сигизмунд, позднейший угорский король. Из этого видно, что у семейства Кориата были совершенно определенные, прочные связи с угорским двором с половины XIV столетия. О Федоре до 1390 года, т. е. до его действования в Подолье, польские источники молчат, а потому несомненно, что находился он тогда на Угорщине, где уже прежде жила его сестра, и откуда он, в указанном году, вместе с братом Василием был отправлен для управления в Подолье. В Подолье находился в сопровождении южнокарпатцев, своих приближенных (familiare), как по латыни сказано в грамотах, какими являлись Станислав Должанский (De Dolha) и его братья Иван, Петро, Георгий и Богдан; его сопровождали туда также отряды из мороморышских Волохов (как читаем в королевских грамотах 1393, 1395, 1411, 1384 годов). Этим подтверждается, что князь Федор Кориатович, как и его брат Василий, прибыли в Подолье из древней Угорской Руси.

До какой же степени неверно представлял весь этот вопрос упомянутый историк Петров, который сделал из Федора „само-

стоятельного подольского князя", впервые прибывшего к нам, в древнюю Угорскую Русь, будто бы в 1383 году и „охотно, на всякий случай" припятого королем Сигизмундом. Притом соответственно и Станислав Должанский и его братья (из села Долгого в долине реки Боржавы), сопровождавшие Федора в Подолье, оказались, под пером Петрова, какими-то „чужими пришельцами", Литовцами или Подолянами, которые будто-бы сюда прибыли с Федором с Подолья.

Посмотрим теперь, в каком виде представляются остальные исторические известия о Федоре и о его деятельности у нас. Действительно ли он, когда владел Мукачевом, только „спорил и дрался" с „соседними помещиками", ибо сам „был только помещиком", и ничего значительного для древней Угорской Руси не сделал, как изображает Петров? Прежде всего нужно сказать, что в феодальное время главным и самым богатым феодалом (землевладельцем) был король, феодалами были и его помощники — магнаты и прочие феодалы, стоявшие во главе государства: феодалом был и Федор Котиатович. Историк Петров умалчивает о близком родстве Федора с королем Сигизмундом, который, являясь, как уже сказано, сыном Карла IV и Анны, сестры князя Федора, приходился ему племянником. При угорском королевском дворе Федор был свой человек, член семьи, и как таковой не нуждался в королевской грамоте о пожаловании земель (ибо члены королевского дома таких грамот не получали). Потому такой грамоты на владение Мукачевом нет за время до подольской экспедиции Федора как ее нет и за последующее время. А если грамоты, касающиеся Мукачева и прилегающего к нему края, подписаны королевой Марией (позднейшей женой Сигизмунда), то королевой в полном смысле она оставалась и потом, Сигизмунд же занимался военными делами. В пользу короля Сигизмунда князь Федор выступил дважды с вооруженною силою, когда угорские и хорватские феодалы хотели свергнуть Сигизмунда, выдвигая против него ставленников и вассалов римского папы. Первый раз это случилось в 1386-1387 годах, когда сторонники Карла Анжуйского заключили в одном из замков Славонии жену Сигизмунда, королеву Марию; вторично — в 1401 году, когда восставшие паны заточили в Вышеграде самого Сигизмунда, и в особенности, в 1402-1404 г., во время феодальных боев, когда булла папы Бонифатия призывала к свержению Сигизмунда и признанию упомянутого папского ставленника и вассала Владислава, который уже и прибыл в Далматию и был коронован папским легатом. Против Сигизмунда выступили все римско-католические епископы во главе своих вооруженных отрядов, в том числе и Ягерский латинский епископ, епархия которого для римских католиков простиралась на древнюю Угорскую Русь и Семиградье. Тут к сторонникам римского ставленника присоединился и мороморышский воевода Балица. И лишь князю Федору, который „под своим стягом" (sub suo vexillo) соединил против римско-католических епископов и

прочих восставших панов-феодалов южнокарпаторусский народ, удалось „оказать отпор противникам" Сигизмунда и спасти положение (как говорится о том в грамоте короля Сигизмунда 1404 года). Причина, почему Федор Кориатович выступил против восставших феодалов во главе с римско-католическими епископами, была двоякая. Прежде всего, в случае их победы чрезвычайно усилилось бы влияние Рима и римского папы в Угорщине и создалась бы серьезная угроза для древней Угорской Руси: грозила бы уния — церковное подчинение римскому папе, ликвидация Восточной церкви. Вместе с тем пощатнулось бы принадлежавшее древней Угорской Руси особое положение в рамках угорской державы, которое Федор Кориатович, как литовско-русский князь, сроднившийся с ее жизнью и традициями, хотел сохранить. А что такое особое положение действительно существовало, видно из того, что князь Федор имел тут своих предшественников, а после своей смерти (в 1414 году) своих преемников. Это были: Ростислав Михайлович (Черниговский князь, бежавший во время татарского нашествия в Угорщину и ставший зятем короля Белы IV (умер в 1263 г.), Лев Данилович (галицкий князь, другой зять Белы IV, державший в Мукачеве своего чиновника, officialis Григория, умер в 1301 г.), после чего во время борьбы против Карла Роберта (из новой Анжуйской династии) выдвигался на угорской престол с нашей стороны галицкий князь Юрий Львович, войска которого помогали руководившему восстанием жупану Петру Петровичу (1316-1320). И при Анжуйской династии, при Людовике I опять оказался тут литовско-русский князь Федор Кориатович, а после него, когда Галич был уже в руках Польши (1349), а Юго-западная Русь под властью Литвы, преемниками князя Федора оказались Сербы — Стефан Лазаревич, а потом Георгий Браннович (до 1429 сидевший в Мукачеве). Уже с самого начала постепенного (частичного) присоединения к угорской державе, включенные части составляли особую пограничную область („марку русскую" Marchia Ruthenorum), во главе которой стоял воевода (ср. при Стефане I Dux Ruizorum 1031 года), обыкновенно сын короля (наследник престола). Князь Федор во главе своего народа очистил Угорскую Русь от вооруженных отрядов Ягерского епископа де Ладан и мороморышского воеводы Балицы и решительными действиями помог остановить поднятую феодалами гражданскую войну. Отмечая то, Сигизмунд в грамоте 1404 года выражается о Федоре в самых лестных словах благодарности, называя его „нашим и верным дядей (avungulinostri), светлейшим государем (princeps), господином Федором, князем подольским". Князь Федор участвовал следовательно, в важных политических событиях своего времени, значение которых выходило за пределы нашего края и которые совершались в рамках феодальной Угорщины. Воевода Балица, о котором в грамоте Сигизмунда идет речь как об отпавшем, — это тот самый мороморышский (волошский) воевода, который вместе с своим братом Драгом известен из исто-

рии Грушевского монастыря и основанного ими обоими Грушевского экзархата (в 1391 году). [1])

Были и самовольные, насильственные действия Федора Кориатовича, из которых можно упомянуть о захвате Гуменного и нижнего Земплина из рук чужеземных феодалов, Италианцев Другетов. Владел Федор и Маковицей, как отмечают мадьярские историки, а также Мороморышем после упомянутой феодальной войны и борьбы против воеводы Балицы, о чем имеется достаточное число королевских и других грамот, т. е. большая часть древней Угорской Руси была в его руках. Как феодал, владевший обширными земельными пространствами в южном Прикарпатье, Федор Кориатович заботился об их заселении нашим народом путем внутреннего расселения на новых местах. В Мороморыше помогали ему в этом его упомянутые приближенные, Станислав Должанский с братьями (как это видно из грамот). Заботился он и о городе Мукачеве, принадлежавшем к его замку. Этому городу он подарил леса, находящиеся до сих пор в городском владении; часть этих лесов (близ села Пистрялова) до сих пор носит древнерусское название Болоня (по древнерусски болонье „низкое место у реки, укрепление близ города").

Наконец, нужно упомянуть, что ктитором (фундатором) Чернечьей Горы обыкновенно считается Федор, как положивший основу материального благополучия этого культурного центра Угорской Руси того времени. Чернечья Гора, как показывает это древнейшее название, существовала уже прежде, а потому неправда, что князь Федор был ее основателем. Потому и вопрос о подложности дарственной грамоты Федора Кориатовича этому монастырю, раздутый до невероятности Петровым, не имеет никакого значения. Гораздо важнее следующее: древнерусскому населению южных склонов Карпатских гор князь Фдор (умерший в 1414 году) обеспечил господствующее положение в церковных делах своего края, которое сохранялось до конца XV столетия. Это видно из того, что римские католики в Мукачеве платили десятину в пользу кафедрального монастыря на Чернечьей Горе до 1493 года, т. е. в течение почти целого столе-

---

[1]) Когда Казимир, захвативши в 1349 году Галич, добился в 1370 отделения Галича от Киевской митрополии и основания особой митрополии Галицкой (из четырех русских епархий: Галицкой, Перемышльской, Володимиро-Волынской и Луцкой, а также Молдавии и Угорской Руси), Константинопольский патриарх, не доверявший Польше назначил попечителями новой митрополии мороморышских воевод Балицу и Драга. В 1391 году была выделена из Галицкой митрополии, по настоянию Балицы и Драга юго-восточная часть Угорской Руси в самостоятельный Грушевский экзархат, непосредственно подчиненный патриарху Константинопольскому, причем экзархом был назначен игумен древнего Грушевского монастыря в Мороморыше.

тия после Федора. Об этом, говорится в грамоте Ивана Корвина 1493 года, где читаем о том, как после его приезда в Мукачево пришли к нему римско-католический плебан со своими верующими латинского обряда с жалобой и требованием, чтобы они не должны платить десятину „схизматикам", т. е. в пользу Восточной церкви.[2]) Это было тоже последствием упомянутого выше вооруженного выступления Федора Кориатовича против римско-католических епископов и других феодалов, сторонников папского ставленника и вассала из Италии.

Князь Федор является, следовательно, видным историческим деятелем нашого прошлого, который заслуживает подробного изучения.

Проф. Г. Ю. Геровский

ВОССТАНИЕ НАШЕГО НАРОДА В 1703 ГОДУ

Среди восстаний,какие наш народ подымал против своих угнетателей, т. е. против Габсбургов и феодальной системы немецко-австрийского типа, восстание 1703-1711 года пользуется наибольшей известностью. Это потому, что умолчать о нем в нашей односторонне писавшейся истории было невозможно, причем мадьярская историография старалась придать ему истолкование в мадьярском смысле, представляя его попыткою к восстановлению независимости феодальной Угорщины и провозглашая вождя этого восстания мадьярским национальным героем. Очень жаль, если это мадьярское официальное истолкование, историческая правдивость которого оспаривается и некоторыми мадьярскими историками (например историком Секфю), стало повторяться бескритично легкомысленно, отчасти и у нас. Следует предостеречь перед подобными ошибками в изображении нашего прошлого, какою бы доброй волей ни руководствовались их авторы. Что это восстание было наше, а не чужое — по составу участников и по мыслям и стремлениям, какие лежали в основе его, — об этом свидетельствуют современные восстанию документальные данные.

Как возникло восстание 1703 года? Начало его находилось в связи с тем брожением и всеобщим недовольством среди нашего селянства, которое не прекращалось после восстания 1697 года, кончившегося неудачею. Взятие двух замков нашими селянами

[2]) Для сравнения нужно упомянуть, что в то же самое время Румуны в юго-восточной Угорщине, тоже восточного обряда, платили десятину в пользу латинской церкви (как установлено новейшими мадьярскими историками).

(Шаришско-Потоцкого), разгром сельского войска и бесчеловечное наказание сдавшихся в замках на цесарское слово — являлись событиями немаловажными, весть о которых облетела всю нашу родину.

Можно себе представить, какие чувства и стремления эта неблагополучная весть будила в сердцах наших предков. Достаточно было маленькой искорки в удобный момент, чтобы пожар опять разгорелся. Весь народ дышал мщением. Матери пели колыбельные песни о тяжелых кривдах под феодальным гнетом, рассказывали предания о диком, жестоком своевольи панов, примером чего может служить песня о Белой Маковице. Со стороны цесаря невыносимость гнета состояла в том, что весь наш край находился под военным управлением цесарских генералов, большею частью итальянцев, занимавших своими войсками все замки и распоряжавшихся населением при помощи грубых солдат, действовавших путем вымогательств и насилования жен тех людей, которые считались должниками или ослушниками. Крайнее напряжение усуглублялось еще тем, что Габсбурги наряду с подавлением реформации (лютеранства и кальвинизма) при помощи насильственных мер противореформации, —считали нужным прекратить и церковную организацию восточного (греческого) православного обряда, существовавщую у нас под названием Мукачевской епархии и стоявшую в стороне от кровавой борьбы обоих западных вероисповеданий. Все сроки и возможности этого напряжения созрели, когда, в связи с начавшейся переброской цесарских войск в Италию, появился в восточной части южнокарпаторусского края повстанческий сельский отряд.

Этот отряд, в составе около 6.000 человек, не нападал на замки, где находились скрывшиеся в них гарнизоны, как то было в 1697 году, а наоборот, держал себя в стороне от них, вблизи сел, собирая силы, которые со дня на день росли при общем сочувствии всего населения. В нетерпении, которое овладевало повстанцами, отряд перестал сохранять спокойствие, нападая на происходившие в том или ином месте собрания угорской шляхты или на проезжавших вблизи, отдельных панов. Всеми владела жажда воспользоваться положением для переворота, как вспомнает о том Франц Раковци в своей „Исповеди". Он понимал и разделял стремления народа, ибо пострадавши от Габсбургов с малолетства и скрываясь в Польше после того, как ускользнул из их кровавых рук (т. е. из тюрьмы в Винер-Нейштадте), сам принадлежал к числу недовольных.

Сельское же войско, находившееся в выжидательном положении и лишенное военного руководства, подумывало о том, как бы приобрести для себя знающего военное дело человека, чтобы не повторить ошибки восстания 1697 года, кончившегося неудачей. Таким человеком считался Франц Раковци, судьба которого создала чрезвычайную ему популярность среди населения бывшей Угорской Руси. Были отправлены люди в Польшу и на под-

властную ей Русь, чтобы найти его, о чем сам Раковци подробно рассказывает в своих воспоминаниях. „Когда они узнали меня по беседе (Франц Раковци знал лишь латинский, чешский язык и наш южно-карпатский говор), они плакали от радости, всхлипывали, тронутые до глубины души, и припадая, приветствовали меня заикающейся речью; потом попросили топор, раскололи палки, которые имели в руках по сельскому обычаю, и вынули оттуда письма, подтверждавшие цель их отправки".

Раковци долго не соглашался принять военное руководство восстанием, колебался и отказывался, ибо считал безнадежным начинать дело с кучкой людей, вооруженных косами, копьями, дубинами и лишь отчасти ружьями (рушницами). Что с ними можно было сделать против хорошо обученных, испытанных в боях, отлично вооруженных цесарских войск, под началом опытных генералов? Однако, победила жалость к восставшему угнетенному народу, который он искренно любил, и он решился итти к ним, чтобы в их борьбе, рука об руку с ними спасать то, что можно было спасти, „поддержать мысль о свободе, чтобы она не умерла".

Я нарочно подробнее остановился на начале восстания, чтобы стало ясно, как оно возникло и кто его начал. Узнавши через посланное доверенное лицо о положении в крае, Раковци бесповоротно решился на этот шаг, не изменил решения и после того, как был извещен о поражении сельского войска у села Долгого на Боржаве. Беззаботно расположившееся для отдыха, отягченное вином, без расставленных для охраны сторожевых отделов, как того требует военный обычай, сельское войско было застигнуто врасплох подоспевшим цесарским отрядом. Из оставшихся после сражения 2000 большая часть распылилась, и лишь 500 пеших и 50 конных встретили Франца Раковци в июне 1703 года у польской границы в северно-карпаторусском селе Климец.

Дело восстания было спасено смелостью и решимостью. Ничтожная горсточка людей со своим народным полководцем, под флагами с надписью „за свободу", направлялись от границ прямо к городу Мукачеву, с его знаменитым замком, в то время наново отстроенным по последнему слову тогдашней фортификации, причем по пути, в южнокарпатских селах, сельское войско возрастало в числе с каждым шагом. Мукачево удалось занять лишь на два дня (24 июня 1703 года), ибо в город прискакали для его защиты от народного войска две сотни кирассиров цесарского генерала, итальянцы Монтекукколи, которые подожгли город, ограбили жителей и свирепствовали в монастыре на Чернечьей Горе. Сельское же войско отошло к Завадке на Закарпатьи, пополняясь новыми людьми, а оттуда направилось мимо Мукачева к Тисе. Мукачевский замок сдался восставшим 16 февраля 1704 года.

В течение недолгого времени отряд восставших возрос до 75.000 человек. Как в начале восстания, так и в позднейшие годы

освободительной войны это войско состояло из южнокарпаторусского народа. Это засвидетельствовано современными документами. Так, например, в 1708 году Петроний Каминский писал из Мукачевского монастыря Перемышльскому епископу Георгию Винницкому: „Exercitus praesetim pedestris totus Ruthenus" („войско, в особенности пешее, целиком русское"). И понятно, что восстание в первые годы, при таком составе, сохраняло вполне народный характер во всех своих проявлениях. После первого же занятия Мукачева епископ Декамелис, грек по народности и ставленник Вены, присланный из Рима, принужден был бежать в Новую Весь у Пряшева, ибо народ ему ставил в вину жестокости и насилия, которыми Вена пользовалась для искоренения восточной церковности. Мукачевскою епархией распоряжался православный епископ из Мороморыша Йосиф Стойка. Сам Раковци, хотя римский католик, нисколько не мешал полной свободе веры, стараясь лишь сгладить и примирить резкости. Сохранился и социальный характер восстания, — до тех пор, пока Раковци не оказался втянутым в „общевенгерские интересы" примкнувших к нему богатых феодалов-магнатов, желавших использовать наше народное восстание для своих сословных целей против Габсбургов и для восстановления так называемых свобод угорской короны, т. е. прежнего угорского феодализма с новой выгодой для себя. Этими посторонними целями, вызвавшими всеобщее охлаждение, и был собственно положен конец здоровому развитию восстания, с той поры пошедшему на убыль, и началось разложение, которое повело к поражению. Сговорившиеся с Габсбургами угорские магнаты изменили восстанию и сдавали замки один за другим цесарским генералам.

В своем начале, по составу и первоначальной идее это восстание было самостоятельным восстанием карпатороссов. Сатмарский мир 1711 года завершил восстание новым, еще худшим закрепощением нашего народа.

Ю. Ставровский

К УГРОРУССКИМ

Карпатская Русь, зачем коснеешь полумертва?
Как обреченная закланью жертва?
В тебе угасла страсть и стынет в жилах кровь,
И на лице твоем уж бледность мертвецов.
Уж чада все твои глубоким сном заснули
И в луже лености бездонной потонули.
О Русь несчастная! скажу тебе в укор:
Так жить, как ты живешь — и мерзость и позор!
С прискорбием души спешу я изъявить,
Что эта полусмерть и грех, и срам и стыд!
Любить родной язык, любить родную кровь
Законы не претят, не возбраняет штык.
Но требует сего вселенной Вседержитель,
Беспристрастный всех народностей любитель.
О, русский мой народ! пред Ним ты виноват,
Пред Ним ты должен раз за грех свой отвечать.
Твой раболепный дух, твой низкий эгоизм
Уж скоро подорвут твою народну жизнь.
Ты сам предатель свой, ты сам свой кровопийца,
Ты сам свой живодер, палач, самоубийца.
Увы, увы, стыдись же, хилый угрорусс!
Ты не потомок львов, ты словно заяц, трус!
Красней же от стыда и скоро пробуждайся,
Из лужи лености поспешно выбирайся,
К родному, к русскому воспламеней любовью,
Забвенный твой язык охотно изучай!
Ему, как первому развития условью,
И словом и пером усердно прилежай.
Тогда исчезнет тьмя, тогда науки свет
В карпатских областях опять распространится.
И прадедный Бескид, который с многих лет
Оплакивал тебя, опять развеселится.
И будешь вновь народ, достойный жизни,
Полезный гражданин святой своей отчизны.
Тогда и Царь Небес простит тебе твой грех,
Тогда исчезнет вновь упрек врагов и смех,
И жуть стыда покроет подвигов народных слава,
И честь родного языка, степенность нрава — восстановится вновь.
Итак, вставай от сна, вставай, мертвец карпатский.
Проснись! и руки к делу протяни.
Глянь, синих гор вершины зовут тебя.
Трудись без отдыха на поприще науки,
С надеждой устремляя в небеса твой взор,
И славно будешь жить среди карпатских гор.

ГЛАВА II

Илья И. Терех

ВЕРА НАШИХ ПРЕДКОВ ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

Каков народ, такова его мифология.

В глубокой древности божества славян представлялись двуполыми существами. Он и она — вместе: ладо и лада. Всякое божество в одном лице представляло собою пару. Женская половина в нем преобладала и ставилась впереди, что как бы свидетельствовало о том, что матриархат был перенесен с земли на небо. Своим божествам славяне обычно давали женские имена. Вот почему женских имен богов сохранилось больше, чем мужских: Зима-Коструб, Осень-Озимь, Ярь-Ярило, Лето-Купало, Лада-Велес, Хмара-Перун, Дана-Дан, Жива-Жив, Радоница-Рад, Сива-Сив, и т. д.

Слово „Сварог" языковеды производят от санскритского свар — небо. Таким же образом пытаются пояснить и слова Дажь-Бог, Перун, Велес. Но все эти названия богов имеют несомненно славянские корни. Если **свар** обозначает небо, то что значит **ог**? Не обозначает ли **сва** — вся? Это прилагательное или местоимение сохранилось до сих пор в сербском языке: сав, сва, све — весь, вся, все. Если так, то получается: **вся-рог.** Слово **рог** в древности, как еще и ныне, тождественно с понятием мощи, силы, крепости. (Были роги, да обломали боги). Таким образом **Сварог** значило бы — **всесила.** Женский род **сва,** в предпочтение мужскому **сав** (сварог). Перун происходит несомненно от глагола **прать,**[1]) то есть бить, сохранившегося в южно-русском и некоторых северно-русских наречиях в значении **бить праником белье на реке. Выперу тебе** значит, **выпорю тебя (здорово).** И в древне-славянском языке находим это слово в подобном значении: „Не возможно и ослу против рожна прати". В древних памятниках встречаются слова **Дажь-бог и Даждь-бог. Дажь** в санскритском — прилагательное от **даг** — день, свет и потому ученые говорят, что Дажь-бог значит: светлый, дневной бог. Судя по припевам к обрядным песням: „Ой Дай-боже", правописание Даждь-бог, в смысле бога-подателя, более правильно, а само слово в корню славянское.

Славяне поклонялись только одному Богу, едину Богу-Твор-

---

[1]) Прать — стирать, выминая, колотить вальком, кичигой, пральником. Обрете жену, перущу ризы (Словарь Даля).

цу, которого называли разными именами: Сварог, Род, Один, Световид, Светозар, Владимир, Троян и др. Световида представляли себе с четырмья лицами, с восмью глазами и восмью ушами, т. е. всевидящим, и всеведом. Ему одному молились и его одного величали богом, боженькой, всемогущим и творцом. Сохранившиеся припевы — „С и я й, сияй, боже! Благослови детей своих! Славен еси, наш милый боже!" и др., говорились и пелись только этому одному богу. Его считали непонятным, далеким, недоступным, невидимым и недосягаемым. Вот почему поклонялись ему в его проявлениях в природе.

Эти отдельные проявления Сварога в природе олицетворялись, им давались особые имена. В молнии — огне Сварог был Перуном, в свете-тепле — солнцем Даждь богом, в воздухе-ветре — Стрибогом, в весеннем плодоносном и зарождающемся солнце — Ярилом, в летнем — Купалом, и т. д. С течением времени эти проявления обособлялись и они с отдельными именами и присущими им качествами превратились как бы в особые божественные существа, в детей Сварога и величались сварожичами: Огонь — сварожич, Даждь-бог сварожич. Они, однако, не были богами, а прибогами, не были творцами, а просто работниками, служками Сварога, исполнявшими в Белом Свете возложенные Сварогом на них работы: Перун опоясывал землю молнией для урожая, Даждь-бог освещал и обогревал ее и т. д.

Сварожичи были ближе человеку, чем недосягаемый, неизъяснимый творец — Сварог. Поэтому и создалось у славян верование, что Сварог, заботясь о всем мире, передал правление Белым Светом своим детям, сварожичам.

Славяне выработали богатый цикл — годичный круг — праздников: весенних, летних, осенних и зимних. Праздники эти были обставлены богатейшими обрядами, состоявшими из молитв, гаданий и жертвоприношений.

Славяне, по своей природе, самый нравственный, добрейший и самый веселый народ в мире, представляли себе такими же и своего бога, или богов. Поэтому все праздники были не только днями молитвы, но и забавы и веселья. Пиры, спорт всякого рода, игра на инструментах, пение песен, которым удивляется до сих пор весь мир, танцы и хороводы, которые по их затейливости можно сравнить разве только с нынешними програмными балетными танцами, — пронизывали насквозь светлую красоту праздников.

Надо отметить, что слова: бог, дух, душа, небо, рай, пекло-ад, черт, бес, добро, зло, грех, совесть и мн. другие существовали у наших предков задолго до рождества Христова.

В отличение от других народов Европы, славяне в древнейшие времена не знали жрецов и не имели храмов, так как считали храмом Господним весь мир.

Праздники продолжались обыкновенно несколько дней. Поэтому собирались около воды — мыи, дона или дуная, т. е. реки,

а если таковой по близости не было, то у текущего источника, и в месте, где были деревья для защиты от солнца и дождей, и где было достаточно свободного места для игр, т. е., в какой-нибудь красивой роще (гае) с большими тенистыми деревьями, предпочтительнее дубами, которые по причине своей величины и мощи считались деревьями Перуна. Эти рощи-гаи назывались боголесами. В них горел Перунов костер — неугасимый огонь — (соботка) который вечно поддерживался принадлежавшими к роще-храму окружными поселениями с помощью особой стражи, выделяемой поочередно дворами поселенцев. Огонь и воду считали славяне бесценными дарами Бога и называли их очистительными. Отсюда купание и прыгание через огонь ради очищения. Знали они и тайны очищения — переход босыми ногами через Перунов костер без всякого повреждения, как это еще и ныне происходит в Болгарии в праздник Константина. Вряд ли можно соглашаться с теми, которые из обстоятельства, что славяне собирались у костра (огня), воды и деревьев, утверждают, что славяне поклонялись огню, воде и деревьям. Особенно нельзя верить в этом отношении сохранившимся древним письменным памятникам, писанным фанатическими монахами, которые, ради искоренения язычества, в доносах к князьям, а потом к царям нарочно искажали смысл обрядов, а то и выдумывали разные гадости, вплоть до Ярилиных Ночей. Костер был ничто иное, как часть обряда (ныне свечи, лампады), да без него нельзя было обойтись. На нем приносили жертвы (человеческих жертв славяне не знали), на нем же и жарили животных, приготовляли блюда для общих пиров. Обычай таких общих пиров сохранялся на Руси и по принятию христианства, когда после службы праздничной убивали купленное на общие деньги животное и пировали, пригласив на пир и священника. Вода служила для питья и купанья, а деревья — для защиты от плохой погоды. Славяне молились, исполняли обряды и забавлялись миром, все месте. В дальнейшем, по появлении служителей,народ чтил истинных справедливых и мудрых волхвов, но не любил и боялся лжеслужителей, считая их злыми колдунами. Злых колдунов было, повидимому, немало. Встреча с колдуном считалась злым предзнаменованием. Оттуда и пошло, что даже и в наше время суеверные люди боятся встречи с монахом. Свои религиозные обряды славяне чрезвычайно любили. Остатками их заполнены все наши христианские праздники.

Все высокочтимое и небесных богов славяне величали **дедами**: Дед Бескид, Дед Днестр, Дед Перун, Дед Ладо, и т. д. Земных божков, созданных Сварогом, вместе с людьми и прочими тварями, но без плоти, называли **дедьками, белунами**, которых почему-то некоторые считают душами предков. Часть дедьков взбунтовалась против бога и бунтовщики в наказание почернели и уподобились чертям. Они пакостят людям на земле. Не взбунтовавшаяся часть, — белые **дедьки-белуны** дальше опекают людей и помогают им, как и до грехопадения.

Славянские до-христианские праздники включали в себя и поклонение этим белобожкам — белым дедькам (русалки, водяные, полевые и лесные духи). Богини величались **бабами, бабочками.** После принятия христианства и деды и дедьки были включены в число бесов — чертей. Ради скорейшего искоренения язычества, народ убеждали в том, что Перун и Лесовик и др. — это все вредные злые духи. И любимые и чтимые раньше боги и божки стали ненавидимыми и ими клянут теперь: Ах, ты черный дедько! Чтоб тебя Перун убил!

Много древних до-христианских обращений к Богу и обрядов остались и поныне, конечно, с заменой языческих имен и языческих божеств именами христианскими. Песни обрядные с припевами „Ой, Ладо", „Ой Дед Ладо", „Ой Люли", „Ой Дай-боже" пелись и поются еще и ныне.

Гаданья были связаны почти с каждым праздником. Следы их остались по нынешние дни. Способов гадания было множество. Выливали воск или свинец в воду, считали колья в плетне —молодец-вдовец, любит — не любит и т. д.), гадали по лаю собаки, по цветам, по росе, по солнцу, по тучам, звездам и т. д., гадали о судьбе и о будущих событиях.

Жертвоприношения состояли из тканей, цветов, плодов и животных. Так как у славян, кроме балтийских, не было жрецов, то все жертвоприношения, после молитв, забирались или съедались „жрящими", т. е. жертвоприносившими. В осенний праздник Перуна (около зимнего Николая) все шли в боголесье с красными петухами (петух — птица Перуна). После молитв их резали, кровь возливали на костер, головки вешали на сучках, а мясо съедали. Первого теленка жертвовали Велесу. Голову вешали на дерево, а мясо съедали. Еще надавно на Лемковщине, в Галичине всякий двор отдавал священнику в день зимнего Николая петуха и первого теленка. Хотя до-христианские сварожичи были уничтожены, или зачислены в бесов, но приношения им не уничтожались, — их принимали священнослужители христианской церкви. Яйца, пшеница, ячмень, овес, пучек конопли или льна на свечах (в Рожд. и Иордань), хлебы (Василий и Маланка — Велес и Лада) и связки чеснока также шли священнику. Многие существующие приношения церкви и священнику — это следы жертвоприношений в далеком прошлом. Ладины блюда, т. е. блюда из растений, которые опекала Лада, съедались в сочельник в Святой Вечер) жертвоприносящими, только частица от каждого блюда давалась „Деду" — снопу в углу — и „Бабе" — связке соломы на полу. Василевы (Велесовы) блюда, т. е. блюда из мяса животных, которых опекал Велес, съедались на следующий день, в день рождения Даждь-бога. Куски тканей, платки, кольца и т. п. вешались женщинами на ветвях деревьев в боголесьях в приношение Ладе, Живе, и др. богиням, как еще и ныне продолжают вешать подобные дарения на иконах Богоматери.

ГЛАВА III

БРЕСТСКАЯ УНИЯ

Заботы Рима о привлечении западно-руссов в ограду костела, желание польского правительства изолировать своих православных подданных от тяготения к Москве, как духовному центру, и создать религиозное единство в польско-литовском государстве — Стефану Баторию было известно, что во время войн его с Московским государством, православное население русских земель, принадлежащих Польше, молилось о даровании побед Москве, — усиленные, хотя и незримые интриги иезуитов, наконец, плачевное состояние православной церкви в иноверном государстве, побудившее некоторых из православных западно-русских епископов из-за личных выгод искать соединения с Римом — все эти обстоятельства, вместе взятые, сделали Брестскую церковную унию неизбежной.

А. А. Савич в своей талантливой и строго научно обоснованной статье „Западно-русские Униатские Школы 17-18 вв.", напечатанной в Сборнике Трудов Государственного Белорусского Университета в Минске" 1922 г., пишет: „Хотя церковная уния в Западной Руси стала историческим фактом лишь в самом конце 16-го века, однако церковно-политические горизонты там не были чистыми и до 1596 г. Стрелка барометра предвещала бурю, и чуткий слух тех, коим дороги были интересы православной веры, мог улавливать в нежной папской заботе о православных западноруссах и в иезуитских проектах о просвещении шорох крадущегося вора. Чем ловушка незаметнее, тем она коварнее. Хотя искусно замаскированные проекты Рима не всегда выдавали тотчас свою подлинную цель, однако зловещие раскаты грома указывали на близость грозы".

Уния была бедствием как для русского, так и для польского населения: она повлекла за собой ожесточенную борьбу в семье одного и того же западно-русского народа, а в поляках развила безудержный, слепой фанатизм, исказивший их оптику и помешавший им, несмотря на все благоприятные для них обстоятельства, устроить на разумных началах свою историческую жизнь.

Униатская церковь сразу же по введении унии попала в трагическое положение. Она отличала себя от церкви римско-католической, поскольку она все же была проникнута духом и тра-

дициями Востока, но в то же время она должна была порвать с православными, которые ненавидели унию, как поругание отечественного восточного православия и знамя притеснений и страданий. Униаты почувствовали свою обособленность когда, с одной стороны, на них обрушилась устная и письменная православная полемика, а с другой стороны иезуиты стали далеко не двусмысленно заявлять о превосходстве латинского обряда над восточным. „Как искусно замаскированная подставная полу-мера, уже по самому существу своему обреченная на временное лишь существование, уния переживала жалкую, превратную и полную тяжких духовных страданий судьбу в течение двух с половиной веков. Она должна была вести борьбу с православием и в то же время отстаивать свою самобытность от латинства. С этим последним противником, который в течение продолжительного времени медленно пожирал ее, униатская церковь по своей идее должна была находится как во внутреннем догматическом единстве, так и во внешней иерархической зависимости". Здесь выступало противоречие с основной идеей унии. Уния есть единение, а единение чем полнее, тем совершеннее. Посему униатская церковь в конце концов должна была ассимилироваться с римским костёлом.

О том, какие беды принесла уния православному западнорусскому населению, мы имеем беспристрастное свидетельство одного польского писателя 18-го века: „Городская власть, — пишет он, — не думала об урегулировании и примирении партий, но только о помощи униатам и иезуитам,производящим совращения и мятеж. У православных отнимались церкви, подвергались нападениям соборы и типографии. Молодежь католическая, воспитанная иезуитами, преследовала иноверцев по улицам и домам; непрестанно происходили схватки и кровавые диспуты. Вся литература того времени посвящена религиозной полемике, не столько догматического, сколько пасквильного характера, и была полна аргументами ad hominem. Исторические данные в доказательство того или иного положения приводились в искаженном виде. Ужас охватывает, когда приходится читать это, и жаль становится не одной сильной личности и незаурядных талантов, которые в этой борьбе потратили свои силы, стоящия лучшего применения". Z. I. Kraszewskiego — Wilno od początkow do roku 1750. T. I, p. 321.

Притеснения православных дошли до того, что у них не осталось ни одной приходской церкви. Но православное братство при св. Троицком монастыре решительно противилось унии. Его церковью во имя св. Духа был единственный православный храм в Вильне. В этом храме в 1598 г. православные собирались встретить Пасху. В великую субботу толпа нафанатизированных студентов местной иезуитской коллегии, в количестве 50 человек с ксендзом Гелиашевичем во главе, ворвались в братский двор, где находилась братская школа и церковь св. Духа. Буйные шко-

ляры ворвались в церковь, где произвели страшные безчинства в алтаре и кощунства над плащаницей.

В самый праздник Пасхи, во время богослужения, они также толпой вошли в церковь и допустили те же безобразия по отношению к святыням храма и издевательства над молящимися. В тот же день, вечером, буйные иезуитские воспитанники в третий раз ворвались в церковь св. Духа, но уже вооруженные. Когда учитель греческого языка обратился к ним с замечанием, они, избив его, выволокли из церкви. Затем, поранив несколько человек, выбежали на улицу и, соединившись с толпой католиков, стали штурмовать братскую школу и принадлежавший братству дом. Были выломаны ворота и железные решетки, повреждены стены, изранена школьная и церковная прислуга. На другой день группа школьников снова сделала разбойничий набег на Троицкую школу.

Старосты братства св. Троицы жаловались на эти безчинства в трибунальный суд. Трибунальный суд не счел себя компетентным разбирать это дело, но постановил передать его в генеральный сейм. Братчики обратились тогда в Виленский городский суд, чтобы по крайней мере суд допросил свидетелей этого насилия над православными для занесения в виленские городские книги. (Акты Виленск. Арх, Комм. 8, №№ 13-15.)

Из всего вышесказанного мы видим, что Троицкое братство и школа не могли долго оставаться в руках православных. Митрополит-ренегат Поцей, убедившись, что привлечь в унию Троицкое братство и школу ему не удастся, заменил православных монахов монахами униатами, а братскую школу превратил в униатскую семинарию. Но дело просвещения от этого не выиграло , а наоборот: архимандрит Сенчило жаловался — „школ своих для науки языка словенского не маемо".

Вот с какими словами обращалось Виленское братство св. Духа к униатам: „Какая духовная польза для нас от гибельной унии? Церкви русские православные по имениям католиков обращены в костелы, униаты в римлян, алтарные места часто обращаются в кухни, корчмы и мусульманския мечети, обряды церковные поносятся, духовенство в невежестве, школы запущены, язык славянский и русский высмеивается, монашество принижено, права духовные попраны. Если бы не было унии, то в дорогом нашем отечестве не было бы смуты, не было бы такого раздора в среде одного и того же народа, богослужение было бы едино, хвала Божия в наших церквах преуспевала бы, школы процветали бы, книги церковные были бы в исправности . . ."

Но не дремали вдохновители и апостолы унии, иезуиты, строго соблюдавшие завет Monito Trirata. Batio studiorum всячески устранять своих соперников в деле обучения народов и одним ведать всем просвещением.

Еще в 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу „О Единстве Церкви Божией и о Греческом от Сего Единства От-

ступлении". Другой знаменитый иезуит Антоний Поссевин усердно хлопотал об унии, утверждая, что только обративши в латинство Западную Россию, возможно будет привести к тому же и Русь Московскую.

Иезуиты, как теперь, так и раньше, обладали изумительным умением овладевать юными душами своих питомцев и внушать им неутолимую, фанатическую ненависть ко всему, что не согласуется с римской догматикой.

Разительным примером такого навождения может служить фанатизм Николая Радзивилла, сына Николая Черного, известного кальвиниста и распространителя кальвинизма в Польше. Перейдя, под влиянием иезуитов, в католичество после смерти отца, он истратил более 5000 червонцев, чтобы скупить и сжечь изданные его отцем библии.

Когда архимандритом Троицкого монастыря был назначен Иосиф Рутский, личность чрезвычайно даровитая и всецело преданная Риму, иезуиты внедрились в Троицкую семинарию и дело просвещения приняло в их руках латинский, враждебный православию характер. До нас дошло сведение о возмутительном насилии, учиненном в Троицком монастыре семинаристами совместно с архимандритом и чернецами, над архимандритом Дубенского монастыря, который, приехав в Вильну, вздумал, по старой памяти, остановиться при церкви св. Духа: он был избит до полу-смерти и претерпел страшные издевательства над своим саном за то, что не согласился принять унию и „благословенства церкви святого восточного отступити".

Одним из архимандритов Троицкого монастыря и ректором семинарии был и знаменитый Иосафат Кунцевич.

УНИЯ И ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ

Духовенство в Польше издавна и всецело было подчинено Риму, которому служило верой и правдой, от него получало слова команды. На родине же оно вознаграждало себя за службу чужим интересам тем, что, запасясь всевозможными льготами и привилегиями, предавалось безпечной жизни, соперничая с магнатами в роскоши, своеволии и интригах.

При духовенстве, которое само стремилось к светской жизни и захвату политики в свои руки, королевская власть стала быстро умаляться. Значение короля, за исключением некоторых выдающихся личностей, как Стефан Баторий и Ян Собесский, было фактически сведено на нет. Обязанности короля ограничивались созыванием сеймов, раздачей должностей и привилегий по указаниям прелатов и магнатов, и назначением ярмарок.

К тому же, после иезуитской обработки католическое духовенство прониклось самым диким фанатизмом и стало предавать-

ся неслыханным насилиям и жестокостям по отношению к православной части населения. Ясно, что это могло только приблизить развал государства.

О страданиях, которые переносило православное население в Польше в 17-ом веке мы узнаем из речи Волынского депутата Лаврентия Древинского, которую он произнес в 1620 г. на сейме в присутствии короля: „В войне Турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа русского греческой веры, того народа, который, если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы вашей? Как может он стараться о доставлении вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов как падаль вывозят; мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем?

Не говоря о других городах, скажу что в Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьму сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты. Простаками и невеждами, из которых иной не знает что такое правосудие, места наполняют в поношение стране русской.

Главная причина зла заключается в том, что ваше королевское величество изволите назначать на высшие саны духовных людей не зная их происхождения. Кто не знает, что теперь епископом Полоцким сын сапожника, сделавший себе шляхетскую фамилию Кунцевич? Перемышльский владыка Шимка — сын пастуха . . . Холмский владыка Покоста сын купца, обвиненный в краже сукна, так что, если бы его не спас монашеский клобук, то давно бы был на висилице. Такая то польза от унии, что за 20 лет не могут поставить униаты кого-нибудь из природного шляхетства в епископы! Вот теперь дали нам в Луцк Почановского, правда, шляхтича, но по летам не достойного не только епископского, но даже и дьяконовского сана: не можем называть его отцом, потому что и 20-ли лет ему нет . . .

Уже 20 лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтобы оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание наше не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: „Суди мя, Боже, и разсуди прю мою".

А вот что писал канцлер Литовский Лев Сапега униатскому епископу Иосафату Кунцевичу, который в своей ярости против

православия отдал приказ вырывать из могил покойников, погребенных по православному обряду, и бросать их на съедение псам:

„Бесспорно (писал Сапега Кунцевичу 12 марта 1622 года), что я сам хлопотал об унии и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мне никогда на мысль не приходило, чтобы вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве неизвестен вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного киевского митрополита) и Смотрицкого и несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба королю подана от Войска Запорожского, чтобы Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а вас и товарищей ваших свергнуть; и на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украины и от всей Руси, а не от нескольких только чернецов! Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. От повиновения козаков больше государству пользы, чем от вашей унии, почему и должны вы соображаться с волею короля и с намерениями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушение ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почесться оскорблением величества. Если бы вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству. Пишете об обращении отщепенцев: надобно стараться об этом обращении, чтоб было едино стадо и един пастырь; но при этом надобно поступать благоразумно, сообразоваться с обстоятельствами времени, как в таком деле, которое зависит от свободного желания, особенно в нашем отечестве, где не прилагается изречение: ПАНУДИ ВНИТИ. Что касатся до опасности жизни вашей, то каждый сам причиною беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудно своему стремлению. Я обязан, говорите вы, последовать епископам. Вы обязаны подражать св. епископам в терпении, благочестии, в показании добрых примеров. Прочтите жития всех благочестивых епископов: не сыщите в них ни жалоб, ни объявлений, ни исков, ни судебных свидетельств. А у вас суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцелярии наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этим не только не утвердится уния, но последний в обществе союз любви расторгнется. Долг мудрого испытать все способы благоразумия прежде, нежели взяться за оружие. Не писать колких писем к начальству, не отвечать с угрозами так, как вы делаете: апостолы и другие святые никогда так не поступали. Говорите, что вольно вам не униатов топить, рубить: нет, заповедь Господня всем мстителям строгое

сделала запрещение, которое и вас касается. Пишете, что на сейме укоряют не только унию, но и все благочестивое римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совести людские, когда запираете церкви, чтоб люди без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали, как неверные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же, по поводу этих беспутств, в народе волнение, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкаете! Поэтому противная сторона и думает, что мы с вами составили заговор для притеснения народной совести и для нарушения общего покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы с нами в унии, которую бы вы и берегли для себя, и в звании, в которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергали бы нас общенародной ненависти, самих же себя опасности и порицанию. Вы требуете, чтобы не принимающих унию изгнать из государства: да спасет Бог наше отечество от такого величайшего беззакония! Давно в этих областях водворилась святая римско-католическая вера, и пока не имела она подражательницы благочестия и повиновения св. отцу, до тех пор славилась миролюбием и могуществом как внутри, так и вне государства; но теперь, приняв в общество сварливую и беспокойную подругу, терпит, по ее причине, на каждом сейме, в каждом собрании многочисленные раздоры и порицания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этою неугомонною союзницей, ибо мы никогда в отечестве своем не имели таких раздоров, какие родила нам эта благовидная уния. Христос не печатал и не запирал церквей, как вы это делаете. „Имею, — говорите, — священников благочинных!" Дай Бог, чтоб их было довольно! Но недостаточно, что вы их сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтоб иноверные видели добрые дела и последовали стезям их. Но я слышу, каких вы священников рукополагаете! Таких, от которых церкви больше разорения, чем созидания. Печатать и запирать церкви и ругаться над кем либо ведет только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия. Покажите, кого вы приобрели, кого уловили своею суровостию, строгими мерами, печатанием и запиранием церквей? Вместо того, откроется, что вы потеряли и тех, которые в Полоцке у вас в послушании были. Из овец сделали вы их козлищами, навели опасность государству, а, может быть, и гибель всем нам, католикам. Вот плоды вашей хваленой унии, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что в то время с вашею униею будет! Вы ссылаетесь на предписание верховного пастыря: но если бы святой отец видел, какие, по причине вашей унии, происходят в отечестве нашем неустройства, то без сомнения, соизволил бы на то, чему вы так упорно противоборствуете. Король приказывает церковь их в Могилеве распечатать и отпереть, о чем я, по его приказанию, к вам пишу, и если вы этого не исполните, то я сам велю ее распечатать и им отдать; жидам и татарам не

запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви! Вы говорите: „Справедливо ли будет оказывать такое снисхождение для неизвестного будущего спокойства!" Отвечаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится в обществе неустройство, если будем делать им еще большие притеснения в вере. Уже гремят везде слухи, что они хотят навсегда разорвать с нами всякий союз. Что касается полочан и других крамольников против вас, то, может статься, они и в самом деле таковы, но сами вы побудили их к возмущениям. Новгород Северский, Стародуб, Козелец и многие другие города уния от нас отторгнула; она главная виновница тому, что народ московский от королевича устраняется, как это очевидно из русских писем, присланных к нашим вельможам, и потому не желаем, чтоб эта пагубная уния вконец нас разорила".

Опасания Кунцевича за свою жизнь сбылись. В 1623 г. он был убит жителями Витебска. Последние подверглись строжайшему наказанию. Комиссия, под председательством Льва Сапеги, в три дня решила все дело. Два бурмистра и 18 горожан погибли на плахе. Около ста горожан, спасшихся бегством, были приговорены к смертной казни и имения их конфискованы; город потерял все свои привилегии, ратуша была разрушена, так же как и две православные церкви.

Папа Урбан 8-й, горя ревностью мщения, счел нужным написать королю (10 февраля 1624 г.), побуждая его действовать со всей строгостью по отношению к православным. Вот его письмо:

Враги наши не спят, день и ночь отец вражды плевелы сеет, дабы в вертограде церковном терние произрастало вместо пшеницы. Следует и нам с не меньшим прилежанием исторгать ядовитые корни и обрезывать бесполезные ветви. Иначе все страны заглохнут, и те из них, которые должны быть раем Господним, станут рассадниками ядовитых растений и пастбищами дарконов. Как легко это может случиться в России, научают настоящие бедствия. Непримиримый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями турок и ненавистью нечестивых! Прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнем истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраиваются схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, долженствующая быть защитою веры, сдержит такое святотатственное буйство. Так как нечестие обыкновенно презирает угрозы, наказаниями невооруженные, то да постарается твое величество, чтоб лжеепископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в ко-

зацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных. Хотя это и кажется делом трудным, однако чего не преодолеет благочестие, покровительствуемое небом и вооруженное королевскую властию? Известный Никифор грек, который, сделавшись оруженосцем дьявола и знаменосцем мятежей, возбудил столько бурь против русских униатов, запертый, наконец, в вечную темницу, примером своим показал, что преступление не только отвратительно само по себе, но и гибельно по своим следствиям. Если дерзость схизматическая часто будет видеть подобные примеры, то не так будет выситься и научится бояться Господа отмщений. Вследствие этого просим, твое величество, защищай это дело всею своею ревностию и властию, и прежде всего позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в чем не были ниже остальных епископов". В то же время Урбан писал об убийстве Кунцевича: „Кто даст очам нашим источник слез, чтоб могли мы оплакать жестокость схизматиков и смерть полоцкого архиепископа? . . . Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость". Папа не довольствовался письмами к королю: он писал ко многим епископам и светским лицам, требуя гонения на православных епископов, грозя бедою, которая произойдет от связи их с козаками.
(С. М. Соловьев „История России", том V, стр. 436-37, Москва, 1961 г.).

Но Урбан на этом не остановился. Он решил использовать смерть Кунцевича, окружив его ореолом мученичества в целях пропаганды против православия. Он причислил Кунцевича к лику блаженных мучеников, а папа Пій 9-й, во время польского мятежа 1863 г., причислил его к лику святых.

В память этого мучителя западно-русских православных был основан в Галиции Иосафатский институт для образования русского юношества.

Заметим здесь, что литература, посвященная униатскому епископу весьма значительна. Еще в 1665 г. было издано в Риме жизнеописание Иосафата Кунцевича, составленное униатским священником Сушею. Это жизнеописание легло в основу всех дальнейших трудов, посвященных Кунцевичу. Есть исследование об Иосафате Кунцевиче на французском языке, принадлежащее перу о. Генэза.

Итак, путем лжи и насилия совершает католическая церковь свое торжествующее шествие среди одураченного ею человечества.

В конце ноября 1963 г. в базилике св. Петра в Риме происходило торжественное прославление палача православных западноруссов, Иосафата Кунцевича, останки которого были положены в раку в правом пределе собора.

Одновременно с этим торжеством в одной из римских газет появилась, полная злобных выпадов на православие, статья, где описывалась смерть Кунцевича при извращении всех исторических фактов ей предшествовавших и полном умолчании трагических обстоятельств, вызвавших эту смерть.

А. К.

УНИАТСКИЙ „СВЯТОЙ" — ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ

За последнее время среди униатов стал усиленно распространяться культ „святого" Иосафата, который был убит жителями города Витебска 12 ноября 1623 г. и труп его был брошен в реку.

Папа Пий IX объявил Кунцевича святым, а папа Пий XI выдал энциклику, которой предписывает всем католикам праздновать 300-летний юбилей смерти Кунцевича и призывает всех православных, чтобы они воссоединились с католической церковью.

В этой энциклике папа назвал Кунцевича „священномучеником", „апостолом", „праведником" и т. д. В этой-же энциклике папа назвал Кунцевича „специальным патриотом Польши", а галицкие самостийники доказывают, что Кунцевич есть „чисто-украинско-униатский святой".

Про Кунцевича очень много писалось в свое время, но, к сожалению, среди нашего народа есть еще много таких людей, которые чтят память этого разбойника и палача русского народа, руки которого много раз были обагрены кровью наших предков, которые боролись и мешали Кунцевичу окатоличить православное население Польши.

В музее города Полоцка и до настоящего времени хранятся вещи которые ясно доказывают „святость" Кунцевича, а именно: ременная нагайка, которой Кунцевич „навертал" в католическую веру наших предков. Есть там-же железная рукавица, которой слуги Кунцевича били православных, не желавших принять унию. Есть и железные кандалы, в которые, по распоряжению Кунцевича, заковывали православных и садили в подвалы и тюрьмы!..

Возможно-ли допустить, чтобы этот разбойник и кат, после смерти которого остались такие позорные памятники, мог быть святым?

Кунцевич закрывал православные церкви, сжигал их, забирал из них ризы, чаши и иконы, а прихожан слуги Кунцевича загоняли нагайками в униатские костелы. Незадолго до смерти Кунцевич приказал выкапывать тела умерших православных и бросать их собакам! Трудно перечислить все то, что претерпели наши предки от этого изувера!

Долго терпел народ его зверства и издевательства, но в конце концов терпение лопнуло: народ ворвался в его резиденцию, разогнал слуг-гайдуков, а Кунцевича избил до смерти и труп его бросил в реку. Так кончил свою позорную жизнь этот вероотступник —ставленник иезуитов. Последним его злодеянием было то, что по его приказанию был замучен до смерти православный священник. Это и переполнило чашу терпения народа. На месте убийства священника был построен православный храм в честь св. пророка Божия Ильи (этому храму также в 1923 году минуло 300 лет).

Зверства Кунцевича возмущали даже честных католиков. Доказательством этого служит сохранившееся до сих пор письмо литовского канцлера Сапеги, который и сам был поклонник введения унии среди русского населения Польско-Литовского королевства, но не такими способами, какими проводил унию „святой" Кунцевич.

Но Рим, воспитавший Кунцевича в ненависти к своей вере и к своему народу, остался тем же, каким был и во времена Кунцевича, ибо мы знаем, что делали ксендзы в Польше перед последней войной: до 1000 православных храмов были переданы униатам и католикам, разрушен прекрасный православный кафедральный собор в Варшаве, оскверняли́сь православные кладбища — ксендзы кричали, что там погребены псы. А что делалось во время войны с православными в Хорватии где в избиении православных священников и епископов принимали участие даже католиеские монахини?

Иеромонах Олег

ВОТ КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

О том, как воспринимает преступную деятельность вероотступника Иосафата самостийное украинство в лице его „католицьких" иерархов, наглядно свидетельствует соборное пастырское послание, помещенное в нескольких номерах украинской католической газеты „Шлях", за август и сентябрь 1967 года.

В нем стоит следующее:

„СОБОРНЕ ПАСТИРСЬКЕ ПОСЛАННЯ КАТОЛИЦЬКИХ ВЛАДИК ДО ВІРНИХ, ДУХОВЕНСТВА і МИРЯН, СВОЇХ ЕПАРХІЙ З ПРИВОДУ (по случаю): 1. 1900-річчя мученицької смерти святих верховних апостолів Петра й Павла.

2. 100-річчя канонізації святого священномученика Йосафата, архиєпископа Полоцького.

„Поощряем вас, братья и сестры, праздновать достойным образом благословенную годовщину канонизации св. Иосафата вместе с празднованием 1900-ой годовщины смерти св. Верховных Апостолов Петра и Павла, — мы уже сообщили вам, что оба

праздника имеют ту же самую цель а именно, укрепление нашего религиозного самосознания, нашей веры, надежны и любби к Христу Богу и Спасителю нашему по образцу вышеназванных святых, которые за Христа и Его Церковь не поколебались отдать свою жизнь на мученическую смерть . . .

В отдельности, вспоминая святую жизнь и геройские подвиги св. Иосафата для восстановления церковного единства в нашем народе, мы будем благодарить Милосердного Бога за то, что Он избрал все-таки из нашего украинского народа такого великого и неутомимого борца за осуществление Христового желания: **„да будут все едино"**.

„Хотя Господь и посылал и посылает на нашу Церковь тяжкие исторические испытания,но Его Провидение старается, чтобы святое Иосафатово дело не погибло, ибо время от времени дает нашей Церкви светлых владык-пастырей, верных последователей св. Иосафата, как, например, наш Великий Митрополит Андрей . . ."

„Мы будем также просить Милосердного Бога опекать нашу Церковь и в дальнейшем и ту, в родном крае и эту, среди нашего рассеяния в мире, чтобы добрая слава о святой жизни и о самой ценной для всего нашего народа апостольской деятельности св. Иосафата распространились среди всех классов нашего народа и чтобы все мы прониклись и воодушевились идеей церковного единства, для которого жил, трудился и отдал свою жизнь св. Иосафат . . ."

„Будем стараться возвеличивать память св. Иосафата воздвижением храмов в его честь, торжественными молебнами, богослужениями, устройством концертов, лекций. Наших писателей просим, чтобы сообщали в газеты и журналы, — правдиво изображая — о жизни и деятельности св. Иосафата . . ."

„Пусть в каждой нашей церкви и молитвенном доме и даже в каждой украинской хате будет повешена икона св. Иосафата . . ."

„Наконец „горяче" предлагаем вам, братья и сестры, по возможности участвовать в нашем всенародном паломничестве в Рим, . . . чтобы тут, при гробе св. Иосафата в базилике св. Петра, поклониться св. мощам и просить его ходатайства за лучшую долю нашей Церкви и нашего народа . . ."

Соборное пастырское послание подписано **семнадцатью** иерархами во главе с кардиналом Слипым.

Страшное дело, что среди такого большого числа иерархов не нашлось **ни одного** благоразумного человека, который побоялся бы Бога подписать этот богохульный лживый документ.

Как видно, папская пропаганда по одурачиванию людей и народов сегодня, как и в средние века, работает с успехом.

М. Прокоп

ГЛАВА IV

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ГАЛ. РУСИ

АПОСТОЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАТУРА НА ЛЕМКОВЩИНЕ

1935 — 1944

Римский Престол за все время своего самостоятельного существования, после отпадения его от Церкви Вселенской, не оставлял мысли подчинения себе той же Вселенской Церкви. Идея оставалась неизменной, менялась только тактика.

Большим успехом для Рима была Брестская уния 1596 г. Но уния эта сопровождалась невероятными насилиями, поэтому и существование ее не могло быть долговечным. Как только области, подвластные унии очутились под властью Русского монарха, порочная уния, без всякого толчка развалилась, рассеялась, как дым.

Только на областях Галицкой Руси, оставшихся под польским, затем под австро-венгерским, и опять под польским игом, уния с Римом сохранилась вплоть до занятия этих областей коммунистами в 1944 г.

На Галичской Руси и на Закарпатьи (Угорская Русь), было униатов всего около четырех миллионов душ. На эти 4 мил. униатов Рим возлагал большие надежды. Об этом свидетельствует одна из папских булл, в которой говорилось: "Rutheni, per vos Orientem revertere spero" (русские, посредством вас надеюсь возвратить восток).

В 19 столетии униатскими иерархами на Галичской Руси назначались Римом (с согласия австрийского монарха) люди высоких моральных качеств, преданные своему народу, лойяльные как Риму так и австрийской короне. Иерархи эти созывали церковные соборы духовенства и мирян, строго соблюдали церковный устав, сохраняли полностью церковно-славянский язык во всех Богослужениях, не вводили никаких новшеств из римско-католического обряда. Униатская церковь подвергается коренным переменам в начале 20 столетия, с момента назначения на униатскую митрополичью кафедру во Львове графа Андрея Шептицкого.

Андрей Шептицкий, потомок православной, русской аристократии, принявшей римский католицизм и ополячившейся с многими другими православными аристократами во времена страшных гонений польского государства и римского католического клира на православных. А. Шептицкий рос в польском доме своих родителей, воспитанник иезуитов, весь пропитан польским духом, польской культурой. Человек весьма одаренный, окончивший три факультета, был очень подходящим кандидатом для занятия униатской митрополичьей кафедры во Львове, как для Австрии и Рима, так и для Польши.

В конце XIX столетия (1896 г.), Романчук, депутат сойма, провозгласил во львовском областном сойме, по инициативе австро-венгерского правительства, так называемую „новую эру", согласно которой отрицалась племенная, культурная, духовная и историческая связь галицко-русского народа с державным русским народом. Выработан яд национального сепаратизма, которым должен быть отравлен подневольный галицко-русский народ.

Митрополит А. Шептицкий (умер 1-го ноября 1945 г. во Львове), имея соответствующие инструкции из Вены и Рима, вдохновляется новой идеологией сепаратизма, всецело становится на путь проведения ее в жизнь. Сам ведет очень скромный образ жизни, все доходы митрополии (миллион дол. в год) обращает на культивирование украинского сепаратизма.

В 1904 г. А. Шептицкий хиротонизует свящ. д-ра Григория Хомышина в епископы Станиславовской епархии, а на место умершего епископа Перемышльской епархии — Чеховича, хиротонизует Иосафа Коцыловского. Как епископ Хомышин так и епископ Коцыловский — „сознательные украинцы" и всецело преданы Римскому престолу. Есть основания утверждать, что епископ Хомышин был несравненно больше предан Риму, чем украинской идеологии. Посему „щирі українці" недолюбливали епископа Хомышина, который никогда не принимал никакого участия в „українськім суспільнім життю".

Согласно инструкции Рима, где представителем от „украинцев", а также для связи Рима с Львовом, постоянно жил свящ. Галущинский, Богослужение в униатских храмах совершалось всегда на церковно-славянском языке. Стремление украинских шовинистов перевести богослужебные книги на „украинский язык" и служить на нем успеха не имело. Рим и униатская иерархия правильно считали, что церковно-славянский язык держит верных при унии. В делах веры консервативный народ соблюдает традиции.

Иного характера и нрава был епископ Перемышльский Коцыловский. Будучи полностью отравлен ядом украинского сепаратизма, Коцыловский всецело посвятил себя служению этой „идеологии".

В состав Перемышльской епархии входила Лемковщина, западная часть Карпат, населенная очень стойким русским племенем

— лемками. Лемки всегда, везде и при всех обстоятельствах называли себя русскими, об украинцах и „Украине" слышать не желали.

После первой мировой войны осталось изрядное количество старшин, (офицеров) военных формаций „украинских стрельцов", которым при польских властях в Галичине некуда было деваться. Старшины эти устремились к еп. Коцыловскому, который, после некоторой подготовки, рукополагал их в священники и назначал на лемковские приходы. Культурный уровень новоиспеченных священников, не говоря о моральном, был весьма не высок. Главное — все они были „щирі украïнці", остальное — не существенно.

Польское правительство, ненавидевшее русское население, очутившееся в пределах польского государства после первой мировой войны, совместно с римо-католическим клиром, было занято ликвидацией Православной Церкви и насаждением „восточного обряда" в местах сплошного русского населения. Правительство это всецело поддерживало т. наз. украинский сепаратизм. Униатской иерархи была предоставлена полнейшая свобода и громадные средства (безконтрольно), для распространения украинской идеологии среди широких масс русского населения восточной Галичины.

Особенным рвением в работе по украинизации своей епархии отличался еп. Коцыловский. Настоятели лемковских приходов всецело использовали церковь для внушения своим пасомым украинской идеологии, пренебрегая проповедью слова Божия. Протесты прихожан против пропаганды чуждой им идеологии в ограде церковной успеха не имели.

Терпение лемков, как говорится, лопнуло. Без всякого влияния со стороны, без православных миссионеров, не входя даже в связь с православной митрополией в Варшаве, стихийно и почти одновременно, в количестве около 60 тысяч, возвратились в лоно св. Православия.

Моральный удар для униатской епархии, папского нунция Мармаджи, римо-католического духовенства и польского правительства был огромный. Рим, не желая раздражать униатское духовенство и „украинскую" интеллигенцию, не убрал епископа Кацыловского с Перемышльской кафедры. Оставшиеся униатские лемковские приходы, в количестве 136, были выделены из состава Перемышльской епархии и подчинены „Апостольской администратуре", не связанной с Львовской митрополией.

Во главе апостольской администратуры должен был быть поставлен человек русской национальности, имевший должную подготовку. Этот, весьма важный для Рима пост, был предложен священнику д-ру Николаю Нагорянскому, начальнику всех военных униатских священников.

Священник д-р Нагорянский с 1911 по 1918 г. был канцлером у военного епископа в Вене, где имел возможность достаточно познакомиться с сущностью римского престола. Наместник Христа

на земле ставил первой своей задачей создание земного царства, что и было осуществлено организацией микроскопического государства Ватикана, и подчинение папской власти христиан всей вселенной.

Апостольский администратор имел власть правящего епископа, но не был хиротонисан. Подчинялся он непосредственно Риму.

Должность апостольского администратора на Лемковщине была полна трудностей и самых неожиданных неприятностей.

Русская общественность ожидала, что русский апостольский администратор будет утверждать своих пасомых в русском духе, что он будет защищать их перед произволом польской администрации, что не допустит дальнейшей украинизации Лемковщины, что будет всемерно оказывать моральную и материальную помощь русским институциям.

Польская же администрация ожидала со своей стороны, что апостольский администратор лояльно отнесется к польскому „стану посядания", т. е. к польской государственности.

„Украинцы" не упускали случая, чтобы русского апостольского администратора не облить помоями, не донести, куда следует, что апостольский администратор подготовляет свою епархию для св. Православия и для русского царя.

Апостольская столица вменяла апостольскому администратору в обязанность не только удержать свою епархию от возвращения ее в лоно св. Православия, но и принять все меры к тому, дабы „отпавших овечек" вернуть обратно Риму.

Все эти трудности были очевидны священнику Н. Нагорянскому, и он, ссылаясь на слабое свое здоровье, отказался от предложенной ему ответственной должности. Но главный мотив отказа был идеологический — полное разочарование в римском престоле.

В римо-католической церкви существует железная дисциплина. Приказ начальства не может быть безнаказанно не исполнен. Как желательным и полезным было бы усвоение, хотя бы частично, русским православным духовенством этой особенности римо-католического клира.

В результате отказа подчиниться желанию Рима, священник Н. Нагорянский вынужден был оставить свое любимое дело и выйти в отставку.

Папский нунций Мармаджи, вызвав к себе священника д-ра Мацюха, предложил ему занять должность апостольского администратора, что и было священником Мацюхом исполнено.

Не успел новый апостольский администратор ознакомиться с делами своей епархии и составом настоятелей приходов, как он скоропостижно скончался.

Следующий выбор кандидата пал на свящ. д-ра Якова Медвецкого. Священник Яков Медвецкий получил прекрасное богословское образование. Окончил богословский факультет во Львове и в чешской Праге. Затем получил диплом доктора богословия

венского университета. В течение 4-х лет учения в Вене, он изучил все славянские языки, владел в совершенстве немецким и латинским. Был зачислен в профессорский состав духовной семинарии в г. Станиславове.

В течение 25 лет, т. е. с 1911 г. по 1936 г., священник Яков Медвецкий был не только профессором духовной семинарии, докладчиком по делам супружеств в консистории, но и фактическим составителем бумаг для правящего епископа, по латыни, в Рим, и по немецки в Вену (до 1918 г.). Таким образом он был посвящен во все самые секретные дела между Римом и униатской иерархией, Веной и той же униатской иерархией.

Еп. Хомышин сделал все возможное, чтобы не отпустить от себя столь ценного сотрудника. Однако, удалось ему оттянуть определение свящ. Медвецкого в администраторы только на несколько месяцев.

Свящ. Яков Медвецкий состоял членом всех галичско-русских институций, как во Львове так и в Станиславове, принимал живое участие в жизни русских галичан, считал своей обязанностью и в дальнейшем служить своему народу, занимая столь важный в жизни русского народа пост.

Епископ Григорий Хомышин, заняв епископскую кафедру в г. Станиславове, очутился в среде членов своей консистории, которые были людьми очень образованными и высокой культуры: митрат Фациевич, каноник (протоиерей) Тит Шанковский, кан. Ткачуник, кан. Иоанн Литвинович, советник консистории Михаил Семенов и др.

Епископ Хомышин не скрывал перед консисторией своих реформаторских намерений, как введение „целибата" (безбрачного духовенства), нового стиля в церковную жизнь, и кое что из римо-католического обряда. Члены консистории стремились удержать молодого епископа от исполнения скороспелых намерений. Настойчивость правящего епископа заставила многих членов консистории отказаться от сотрудничества с ним. Митрат Фациевич вышел в отставку и переехал в Вену на постоянное жительство. Советник консистории Михаил Семенов оставил за собой только законоучительство в гимназии. Этот благороднейший и образованнейший законоучитель был и директором бурсы (общежития) для русской молодежи. Всю свою жизнь посвятил он воспитанию русской молодежи и не одна сотня русских патриотов, благодаря только культурнейшему своему законоучителю, окончила полное образование и могла всецело посвятить себя служению своему народу. На место ушедших появились новые члены консистории, молодые и более послушные своему патрону.

13 июня 1936 г. священник д-р Яков Медвецкий был назначен апостольским администратором Лемковщины, с местожительством в г. Сяноке на реке Сяне.

Уже на первом соборе всех настоятелей приходов епархии,

апостольский администратор формулировал важнейшие вопросы ясно и категорически: никакой украинизации ни политической пропаганды в ограде церковной; каждое воскресение и праздники поучение на тему св. Евангелия; настоятели приходов обязаны вносить мир и любовь в среду прихожан; ни в проповедях ни частным образом не чернить вернувшихся в св. Православие; переписку с канцелярией ап. администратуры вести на церковно-славянском языке. Священникам, не желающим или не могущим исполнить указанные требования, предлагалось оставить свой приход.

Мазепинская пресса не замедлила поднять шумиху. Посыпались жалобы папскому нунцию, но они остались без ответа.

Апостольский администратор вел очень скромную личную жизнь. Затяжной недуг (сахарная болезнь) не позволял ему совершать частые поездки по епархии. Тем не менее он принимал живое участие в русской общественной жизни, помогая щедрой рукой издательствам русских газет и просветительных книжечек. Особенную помощь — моральную и материальную — оказывал он многим просителям во время оккупации Галичины немцами во вторую мировую войну.

Много неприятностей причинили галичские мазепинцы апостольскому администратору во время немецкой оккупации. Для связи между немецкими властями и униатским клиром был определен монах-студит Иоан Петерс. Он-то, очевидно по наущению „українських діячів", предъявлял апостольскому администратору самые невероятные и невыполнимые требования. Грозил арестом. Навязал ап. администратору в помощники священника Александра Малиновского, бывшего старшину „укр. стрільців", для наблюдения за деятельностью ап. администратора.

Этого монаха-студита за его недостойные действия постигла заслуженная кара. Немцы уже в 1942 или 1943 году посадили его в концлагерь.

Прогрессирующая болезнь заставила ап. администратора слечь в больницу. Последовавшая после операции смерть (27 января 1941), прекратила многополезную его деятельность для обездоленного русского лемковского племени.

Римская столица, на требование немецких оккупационных властей, назначила священника Александра Малиновского на освободившееся место ап. администратора. Новый ап. администратор не имел необходимой подготовки для занятия этого поста, но его украинская идеология, да еще во время войны и под сенью немецких штыков, вполне заменила необходимую подготовку.

Вспыхнувшая война между Германией и СССР принесла много горечи русскому населению и особенно русскому духовенству. Все священники были высланы из своих приходов вглубь Польши. Ап. администратор не пытался отстаивать подчиненных, радуясь безпрепятственной украинизации пасомых.

С уходящими, летом 44 г. немцами, бежал в Германию и ап.

администратор, пасомые же были насильно выселены частично в СССР, частично на польское песчаное Поморье.

Так окончила свое 9-летнее существование апостольская администрация Лемковщины.

С. Медвецкий

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ САНДОВИЧЕЙ

(воспоминания)

Была весна 1904 года. В большой комнате ново-сандецкой бурсы, на улице Ягелонской, поздним вечером воспитанники спят сном блаженных. В углу комнаты, перед иконою Божией Матери, один из воспитанников, на коленях, поет милозвучным и звонким голосом из открытого Часослова Вечернее Правило. Это — Максим Сандович, ученик четвертого класса гимназии. Пение раздается ежедневно утром и поздним вечером. Утром будит сонных учеников милозвучный голос Максима, отправляющего полунощницу и утреню, произнося особенно громко „Слава во вышних Богу”, а вечером ученики засыпают при звуках пения „Вечерни” и „Повечерия”. Я спал в той же самой комнате, что и Максим. Его образ жизни производил на меня глубокое впечатление. Я еще сегодня, после сорока пяти лет, слышу его мелодию, вижу одухотворенное лицо любезнейшего моего друга. Образ Его ярко стоит перед моими внутренними очами. Голос Божий звал Максима к иной жизни. Он мечтал о том, чтобы полностью посвятить свою жизнь Господу Богу. В апреле того самого года он уезжает в Крехов, в монастырь отцов Василиан. Здесь он полностью подчиняет свою жизнь монастырским порядкам. При аскетическом образе жизни, он ежедневно подолгу горячо молится и работает физически. Не дольше, как через несколько дней, полное разочарование в жизни этого монастыря. В монастыре он не нашел того, что искал. Монахи вели совершенно светский образ жизни, у них не было христианской любви, и они были воспитаны в ненависти ко всему русскому. Его называли кацапом. Он скоро понял, что ему там делать нечего и через месяц вернулся обратно в сандецкую бурсу, чтобы кончить четвертый класс гимназии.Окончивши четвертый класс, он уехал за границу, в Россию, в Почаевскую Лавру. Там нашел все то, о чем мечтал. Сам монастырь и его жизнь произвели на него неизгладимое впечатление. Здесь он почувствовал себя совершенно довольным и счастливым. Служил верно Богу и украшал свою душу добродетелью. В скором времени он стал примером для всех монахов. Однажды, по истечении нескольких лет, игумен монастыря представил Максима епископу Волынскому Антонию. Епископ принял участие в

судьбе молодого лемковского монаха и предложил ему поступить в Житомирскую Духовную Семинарию. Максим согласился с великою радостью. Будучи воспитанником Духовной Семинарии, Максим стал любимцем епископа. Своею набожностью, прилежанием, быстротою ума, своими духовными дарованиями и характером, Максим превзошел всех своих товарищей. Епископ Антоний возлагал на него большие надежды и ставил его в пример всем слушателям Семинарии.

Летом 1909 года Максим Сандович посетил свой родительский дом в селе Ждыня, горлицкого повета, где жил его старенький отец Тимофей, долголетний церковный дьяк. Судьбе было угодно, чтобы в это самое время я тоже находился в Ждыне, у тамошнего священника, Григория Максимовича. С Максимом я встречался ежедневно, и мы вели беседы на разные темы. Я часто бывал в гостеприимном доме его родителей, он же нередко посещал меня в приходском доме. Покойный о. Максимович очень внимательно относился к Максиму и был всегда очень рад видеть его у себя. Чаще всего мы рассуждали о судьбе нашего лемковского племени, его моральной высоте, о преданности традиции и о сильной вере нашего народа в лучшую будущность. Максим всею душою любил Лемковщину и жил интересами ее жизни. Ежедневно мы посещали богослужение, совершаемое о. Максимовичем. Своим прекрасным голосом Максим читал „Апостола” и пел „Верую”. Все селяне Ждыни и околичных сел с большим вниманием относились к Максиму.Он был высокого роста, сильного телосложения, с прекрасными длинными волосами, одухотворенным, всегда спокойным лицом. Одет он был в долгую, с широкими рукавами рясу, обтянутую широким поясом, на груди три-раменный крест, в руках „Молитвослов”, с которым очень редко расставался. После трехмесячного пребывания на Лемковщине, он вернулся обратно в Житомирскую Духовную Семинарию, с новыми надеждами и мечтами.

Прошло несколько лет. Максим окончил с отличием Духовную Семинарию, женился на дочери деревенского батюшки и был рукоположен в священники епископом Антонием. Чтобы поделиться своим счастьем и посетить родные места, он опять решается на короткое время вернуться в Ждыню.

Осенью 1913 года вместе со своею женою он находится опять у своего старенького отца. Недалеко от Ждыни находится село Граб, ясельского повета. Тамошний священник о. Кисилевский, ярый сепаратист и мазепиниц, восстановил против себя своими действиями всех прихожан. Селяне не хотели поступиться своею русскостью. Вскоре между обеими сторонами дошло до завзятой борьбы. Вмешательство Перемышльской Консистории окончилось неудачей, так как епископ Чехович держал сторону Киси-

левского. Борьба кончилась тем, что весь приход перешел в Православие. Селяне нового православного прихода просили о. Максима быть у них священником. Получив согласие своего епископа, Максим переселился в Граб. О. Кисилевский и его сторонники не дремали. Через некоторое время к о. Максиму являются австрийские жандармы, производят обыск и заточают его в тюрьму в Ясле. Вскоре переводят его во Львовскую тюрьму. Летом 1914 года начался, известный русской общественности, политический процес во Львове. На скамье подсудимых кроме о. Максима очутились еще трое: о. Игнатий Гудима, Семен Бендасюк и Василий Колдра. Процесс продолжался три месяца. Допрошено сотни свидетелей. Украинцы прилагали все усилия, чтобы подсудимым был вынесен, как изменникам „найяснейшего монарха", смертный приговор. Защищали подсудимых следующие адвокаты: Д-р Владимир Дудикевич, д-р Кирил Черлюнчакевич, д-р М. Глушкевич и д-р Владимир Алексьевич. К большому огорчению самостийников, все обвиняемые были освобождены. О. Максим Сандович вернулся в свой приход.

В августе месяце 1914 года вспыхнула первая мировая война, а в сентябре месяце в центре просвещенной христианской Европы началась лютая расправа над беззащитными, ни в чем неповинными православными русскими людьми только за то, что эти люди веровали в Единую Христову Соборную и Апостольскую Церковь и их родители были русскими. В первую очередь расправлялись со служителями Христовой Православной Церкви.

В начале сентября арестовали о. Максима Сандовича, затем его жену и старика отца, потом его братьев и всех близких и дальних родственников и вслед за ними многих односельчан. Число арестованных растет с каждым днем, всех их свозят в тюрьму в Горлицы.

По прошествии двух недель со дня ареста о. Максима, к начальнику тюрьмы в Горлицах явился ротмистр с несколькими солдатами и угрожая револьвером, потребовал выдачи о. Максима Сандовича. Начальник тюрьмы отказался выдать заключенного без специального на то распоряжения соответствующих властей. Разъяренный ротмистр потребовал немедленной выдачи о. Максима, угрожая в противном случае пристрелить самого начальника тюрьмы. Последний под угрозой смерти вынужден был выдать ротмистру арестованного.

Садист ротмистр решил организованно и методически осуществить зверскую расправу над благородным, ни в чем неповинным служителем Церкви Божией.

Посреди тюремного двора он поставил четырех солдат с заряженными ружьями, а против них дорогого, святой жизни о. Максима Сандовича. Затем он заставил начальника тюрьмы вывести во двор всех заключенных для того, чтобы они присутствовали при жестокой расправе с о. Максимом и, чтобы эта расправа явилась наглядным и устрашающим уроком для заключенных.

Ротмистр собственноручно нарисовал мелом крест на груди о. Максима, затем подбежав к солдатам, скомандовал: огонь!

Грянул первый залп, о. Максим стоял не шелохнувшись, во весь рост. Вторичная команда ротмистра, второй залп. Одним из выстрелов о. Максим был поражен в грудь. Благородный мученик простер руку и истово осенив всех и себя широким крестом, произнес громким звучным голосом: „Пусть живет святое Православие, пусть живет русский народ!" — Взбешенный ротмистр подскочил к о. Максиму и крикнув не своим голосом: „сгинь, собака"! выстрелил трижды ему в лицо из револьвера в упор. Подстреленный молча упал на земь. Изверг со злобой толкнул сапогом безмолвное тело мученика.

Начальник тюрьмы оказался настолько благородным человеком, что, невзирая на угрожающие требования ротмистра-садиста вывести во двор всех заключенных для их присутствия при истязаниях невинного, не вывел во двор отца и жену умученного, а запер их в своей комнате, чтобы избавить их от ужасных переживаний при виде жуткой расправы над дорогим сыном и мужем.*) Так погиб смертью мученика высокодостойнейший исповедник веры Христовой Православной, верный сын Лемковской Руси, благородный, невинный и дорогой о. Максим Сандович.

Злодейские расправы с мирным русским населением бывшей Австро-Венгерской империи этим далеко не кончились.

II.

День 8 сентября 1914 года явился одним из самых ужасных дней в истории Лемковской Руси.

По распоряжению помощника старосты Ново-Сандецкого повета Лося и рьяного мазепинца жандармского коменданта Баця, началась жестокая расправа над мирным беззащитным населением.

Во все селения Ново-Сандецкого и Грибовского поветов нагрянули жандармы со списками лиц, подлежащих аресту; списки были составлены „мазепинцами", проживающими в названных поветах.

В числе авторов этих списков были следующие лица: Гуцуляк — учитель в Избах, Вовк — учитель в Бересте, Сорока — учитель во Флоринке, Шведик — учитель в Брунарах, о. Михаил Дороцкий — настоятель в Злоцком, о. Василий Смолинский —

---

*) Описание смерти о. Сандовича я привожу по рассказу самого начальника тюрьмы, с которым я впоследствии случайно встретился и познакомился. Только две револьверные пули ротмистра (по словам начальника тюрьмы) попали в о. Сандовича; третью пулю потом нашел начальник тюрьмы и носил ее в кармане в память той ужасной сцены. Автор.

настоятель в Новой Весе, Ключник — бывший жандарм во Флоринке, Носко Гольдштейн — еврей из Перцике.

По этим спискам начались повальные обыски и аресты. С особой тщательностью обыски производились у лиц сознательных и авторитетных, пользующихся уважением у местных жителей. Достаточно было при обыске обнаружить книжечку издания Михаила Качковского и обыскиваемый из мирного селянина превращался в государственного изменника, в лютого врага Австро-Венгерской державы и ее благороднейшего монарха. В каждом селе были арестованы десятки совершенно невинных людей. Как опаснейшие государственные преступники, как лютые злодеи, под строжайшим конвоем эти мирные селяне отправлялись в тюрьмы, им даже не разрешали попрощаться с родными и близкими.

В эти памятные дни были арестованы многие сотни честных и невинных людей — лучших сынов многострадальной Лемковщины, в том числе: о. Петр Сандович — благочинный и настоятель прихода в Брунарах вместе с сыном Антонием, окончившим университет по курсу философии, о. Владимир Мохнацкий — настоятель прихода в Чирной, с сыном Родионом — гимназистом. О. Василий Курилло — настоятель прихода во Флоринке с двумя сыновьями. О. Феофил Качмарчик с сыном Владимиром — юристом, о. Иоанн Руснак, настоятель прихода в Королеве Русской; тогда же был арестован и автор этих строк.

К вечеру, под аккомпанимент ружейной стрельбы и горького плача народного, арестованные были погружены на подводы и под усиленным конвоем отправлены в Грабовскую тюрьму.

Горестный плач и душу раздирающий вопль исторгнулся из тысячи грудей и поднялся к небу, как бы прося Высшего покровительства над невинными мучениками. Солнце скрылось далеко за горами, не желая быть свидетелем каинова злодеяния, не желая своими золотистыми светлыми лучами озарять темные дела подлых душ. Горы Лемковские в тоске и печали, стыдясь злобы людской, покрылись темными мохнатыми тучами. Хлынул дождь — природа по своему оплакивала горе народное и невинные жертвы злобы и неправды людской.

На людей напал страх, они опасались покидать свои жилища и боялись встречи друг с другом.

Все арестованные были свезены в тюрьму в Новом Санче, все они были преданы военно-полевому суду.

Когда был собран и подготовлен специальный материал, доставленный суду „мазепинцами" — суд приступил к слушанию арестованных.

В состав членов военно-полевого суда обычно входили только мадьярские и немецкие офицеры, совершенно не знавшие русского языка. В качестве переводчиков были привлечены лица, явно настроенные против подсудимых. Все свидетели по данному делу, за редким исключением, были специально подобранные из

числа заведомо худших элементов местного населения, пользующихся весьма плохой репутацией, в большинстве своем состоящих из т. н. мазепинцев; несколько человек было привлечено из поляков.

Подобный подбор свидетелей, конечно, не мог помочь суду правильно разобраться в деле и вынести справедливое решение, да суд, видимо, в этом и не нуждался; его целью было не разобрать дело по существу, а осудить невинных. Подсудимые были лишены защиты, показания беспристрастных свидетелей судом совершенно игнорировались.

„Суд идет" — зал суда заполнен народом. Под конвоем вводят подсудимых: о. Петра Сандовича и его сына Антония.

Зачитывается обвинительный акт — о. Петр и его сын Антоний обвиняются в государственной измене.

На вопрос суда о виновности, оба подсудимые ответили, что никакой вины за собой не знают, категорически отрицают правильность обвинения и справедливо замечают, что обвинение построено исключительно на лжи и клевете и совершенно не соответствует действительности.

Пред судом предстали свидетели: священники Смолинский и Дороцкий и учитель Гуцуляк (составители черных списков — предатели, клеветники и организаторы кровавой расправы над своими односельчанами) — как ярые мазепинцы, они с радостью подтверждают правильность обвинения.

Но даже этот пристрастный суд не удовлетворился их голословными заявлениями и потребовал доказательств.

Тогда свидетели решили продемонстрировать перед судом „вещественные доказательства". Свидетель Смолинский предъявляет письмо, составленное о. Петром Сандовичем и разосланное в свое время всем приходам благочиния, возглавителем которых он является. В этом письме о. Петр по долгу своей службы извещает всех священников о своем назначении благочинным и, как пастырь Православной Церкви, призывает священников своего благочиния трудиться на благо Церкви и русской паствы.

Смолинский считает, что этим письмом вполне доказывается вражеская работа подсудимого во вред Австро-Венгрии и на пользу России, так как в письме слово **русский** пишется через две буквы **с**, что означает российский народ. Свидетель Дороцкий дает подобные показания. В таком же смысле как и Смолинский, Дороцкий истолковывает слово **русский**, написанное через две буквы **с** в письме о. Петра Сандовича.

Свидитель Гуцуляк дает суду заведомо ложное показание о том, что о. Петр Сандович и его сын Антоний якобы агитировали против Австро-Венгрии и ее августейшего монарха и даже хвалили русского царя. „Факты налицо, измена доказана" — она таится в двух буквах „с" при написании слова русский.

Кроме перечисленных свидетелей, судом были допрошены Грабовский, староста в Грыбове, Барбацкий и Инест. Эти свиде-

тели дали беспристрастные, правдивые показания. Но их показания явно говорили в пользу обвиняемых, они не соответствовали интересам суда, задачей которого было не оправдать невинных, а обвинить их во что бы то ни стало. Поэтому невзирая на то, что эти свидетели являлись официальными служебными лицами и уважаемыми авторитетными людьми и что их показания являлись особенно ценными для всякого суда — военно-полевой суд в Новом Санче их показания во внимание не принял. Свое решение суд вынес исключительно на основании ложных подставных лиц мазепинцев-предателей. Суд постановил: „Государственную измену считать доказанной, виновных о. Петра Сандовича и его сына Антония расстрелять".

Через два часа после вынесения приговора о. Петр Сандович и его сын Антоний под усиленным конвоем были выведены на площадь св. Елены и там расстреляны.

Так расправилась „просвещенная держава, христианская Австро-Венгрия", с благородным служителем Христовой Церкви и его честным юным — ученым сыном — только за то, что они были верны своему русскому имени и своей истинной православной вере.

По всем селениям нескольких поветов были развешены на видных местах копии приговора военно-полевого суда по делу Сандовичей на польском и немецком языках, с указанием о том, что приговор приведен в исполнение. Так расправился „скорый и праведный" суд с одним из лучших священнослужителей Христовой Церкви — святой жизни, благородным о. Петром Сандовичем и его юным талантливым ученым сыном Антонием. По смерти мученика о. Петра Сандовича с сыном осталась одинокая неутешная вдова с девятью сиротами детьми.

о. Иоанн Полянский

ЛЬВОВ

Здравствуй, древняя столица
русско-галицких князей!
Русь, исконная сестрица,
шлет тебе богатырей.

Слышишь, песни зазвучали, —
вольный дышет в них простор,
ароматом волжской дали,
синевой уральских гор.

В них шумит и бор дремучий,
и свободный плеск волны,
и лугов простор могучий,
сказ народной старины.

В. М. Кашкаров

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ ТЕРЕХ

(1880-1942)

В текущем году,[1]) 26-го марта, прошло двадцать лет со дня смерти И. И. Тереха, выдающегося русско-галицкого труженика. Эту годовщину нельзя не отметить хотя бы самыми скромными поминками.

И. И. Терех — общественный деятель.

Общественная деятельность Тереха охватывает три периода его трудолюбивой жизни: в Галичине, в России и в Америке. Первый период начался очень рано. Будучи учеником восьмого класса гимназии, он стал регентом хора, а затем, после получения аттестата зрелости, настоятелем бурсы Ставропигийского Института во Львове. В студенческие годы он принимал живое участие в молодежных обществах „Друг" и „Муза", часто выезжал в деревни с докладами, в которых раскрывал народу его историческое прошлое, указывал на тесные племенные и культурные взаимоотношения Галицкой Руси с остальной Русской землей. Оценив его заслуги „Народный Совет" Галичины избрал его своим членом и поручил ему секретарство по делам русской народной организации.

Второй период его деятельности относится ко времени бегства русских людей из Галичины в Россию от австрийской армии. Около миллиона людей, ушедших из родных гнезд, нужно было не только организовать, но и устраивать на работу. В то же самое время Терех усердно собирал материалы об австрийских зверствах, совершаемых над русским населением Галичины.

Третий период деятельности И. И. Тереха описан свящ. Иосифом Федоронко в статье: „О патриотической деятельности Ильи Ивановича Тереха в Америке", из которой узнаем, сколько труда вложил он в организацию „Союза освобождения Прикарпатской Руси". К этой публикации о. Федоронко отсылаем читателей, желающих ближе познакомиться с работой Тереха для своего народа.

И. И. Терех — журналист.

Поприще журналиста открылось перед Терехом с того времени, как он стал редактором русской еженедельной газеты „Голос Народа", издававшейся во Львове накануне первой мировой войны. Газета, предназначенная для народа, расходилась в массовых тиражах благодаря тому, что ее ответственный руководитель держал издание на должной высоте и тщательно подготовлял

---

[1]) Статья написана в 1962 году.

каждый номер и придавал окончательную отделку чужим статьям, письмам и литературным опытам. Будучи редактором, он сам составлял передовые статьи, главным образом политического содержания. Газета была правдивым, подлинным голосом народа, ибо всецело была посвящена его нуждам. В день объявления мобилизации в 1914 г., австрийская полиция закрыла газету, а редакция, помещавщаяся на Русской улице, была разгромлена. Когда Галичина была занята русскими войсками, Терех продолжал издание газеты вплоть до отступления русской армии с Карпат.

И. И. Терех — композитор.

Галицкая Русь не может похвастаться обилием хоровых и музыкальных произведений. Можно назвать всего несколько имен. Первым галицким композитором был свящ. Михаил Вербицкий (1815-1870), который положил на ноты „Заповіт" Т. Г. Шевченка, несколько богослужебных вещей и хоровые песни к драмам И. Н. Гушилевича: „Подгоряне" и „Сельские пленипотенты". Свящ. Виктор Матюк (1852-1912) был автором нескольких песен: „Цвітка дрібная" М. С. Шашкевича, „Крылец", „Родимый краю", „Чом так скрыто" и приспособил музыку к мелодраме „Капраль Тимко" С. Мидловского. Свящ. Максим Копко (1859-1919) прославил свое имя прекрасной композицией песни „Там, де срібнолентый Сян тече". Значительно вперед галицкую музыку двинул Терех, с малых лет взлелеянный народной музой: пели ему песни бабушка и дедушка Ивановские, пели девушки в праздники Рождества, Щедрого вечера, Пасхи, пели пастушки и жницы. В бурсе Ставропигийской он был проникнут мелодиями Глинки, Чайковского, Бортнянского, Архангельского, и под влиянием их могучего гения и сам начал творить.

После „Литургии св. Иоанна" (1906) последовали: „Марш русских студентов" (1908), „Песня преступников-рудокопов" (1908), партитуры к драмам „Иосиф в Египте", „Сиротский Великдень", „Бабский бунт", „Кантата" в честь о. Иоанна Наумовича (1925), „Карпатский хоровод" (1921) и ряд пластинок, напетых хором, как Святая Вечеря и колядки накануне Рождества Христова, Новый Год, Щедрый Вечер, Великдень, Гаивки, Русалии, на Ивана Купала, Жатвенные песни, Русская галицкая свадьба с обрядом венкоплетения, расплетения девичьей косы, обдарение короваем, венчания и ладкания,[1]) угощения, плясания и увода молодой жены мужем. Две песни слепого лирника о Горе Голгофе и сиротке Марысе; патриотические гимны: „За Русь" и „Пора за Русь"; народные песни: „Моя милая с черными очима", „Чие то поле неорано", „Де ты мя поведешь"; песни дровосеков, коса-

---

[1]) Ладканьем называется пение песен дружками в честь невесты.

рей, о Довбуше и майнерах. Все названные песни представляют собою высокохудожественную обработку. Об успехе Карпаторусского хора рассказывал мне родной брат, присутствовавший на концерте по случаю выставки в Ню Йорке (1921). Кое-что я имел возможность слышать летом 1929 г., когда Илья Иванович и Иоанна Владимировна Терех приехали во Львов из Америки. Они привезли с собою большой аппарат и пригласили к себе тогдашних русских галицких деятелей. Комната наполнилась благозвучными мелодиями народных песен. Особенно трогательно прислушивался к ним старек Малец, большой поклонник народного творчества.

И. И. Терех — мифолог Руси и славянства.

Этнография — это наука, изучающая быт и нравы народов, их материальную и духовную культуру. Из галицких этнографов назовем проф. Я. Ф. Головацкого, издавшего четыре больших тома „Народных песен Галицкой и Угорской Руси" (Москва, 1878 г.), И. Н. Вагилевича, исследовавшего житье-бытие бойков в Карпатах, В. Гнатюка, собирателя коломыек и автора очерка „Останки передхристіанського світогляду наших предков" (1912), Ф. Колессы: „Українська народна пісня" (1928).

Говоря об И. И. Терехе, как о мифологе и этнографе, необходимо сделать оговорку: он был мыслителем и поэтом, который превращал образы в символы, идею, философию. Он с головой погрузился в мифологию славян и доказал, что наши далекие предки верили в единого бога Сварога, сотворившего всю вселенную, землю и человека. Они также верили в сотворенных им Сварожичей — помощников его, исполнителей его воли: Перуна, Даждьбога Стрибога, Велеса, Ладу, Хорса и бесчисленное количество других бесплотных светлых духов. Верили также они и в духов тьмы и злобы: Чернобога, Потьму, всяких чертей и бесов. И. И. Терех не оставил после себя записей народных преданий, но все то, что слышал от бабушки и дедушки, он пополнил глубоким изучением родной старины, этнологии, истории и облек это все в стихотворную форму. Созданная им трилогия состоит из поэм:

1) „СВАРОГ" (Нью Йорк, 1946, стр. 256,): „СЕРЫЙ СВЕТ" (Филадельфия, 1959, стр. 102); „ЧЕРНАЯ ПОТЬМА" (Филадельфия, 1959, стр. 159).

Но знакомиться с его творчеством нужно начинать с отрывка предания „Карпаты и Славяне" (Нью Йорк, 1941, стр. 319) не потому, что эта книга вышла раньше трех вышеназванных поэм, а потому, что в ней даны все толкования и пояснения касательно древне-славянских богов, духов, демонов, богатырей, затем праздников, обычаев, верований и суеверий. Там же даются ссылки на соответствующую литературу, а также на источники, и, кроме того, даются объяснения к древне-русским словам. И. И. Терех по-

ставил своей целью ответить на вопрос о происхождении всего существующего в понятиях и представлениях первобытных славян. Серый свет — это наша земля, где тучи и туманы покрывают солнце, где чередуются дни с ночами, радость с горем, добро со злом, здоровье с болезнью, жизнь со смертью, где люди и вся тварь ведут борьбу за свое существование. Это чистилище, временная остановка в ожидании вечного ликования, или же вечного мучения. Черный свет, Черная потьма — это угол, куда идут души грешников для наказания за свои плохие поступки. Ясно, что наши предки верили в загробную жизнь. И. И. Терех поэтически описал три Света, вселенную, творцом которой был бог Сварог.

Сам себя и народивший,
Сам себя и возрастивший.
Я — причина всех причин,
И во всем я сам один.
Я — единый Бог предвечный,
Я и сущий, я и вечный,
Сам супруга и супруг,
Бесконечный божий круг.
Из себя и выходящий
И в себя опять входящий.
Я — начало и конец,
Сам и матерь и отец.
Я — всесвет неизмеримый,
Я — всебог непостижимый,
Безначальный светозар,
Солнечный вселенной царь.

Этот Сварог является создателем вселенной-мира, русской земли, с Бескидами, Горганами, Кругами, Белгорою, Черногорою, зелеными борами и долинами, которые он заселил добрыми Славянами-Русичами. Все три поэмы читаются легко и вызывают радостное настроение. Стих плывет стройно, звучно. Содержание вызывает тихую улыбку и удивление; сколько времени затратил автор на чтение книг. На создание Сварога сказывается влияние бессмертной оды Г. Р. Державина „Бог", на прочих поэмах — влияние А. Н. Афанасьева („Поэтические воззрения славян на природу" — 1856). Трилогию Тереха может читать каждый грамотный русский человек, но понять легче тому, кто знаком с славянской этнографией, историей, мифологией, кто знаком с исторической и сравнительной грамматикой русского языка с его наречиями.

Общая характеристика

И. И. Терех — сын русских крестьян села Колбаевичи, уезда Рудки. Родился 30 июля 1880 года. От родителей унаследовал горячую любовь к деревне и огромный запас преданий о старине

Галицкой Руси. Среднее и высшее образование получил во Львове. Готовился к юридической практике, но любовь к музыке и пению вывела его на поприще композитора и этнографа. Музыкальные курсы прошел в Венской консерватории. Был страстным любителем путешествий. Он исходил всю Прикарпатскую Русь, везде записывая народные песни и обычаи. Был в Италии, Швейцарии, на Балканах. Проехал всю Россию, от Карпат до Тихого океана. Через Японию прибыл в Северную Америку, где трудился исключительно на пользу отечества совместно с верной своей супругой Иоанной Владимировной Ясеницкой, которая всей душой способствовала его успеху в воссоздании народных напевов Галичины. Прожил И. И. Терех 62 года; упокоился 26 марта 1942 года, оставив родному народу ценное наследие, разбором которого займется будущий историк Галицкой Руси.

Для познания жизни и деятельности И. И. Тереха необходимо перелистать страницы „Голоса Народа" (Львов, 1907-1914), „Прикарпатской Руси" (Львов, 1908-1915, и Нью Йорк 1921-1925); нужно внимательно прочесть библиографический очерк „Илья Иванович Терех", составленный Г. Голохвастовым со слов самого И. И. Тереха, сообщений его жены Иоанны Владимировны, его воспитанника Ивана Белоуса, деятеля Американской Руси — о. Иосифа Федоренко и др.

Львовский

ГЛАВА V

А. Геровский

БОРЬБА ЗА АВТОНОМИЮ И РУССКОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КАРПАТСКОЙ РУСИ

Чешская политика в отношении Православной Церкви в Карпатской Руси

Ниже приведен интересный документ, составленный в 1930-м году полномочными делегатами Карпаторусской Православной Церкви для Синода Сербской Православной Церкви, заседавшего тогда в Белграде. Документ этот был напечатан в нескольких тысячах экземпляров, но чешское правительство конфисковало его и не допустило его распространения в Карпатской Руси.

После нескольких неудачных попыток изъять карпаторусскую православную Церковь из под юрисдикции Сербской Православной Церкви, чешское правительство вновь попробовало это сделать в 1930-м году путем опубликования в сборнике законов и правительственных распоряжений нового устава для Карпаторусской Православной Церкви, составленного в Праге без ведома не только карпаторусской Церкви, но и без ведома сербской Церкви. Этот документ был опубликован в Праге на чешском и на немецком языках!

Политика чешского правительства в отношении православной Церкви в Карпатской Руси во всех отношениях совпадала с политикой польского правительства по отношению к русской православной Церкви в Польше, целью которой была уния и украинизация. За всей этой политикой стоял один и тот же наш вековечный враг: папский Рим!

I

— Между православной церковью в Карпатской Руси и чешским правительством уже несколько лет ведется упорная борьба, о которой в русских газетах мало когда пишут. А между тем эта борьба имеет большое значение не только для православных, но и для всей Карпатской Руси и вообще для русского дела, ибо эта борьба имеет кроме религиозной также и политическую, национальную подкладку.

Православные стараются отстоять автономные права своей церкви и ее русский характер, в то время как чешское правительство пытается захватить православную церковь в свои руки, превратив ее в орудие для чехизации и украинизации Карпатской Руси.

По этой причине борьба православной церкви в Карпатской Руси за свои права представляет для всех русских, не только для карпатороссов чрезвычайный интерес, ибо от исхода этой борьбы зависит в значительной степени судьба нашего края, его автономии и его русскости.

Православные составляют в Карпатской Руси значительную часть русского населения края. Поэтому, если православная церковь превратится в орудие чешской политики, то этим увеличится опасность, угрожающая Карпатской Руси со стороны чехов, и борьба за ее автономию встретит новые препятствия. Если же православной церкви удастся отстоять свою независимость от чешского правительства и свою русскость, то наша церковь сделается одним из столпов автономии и русскости Карпатской Руси, этой самой западной окраины Русской Земли.

Вот почему мы должны обращать самое серьезное внимание на борьбу, которую ведет карпаторусская православная церковь за свою свободу против посягательств чешского правительства.

II

Первая попытка захватить карпаторусскую православную церковь была сделана чешским правительством весною 1923 г. Тогда чешское правительство попыталось создать автокефальную „чехословацкую" православную церковь, во главе которой должен был стоять архиепископ — чех с резиденцией в Праге. Карпатская Русь должна была сделаться просто частью этой „чехословацкой церкви. Будущие карпаторусские священники должны были воспитываться в духовной семинарии в Праге, которую чешское правительство предполагало открыть при архиепископстве чехословацкой церкви. Высшее духовное образование они должны были получать на „Гусовом факультете" тоже в Праге. Таким образом будущих карпаторусских православных священников предполагали подвергнуть полной чехизации в „златой Празе". Пражский архиепископ — чех под непосредственным управлением которого находилась бы православная церковь в Карпатской Руси, имел бы возможность назначить туда, на русские приходы, священников — чехов. Были надежды также и на то, что будущие карпаторусские священники, выросшие в Праге, женятся на чешках и, что, таким образом, в карпаторусских селах будут, кроме чешских жандармов и „нотарей" (сельских писарей,

исполняющих также и полицейские функции), еще и православные попадьи-чешки, которые содействовали бы чехизации края и, конечно, воспитывали бы в чешском духе своих детей, — детей православных священников в русском крае.

Для проведения в жизнь этого плана был послан в Константинополь к тамошнему греческому патриарху чех Савватий Врабец из Праги, который перед войной отправился „на ловлю счастья и чинов" в Россию и был там принят в Почаевский монастырь. Как „брат-славянин", он с легкостью окончил духовную семинарию и быстро дослужился до сана архимандрита. После войны и революции он вернулся восвояси, в Прагу, и жил там у своего брата, кондуктора пражского городского трамвая.

Тогдашний константинопольский патриарх Мелетий не знал действительного положения дел в Карпатской Руси и, введенный в заблуждение, рукоположил Врабца во епископы, возвел его в сан архиепископа и издал томос (декрет) об учреждении особой „Чехословацкой" архиепископии, возглавляемой „архиепископом пражским и всея Чехословакии кир Савватием". В томосе было сказано, что Карпатская Русь входит в состав чехословацкой архиепископии. Одновременно с Савватием был рукоположен во иереи и возведен в сан протосингела приехавший с Савватием в Константинополь мирянин, бывший адвокат, чех Червинка, отбывший тюремное наказание и исключенный из сословия адвокатов за подделку векселей. Этот Червинка впоследствии руководил всеми действиями архиепископа Савватия, человека недалекого и слабовольного.

Немедленно после возвращения Савватия из Константинополя чешское правительство известило все православные общины в Карпатской Руси, что согласно распоряжению константинопольского патриарха, они должны подчиниться „архиепископу пражскому и всея Чехословакии кир Савватию". Это обстоятельство а также и факт, что Савватий и Червинка получили паспорта и 12.000 крон на дорогу в Константинополь из рук министра Гирсы, помощника министра иностранных дел Бенеша, доказывает, что все было сделано с ведома и по соглашению с чешским правительством.

Этим своим поступком чешское правительство вызвало столкновение с сербской православной церковью, под юрисдикцией которой находится наша православная церковь в Карпатской Руси.

Во главе сербского правительства стоял в то время покойный Никола Пашич, убежденный руссофил, который принимал близко к сердцу судьбу карпатороссов, как части русского народа, которому Сербия столь многим обязана. Пашич вступился открыто за права сербской Церкви, защитницы русской православной церкви в Карпатах.

III

Тогдашние руководители православного движения в Карпатской Руси не подчинились Савватию. Не признал его православный центр в Изе — Святониколаевский монастырь и Центральный Исполнительный Комитет Православных Общин.

Комитет заявил протест чешскому правительству, а д-р А. Геровский, председатель комитета, поехал в Белград к сербскому патриарху и к Пашичу, а оттуда в Константинополь к вселенскому патриарху, которому он заявил, что карпаторусская православная церковь протестует против вмешательства и что она не признает Савватия своим епископом. Патриарх Мелетий пытался убедить Геровского в необходимости подчинения Савватию Карпатской Руси в виду того, что он, патриарх, сделал все согласно желанию чешского правительства.

В Карпатской Руси загорелась ожесточенная борьба против Савватия и русского епископа Вениамина, присланного ему в пополной победой сторонников сербской юрисдикции, защитников автономных прав и русского характера православной церкви в Карпатской Руси.

В этой борьбе следует отметить попытки чешского правительства навязать русским православным общинам через посредство Савватия и русского епископа Вениамина присланного ему в помощь константинопольским патриархом, устав, напечатанный в Праге в правительственной типографии на двух языках: чешском и „украинском". Однако не нашлось во всей Карпатской Руси ни одной общины, которая согласилась бы принять этот устав.

Благодаря упорству православных вождей и поддержке сербов, чешское правительство было принуждено отказаться от Савватия и даже выслать из пределов Чехословакии обратно в Югославию епископа Вениамина.

Чешскому правительству пришлось признать, что православная церковь в Карпатской Руси находится под защитой и под управлением сербской православной церкви. Таким образом чешская атака была отбита и Карпаторусская православная церковь сохранила свою независимость от Праги и свое русское лицо.

IV

Злата Прага однако не отказалась от мысли завладеть православной церковью в Карпатской Руси.

Для достижения этой цели чешское правительство приняло прежде всего меры для того, чтобы закрыть доступ в Карпатскую Русь Преосвященному Досифею, епископу Нишскому, который в качестве делегата сербской православной церкви приезжал в течение нескольких лет в Карпатскую Русь, оставаясь там иногда несколько месяцев и, не жалея ни труда, ни здоровья, в чрезвычайно тяжелых условиях занимался организацией карпаторус-

ской православной церкви. Убедившись в том, что епископ Досифей не предаст ни за какие блага интересов вверенной ему русской православной паствы, чешское правительство пыталось выжить его всевозможными неприятностями и даже личными оскорблениями и, не добившись результата, предприняло шаги в Белграде, дабы епископа Досифея больше не присылали в Карпатскую Русь.

Кроме того чешское правительство решило удалить из Карпатской Руси д-ра А. Геровского, председателя Центрального Комитета Русских Православных Общин и юрисконсульта сербского синода по карпаторусским делам, которого оно считало главным виновником того, что не удалась авантюра с Савватием. В марте месяце 1927-го года Геровский получил декрет от министерства внутренних дел, которым он был лишен чехословацкого гражданства.

Вследствие этого ему, внуку Добрянского, пришлось покинуть Карпатскую Русь. Правительственные газеты, например, Лидове Новины, известные своею близостью к пражским правительственным сферам, сообщили, что Геровского лишили гражданства потому, что он „защищал сербскую юрисдикцию способами неподобающими чехословацкому гражданину".

Одновременно с этим чешское правительство принялось исподтишка за подготовку новой чехословацкой православной автокефалии под главенством чешского епископа Горазда, заменившего в Праге архиепископа Савватия. Горазд был рукоположен во епископы в Белграде в 1921 году для перешедших из римокатоличества православных чехов в Моравии. Впоследствии он возглавил, с согласия сербского синода, всех православных чехов в Чехии, Моравии и Силезии. Заменив в Праге Савватия, епископ Горазд возмечтал сделаться митрополитом автокефальной „чехословацкой" церкви и начал вмешиваться во внутреннюю жизнь карпаторусской церкви, проводя через нескольких финансируемых им священников меры, идущие в разрез с планами сербской православной церкви и местных руководителей православного движения. Вследствие этого сербская церковь запретила епископу Горазду особым постановлением архиерейского собора всякое вмешательство в дела Карпаторусской православной церкви.

Невзирая на это запрещение, епископ Горазд продолжает свою подпольную работу в Карпатской Руси, пользуясь поддержкой чешского правительства, между прочим также и материальной помощью из секретных фондов пражского „Града" (резиденции президента Масарика).

V

В феврале сего 1930-го года пражское правительство сделало решительный шаг для осуществления захвата карпаторусской православной церкви. Оно опубликовало в журнале министер-

ства народного просвещения и культов организационный устав для православной церкви в Карпатской Руси. Устав был опубликован без согласия и даже без ведома сербского синода и местных органов церкви.

Новый устав ставит православную церковь в Карпатской Руси в полную зависимость от чешских властей. Уставом предусматривается организация отдельной православной церкви в Пряшевской Руси („Словацкая Епархия") и предрешается вопрос о создании автокефальной чехословацкой православной церкви со включением в нее Карпатской Руси как составной ее части. Официальным языком церкви в Карпатской Руси по новому уставу должен быть „язык карпаторусский", что дало бы чешским властям возможность требовать введения в церковной жизни вместо русского литературного языка самостийной мовы.

Новым уставом чешское правительство стремится совершенно недвусмысленно подчинить себе карпаторусскую православную церковь, расколоть ее на две части, создавая на русской Пряшевщине „словацкую епархию" и сделать из православной церкви орудие для чехизации и украинизации, подчинив ее будущей чешской митрополии в Праге.

Необходимо отметить, что по новому уставу приходские священники ставятся в полную зависимость от чешской полиции, так как по этому уставу на приход может назначаться только такой священник, у которого имеется полицейское свидетельство о благонадежности и он лишается прихода, если полиция объявит его политически неблагонадежным.

Опубликование нового устава чешским правительством является нарушением международного сенжерменского договора, подписанного пятью великими державами победительницами и созданной ими Чехословацкой Республикой, который гарантирует Карпатской Руси „самую широкую автономию" (Ст. 10), и исключает специальным постановлением ст. 11-ой какое бы то ни было вмешательство чешского правительства в церковные дела Карпатской Руси. Опубликование устава есть также прямое нарушение конституции Чехословацкой Республики, которая в параграфе 3-м повторяет постановления Сенжерменского договора относительно Карпатской Руси.

Кроме того в Карпатской Руси имеет силу закона устав 1868-го года, которым были определены права сербской православной церкви в Венгрии. До присоединения к Чехословакии Карпатская Русь была частью Венгрии и поэтому, даже согласно чехословацким законам, все венгерские законы остаются в силе, пока они не будут отменены законным порядком, то есть, новыми законами, которые в Карпатской Руси могут быть даны только автономным карпаторусским сеймом. А его до сих пор нет и поэтому в Карпатской Руси по нынешний день остается в силе устав православной (сербской) церкви в Венгрии. Закон, касающийся устройства церкви и ее взаимоотношения с государством, т. е. с

автономным правительством Карпатской Руси, может быть отменен и заменен новым законом согласно Сенжерменскому договору, а также и согласно конституции Чехословацкой Республики, только законом автономного карпаторусского парламента, а не распоряжением чешского правительства, которое вовсе не имеет права вмешиваться в церковные дела Карпатской Руси.

Венгерский закон 1868 года был очень либерален. Он предоставлял сербской православной церкви широкую автономию. Новый чешский устав лишает православную церковь в Карпатской Руси всех тех прав, которыми в Венгрии пользовалась сербская православная церковь. Он напоминает собою самую мрачную австрийскую реакцию времен абсолютизма 1860-ых годов.

Сверх всего этого опубликование нового устава без согласия и даже без ведома сербской церкви, является дерзким вызовом, который чешское правительство бросило сербской церкви, юрисдикционные права которой в Карпатской Руси оно само признало.

VI

Новый устав вызвал возмущение как в Карпатской Руси, так и среди карпаторусской эмиграции в Америке, а также и в сербских — не только церковных, но и политических кругах Югославии. В синод сербской православной церкви были посланы протесты из Карпатской Руси и из Америки. В настоящее время этим вопросом занимается архиерейский собор сербской православной Церкви, собравшийся 15 октября в Сремских Карловцах. Заседания собора будут продолжаться до конца ноября.

К началу собора в Карловцы прибыла из Карпатской Руси делегация, состоящая из трех членов епархиального управления: архимандрита Алексия (Кабалюка), священника Димитрия Белякова и мирянина Василия Гайдова. Кроме того в Карловцы приехал уполномоченный Американской Руси д-р А. Геровский. Делегаты эти были приняты сербским патриархом Варнавой, после чего их выслушала особая комисия, назначенная собором для этой цели. Делегаты вручили патриарху и членам собора памятные записки.

VII

Делегация из Карпатской Руси уже вернулась домой. В Карловцах остался только д-р Геровский, юрисконсульт по делам карпаторусской церкви.

Архиерейский собор сербской православной церкви не принял устава, опубликованного чешским правительством. Остается в силе устав, который в 1869-ом году одобрило мадьярское правительство для сербской православной церкви в Угорщине. Об

этом Архиерейский Собор уже известил чешское правительство через посредство чехословацкого посланника в Белграде.

Среди 25-ти сербских епископов, членов собора, не нашлось ни одного, который считал бы возможным принятие нового чешского устава. Все сербские епископы находят, что венгерский устав 1868-го года дает карпаторусской православной церкви во всех отношениях, и в чисто церковном и в национальном, гораздо больше прав и свободы нежели новый устав, опубликованный правительством „славянской" чешской республики.

Вот до чего мы дожили. Нам приходится придерживаться старых законов мадьярского королевства, чтобы защитить нашу свободу, ибо мадьярские законы не только по нашему мнению, но и по мнению всех сербских владык лучше и либеральнее нынешних чешских законов. И не только в вопросе о церковном уставе это так. И в других отношениях нам приходится ссылаться на пример довоенной Венгрии, чтобы защитить нашу церковь от чешских посягательств. Чешское правительство хочет превратить нашу русскую церковь в чехословацкую церковь и посадить нам на шею чешского епископа Горазда в качестве митрополита („всея Чехословакии"). Нам приходится указывать на пример довоенной Венгрии, в пределах которой существовала, признанная мадьярскими законами, национальная сербская православная церковь с официальным сербским языком, с сербскими церковными школами, начальными и средними (гимназиями), а также национальная Румынская Православная Церковь с официальным румынским языком и румынскими школами. Обе эти церкви были независимы друг от друга. Мадьярское правительство давало им возможность жить и развиваться самостоятельно и оно не делало из них „мадьярской православной церкви". Между тем чешское правительство стремится лишить нашу церковь ее русского национального облика, оно желает превратить ее в „чехословацкую" церковь и сделать из нее орудие для чехизации и украинизации нашего народа. Мы этого никогда не допустим, недопустит этого и сербская церковь!

Сербская православная церковь не преследует в Карпатской Руси никаких политических целей, но она не может содействовать тому, чтобы наша церковь, находящаяся под ее юрисдикцией и защитой, сделалась в руках чехов орудием для денационализации русского народа.

Что же касается чешской православной церкви, числящей в своих рядах не больше семи тысяч православных чехов, и их епископа Горазда, то мы желаем жить с ним в мире, как добрые соседи. Но мы не хотим объединения с чешской православной церковью в одной организации. Мы не желаем иметь с ней ни общей консистории, ни общего синода, ни общей духовной семинарии в чешском Оломоуце. Еще менее мы хотим сделаться частью чехословацкой церкви. Мы хотим, чтобы наша церковь оста-

валась нашей, русской, и чтобы мы по крайней мере в нашей церкви имели покой от чехов, от чехизации. Мы хотим, чтобы хотя бы в нашей церкви не было национальной борьбы, чтобы ни в наших храмах, ни в наших церковных учреждениях, ни в наших церковных школах не „млувили" бы по-чешски, но говорили бы по-русски.

Иными словамы: мы хотим, чтобы наши взаимоотношения с чешской православной церковью были такими, какими были взаимоотношения православных церквей сербской и румынской в довоенной Венгрии: добрые соседи и братья по вере, не желающие господствовать один над другим.

Это должен бы наконец понять и епископ Горазд если он не желает, чтобы мы отнеслись к нему, как мы относились в свое время к архиепископу Савватию, в котором мы не видели православного владыки, а только агента враждебного нам пражского правительства.

Наша православная церковь должна быть нашей русской национальной церковью. Русское православное население, очутившееся вследствие несправедливо проведенной границы в „восточной Словакии", должно остаться частью нашей русской церкви, а не превратиться в словацкую епархию, как этого желает чешское правительство. Ведь к сербской православной церкви, имевшей свой центр в Карловцах, в автономной Хорватии, принадлежали все православные сербы всей Венгрии, даже в самом Будапеште, где имелся сербский епископ, подчиненный сербскому митрополиту-патриарху в Сремских Карловцах. Точно так же все русские, проживающие на территории древней православной русской мукачевской епархии, часть которой отошла „временно" к Словакии, должны оставаться членами единой карпаторусской церкви, центр которой находится в г. Мукачеве, в автономной Карпатской Руси.

От этих наших вполне законных требований мы никогда не откажемся. И мы верим в то, что эти наши требования поддержит и сербская церковь, потому что они справедливы, соответствуют интересам нашей церкви и основаны на международных договорах и на самой конституции Чехословацкой Республики.

VIII

Весной сего года умер престарелый сербский патриарх Димитрий. Его преемник, патриарх Варнава, еще полон сил. На него теперь православная Русь возлагает свои надежды. Как уже сказано выше, в настоящее время заседает в Карловцах архиерейский собор сербской православной церкви, которому предстоит нелегкая задача: решить основные вопросы организации карпаторусской церкви и дать ей постоянного епископа.

Есть основания предполагать, что при новом патриархе серб-

ская церковь будет более энергично отстаивать права нашей церкви в Чехословакии. При наличии желания добиться определенного результата, сербская церковь может осуществить в кратчайший срок все права принадлежащие нашей церкви в Чехословакии на основании международных договоров и самой конституции Чехословацкой Республики.

Обращение было подписано следующими лицами: архимандритом Алексием Кабалюком, священником Димитрием Беляковым, мирянами: Василием Гайдовым и д-ром А. Геровским, председателем Центрального Комитета и юрисконсультом по делам карпаторусской церкви.

Но это обращение к народу, напечатанное в трех тысячах экземпляров в Белграде, было конфисковано чешскими властями.

ЧЕШСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА КАРПАТСКОЙ РУСИ

После образования Чехословацкой Республики, в Праге было созвано учредительное собрание, члены которого были назначены чехословацким правительством. В учредительном собрании были исключительно чехи и словаки; там не было ни одного немца, невзирая на то, что они в Чехии составляли одну треть населения; не было ни одного мадьяра; не было ни одного русского, хотя Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии великими державами с особыми привилегиями. Учредительное собрание состоялось в 1920 году. Первые выборы в чехословацкий парламент, который состоял из палаты депуутатов и палаты сенаторов, происходили в том же 1920 году. Депутаты и сенаторы выбирались во всех частях Чехословакии, также и немцами и мадьярами. Только Карпатская Русь в этих выборах не участвовала. Наш край был лишен какого-либо представительства в чехословацком парламенте до 1924 года. Только в этом году, в ноябре месяце, состоялись первые выборы в Карпатской Руси. В этих выборах были заинтересованы все чешские партии: в частности народно-демократическая, аграрная, народных социалистов, социал-демократов и римо-католических клерикалов.

Д-р Крамарж, первый министр-президент Чехословацкой Республики, предложил мне возглавить список кандидатов народно-демократической партии. Крамаржа я знал хорошо еще до войны. После того, как мне было сделано это предложение, у меня был продолжительный разговор в клубе чехословацких народных демократов с д-ром Крамаржем и д-ром Гайном. На предложение, возглавить их список в Карпатской Руси, я им сказал, что прежде всего мне необходимо знать, как они относятся к автономии Карпатской Руси. На это мне ответил д-р Крамарж: „Само собою понятно, мы стоим за автономию Карпатской Руси". — Нам необходимо знать, какова, по вашему мнению, должна быть автономия Карпатской Руси" — ответил я.

После довольно продолжительного разговора с д-ром Крамаржем и д-ром Гайном, я убедился в том, что они говорят со мной неискренно. На многие вопросы они мне не давали прямого ответа. Дело кончилось тем, что д-р Гайн, который по своей професии был юрист, адвокат, предложил мне составить для него бумагу с интересующими меня вопросами, обещая ответить на них письменно, чтобы избежать недоразумений. С этим я вполне согласился и уже на следующий день передал д-ру Гайну мой список вопросов. Дабы не осложнять дела, я поставил вопросы таким образом, что ссылался на существовавшие до первой мировой войны автономии, в особенности на автономию Хорватии-Славонии в пределах Венгрии, а также и на автономию, которой пользовалась Финляндия в России. Между иными я поставил вопрос: „Готовы ли вы дать Карпатской Руси такую автономию,

какую имела Финляндия в России, или Хорватия и Славония в Венгрии? Если вы не согласны, скажите, чего вы не хотите дать из того, чем ползовались финны в пределах России и хорваты и сербы в Венгрии".

Может быть будет не лишним отметить, что между Финляндией и Россией существовала таможенная граница, что официальным языком Финляндии были финский и шведский языки, что финны были освобождены от воинской повинности.

В Хорватии-Славонии официальным языком был только сербо-хорватский язык. Все школы: народные училища, гимназии и университет пользовались только сербо-хорватским языком. Мадьярский язык имел весьма ограниченные права в пределах Хорватии и Славонии, а именно, надписи на железных дорогах и на всех государственных учреждениях общих для Венгрии и Хорватии, кроме хорватского языка были составлены еще и на мадьярском языке, и чиновники в этих общегосударственных учреждениях, которые входили в соприкосновение с посетителями, должны были владеть обоими языками: сербо-хорватским и мадьярским. Зато все надписи во всех поездах во всей Венгрии были составлены на двух языках: на мадьярском и сербо-хорватском. И даже в далекой Карпатской Руси, входившей в состав Венгрии, мы видели во всех вагонах сербо-хорватские надписи.

Вот я и спросил: „Готовы ли господа Крамарж и Гайн предоставить Карпатской Роси такую автономию, какую имела Хорватия"? И я указал на то, что до первой мировой войны в чешской печати все политические деятели, без различия партий, оплакивали хорватов и сербов за то, что их так угнетают мадьяры.

Я уехал из Праги и долгое время не получал никакого ответа на мои вопросы. Когда я вернулся в Прагу, я опять зашел в парламент и встретив Крамаржа и Гайна спросил их, почему я не получил ответа на мои письменные вопросы. На это мне д-р Гайн сказал очень раздраженным тоном: „Потому, что я понял, что вы поставили вопросы так, чтобы использовать мои ответы для противочешской пропаганды".

Народно-демократическая партия образовала особый комитет, состоявший из шести человек, который должен был заниматься делами, связанными с выборами в Карпатской Руси. Этот комитет возглавлял д-р Семирад, директор одной из пражских больниц („На Виноградах"), чрезвычайно порядочный человек и большой руссофил, каких в тогдашней Чехословакии было очень мало. Он возмущался тем, что произошло у меня с Крамаржем и Гайном, считая, что они должны были согласиться дать Карпатской Руси все те права и преимущества, которые были у Финляндии и у сербо-хорватов и даже более, ибо международный договор гарантировал Карпатской Руси „самую широкую автономию". Кроме д-ра Семереда в этом комитете еще был д-р Скацелик, тоже искренний русофил. Фамилии четырех других я уже не помню. Д-р Семерад меня усиленно уговаривал, чтобы я при-

нял предложение и возглавил список кандидатов в Карпатской Руси. Мне было предложено 250 тысяч чешских корон на расходы. Я от этого отказался.

Потом у меня был разговор с д-ром Миланом Годжей, которого я хорошо знал еще до войны. Он когда-то был членом венгерского парламента и освободил меня с моим братом из „толонц газа" в Будапеште, куда нас мадьярские власти посадили после того, как мы пытались поехать в Изу. Нас арестовали в Хусте и в конечном итоге отправили в Будапешт в толонц газ, где собирали всех бродяг и проституток со всей Венгрии. Мы просидели там две недели. Среди служащих оказался один серб, который согласился сообщить д-ру Годже о нашем аресте. Годжа добился того, что нас освободили, и под конвоем изгнали из Венгрии.

Годжа тоже предложил мне участвовать в выборах и возглавить список аграрной партии на Карпатской Руси, в которой он состоял. Он в то время был членом парламента и министром народного просвещения и вероисповеданий. Он меня долго уговаривал. Вдруг у меня явилась мысль использовать его предложение для того, чтобы помочь православной церкви в Карпатской Руси. Я ему сказал, что я не собираюсь выдвигать мою кандидатуру, но что его аграрная партия может приобрести много голосов, если она покажет, что она не против православных, и что она готова соблюдать венгерские законы, относящиеся ко всем вероисповеданиям в Венгрии, которые до сих пор еще в силе. Согласно чехословацкой конституции, все венгерские законы, не отмененные чехословацким парламентом, оставались в силе в Карпатской Руси и Словакии. Согласно венгерским законам, храмы и церковные имущества считаются „экстра коммерциум", т. е. делами, которыми нельзя торговать, и что поэтому дела, касающиеся церковных зданий и церковного имущества не могут решаться судами наравне с „коммерческими" делами. Вот почему, например, вопрос о том, кто является собственником церковного здания, не может решаться только на основании того, что написано в поземельной книге, а должно быть разрешено административными властями согласно справедливости и в интересах прихожан. В Карпатской Руси, сообщил я ему, имеется много приходов, все члены которых православные, но которых церкви записаны в поземельных книгах как имущество униатского епископа и находятся во власти униатских священников. Так как в вашей партии находится министерство внутренних дел, — сказал я ему, — значит, полиция и вся жандармерия, то покажите хотя бы на одном примере, что вы считаетесь с законами, имеющими силу до сих пор, и передайте, хотя бы в одном приходе церковь, находящуюся в руках униатского священника, православным прихожанам. Д-р Годжа с этим согласился — кстати сказать, он был протестантом — и спросил меня, какой приход передать народу. Я указал на приход в Рахове. „Надо взять, — сказал я ему, — приход на левом берегу Тисы в Рахове, в котором все население

православное". Он со мною согласился и дал мне собственноручное письмо к представителю его партии в Ужгороде. Так как письмо не было запечатано, я его прочел. В нем было сказано, что я пользуюсь его полным доверием и что он просит представителя партии в Ужгороде исполнить мою просьбу.

Представитель аграрной партии в Ужгороде принял меня очень любезно и дал мне письмо такого же содержания к чешскому чиновнику, возглавлявшему в то время администрацию всей восточной части Карпатской Руси, т. е., всего Мороморыша и Угочи (бывших двух венгерских „жуп"). Если мне не изменяет память, его фамилия была Моравец. Находился он в г. Севлюше. Он был там чем-то вроде губернатора. Не входя ни в какие подробности, он принял меня очень любезно и сразу согласился исполнить мою просьбу, попросив меня даже назначить день для этого дела. Было решено, что в такой-то день, кажется, это была пятница, в ноябре месяце, в Рахово приедет его представитель. До этого будут официально уведомлены все прихожане, чтобы они собрались в 10 часов утра перед церковью. Ведь в письме было сказано, чтобы он сделал все то, что я ему скажу, а д-р Годжа был не только министром, но и одним из главарей аграрной партии, самой сильной в чешском парламенте.

Пан Моравец говорил со мною чрезвычайно откровенно. Между прочим он мне сказал, что предстоят выборы и в связи с этим самой неприятной для чехов является партия карпато-русских автономистов. Так как русское население, подчеркивал он, чрезвычайно некультурно и не понимает своих интересов, то он считает, что не будет грехом, если правительственные органы покрадут часть голосов, которые получат автономисты . . .

В установленный мною день я приехал рано утром в Рахово. Я привез с собою архимандрита Алексия Кабалюка, который в то время возглавлял православные приходы в Карпатской Руси. Перед церковью был поставлен стол, за столом поместился представитель чехословацкого правительства, а с боку стояли несколько жандармов. Собрались человек шестьсот гуцулов, русских горцев, одних мужчин, без женщин. Я объяснил им, что приехал представитель правительства, который хочет знать кто они такие: униаты, паписты („папиши") или же православные. „Вас будут вызывать по одному и вы говорите, — сказал я им — чем вы себя считаете". Рядом с представителем правительства сидел какой-то чиновник, который записывал фамилии и ответы. Один за другим гуцулы объявляли себя православными. После того, как уже было записано человек сто, не оказалось ни одного униата. Тогда представитель правительства обратился ко мне с вопросом. „Ну, смотрите, сколько здесь народа. Мы весь день будем сидеть, чтобы всех переписать". Я ему сказал, что можно сделать гораздо проще. Надо спросить, кто из них униат, кто признает папу. Вот тех, кто униат, и запишите. И на этом дело кончится. Чиновник сразу согласился, и вызвал униатов. Их оказалось человек не то

пять, не то шесть. Тогда вдруг раздался крик со всех сторон: „Церковь наша, церковь наша, церковь православная, тут униатов нет".

Церковь стояла на горке, а внизу под горкой был приходской дом, перед которым стоял униатский священник, наблюдавший за всем что творилось. После этого кто-то крикнул: „Идем к попу, пусть он нам даст ключ от церкви, ибо церковь наша". И вот группа гуцулов бросилась вниз к униатскому священнику, который видя, что к нему бегут люди, бросил ключ в снег. Снег был глубокий, его затоптали и ключ найти не могли. Тогда откуда-то принесли лом, сломали дверь церкви, пригласили из соседнего дома архимандрита Алексия и началось богослужение. Церковь была мигом заполнена народом, появились и женщины. Собралось столько народа, что все не могли поместиться в церкви. Хотя был мороз, люди стояли на каменных плитах на коленях, многие из них плакали. Незабываемое впечатление произвел на меня и на всех один гуцул, который стоял впереди на коленях, усиленно бил челом поклоны и плакал. Когда кончилось богослужение, народ обступил его и многие спрашивали: „Что это случилось с тобой? Ведь ты нам всегда говорил, что ты в Бога не веришь, и в церковь ты не хотел ходить. Как это ты теперь вдруг стал на колени, бил поклоны и плакал?" На это он ответил: „Теперь церковь наша. Раньше это не была наша церковь. Когда во время войны наш униатский поп приказывал мне звонить, то он всегда говорил: — „Иди, иди, Иване, позвони этим медведям. Мы для них были медведи . . . а теперь церковь наша".

Эта церковь оставалась в православных руках целый год. В конце года, под давлением римокатолической клерикальной партии в Праге, эту церковь чешские жандармы отняли от православных и передали опять униатскому попу.

Через некоторое время произошел другой случай, еще более показательный. Глава чешской администрации в Севлюше передал впоследствии церковь в селении Керецки местному православному населению, установив факт, что во всем приходе нет ни одного униата и что униатами считают себя только священник, дьяк и сельский писарь, которые вдобавок, все были пришлые. Православная церковь оставалась в руках местного населения, как мне помнится, только около года. Вдруг в одно воскресенье, во время богослужения, появились чешские жандармы, вошли в церковь и приказали всем выйти из церкви. Шло богослужение и священник находился в алтаре. Жандармы вошли через царские врата внутрь, схватили священника за ризы и выволокли его на улицу. Затем начали бить прикладами народ и выгнали всех из церкви. При этом одного из прихожан, по фамилии Марфинец, которого я лично знал, ранили тяжело штыком, так что он,лежа на земле перед церковью, умер. Среди молящихся находилась его жена с детьми. Жандармы не подпустили их к умиравшему.

Много лет спустя, уже после второй мировой войны, когда Бенеш образовал свое заграничное чехословацкое правительство, но без участия постоянного члена всех чехословацких правительств — д-ра Милана Годжи, — который в течение последних трех лет существования Чехословакии был также и министр-президентом Чехословакии, я узнал, почему чехи отобрали у народа церкви в Рахове и Керецких.

Годжа, который хорошо знал Бенеша и глубоко презирал его, не согласился принять участие в заграничном правительстве и поэтому не уехал в Лондон, а остался в Нью Иорке, где я с ним часто встречался. Я уже упомянул о том, что мы с ним были давно знакомы. Находясь в Нью Иорке и не признавая бенешовское правительство, д-р Годжа разговаривал со мною совершенно откровенно. Я его, между прочим, спросил и о том, что произошло в Рахове и в Керецких и почему это случилось. И он мне сказал без обиняков, что все это было сделано под давлением клерикальной римокатолической партии, голоса которой были нужны правительству Масарика и Бенеша в пражском парламенте. А когда я его спросил, почему в Керецких поступили таким зверским образом, и притом в воскресение во время богослужения, почему даже убили человека и выволокли священника из алтаря, он мне сказал: „Это объясняется очень просто. Хотели показать православному русскому населению, что оно совершенно беззащитно”. Вот это его слова.

А. Геровский

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОД ЧЕХАМИ

После войны казалось сперва, что Карпатская Русь получит свободу в Чехословакии, в которой ей была гарантирована самая широкая автономия с полным невмешательством чешского правительства в ее церковные дела. Казалось, что наконец, после столетий гонений, перестанут преследовать православие. В восточной части Карпатской Руси приход за приходом объявлял себя православным. Не было никаких насилий, никаких беспорядков. Униатские священники уходили добровольно. Люди говорили им: „Отче, вы знаете, что мы не паписты. Если вы „папиш" (папист), то вы не наш. Вы можете оставаться в нашем селе, но в нашей церкви вы служить уже не будете. Мы себе достанем нашего православного священника". Так мирно, спокойно кончалась уния в Мороморыше.

В начале чешское правительство не вмешивалось в церковные дела Карпатской Руси, ибо в Сен-жерменском договоре, которым в 1919 году в Париже присоединили Карпатскую Русь к Чехословакии, было сказано, что чешское правительство не имеет права вмешиваться в церковные дела Карпатской Руси. Этот договор подписали все великие державы: Америка, Англия, Франция, Италия, Канада и др. Но впоследствие чешское правительство стало вмешиваться в наши церковные дела и начало защищать и поддерживать унию незаконным и диким способом. Чехи повели против православия открытую борьбу, пользуясь теми же способами, которыми до войны пользовалось мадьярское правительство. Кроме этих способов, чехи нашли еще одно средство поддерживать унию и душить православие. Они давали ежегодно многомиллионные пособия униатской церкви, не давая при этом ни одной короны православной церкви.

Это противоречило не только Сен-жерменскому договору, но и конституции Чехословацкой Республики, в которую были включены постановления Сен-Жерменского договора. Согласно этому договору, все вероисповедания Чехословацкой Республики были равноправны. В договоре и в конституции было сказано, что если чехословацкое правительство будет давать какую-либо материальную помощь какой-либо одной церкви, то оно объязано давать соответственную поддержку также и всем другим церквам. Так это продолжалось до 1929 г. Только начиная с этого года чехословацкое правительство начало давать материальную поддержку православной церкви, уступая нажиму сербской православной церкви, под юрисдикцией которой находилась православная церковь в Карпатской Руси. Но это были гроши.

Вот, например, с 1923 по 1927 г. униатская церковь получила от чешского правительства больше 25 миллионов корон, а православная церковь — ничего. В 1928 г. униатская церковь получила 8 миллионов 253 тысячи, а православная — 35 тысяч, в 1929-м

году униатская церковь получила 11 миллионов 680 тысяч, а православная — 38 тысяч, и т. д.

Дабы надлежащим образом понять значение этих цифр, необходимо иметь в виду, что православные составляли, согласно „Масарикову Научному Словарю", „приблизительно одну треть русского населения". На самом же деле подавляющее большинство русского населения считало себя православным и ненавидело и презирало папистов („папишей"). Слово „папиш" считалось у русских самым оскорбительным ругательством.

Что чешское правительство в 1928 г. решило вообще давать какие-то гроши православной церкви, это было только под нажимом сербов, так как Югославия входила в состав Малой Антанты, членом которой была Чехословакия.

Вскоре чешское правительство начало отнимать у православных церкви даже в селениях, где не было ни единого униата. Делалось это без суда и даже без какого-либо административного производства и без предупреждения прихожан. В селения присылали пятьдесят, сто или даже двести жандармов и кузнеца. Они закрывали церковь, вешали новые замки и объявляли народу, что церковь принадлежит не им, а униатскому епископу. Бывали случаи, когда церкви отнимали в воскресение во время богослужений. При этом молящихся били прикладами, кололи штыками и даже стреляли в людей. Таким образом чехи отняли у православных церкви даже и в таких селах, где не было ни одного униата и где даже мадьярское правительство признало, что церковь православная и где у людей были соответствующие бумаги, выданные мадьярским правительством.

Вследствие таких насилий, приходы оставались без церкви, а православные священники без домов. Людям негде было молиться, а священникам негде было жить. Чехи отнимали у православных вообще все недвижимое церковное имущество, поля и церковные школы. Таким образом чехи спасали унию и старались остановить православное движение. Люди боялись потерять церковь, школу и все церковное имущество. А униатские священники, из которых некоторые хотели пойти с народом, боялись потерять жалование и приходской дом и остаться с детьми на улице.

Сербская помощь

В мадьярское время территория Карпатской Руси находилась официально под юрисдикцией сербского патриарха, хотя фактически габсбургское правительство не допускало того, чтобы сербский патриарх, живший тогда в пределах Венгрии, в Сремских Карловцах, каким-либо способом помогал православному русскому населению. Ему даже было запрещено посылать туда своих священников. Но после первой мировой войны, когда Кар-

патская Русь сделалась на бумаге автономной частью демократической Чехословацкой Республики, сербский патриарх Димитрий послал по просьбе православных карпатороссов сербского епископа Доситея (Досифея), который в качестве патриаршего уполномоченного четыре года управлял церковными делами в Карпатской Руси.

Чехи мешали его деятельности всевозможными способами. Раз его даже арестовали на железнодорожной станции в Хусте чешские сыщики на том будто-бы основании, что они не знали, кто он такой. Арестовали его, невзирая на то, что он показал им свой дипломатический сербский паспорт с чешской визой и письмо белградского чешского посланника, в котором он просил чешские власти идти навстречу епископу Досифею, так как он делегат сербского патриарха. Не помогло епископу Досифею и то, что с ним был д-р А. Геровский, председатель Центрального Комитета Православных Общин, о котором чешские сыщики не могли сказать, что они его не знают. На его протесты сыщики ему сказали, чтобы он не мешал их „официальной деятельности". Владыку Досифея повели с вокзала в хустскую полицию, где его продержали четыре часа, пока в соседней комнате шли телефонные разговоры, очевидно с высшим начальством. Чехи это сделали очевидно для того, чтобы подорвать авторитет православной церкви, показав народу, что полиция может безнаказанно арестовать православного епископа, делегата сербского патриарха.

Епископ Досифей отказался подать жалобу на действия полиции. А на жалобу центрального Комитета Православных Общин не последовало никакого ответа.

В марте 1927 г. чешское правительство лишило д-ра А. Геровского чехословацкого гражданства и изгнало его из Карпатской Руси. Геровский был не только председателем Центрального Комитета Православных Общин, но и юрисконсултом церкви, назначенный Сербским Синодом. Орган Бенеша „Лидове Новины" написал, что Геровского лишили гражданства потому, что „он защищал права сербской церкви способами неподобающими чехословацкому гражданину".

Положение православной церкви в Карпатской Руси было бы еще гораздо хуже, если бы не было сербского правительства, которое защищало православных карпатороссов. Особенно защищал Карпатскую Русь, по мере возможности, НиколайПашич, министр-президент Югославии, а также и сам югославянский король Александр, который находясь в Чехии, в Мариенбаде (Марианске Лазне) на лечении, говорил там с приехавшим к нему чешским президентом Масариком о гонениях на православие в Карпатской Руси. Масарик делал вид, что он впервые об этом слышит и обещал расследовать это дело. Но результатов от этого разговора не было никаких. Впоследствии король Александр, говоря о Масарике, называл его не иначе, как „тот старый лгун" (по-сербски:

„тай стари лажов"). А. Пашич называл Масарика просто „свиньей".

Короля Александра убил в 1934 году хорватский римокатолик-клерикал Павелич, в Марселье, в южной Франции. При этом был убит также французский министр иностранных дел Барту, который сидел в автомобиле рядом с королем. Павелич скрывался в Италии, отказавшейся его выдать. Французский суд приговорил его к смертной казни. В Италии Павелич пользовался покровительством не только правительства Муссолини, но и Ватикана.

Когда в 1941-м году Гитлер выкроил из Югославии „Независимую державу Хорватскую", официально объявленную римокатолическим государством, в котором не должно быть места православным, сразу же началось истребление православного населения, в итоге которого были убиты сотни тысяч православных сербов, не только мужчин, но и женщин и детей, сотни священников и четыре епископа, в том числе и Досифей, тогдашний митрополит православной церкви в Загребе.

Его волокли по улицам и толпа, состоявшая главным образом из женщин, подстрекаемых католическими монахинями, избивала его, вырывала у него волосы и всячески издевалась над ним. Из рук римских зверей Досифея вырвали немецкие гестапо, которые повезли его в Белград, где он пролежал в больнице несколько месяцев не вставая с кровати и умер в ужасных мученях.

Главная причина, по которой покойный владыка Досифей умер смертью мученика была та, что Рим его чрезвычайно ненавидел, приписывая исключительно ему возрождение православия на Карпатской Руси. Об этом можно было читать в разных католических изданиях, между прочим также и в вышедших в трех дополнительных томах к официальной Католической Энциклопедии под редакцией иезуита, официального цензора книг при кардинале Спеллмане.

Павелича, которого известный американский писатель Гамилтон Фиш Армстронг, редактор авторитетного журнала „Форейн Афферс", в своей книге „Тито и Голият", назвал профессиональным убийцей, папа Пий XII торжественно принимал у себя в Риме и восхвалял его как „доброго католика". Ежегодно несколько раз он обменивался с ним телеграмами и благословлял его по случаю дня рождения и именин.

Мы должны вечно помнить сербского короля Александра, который защищал наших православных братьев в Карпатской Руси, убитого взбесившимся римским клерикалом. И в вечной памяти должно остаться у нас имя епископа Досифея, серба, которого избили до смерти латыняки за то, что он помогал нашим братьям в Карпатской Руси воскресить православную церковь.

Почему чехи преследовали православие?

Сам президент Масарик и его правая рука Бенеш не придерживались никакого вероисповедания. Они были атеисты. Почему же они преследовали православную веру в Карпатской Руси? Причина была та, что они оба боялись Рима. Нагайка, которую над ними держал Рим, была чешская римокатолическая клерикальная партия „Лидова Страна", во главе которой стоял латинский монсиньор Шрамек, член парламента и министр в каждом чехословацком правительстве. Партия эта имела в чешском парламенте всегда более двадцати членов. К тому же в чешском парламенте была еще и словацкая римокатолическая клерикальная партия, которую возглавлял патер Глинка, а затем монсиньор Тисо, присоединившийся впоследствии к Гитлеру. Шрамек поддерживал Масарика и Бенеша при условии, что правительство будет преследовать православную церковь и что Карпатской Руси не будет предоставлена автономия. Рим прекрасно знал, что никто из карпаторусских лидеров униатов, ни Бродий, ни Бачинський, ни Коссей, ни Каминский, ни Пьещак не преследовали бы православных на Карпатской Руси. В автономной Карпатской Руси была бы свобода для всех вероисповеданий и это означало бы конец унии, которая была насаждена насилием и держалась только благодаря насилию со стороны чужих правительств. Римокатоликов было на Карпатской Руси всего лишь девять процентов.

Это все было видно по Шрамковой политике. Здесь слишком мало места для того, чтобы написать обо всем подробно. Скажем только еще следующее. Во время второй мировой войны в Америку приехал д-р Милан Годжа, последний премьер-министр Чехословакии. С Годжей мы были старые приятели. Давно, когда я был еще студентом, меня мадьяры арестовали вместе с моим старшим братом Романом в Хусте, объявив нас бездомными бродягами. Американцы таких людей называют „бомами". Нас отправили под охраной жандармов в Будапешт и там посадили в „толонц хаз", в тюрьму, в которой собирали цыган, бездомных проституток и бродяг из всей Венгрии. Там мы просидели две недели. Годжа узнав об этом, — он тогда был членом венгерского парламента — добился у правительства нашего освобождения. Когда Годжа приехал в Нью Йорк, я с ним часто встречался. У него уже не было никаких тайн передо мной, ибо Чехословакия уже не существовала и он отказался от всякого участия в заграничном чехословацком правительстве, основанном Бенешем в Лондоне, которое возглавлял монсиньор Шрамек в качестве министра председателя. Годжа в Нью Йорке часто болел и лежал в кровати. Когда я его посещал, он меня задерживал у себя часами и мы разговаривали свободно обо всем. Тогда Годжа рассказал мне, между прочим, что главной помехой осуществления автономии Карпатской Руси был монсиньор Шрамек. Даже в 1938 г.,

когда в Чехословакию приехала из Америки делегация Карпаторусского Союза, перед самым концом Чехословакии, Шрамек был против автономии. Годжа, который в то время был министром-президентом уже три года, хотел предоставить автономию Карпатской Руси и сказал американской делегации: „Вы получите автономию, если вам удастся создать в Карпатской Руси русское большинство". Делегация создала это большинство. Она объединила все партии. Годжа созвал заседание министерского совета и предложил, чтобы правительство официально предоставило Карпатской Руси автономию, согласно межнународному договору и конституции Чехословакии. Но Шрамек наложил свое „вето". Правительственная коалиция тогда состояла из шести партий, вошедших в коалицию при условии, что все политические вопросы могут решаться только единогласно. Если даже одна партия сказала „нет", то нельзя было решать ничего. Так Рим через монсиньора Шрамка не допустил осуществления автономии, не допустил, чтобы наш народ был свободен, не допустил по той причине, чтобы спасти унию в интересах римского папы.

А. Геровский

P. S. Факты, свидетельствующие о колониальной практике пражского правительства, связанные с духовной и материальной жизнью Закарпатской Руси, приводим не для того чтобы множить показ исторических обид, а с тем, чтобы опровергнуть легенду об аркадских временах правления чехов, периода президентства Масарика и Бенеша на Закарпатьи. Действительность была далека от того что трубила о Чехословакии мировая, г. о. еврейская пресса. Карпатская действительность является слабым свидетельством в пользу принципов **„славянской взаимности"** и **„права самоопределения народов"**, как прокламируемых основ чехословацкой государственности, на уважение к которым вправе было расчитывать население Закарпатской Руси — О. Г.

МЕМОРАНДУМ

Св. Арх. Синода Сербской Православной Церкви Г-ну Д-ру М. Нинчичу, Министру Иностранных Дел о Православной Церкви в Карпатской Руси.

От редакции:

Преследование чехословацким правительством православия в Карпатской Руси вызвало нижеследующий меморандум Сербской православной церкви министру иностранных дел Югославии.

Православная церковь в Карпатской Руси была под юрисдикцией Сербской православной церкви, что давало последней право выступать в защиту Православной церкви в Карпатской Руси.

Святейший Синод
Сербской Православной Церкви
Син Но. 1494
27 июля (9-8) 1925 года,
в Белграде.

Господин Министр!

В 1919 и в 1927 гг. к нам приезжали многочисленные депутации от православных чехов из Чехословакии и православных русских из Карпатской Руси, которые просили нас прислать им епископа и священников, дабы они привели в порядок свои Церкви.

Чехословакия и Карпатская Русь находились во время существования Австро-Венгрии под юрисдикцией сербской Православной Церкви (Карловской митрополии). Это право никем не оспаривалось и наша Церковь, исполняя свой пастырский долг, удовлетворила просьбу этих делегаций. Святой Архиерейский Собор в конце 1920-го года назначил своим делегатом Преосвященного Досифея, епископа нишского, который начал исполнять свою должность в 1921-м году тем, что он отправился сначала в Чехию, а затем в Карпатскую Русь. Также и чехословацкое правительство обращалось к Патриаршему престолу с прошением о прислании епископа Досифея в Чехословакию. Между прочим и тогдашний чешский посол в Белграде, г. Калина, приходил несколько раз к Его Святейшеству Патриарху Димитрию прося его, чтобы епископ Досифей возможно раньше прибыл в Чехословакию. Это известно и остальным членам чехословацкого посольства, которые еще и до сих пор находятся в Белграде. (д-р Черни и д-р Брандейс).

Приезд Преосвященного Досифея встретили с большой приязнью, как тогдашние власти в Чехословакии, так и народ, который массами покидал римокатолическую церковь. В короткое время возможно было установить, что около миллиона душ поки-

нули римо-католическую церковь. Сам президент республики Масарик несколько раз принимал епископа Досифея и он всегда высказывал свою радость по поводу его работы на религиозном поле. Также и д-р Бенеш, министр иностранных дел, которого епископ Досифей посещал много раз, принимал его всегда чрезвычайно любезно. Когда в 1920-ом году д-р Бенеш в первый раз посетил Белград, он тогда разговаривал о религиозном вопросе в Чехословакии с гг. министрами, Св. Прибичевичем и П. Мариньковичем, уверяя их, что чехословацкое правительство предоставит полную свободу сербской православной Церкви, если она считает что она будет иметь успех и если это в ее интересах.

Представители православных общин*) (около 60) единогласно избрали своим епископом Досифея (6/19 августа 1921 г. в монастыре св. Николая в Изе).

Все это указывало на то, что чехословацкое правительство сочувствует работе епископа Досифея и что оно не будет ему делать никаких препятствий. Между прочим, президиум Министерского Совета в Праге выдал Димитрию Кеменю, главе депутации карпатороссов в Праге, документ от 11 августа 1920 г., за номером 23.608, в котором сказано, что чехословацкое правительство не возражает против того чтобы епископ карпаторусской Православной Церкви был назначен из сербского духовенства, а также чтобы священники из Сербии приезжали в Карпатскую Русь и занимали там должности священников. В том же документе сказано, что все церковные вопросы принадлежат компетенции карпаторусского сейма.

Несмотря на все сказанное, после некоторого времени стало заметно иное отношение чешского правительства к нашей Церкви и вообще к православию. Хотя чехословацкое правительство официально признавало права нашей Церкви, оно старалось принизить авторитет нашей Церкви как в Чехословакии, так и в Карпатской Руси. Так, например, в марте месяце 1923-го года благодаря неискренности и стараниям чехословацкого правительства тогдашний царьгородский патриарх Мелетий объявил Чехословакию и Карпатскую Русь частями своей царьгородской патриархии и он рукоположил чеха архимандрита Савватия Врабца во епископы, дал ему чин архиепископа пражского и митрополита чехословацкого и подчинил ему и Карпатскую Русь. Нет никакого сомнения в том, что он это сделал с ведома и согласно желанию чехословацкого правительства. Сам патриарх Мелетий это подтвердил в своем разговоре с д-ром Геровским, который был в Цареграде, чтобы протестовать против незаконных действий упомянутого патриарха.

После этого чехословацкие административные власти известили все православные общины в Карпатской Руси, что они в бу-

*) Карпатской Руси.

дущем должны подчиняться только архиепископу пражскому и всей Чехословакии Савватию, ибо таково решение цареградского патриарха. Упомянуть это интересно потому что — как известно — еще в 1921 году сербская православная Церковь рукоположила во епископы епископа Горазда и ему пришлось долго ждать пока он был признан епископом. Это можно объяснить раве только тем, что он был рукоположен не в Цареграде, а в Белграде. Но интересно еще и то, что невзирая на все это, господа министры, а также и их посол в Белграде нас все еще уверяли, что чехословацкое правительство признает только сербскую юрисдикцию. И когда епископ Досифей спросил министра вероисповеданий г. Марковича, что обозначает распоряжение чехословацких административных властей, то он сказал, что он не знает ничего об этом разпоряжении и что это наверно не так.

В виду того что православные в Карпатской Руси не хотели даже слышать о какой-либо другой юрисдикции, кроме сербской Православной Церкви, неканонически рукоположенный архиепископ Савватий не посмел, как чех, обойти свою карпаторусскую паству и он обратился к патриарху Мелетию с просьбой назначить ему помощника, который будет карпаторусским епископом. При этом он указал на русского епископа эмигранта Вениамина, который находился в Сербии, как наш милый гость. Патриарх Мелетий хотел исполнить эту просьбу, но Патриарший Синод этого ему не разрешил потому что тогда уже было известно настоящее положение вещей. Синод предложил патриарху Мелетию, чтобы он по этому вопросу посоветовался с Сербской Православной Патриархией. И против желания нашей патриархии, епископ Вениамин прибыл в Карпатскую Русь. Но когда он увидел настоящее положение дел, он почувствовал себя принужденным скрыть правду и всюду говорил, что его прислал Его Святейшество Сербский патриарх. Дабы иметь приверженцев, епископ Вениамин ходил по селам и рукополагал направо и налево, кого попало. Он рукополагал простых крестьян, неграмотных и иногда морально весьма сомнительного характера. Но этим епископ Вениямин не ограничился. Он распространял еще и различные циркуляры, в которых нападал на Сербскую Церковь. Так, например, в одном из них он говорит, что в случае, если бы епископ Досифей появился в Карпатской Руси, то народ не должен принять его и науськивал, чтобы народ всюду открыто говорил, что они признают только патриарха константинопольского, но не сербского. Имеются бесспорные доказательства, что на эту работу архиепископ Савватий и епископ Вениамин получали деньги от чехословацкого правительства. Так, например, в 1923 и 1924 году они получили 160.000 чешских крон.

В 1924 году, 12 января, когда в Белграде состоялись заседания Малой Антанты, согласно желанию г-на министра-председателя Пашича состоялось заседание по церковно-просветительным вопросам. На этом заседании, в качестве делегата нашей Церкви,

с одной стороны, участвовали министр вероисповеданий д-р Янич, наш пражский посол г-н Нешич и епископ Досифей, а с другой, чешской стороны, д-р Бенеш и г-н Шеба, посол Чехословакии в Белграде. Они пришли к полному соглашению. Д-р Бенеш заявил, что чешское правительство признает только сербскую юрисдикцию и он обещал при этом, что он примет меры, чтобы эта юрисдикция осуществилась. После заседания было сделано официальное заявление, появившееся в сербских и чешских газетах. Чтобы пойти навстречу также и желаниям чехов, министр Янич обещал предоставить некоторые привилегии и словакам, проживающим в Бачке. Все обещанное Яничем было исполнено, но из обещанного Бенешен не было ничего исполнено. И это невзирая на то, что наша Церковь защищала свои права не только святыми канонами, но и гражданскими законами, и международными договорами (ст. II, гл. вторая Сен-Жерменского договора и пар. 3-ий устава Чехословацкой Республики).

Епископ Досифей был последний раз в Карпатской Руси в минувшем 1924-ом году. Он прожил там пять месяцев. В течение этого времени он прекратил анархию, которую там создали как Савватий, так и Вениямин. Епископ Досифей основал православную консисторию. Перед отъездом из Карпатской Руси епископ Досифей получил через тамошнее сербское посольство приглашение от чехословацкого правительства приехать в Прагу, чтобы там договориться обо всем. Приехав в Прагу, он имел несколько разговоров с министром народного просвещения и вероисповеданий г-ном Марковичем, который попросил епископа Досифея сообщить Сербской Православной Церкви, что чехословацкое правительство готово признать все исторические и канонические права, которые Сербская Православная Церковь имеет в Карпатской Руси и в Чехословакии. А также, что его министерство не позволит никакого вмешательства Савватия в дела Карпаторусской Православной Церкви. К тому же — если Цареградский патриарх не откажется от своих неканонических прав до конца 1924 года — то само чехословацкое правительство объявит эти права константинопольского патриарха незаконными. Не успел еще епископ Досифей уехать из Чехословацкой республики, как епископ Савватий разослал всем карпаторусским приходам циркуляр, в котором он заявил, что все зделанное здесь епископом Досифеем объявляется незаконным и что он освобождает от присяги всех священников, заявивших о своей верности епископу Досифею и православной карпаторусской консистории. Одновременно с этим со стороны чехословацкого правительства усиливаются гонения на православных карпатороссов. Савватий и дальше получает денежные пособия от правительства. Насильно отнимаются храмы у православных, при этом применяются и штыки. Почти никогда подобное не обходится без раненых и убитых. Так, например, в селе Керецки дошло до вооруженного столкновения. Было много раненых и один убитый. Следы от пуль оказались и внутри церкви.

События подобного рода произошли и в Дулове, Бедевле, Урмезиове и Ракошине. И там были убитые и раненые. Запрещается преподавание Закона Божия и в тех школах, где все население даже мадьярским правительством считалось православным и где и сами чехи не запрещали его до 1923 года. Не признаются браки совершенные православными священниками. Детей православных родителей, крещенных православными священниками, гражданские власти вносят в метрическую запись униатами.

Новейшим средством этого неслыханного насилия является закон, которым вычеркиваются православные праздники и вводятся римокатолические, невзирая на то, что в этом крае, согласно официальной статистике, римокатолики составляют меньше 10 процентов населения. Не следует забывать, что согласно параграфу 11 Сен-Жерменского договора (гл. 2) и параграфу 3-му конституции Чехословацкой республики, законодательная власть по религиозным вопросам принадлежит карпаторусскому парламенту и что чехословацкое правительство не имеет права вмешиваться в эти дела.

Наша Церковь считает не только своим правом, но и своей обязанностью стараться о том, чтобы прекратились гонения на Православную Карпаторусскую Церковь — составную часть сербской православной области, а также, чтобы православные добились равноправия со всеми остальными вероисповеданиями и чтобы они получили все те права, которые гарантированы международными договорами и законами.

Это требует пастырская обязанность и авторитет сербской Церкви.

Дабы это существилось, необходимо чтобы с чехословацким правительством был заключен договор по примеру договора, который был заключен в 1920 году между Чехословакией и Австрией. Таким договором должны быть осуществлены и защищены, с одной стороны, права Сербской Церкви, как защитницы Карпаторусской Православной Церкви, а с другой стороны — права православных карпатороссов и православной Церкви в Карпатской Руси. Основой этого договора должно быть все то, что было предусмотрено законом от 10 августа 1868-го года. Этот закон и до сих пор сохраняет полную силу. Имея в виду особенное международное положение Карпатской Руси, необходимо заключить специальный договор о Карпатской Руси отдельно от договора, которым будут гарантированы права нашей Церкви в Чехословакии.

В договоре должно быть определено и установлено следующее:

1) признание сербской юрисдикции в Карпатской Руси;

2) полное равноправие Православной Церкви в Карпатской Руси со всеми остальными вероисповедными организациями;

3) признание организационного устава сербской православной Церкви (Карловской митрополии) от 10 августа 1868 года с тем, что делегату сербской православной Церкви должно быть

признано право исполнять в границах полномочия, которое ему дано архиерейским собором, все функции высших церковных органов, отсутствующих до сих пор в Карпатской Руси;

4) установление числа православного населения в Карпатской Руси путем официальной переписи при участии представителя Сербской Церкви, причем принадлежность к православной Церкви должна быть установлена не на основании мадьярской статистики, а только на основании заявления каждого человека;

5) на основании этой переписи должна быть определена и соответствующая субсидия (Part equitable), как сказано в отделе 9-м (гл. 1) Сен-Жерменского договора для карпаторусской православной Церкви из державных средств не только в будущем, но и за прошлые годы (то есть от 1919 г.) и кроме того и одновременная помощь для организации Церкви (основание богословской школы, соборной Церкви, епископии и т. д.);

6) до урегулирования вопроса о церковном имуществе законом карпаторусского сейма, церковным имуществом будут пользоваться православные или униаты в зависимости от того, кто составляет абсолютное большинство русских жителей общины. Там, где есть несколько церквей, меньшинство получит право пользоваться одной церковью если оно составляет не меньше 20-ти процентов русских жителей в общине;

7) так же должен быть решен вопрос о церковных школах. Вопрос о языке, учителях и учебниках решают самостоятельно церковные власти до решения этого вопроса карпаторусским парламентом, который исключительно компетентен в этих вопросах согласно параграфу 11 Сен-Жерменского договора (гл. 11);

8) договор вступает в силу от момента подписи и он будет затем предложен карпаторусскому парламенту на одобрение. До сих пор этот парламент еще не был созван;

9) договор будет объявлен в Сборнике законов Чехословацкой республики и он будет подписан также карпаторусским губернатором как представителем автономной Карпатской Руси.

В отдельном протоколе должна быть дана епископу Досифею сатисфакция за все обиды и оскорбления, которые ему причинили чешские власти.

Мы просим Господина Министра Иностранных Дел, чтобы он предпринял необходимые меры для заключения в кратчайший срок этого договора. Во всяком случае этот договор должен быть написан и подписан до ближайшего заседания Лиги Наций в Женеве, ибо в противном случае представители Карпаторусской Православной Церкви намерены обратиться с жалобой к Лиге Наций и Сербская Православная Церковь будет в этом случае принуждена помочь им в этой акции.

За председателя архиепископа Печского, Митрополита Белградско-Карловского и Патриарха Сербского Епископ Бачский

ИРИНЕЙ

СЕРБСКИЙ ЕПИСКОП ДОСИФЕЙ — КАРПАТОРУССКИЙ МУЧЕНИК

В Австро-Венгрии все православные, живущие в венгерской половине монархии, находились по закону под юрисдикцией сербского православного патриарха в Сремских Карловцах, за исключением румын, у которых была своя автокефальная православная церковь, признанная таковой венгерскими законами во второй половине 19-го столетия.

На самом же деле венгерское правительство не допускало, чтобы сербский патриарх, резиденция которого находилась в Карловцах, в пределах Венгрии, делал что-либо в Карпатской Руси, которая в то время тоже составляла часть Венгрии. Ему не разрешали послать туда ни епископа ни даже священника, потому, что все православное население Карпатской Руси официально было объявлено униатами и находилось под пятой униатских епископов, назначаемых Римом.

После первой мировой войны Карпатская Русь была присоединена парижской мирной конференцией к созданной тогда Чехословацкой Республике на правах „самой широкой автономии", исключающей всякое вмешательство чешского правительства в церковные дела Карпатской Руси. В начале, в течение не более двух лет, чешское правительство избегало открытого нарушения сен-жерменского договора.

По просьбе карпатороссов, сербский патриарх послал в Карпатскую Русь нишского епископа Досифея, который принялся за восстановление организации православной церкви, уничтоженной Габсбургами.

Но вскоре, под давлением чешской клерикальной партии, начались всякого рода притеснения православной церкви, от которых пострадал и епископ Досифей. Между прочим, в один прекрасный день он был арестован на железнодорожной станции в Хусте, в пяти километрах от Изы, карпаторусского православного центра. Его арестовали два чешских сыщика, делая вид, что они не знают, кто он такой, хотя он предъявил им свой дипломатический югославянский паспорт и письмо чешского посла в Белграде, в котором посол обращался к чехословацким властям с просьбой оказывать епископу Досифею, как делегату сербского патриарха, всяческое содействие. Епископа Досифея чешские сыщики повели в полицейское управление, где его продержали четыре часа.

Для характеристики исторического момента показательна аналогия ряда фактов, указывающая на их координацию, организованную кем-то свыше, независимо от национальных границ и направленную на уничтожение юридических основ местной православной жизни. В 1927 г. был лишен гражданства и выслан из Чехословакии д-р А. Геровский, председатель Центрального Исполнительного Комитета Православных Общин, и юрискон-

сульт православной церкви для Карпатской Руси. Вследствие этого Геровскому пришлось переселиться в Сербию. Приблизительно в то же время из Польши был изгнан юрисконсульт православной церкви К. Н. Николаев. В 1938-м году чешское правительство отказало в визе сербскому епископу Владимиру, назначенному сербским патриархом епископом в Карпатскую Русь, под предлогом, что сербская церковь предварительно, до его назначения, не спросила чешское правительство, согласно ли оно с этим назначением. Епископ Владимир смог занять свой пост в Мукачеве только после того, как этот город был занят венграми.

В тридцатых годах епископ Досифей был назначен синодом сербской православной церкви загребским митрополитом. Загреб столица Хорватии, в которой православные сербы составляют четвертую часть всего населения. Под австрийским режимом сербы имели в Хорватии своих епископов, но не в самом Загребе. Назначение Досифея в Загреб вызвало у католиков большое неудовольствие. Кроме того имя епископа Досифея уже было у них на черной доске за то, что он „своей пропагандой перевел карпатороссов в православие", как это можно прочесть в дополнительных томах к официальной Католической Энциклопедии, изданных кардиналом Спеллманом в Нью Йорке. Когда, за несколько лет до второй мировой войны, епископ Досифей сказал мне, что его назначили митрополитом в Загреб, я умолял его, чтобы он этого назначения не принял, так как он там никогда не был и не знаком с религиозным фанатизмом загребских хорватов. Между прочим, я указал ему на Степинца, уже прославившегося своей религиозной нетерпимостью, и я предупредил его, что у него там будет много неприятностей. „Степинац, воспитывавшийся семь лет в иезуитской семинарии в Риме, сказал я владыке, будет чувствовать себя обиженным что в его столице засядет православный митрополит",*) и что он постарается о том, чтобы владыка Досифей это почувствовал. Я советовал ему, чтобы он убедил членов синода послать в Загреб епископа из тех, кто до первой мировой войны родился и воспитывался в Австро-Венгрии и уже знаком с типами вроде Степинца. Но владыка сказал мне, что его долг слушаться воли патриарха, и он поехал в Загреб.

Когда, через несколько месяцев, я с ним опять встретился в Белграде, он сказал мне, что я был прав. На улицах его часто оскорбляли, в особенности женщины. Они называли его „ярац" (козёл), блеяли как козы и даже плевали на него. Иногда ночью у него били окна. Камни падали даже в его спальню. Я спросил владыку, обращался ли он в полицию. Он ответил, что ему, епископу, не подобает призывать полицию. А когда я ему сказал, что в таком случае его враги подумают, что он их боится и что они

*) Во всей Сербии римокатолики составляли только 1 процент населения, но невзирая на это в Белграде, столице Сербии, был их епископ.

еще больше обнаглеют, владыка ответил: „Нет, они знают, что я их не боюсь. Когда они меня ругают или плюют на меня, я просто поднимаю руки и благословляю их крестным знаменьем".

После того как Гитлер захватив Венгрию, вторгся в Югославию и водворил в Загребе в качестве диктатора террориста Анте Павелича, убийцу короля Александра, я знал, что жизни владыки Досифея грозит опасность. Я тогда уже находился в Нью Йорке. Досифей явился мне два раза во сне. Он был чрезвычайно бледен, ничего не говорил и только молча смотрел на меня своими черными глазами. Я поехал в Вашингтон к югославянскому послу Фотичу и переговоривши с ним, написал письмо д-ру Тибору Патаки в Будапешт, который ведал меньшинственными делами в президиуме правительства. Патаки был протестант-кальвинист, не питавший особых симпатий к „папистам". В моем письме я просил его, чтобы он поинтересовался судьбой митрополита Досифея и сообщил мне, не приключилось ли с ним чего-либо. Ответа я не получил. Впоследствии я ездил несколько раз к Фотичу, но он ничего не мог узнать о Досифее.

Наконец, когда я опять приехал к нему, из его кабинета как раз выходил какой-то незнакомый мне человек. Стоявший в двери Фотич, увидев меня, закричал: Вот Геровский! Вы пришли очень кстати!! Вот господин, который только что приехал из Белграда! Он вам все расскажет про Досифея!

Мы сели с незнакомцем в приемной. Как все приехавшие „оттуда", он, не зная кто я, вначале был не особенно словоохотлив. Пришлось мне рассказать ему сперва про меня и объяснить, почему я интересуюсь епископом Досифеем. Когда он наконец разговорился, я узнал от него, что он врач, австрийский еврей, живший долгое время в Хорватии и затем переселившийся в Вену. Поэтому он говорил хорошо по сербо-хорватски. И это его спасло, когда Гитлер захватил Вену. Он бежал в Белград и там его устроили врачем при тюрьме, откуда он никогда не выходил, пока нацисты распоряжались в Белграде. В конце концов ему удалось бежать в Грецию и через Турцию в Каир, откуда он только что приехал в Вашингтон.

Вот что он мне рассказал про владыку Досифея. Однажды два нацистских СС в форме привели к нему в тюрьму человека в изодранных лохмотьях, который тяжело дышал и не был в состоянии говорить. Все его тело было в синяках и кровоподтеках. — „Меня увидило, почему они привели его в тюрьму. СС-маны сказали мне, что они нашли его в Загребе в полицейской тюрьме и, узнав, что это сербский епископ, решили его перевести в Белград. А вы делайте с ним что хотите."

В продолжение войны я ничего больше не мог узнать про владыку Досифея. Когда же кончилась война, стало известно, что он умер. Тогда я написал митрополиту Иосифу, заместителю сербского патриарха.

Отвечая на мое письмо, митрополит Иосиф сообщил мне, что

он видел Досифея в санатории доктора Живковича. Он лишился ума и никого не узнавал. Он даже не узнал его, митрополита Иосифа, с которым он был знаком с раннего детства и с которым он вместе окончил народное училище, гимназию и киевскую духовную академию. Пришел Досифей в себя только через несколько недель и рассказал митрополиту Иосифу, что с ним случилось. Когда его волокли по улицам Загреба, больше всех его истязали женщины. „А вы ведь знаете, что покойный Досифей больше всего старался помогать женщинам. Досифей уже никогда не был в состоянии подняться с кровати. И после мучений, продолжавшихся много месяцев, он умер." Вот что сообщил мне митрополит Иосиф.

Я знаю, почему покойный митрополит Досифей особенно старался помогать женщинам. У него была старушка мать, которую он очень любил. Я ее знал. Когда Досифей был мальчиком, они были очень бедны и его мать работала день и ночь прачкой, чтобы дать свему сыну возможность получить образование.

Покойный митрополит Досифей умер мученической смертью за свою работу в Карпатской Руси. Так как большинство приходов Северо-Американской Митрополии состоит из выходцев из Карпатской Руси, следовало бы назначить день, в который ежегодно совершался бы молебен в память блаженного митрополита Досифея с соответствующей проповедью, дабы весь русский православный народ в Америке знал и помнил, как и за что пострадал Досифей, первый православный карпаторусский епископ после первой мировой войны и мученик.

А. Геровский

Памятная записка Центральной Русской Народной Рады,

переданная д-ру **Милану Ходже,**
председателю Совета Министров Чехословацкой Республики.

Ужгород 19-го июля, 1938 г.

Господин Председатель!

Невзирая на все наши усилия, автономия Карпатской Руси, гарантированная нашему народу сен-жерменским договором, до сих пор не проведена в жизнь и все постановления этого договора, относящиеся к нашей автономии остаются мертвой буквой. У нас нет ни автономного сейма, ни автономного правительства, ответственного перед сеймом, хотя обе эти институции предусмотрены в статье 11-ой сен-жерменского договора.

Наш край наводнен чешскими чиновниками, присланными из чешских провинций Чехословакии. В некоторых правительственных учреждениях число этих чешских чиновников превышает 90 процентов, хотя статьей 12-ой сен-жерменского договора предусмотрено, что чиновники в Карпатской Руси должны наби раться по возможности из местных жителей даже в тех учреждениях, которые являются общими для всего государства.

Все дела нашего края находятся в руках этих чешских чиновников. Они не только ведают всеми административными делами, но в их ведении находятся и школы, почта, телеграф, железные дороги и т. д. подобным образом они распоряжаются и сотнями тысяч гектаров леса, пастбищ и других земель, принадлежащих нашему народу. Они занимают не только все руководящие места в администрации. В большинстве случаев они занимают также и все другие должности до простых служителей включительно. Они не знают русского языка и они отказываются учиться ему. В итоге в нашей так называемой автономной стране чешский язык считается единственным официальным языком, во всех учреждениях, включая и суды, невзирая на то, что существует закон, согласно которому русский язык считается равноправным с чешским языком, поскольку он объявлен языком „государственным". Русские чиновники, которых очень мало, не могут и не смеют пользоваться русским языком, так как их шефы его не знают и возвращают им бумаги написанные по-русски или требуют приложения чешского перевода. Русские чиновники, дерзающие пользоваться иногда русским языком, на дурном счету. Им даже грозят, что им волей или неволей придется прекратить их безуспешные попытки пользоваться русским языком. Не следует забывать, что эти русские чиновники знают, что над ними постоянно висит дамоклов меч в виде неблагоприятных отметок в их послужных списках, которые всегда и во всех ведомствах составляют чешские чиновники.

Невзирая на то, что русский язык в Карпатской Руси объявлен „равноправным с чешским", чиновники-чехи не обязаны говорить по-русски, но зато русские чиновники должны владеть чешским языком и обязаны подвергаться экзаменам, которыми проверяется их знание чешского языка. Совсем недавно даже сторожа, следящие за исправностью дорог в Карпатской Руси, были извещены особым циркуляром о том, что они должны подвергнуться такому экзамену.

Систематическая чехизация нашего края проводится не только через посредство этих безчисленных чиновников-чехов, но также через посредство всевозможных других способов, в особенности же посредством школ. В Карпатской Руси, где до ее присоединения к Чехословацкой Республике не было ни одной чешской школы, в настоящее время 188 чешских школ и около девятисот чешских учителей. Дабы привлечь в эти школы учеников из местного населения, употребляются всевозможные искусственные меры. Так например евреям, посылающим своих детей в эти школы, даются всякого рода привилегии, в особенности право продажи спиртных напитков и табака. Детей из неимущих русских семейств привлекают даровой раздачей обуви, одежи, учебников и т. д. К тому же чешские школы в Карпатской Руси снабжены прекрасными зданиями, учебниками и инвентарем, в то время как в русских школах всего этого нет и они обыкновенно помещаются в старых негигиенических зданиях. Для того, чтобы дискредитировать окончательно русские школы, правительство нарочно создало хаос в отношении языка преподавания. У нас существуют школы, в которых разные учителя употребляют три, четыре или даже пять различных наречий или жаргонов, пользуясь при этом чешскими учебниками. В течение восемнадцати лет со дня основания чехословацкой Республики, правительство запрещало преподавание русского литературного языка в русских школах и не допускало русских учебников в эти так называемые русские школы в Карпатской Руси. В результате наша русская молодежь, включая и тех, которые посещали в течение первых восемнадцати лет чешского режима эти так называемые русские школы, не могут ни говорить ни писать правильно по-русски и в большинстве случаев знают хорошо только чешский язык.

На всех правительственных и общественных зданиях в Карпатской Руси красуются чешские надписи. Во всех городах названия улиц переведены на чешский язык и во многих случаях старые их названия заменены новыми в память разных чехов, которые не имеют никакого отношения к Карпатской Руси и совершенно неизвестны у нас. Все магазины обязаны иметь чешские вывески. Но русские вывески не обязательны даже на правительственных зданиях. А если таковые имеются где-нибудь, то они обыкновенно составлены на плохом русском языке. Иногда русские буквы заменены латинскими. В других случаях чешские надписи просто написаны русскими буквами. Такие надписи само собою разумеет-

ся остаются непонятными. Единственный их эффект — показать наглядно отсутствие всякого уважения к русскому языку со стороны чешского правительства.

Дабы дискредитировать русскую школу и посеять раздор среди нашего народа, чешское правительство с самого начала пыталось искусственными мерами насадить у нас сепаратистическое украинское движение. Этот украинский сепаратизм насаждался до первой мировой войны австрийским правительством в восточной Галичине. Но у нас его не было до прихода чехов. Чешское правительство импортировало украинских сепаратистов из Польши, Австрии и даже Германии. Передав в их руки русские школы в Карпатской Руси и субсидируя их, чехословацкому правительству удалось воспитать некоторую часть младшей генерации в сепаратистическом духе, враждебном русской культуре и русскому литературному языку.

Эта искуственная парниковая украинизация производилась в целях как внутренней так и иностранной политики. С точки зрения внутренней политики министерство народного просвещения считало полезным — как это в свое время признал Вавро Шробар, министр народного просвещения — препятствовать распространению русского литературного языка и поддерживать украинский языковый сепаратизм, так как знание русского литературного языка сделало бы какую либо чехизацию невозможной. „Никто, сказал министр, не согласился бы променять русский литературный язык на чешский или на словацкий. Но с украинским языком мы можем конкурировать."

С точки зрения иностранной политики, цель, которую преследовало чехословацкое правительство насильственной украинизацией Карпатской Руси была та же, которую преследовало австрийское правительство украинизацией русского населения Галичины. Чехословацкое правительство надеялось сделать из Карпатской Руси базу для украинской пропаганды за Карпатами с целью создания независимого украинского государства на северном склоне Карпатских гор. Осуществление такого плана дало бы пражскому правительству возможность расширить свое влияние на востоке, найти новые рынки для своих товаров и новые пространства для чешской колонизации. Для этой цели пражское правительство не стеснялось привлекать „украинцев" из Галичины и Буковины, которые до войны и во время войны были заведомо агентами германского генерального штаба и занимались украинской пропагандой в лагерях военнопленных малороссов в Германии во время войны. Этих специалистов украинской пропаганды чешские власти устроили в Карпатской Руси и им они поручили воспитание нашей молодежи.

Не достигши цели в обоих направлениях — чехизации нашего края и создании базы для независимой Украины на северном склоне Карпат — чехословацкое правительство все же пользуется в настоящее время языковым раздором как предлогом для того,

чтобы отсрочить автономию до тех пор, пока представители русского и украинского направления не придут к соглашению, потому что без такого соглашения, мол, будущий автономный сейм не будет в состоянии работать и автономия сделается невозможной. Со своей стороны правительство делает все возможное, дабы недопустить до такого соглашения. Так как украинское движение в Карпатской Руси было создано пражским правительством и так как оно может существовать только при его поддержке, то совершенно естественно, украинские сепаратисты во всем слушаются своего начальства и противятся всеми силами проведению в жизнь автономии. При переговорах с представителями русского течения они поэтому ставят невозможные условия и таким образом обрекают заранее на провал какое либо разумное соглашение.

Это сказалось лишний раз в мае месяце сего года, когда карпаторусская делегация, приехавшая из Соединенных Штатов, пыталась посредничать между этими противоположными партиями. Украинские сепаратисты потребовали с самого начала, чтобы в случае осуществления автономии, половина всех мест в правительственных учреждениях и половина всех денег, расходуемых на культурные цели, была предоставлена им. Они потребовали еще и то, чтобы во всех городах, в которых будут открыты русские средние учебные заведения, одновременно были основаны также и украинские школы. Дабы доказать, насколько эти требования абсурдны, будет достаточно указать на следующие два обстоятельства:

1) Несмотря на весемнадцатилетние усилия чешских властей внедрить во все начальные школы Карпатской Руси украинский язык за счет русского литературного языка, недавно проведенный плебесцит дал 76% голосов в пользу русского языка.

2) Из восьми депутатов, которые представляют русское население в обеих палатах чехословацкого парламента, семь человек принадлежат к русскому направлению и только один считает себя украинцем. Юлий Ревай единственный карпаторусский член пражского законодательного собрания, который называет себя украинцем. Но дело в том, что даже этот единственный „украинец" не получил в Карпатской Руси достаточно голосов, чтобы быть избранным в Карпатской Руси. Он попал в парламент только благодаря некоторым странностям чехословацкого избирательного закона. При второй баллотировке чехословацкая социал-демократическая партия, к которой принадлежит Ревай, дала ему остатки социалдемократических голосов, чешских и словацких, полученных партией в других частях республики. Что же касается голосов, полученных Реваем в самой Карпатской Руси, то это по большей части голоса мадьяр, евреев и чешских чиновников, принадлежащих к социал-демократической партии. Только весьма небольшая часть состоит из русских голосов. Русское население дало ему не больше 7000 голосов, в то время как русских голосов в Карпатской Руси было 180.000. Иными словами, „украинец" Ревай

получил только четыре процента голосов населения, которому сен-жерменский договор гарантировал автономию. При таких обстоятельствах едва ли можно считать Ревая представителем русского населения Карпатской Руси.

Результат получится тот же, если мы примем во внимание, что г. Ревай является также представителем чешской клерикальной партии, которая на последних выборах не выставила своего кандидата в Карпатской Руси, и которая так же поддерживает украинство. Эта партия в свое время получила в Карпатской Руси всего 7037 голосов, главным образом чешских. Мы здесь не принимаем во внимание коммунистов, потому что они повинуются инструкциями Московского Интернационала и меняют свою ориентацию согласно этим инструкциям.

Невзирая на все это, г. Ревай счел возможным, как представитель украинского течения, выставить во время переговоров бывших в мае сего года, упомянутые выше требования, принятие которых обеспечило бы украинским сепаратистам половину всех моральных и материальных благ, которые получила бы Карпатская Русь в случае осуществления самоуправления. Когда же русские предложили, со своей стороны, украинствующим часть соответствующую их числу в будущем автономном сейме, г. Ревай отказался наотрез и соглашение не могло состояться.

Некоторые органы чехословацкой правительственной печати вывели их этого немедленно заключение, что даже теперь, после восемнадцати лет, невозможно дать автономию Карпатской Руси, потому что жители этого края не могут прийти ни к какому соглашению. К сожалению, не только правительственная печать, но и некоторые чешские политики придерживаются той же точки зрения. Само правительство неоднократно заявляло, что предварительное соглашение между представителями русского и украинского течения является непременным условием предоставления автономии Карпатской Руси, ссылаясь на то, что без такого соглашения плодотворная и в политическом отношении полезная работа будущего сейма была бы невозможной. На самом же деле это только предлог, так как, с одной стороны, такое соглашение не возможно потому, что украинствующие являются только исполнителями воли чешских правительственных партий, враждебных нашей автономии. С другой стороны, каждый человек, хоть маломальски знакомый с положением в Карпатской Руси, знает прекрасно, что вполне возможно создать в Карпатской Руси автономный сейм с русским большинством, который будет в состоянии работать плодотворно без участия г. Ревая и незначительной украинской группы.

Дело не в г. Ревае, но в чем-то совершенно ином. Чехословацкие правительственные партии, которые в течение девятнадцати лет были господами Карпатской Руси, где они устроили тысячи чешских чиновников с их семьями и взяли все богатство края в свои руки, не желают уйти из Карпатской Руси и пере-

дать русским то, что принадлежит им по праву, согласно сен-жерменскому договору и конституции Чехословацкой Республики.

Чешские социал-демократы не единственные не желающие уйти из Карпатской Руси. Также и другие чешские партии не желают этого. В исполнительном комитете Аграрной партии депутак И. Заиц не допустил одобрения соглашения, подписанного 9 июня сенатором Бачинским, русским, членом этой партии, и депутатом Бродием, представляющим карпаторусскую оппозицию. Г-н председатель, в качестве главы чехословацкого правительства и будучи членом Аграрной партии вполне одобрили это со глашение, но это не помешало другому члену Вашей партии обесценить Ваше согласие следующим заявлением: „Нельзя закрывать глаза на то, что в Карпатской Руси началась борьба за власть между чехами и русскими". Мы ценим откровенность г .Заица, потому что мы можем прийти к соглашению только тогда, если мы будем говорить откровенно то, что мы думаем. На самом деле в Карпатской Руси образовался настоящий общий чешский фронт, фронт чешских чиновников и чешских правительственных партий, фронт узурпаторов, которые захватили власть в нашей стране и которые стараются удержать в своих руках эту власть против воли тех, кому она должна по закону принадлежать. Мы знаем их лозунг: „Мы не отдадим русским то что мы создали и чем мы, владеем".

Но с такой же откровенностью мы заявляем с нашей стороны, что мы ни в коем случае не откажемся от наших прав. Мы настаиваем и мы будем настаивать на том, чтобы был проведен в жизнь сен-жерменский договор, которым Карпатская Русь была присоединена к Чехословацкой Республике с условием предоставления Карпатской Руси самой широкой автономии, законодательного собрания и автономного правительства, ответственного перед этим собранием, согласно статьям 10-ой и 11-ой этого договора. Мы еще раз заявляем, что будем довольны такой автономией, какой пользовались хорваты в Венгрии перед войной, хотя мы знаем, что это далеко не была та „самая широкая автономия", которая нам гарантирована сен-жерменским договором.

Мы еще должны прибавить, что „первый этап самоуправления", объявленный в прошлом году, никак не является шагом к осуществлению автономии. Закон № 172 только ослабляет позицию губернатора Карпатской Руси, у которого и до объявления этого закона было весьма мало прав. Этот закон окончательно сосредотачивает все права в руках вице-губернатора, чеха и начальников разных правительственных департаментов, которые тоже чехи и которые поэтому даже отказываются самым нахальным образом давать губернатору сведения, за которыми он к ним иногда обращается.

Обращаясь к Вам, Господин Председатель Совета Министров, с этим меморандумом, мы исполняем наш долг перед народом,

именем которого мы, члени Центральной Русской Народной Рады, следуя примеру наших американских братьев, 8-го мая 1918-го года объединили Карпатскую Русь с Чехословацкой Республикой.

Нас упрекают с чешской стороны, что мы настаиваем на реализации наших прав в такое неподходящее время, когда пражское правительство занято такими щекотливыми переговорами с немцами. И нам говорят, что раз мы ждали автономии восемнадцать лет, мы могли бы подождать „еще немного" и дать правительству возможность прийти к соглашению с немцами. На это мы отвечаем: Мы убеждены в том, что мы никогда не получим автономии, если мы ее не добьемся теперь, в то время, когда все национальности республики получат права, которые не предусмотрены ни международными договорами, ни конституцией.

Мы убеждены, Господин Президент, что Вы относитесь к нам благожелательно и что Вы всячески стараетесь, чтобы нам были предоставлены наши права. Мы только можем пожелать, чтобы Вам удалось преодолеть все те препятствия, которые встают на Вашем пути. Мы знаем, что проведение в жизнь Ваших намерений зависит от согласия шести коалиционных партий. Мы желаем Вам крепости духа и здоровья, дабы Вы могли закончить великое дело предпринятое Вами для блага нашего края и государства.

Центральная Русская Народная Рада

Председатель: д-р И. Каминский
Секретарь: д-р В. Гомичков

Меморандум

Врученный лорду Рунсиману в Праге 13-го сентября 1938 делегацией Русского Блока, представляющего большинство карпаторусского народа и объединяющего две самые сильные партии в Карпатской Руси, правительственную Республиканскую Аграрную Партию и оппозиционный Автономный Земледельческий Союз.

Карпатская Русь была присоединена к Чехословацкой Республике сен-жерменским договором, в предисловии которого сказано, что „русское население к югу от Карпатских гор присоединилось по собственной воле к союзу чехов и словаков".

На самом деле нечто вроде референдума было устроено в 1918 году среди карпатороссов в Соединенных Штатах Северной Америки, в итоге которого 67 (шестьдесят семь) процентов высказалось в пользу объединения Карпатской Руси с чехословацким государством на основании федерации. Это решение было принято благодаря влиянию, оказанному президентом Вилсоном, который посоветовал делегации карпатороссов, обратившихся к

нему с просьбой выступить в защиту свободы их края, не настаивать на полной независимости, но примкнуть к будущей Чехословакии. Давая им этот совет, покойный президент Соединенных Штатов уверял делегацию, что карпатороссам будет гарантирована полная свобода и самая широкая автономия в пределах Чехословакии.

Примеру американских карпатороссов, составляющих одну треть всех карпатороссов, последовали, не без некоторых колебаний, карпатороссы в Европе. 8 мая, 1919 года, три русских народных совета, существовавшие раньше в Карпатской Руси, объединились в одну организацию с названием „Центральная Русская Народная Рада, заседавшую в Ужгороде, столице Карпатской Руси. Центральная Русская Народная Рада постановила присоединение края к Чехословакии на основании предельно широкой автономии.

Референдум американских карпатороссов и постановление Центральной Русской Народной Рады в Ужгороде послужили мирной конференции формальным основанием для присоединения Карпатской Руси к Чехословакии, без нарушения принципа освобождения всех малых народов и права их на самоопределение, который был тогда провозглашен. Присоединение Карпатской Руси к Чехословакии было проведено в жизнь международным договором, подписанным 10-го сентября 1919 года в Сен-Жермене Великой Антантой (Великой Британией и Францией без России) и присоединившимися к ней державами — с одной стороны, и представителями новосозданной Чехословацкой Республики, с другой стороны. От имени Чехословакии договор был подписан д-ром Бенешем, который в настоящее время является президентом Чехословацкой Республики.

Сен-жерменским договором Карпатской Руси была гарантирована „полнейшая степень самоуправления совместимая с понятием единства Чехословакии" (статья 10 договора).

Карпатской Руси должен был быть предоставлен свой собственный законодательный сейм (законодательное собрание), в ведение которого должны были входить все вопросы, касающиеся языка, школы и вероисповеданий, местной администрации и все другие вопросы, которые должны были быть определены законами чехословацкого государства (ст. 11).

Во главе администрации должен был быть губернатор, назначенный президентом республики и ответственный перед карпаторусским сеймом (ст. 11).

Чиновники в Карпатской Руси должны были назначаться по возможности из местного населения (ст. 12)

Кроме автономного сейма сен-жерменский договор гарантировал Карпатской Руси право быть соответствующе представленной в чехословацком парламенте (ст. 14).

Опека данных постановлений договора вменялась Лиге Наций (ст. 14).

Все эти постановления сен-жерменского договора были включены почти дословно в конституцию Чехословацкой Республики. Вопреки этому, до сего дня, т. е. девятнадцать лет после подписания сен-жерменского договора, эти постановления все еще не были проведены в жизнь.

И вопреки договору, гарантирующему автономию всей русской территории, лежащей к югу от карпатского хребта, значительная часть ее, населенная 250.000 русских, была отрезана от нее и присоединена к Словакии.

В настоящее время Карпатская Русь не пользуется никакой автономией. Она управляется чиновниками-чехами, присылаемыми из Праги, которые не знают русского языка и которые не ответственны ни перед кем, кроме правительства, которое их туда посылает.

В Карпатской Руси нет автономного сейма. Даже все те вопросы, которые перечислены в статье 11-ой договора, как вопросы подлежащие исключительно ведению автономных властей, решаются Прагой, как в законодательном так и в административном порядке.

Губернатор, являющийся в настоящее время единственным высшим чиновником русской национальности в Карпатской Руси, лишь кукла. Он лишен каких-либо настоящих прав. Особым постановлением пражского совета министров (№ 26.536 от 1920-го года), все права предоставлены вице-губернатору, пост которого всегда занимает чех.

Руководящие должности во всех отраслях управления находятся неизменно в руках чехов. И большинство менее ответственных мест, включая низших чиновников и прислугу, также занимаются чехами, присылаемыми из Праги.

Вопреки статье 13-ой договора, Карпатская Русь лишена „соответствующего" представительства в пражском парламенте. Ее представительство не соответствет количеству населения Карпатской Руси, даже в ее теперешней урезанной территории. Вместо, по крайней мере, 14ти депутатов, Карпатской Руси предоставлено всего лишь девять мест. К тому же, благодаря некоторым особенностям чехословацкого избирательного закона, чехословацкие партии могут в некоторых случаях передать голоса, полученные ими в Чехии и в Словакии, своим кандидатам в Карпатской Руси и таким образом влиять на результат выборов. Вследствие этого Карпатская Русь в настоящее время представлена в пражском парламенте некоторыми депутатами, которые не были избраны в Карпатской Руси.

Этот режим, продолжающийся вопреки сен-жерменскому договору уже почти девятнадцать лет, и вопреки конституции, нарушает не только законные политические права нашего народа, но и его культурные, социальные и, в особенности, экономические интересы.

Мы сознаем, что теперешний глава чехословацкого правитель-

ства, д-р Милан Ходжа, искренно желает, чтобы постановления сен-жерменского договора и чехословацкой конституции были проведены в жизнь. Он пользуется доверием карпаторусских политических деятелей. Мы также готовы признать, что некоторые шаги к осуществлению карпаторусской автономии уже сделаны. Но мы также знаем, какие препятствия он встречает на этом пути. Поэтому мы полагаем, что проявление интереса с Вашей стороны к нашей проблеме сильно помогло бы ее благополучному и скорому разрешению.

К большому нашему сожалению, мы должны отметить, что вопреки формально лучшему обеспечению интересов нашего народа сен-жерменским договором, нежели других национальностей Чехословакии, — договор гарантирует нашему народу больше прав, включая даже территориальную автономию, — судьба на шего народа до сих пор гораздо хуже, чем положение других национальных меньшинств в республике. Очевидно причина этого явления состоит в том, что за нами не стоит иноземное государство, которое, будучи одной с нами народности, могло бы или хотело бы поддержать наши требования. Но настоящий момент, когда грубая сила и военная подготовленность имеют такое решительное значение, кажется нам самым подходящим в интересах подорванного международного доверия, показать на деле, что международные договоры не являются клочками бумаги, но должны быть выполняемы даже тогда, когда они касаются малых и бес помощных народов, которым не на кого опираться, как только на свои права, гарантированные Великими Западными Демократиями.

Если Вам понадобятся дополнительные и более подробные сведения, таковые Вам могут быть предоставлены нашим Информационным Бюро, находящимся в отеле Алкрон, комната № 308.

Прага, 13 сентября, 1938.

Д-р Э. Бачинский
Андрей Бродий
Юлий Фельдеший
Д-р Павел Коссей
Д-р Иван Пьещак
Петр Жидовский
Василий Щерецкий

Меморандум

переданный лорду Рунсиману в Праге 13-го сентября 1938-го года Петром Жидовским и д-ром Иваном Пьещаком, членами чехословацкого парламента, представителями русского народа в восточной Словакии.

Сен-Жерменский договор, на основании которого Карпатская Русь была присоединена к созданной тогда Чехословакии, гарантировал всему русскому народу, находящемуся в пределах Чехословакии, самую широкую территориальную автономию.

Все границы, включая также и границу отделяющую Карпатскую Русь от остальных частей республики, должны были быть определены Великими Державами, подписавшими Сен-Жерменский договор. Но территориальная Коммиссия мирной конференции установила только временную демаркационную линию, согласно пожеланиям чехословацких представителей. Окончательная граница должна была быть определена Великими Державами. До сих пор это не было сделано. И до сих пор не был объявлен закон, которым, согласно параграфу 3 чехословацкой конституции, должно было быть произведено окончательное разграничение между автономной русской территорией и Чехословакией.

Генеральный Статут 1919-го года (Но. 26536), которым чехословацкое правительство предполагало установить временный режим в Карпатской Руси, ссылается, в главе II-ой, на демаркационную линию, проведенную Территориальной Коммиссией и говорит под буквами а) и с) упомянутой главы:

> „Территориальная Коммиссия Мирной Конференции в Париже определила границы следующим образом:
>
> а) Демаркационная линия между русскими и словаками идет прямо от Чопа до северной части Ужгорода таким образом, что железная дорога остается в Словакии, а Ужгород в Карпатской Руси, и оттуда вдоль реки Уж до карпатского хребта.
>
> Вся территория на восток от этой линия должна считаться автономной русской территорией.
>
> с) Ввиду того что часть русского народа составляет меньшинство на территории Словакии в том виде, как ее определила Мирная Конференция, чехословацкое правительство предложило представителям обоих народов договориться о сроках окончательного включения примыкающих русских округов в автономную русскую область.

Чехословацкое правительство создало в 1920-ом году комиссию, состоящую из равного числа русских и словацких представителей. Эта комиссия заседала только один раз. Несколько округов „Восточной Словакии" были ею признаны русскими с согласия словацких ее членов. Словацкие члены согласились уступить Карпатской Руси значительную часть восточной Словакии, приблизительно половину ее. Но окончательное согласие относительно границы между Карпатской Русью и Словакией в то время не было достигнуто. Чехословацкое правительство больше

этой комиссии не созывало и оно вообще не старалось определить окончательно западную границу Карпатской Руси, хотя в меморандуме, который оно представило Лиге Наций в 1921-м году, оно обещало решить этот вопрос в продолжение того же года и предложить парламенту закон о границах Карпатской Руси и организации ее автономного режима („Меморандум касающийся Подкарпатской Руси, предложенный Лиге Наций министром иностранных дел Чехословацкой Республики"). В итоге, западной границей Карпатской Руси оставалась в течение девятнадцати лет „временная" демаркационная линия, оставившая больше 250.000 русских*) вне пределов Карпатской Руси. Эти русские являются в восточной Словакии меньшинством, которое там не пользуется даже теми правами, которые предоставлены другим меньшинствам в этой же Словакии.

Нигде в восточной Словакии, даже в уездах, в которых русские составляют подавляющее большинство населения, русский язык не употребляется ни в администрации, ни в судах. В правительственных учреждениях чисто русских округов имеются провокационные надписи: „Говорите только по-словацки". Бывали случаи, что власти не только запрещали преподавание на русском языке в тех школах, в которых даже во время венгерского режима употребляли русский язык, но доходило даже до того, что они запрещали даже преподавание закона Божия на русском языке. Притом словацкие власти ссылались на пресловутый закон графа Аппоньи от 1906-го года, которым был нанесен тяжелый удар всем школам народных меньшинств в Венгрии. Этим законом мадьярский преподавательный язык был объявлен обязательным во всех школах, получающих какую-либо материальную поддержку из общественных фондов. Ссылаясь на этот закон, чехословацкое правительство ввело в большинство русских общин восточной Словакии словацкий язык преподавания на том основании, что закон графа Аппоньи сохраняется в силе, ибо он еще не был отменен никаким чехословацким законом, и поэтому язык преподавания должен быть во всех школах язык государственный, которым является словацкий язык (Инструкции отдела Народного Просвещения от 1921-го года, №№ 27.519 и 62.799).

В каждом селе приходилось бороться за каждую отдельную школу. Больше всего пришлось вытерпеть учителям тех школ, которые подвергались преследованиям всевозможными способами за их стремление учить по-русски. Борьба все еще продолжа-

---

*) В 1930-м году было в восточной Словакии по крайней мере 223.000 русских „русского вероисповедания", то есть „греко-католиков", униатов и не униатов. Но официальная народная перепись насчитала только 92.000 русских. Целые русские общины были записаны словацкими, невзирая на все протесты со стороны населения этих общин.

ется. Даже в настоящее время имеются десятки школ в чисто-русских общинах в восточной Словакии, где преподавание ведется на словацком языке и где ученикам запрещают даже говорить по-русски друг с другом. Совсем недавно был и такой случай, что учитель-словак налагал на учеников штраф за каждое русское слово.

Только недавно (в 1935-1938-м гг.), в особенности с тех пор, как д-р Милан Ходжа возглавил чехословацкое правительство, многие русские общины получили русские школы. Но общее положение все еще далеко не удовлетворительное, как в отношении количества русских школ, так и в отношении русского языка в правительственных учреждениях.

Совсем недавно, в начале этого года, в чисто-русском уезде русского учителя отдали под суд за то, что он сказал, что „этот уезд — это русская земля”. Это произошло, невзирая на факт, что не только в Сен-Жерменском договоре, но и в конституции Чехословацкой Республики сказано о русской территории. которой гарантируется самая широкая степень автономии.

Мы останавливаемся так подробно на школьной проблеме, потому что для нас это самое больное место и потому, что статистические данные, которые мы прилагаем к нашему меморандуму, могут быть легко проверены.

Болезненно и несправедливо отнимать у всякого народа его родной язык и заменять его чужим, но вдвойне несправедливо, когда это язык великого народа, как в нашем случае, русского народа, и когда этот язык заменяют языком малого народа, еще не развитым и не имеющим значения.

Мы не будем останавливаться подробно на иных несправедливостях, которые чинят нашему народу в восточной Словакии в экономическом и социальном отношениях вследствие того, что наша русская территория не присоединена к Карпатской Руси и лишена той широкой автономии, которая была ей гарантирована. Мы только упомянем о том, что даже в уездах, в которых, согласно чехословацкой статистике, русские преобладают, почти нет русских служащих в правительственных учреждениях. Приведем хотя бы один пример. В межилаборском округе русские составляют 73 процента населения, а чехословаки не более 14 процентов. В уезде 163 государственных чиновника, из коих 149 чехословаков и только 14 русских. Из 36 жандармов только один русский. Из 51 „финансового стражника” также только один русский.

Экономическое положение нашего народа в восточной Словакии ужасающее. Границы, отделяющие нашу территорию от Польши и Венгрии, прежде не существовавшие, придушили экономическую жизнь нашего края. Прежние экономические связи нарушены и многие возможности заработков исчезли. Это особенно больно отозвалось на нашем народе, потому что значительная часть его находила заработок на пропитание в качестве се-

зонных рабочих за нынешними границами Чехословакии. Чехословацкое правительство до сих пор не сделало ничего для того, чтобы открыть нашему народу другие возможности заработка. Работы найти нельзя. Во многих местах наш народ страдаеет от хронического голода. Нищета достигла таких пределов, что люди даже не в состоянии купить себе соли и принуждены употреблять денатурированную соль, не годную для пищи, или обходиться вовсе бе соли.

Аграрная реформа до сих пор еще не проведена в большинстве русских сел.

Когда производятся общественные работы, русские села тщательно обходят. Всем известно, что плохие дороги без мостов ведут в русские села.

Случаев вопиющей несправедливости в отношении русского населения столько, что распространяться о них в этом меморандуме было бы совершенно безцельно. Мы видим только одну возможность выхода из этого положения: взять нашу судьбу в собственные руки и управлять сами собою, на что мы имеем полное право, согласно сен-жерменскому договору.

Мы полностью присоединяемся к заявлениям представителей нашего народа из восточной части Карпатской Руси, то есть территории, лежащей на восток от демаркационной линии, которая считается, согласно вышеупомянутому Генеральному Статуту чехословацкого правительства, автономной русской территорией.

В качестве представителей русской территории, лежащей на запад от демаркационной линии, мы обращаемся к Вам с просьбой помощь нам в том, дабы наша территория была присоединена к Карпатскуй Руси, согласно сен-жерменскому договору, и дабы всей русской территории в пределах Чехословакии была, наконец, предоставлена самая широкая автономия, так как это обусловлено в этом договоре.

В конце мы еще добавим, что мы, нижеподписавшиеся, являемся единственными представителями русского народа из восточной Словакии. Один из нас, Петр Жидовский, принадлежит к правительственной Республиканской Аграрной партии, а другой, д-р Иван Пьещак, к оппозиционному Автономному Земледельческому Союзу.

Прага, 13-ое сентября, 1938 года.

Петр Жидовский
Д-р Иван Пьещак

Перевод с английского

ГЛАВА VI

А. Геровский

МЫ И ЧЕХИ

Фарисейство Масарика. Ложь под прикрытием лозунга „Правда витези" (Правда побеждает). Святой Масарик, — Грабежи и убийства чешских легионеров в Сибири. — „Чехи изменят кому угодно" (комисар Смирнов) — „Чехи запачкали свое имя в Сибири" (В. Черчил). —

Вскоре после основания Чехословацкой Республики и воцарения в Праге Масарика, чешский писатель Ярослав Гилберт, ученик Масарика и близкий ему человек, опубликовал статью, которая появилась в нескольких чешских газетах в Праге под заглавием: „Мы и Русские".

В этой статье он сказал: „Русский народ — это низшая полутатарская раса, неспособная к высшей культуре. Все наши отношения к русским будут состоять только в том, что мы будем продавать им наши товары, если они будут за них хорошо платить, и покупать у них ихние товары, если они будут продавать нам дешево. Вот и все". Такого мнения о русских было большинство чехов, воспитанных Масариком и его учениками. Итак, они обращались с нашим русским народом в Карпатской Руси, как с низшей расой.

Это говорил немецкий дух в чехах. Немцы считали всех славян низшей расой, а чехи этому учились у них. И когда они стали на ноги, то они, считая себя равными немцам, начали презирать всех других славян, которые не прониклись так немецкой культурой как они. Презирали они нас, русских, презирали поляков и южных славян.

Однако не все чехи были такими как Масарик и его воспитанники. Будучи профессором чешского университета в Праге, Масарик основал свою политическую партию чешских „реалистов". Его приверженцы были молодые интеллигенты, учителя гимназий, студенты. Когда Масарик начал свою философскую и политическую работу, большинство чехов были русофилы и славянофилы. Они надеялись на Россию и мечтали о свободе всех славян под водительством России. А Масарик проповеды-

вал „реализм". Он стоял за Австрию, за соглашение с немцами. Пражский Град (бывший дворец чешских королей), который для чехов был символом независимой чешской державы, он называл „кучей камней". Он презирал Россию, не только официальную Россию, но и русский народ.В своем органе он постоянно нападал на Россию и поддерживал украинский сепаратизм. Накануне первой мировой войны, в марте месяце 1914 года, он опубликовал в Лейпциге на немецком языке книгу под названием "Russland und Europa", „Россия и Европа", направленную против России. Он осмеивал чешский национализм и все чешские национальные манифестации. Согласно его программе, Чехию следовало разделить между чехами и немцами, что впоследствии сделал Гитлер. Когда в 1912 году на Балканах началась победоносная война славян против Турции, и когда вследствие этого загорелась надежда на свободу также у австро-угорских славян, Масарик послал в Москву своего ученика Богдана Павлу для того, чтобы убедить тамошнюю чешскую колонию в том, что спасение чехов не в России, а в Австрии. А после Балканской войны он поехал в Белград и там старался уговорить Николу Пашича, главу сербского правительства, чтобы он договорился с Австрией. Это рассказал мне сам Никола Пашич, когда я после первой мировой войны был у него в Белграде. Пашич ненавидел и презирал Масарика, который в то время уже был президентом Чехословацкой Республики и назвал его при этом „свиньей". Он сказал дословно: „Я хотел бы дожить до того времени, когда воскреснет национальная Россия, чтобы сказать этой свинье, что я о нем думаю."

За все это австрийское правительство всячески поддерживало Масарика. Между прочим оно давало ему как профессору пражского университета особую ежемесячную "Gehaltzulage", доплату к нормальному жалованию.

Многие чешские студенты его ненавидели и даже доходило до того, что они оплевывали его, когда он появлялся в университете. Было время, когда Масарик приходил в университет только под руку со своей женой, чтобы спастись от презрительных плевков чешских студентов.

Он убивал в чехах национальный дух и в особенности стремление бороться против Австрии. Дух Масарика был дух пораженчества, дух противный национальному возрождению чешского народа и в особенности независимой чешской державы. За это его огромное большинство чешского народа ненавидело. Перед самой мировой войной в австрийском парламенте было 108 чехов, из коих партия Масарика, партия чешских реалистов, имела только двух членов: самого Масарика и еще одного чеха.

Когда настала в 1914 году война, Масарик, пользовавшийся полным доверием австрийского правительства, ездил несколько раз за границу: в Голландию, Швейцарию и Италию. Возвращаясь в Вену, он делал письменные доклады австрийскому пра-

вительству о том, что он видел и что ему говорили. Оригиналы этих докладов Масарик после войны, будучи президентом, откупил у австрийских чиновников в Вене за большие деньги и уничтожил их.

Во время своей третьей поездки за границу русские войска перешагнули Карпаты и дошли в Карпатской Руси в долине реки Тисы до города Сигота. Этот успех русской армии произвел огромное впечатление за границей и тогда и сам Масарик решил, что Австрия войну проиграла и что ему нечего туда возвращаться. И тогда он решил выступить против Австрии и стать от имени чешского народа на сторону союзников. Будучи весьма хитрым и беспринципным, Масарик перед своим отъездом из Праги вошел в контакт с некоторыми чешскими националистами, которых он уверил в том, что он будет руководиться только чешскими интересами. Вследствие этого, а также и потому что даже и его крайние враги среди чешских политических деятелей были рады, что такой постоянный и заядлый приверженец Австрии как Масарик высказался против Австрии, — все чешские политические деятели признали основанный Масариком заграницей освободительный комитет представителем чехословацкого народа. И когда вследствие русской революции и по другим причинам связанным с международным положением Масарик стал президентом новой Чехословацкой Республики, чешские политики, даже и те, которые его презирали и ненавидели, голосовали за него, ибо другого выхода, как им казалось, не было. Было необходимо показать „сворность" (единодушие) всего чешского народа по отношению к Масарику, который во время войны представлял чешский народ всюду за границей.

Когда после войны чешский революционный парламент избрал его президентом, члены этого парламента пришли на „град", бывший дворец чешских королей, чтобы его поздравить. Среди них был также и д-р А. Гайн, глава чешской „статоправной" (государственной-правовой) партии, который еще в австрийское время открыто боролся за государственные права чешского народа. Он был человеком малого роста, но сильный духом. Он подошел к Масарику и сказал ему вслух: Вы когда-то говорили, что „град" не имеет никакого значения, что это только куча камней. А теперь вы в нем сидите". Но и д-р Гайн голосовал за него.

Таким образом Масарик, который перед войной был главой очень маленькой группы чешского народа и учение и работа которого шли против национальных интересов чехов, стал главой новой чешской державы. Большинство старых чешских патриотов, тех, которые возродили чешский народ и подготовили его к борьбе за свободу, тех, которые страдали в австрийских тюрьмах, продолжали презирать Масарика. Но они ничего против него не предпринимали, потому что им казалось, что еще не пришло время для того, чтобы сказать чешскому народу и всему миру о том, кто такой Масарик. Они откладывали борьбу со дня на день из года

в год, пока не было уже слишком поздно. Наконец они пришли к заключению, что необходимо оставить Масарика в покое, ибо он уже стар и будет лучше для Республики, если он умрет без скандала. Глава чешского правительства Швегла, который его глубоко презирал и ненавидел, высказался так в присутствии других вождей чешского народа, когда они советовались о том, как покончить с Масариком и его кликой. Передаю его слова, согласно тому, что рассказал мне по этому поводу д-р Милан Годжа, словак, последний чехословацкий премьер:

„Из державной кассы истрачены десятки миллионов на прославление Масарика. Мы это терпели и мы сделали из него святого. В него уверовала народная масса и в него верят за границей. Мы не так богаты, однако, чтобы сфабриковать другого святого на его место".

С Масариком пришли к власти все его ученики и приверженцы, все бывшие „ракушаки" — австрийские слуги и ненавистники России и всего русского. Для того чтобы играть роль на державной службе, не надо было ни школы, ни честного имени. Главное было: быть масариковцем или бенешовцем, ибо Бенеш был правой рукой Масарика. Люди без необходимого и предписанного законами образования позанимали высокие места, в особенности в дипломатии. В администрации видные места занимали австрийские пятолизы, которые переставши лизать пяту Франц Иосифу, лизали пяты Масарику. Еще хуже было то, что видные места заняли такие люди, как например, мукачевский жупан (окружный начальник) Славик, который во время войны, возглавляя австрийский концентрационный лагерь в Черногоре, мучил и вешал сербов, противников Австрии. Но все это значения не имело: не нужно было ни школы, ни чести, следовало только „послоухат" (слушаться) Масарика и его клику.

Самыми верными слугами Масарикового правительства были чешские легионеры, в особенности те, которые были в России и вернулись в Чехию через Сибирь. Среди них была горсточка честных людей, но их было мало и они были бессильны, а большинство состояло из людей, которые перед войной служили Австрии. Попавши в плен в Россию, они были готовы служить русскому царю и переходили целыми толпами в православие. После революции они изменили русскому царю, так же как они изменили Австрии, а потом, в Сибири, они изменили адмиралу Колчаку и предали его большевикам. После Колчака они предали социалистов-революционеров. Они раскрали и разграбили все что только могли в Сибири, и вывезли все вокруг света через Триест в Чехию.

Мы не будем здесь повторять то, что о чешских легионерах в Сибири писали русские (белые) офицеры, которые воевали против большевиков, как эти чешские легионеры грабили и крали и как они насиловали и убивали русских женщин и предали

адмирала Колчака. Мы этого повторять не будем. А скажем только то, что в то же самое время писали о чешских легионерах красные комиссары. В оценке легионеров они соглашались с „белыми": чехи в Сибири были грабителями, убийцами и изменниками. Советский комиссар Смирнов, который в Сибири вел переговоры с чехами и добился выдачи адмирала Колчака, впоследствии писал, что к нему приходили представители „зеленых", то есть партизан, не сочувствовавших ни белым, ни красным, которые говорили ему, что они удивляются, как он может вести переговоры с такой сволочью, как чешские легионеры, а самого комиссара мнение о чехах было: это люди, которые за деньги продадут всех и вся.

МАСАРИК И БЕНЕШ — „ВОСПИТАТЕЛИ" КАРПАТСКОЙ РУСИ

Пока существовала Чехословацкая республика, официальной версией, которой придерживались чехословацкие правительственные и общественные круги, и которую всячески прививали всему населению и в особенности учащимся в учебных заведениях, — была версия, что Масарик — отец Отечества, создатель Чехословацкой Республики, человек, не имеющий себе равного во всем мире и т. п. Подхватила эту версию и повсеместно раздувала ее главным образом еврейская пресса. Пропаганда эта не ограничивалась одной только Чехословакией. Она усиленно проводилась и заграницей и в особенности в Америке.

Вся американская повременная печать не переставала превозносить пана Масарика, а также и его двойника пана Бенеша, являвшегося таким же несменяемым министром иностраных дел, как Масарик несменяемым президентом. На эту пропаганду, в частности, также и на подкуп иностранных корреспондентов влиятельных газет, тратились ежегодно миллионы из секретных фондов министерства иностранных дел, о чем неоднократно упоминалось в выступлениях депутатов в чехословацком парламенте, упрекавших пана Бенеша, безотчетно располагавшего ежегодно десятками миллионов из секретных фондов, в том, что он тратит эти деньги главным образом на свою личную рекламу. На самом же деле эти деньги шли не только на величание пана Бенеша, но и Масарика, отца отечества. Но нападать публично на последнего не полагалось в интересах Чехословакии.

В действительности же у руководящих чехословацких политиков, министров и членов парламента, не было никаких сомнений в том, что, как Масарик так и Бенеш, люди бесхарактерные и не заслуживающие уважения, которых пришлось выдвинуть на их высокие посты ввиду сложившейся после первой мировой войны международной обстановки. Так, например, глава Республиканской Аграрной партии, имеющей самое большое число

депутатов в пражском парламенте, премьер-министр Швегла, не стеснялся называть Масарика не только в кругу близких знакомых, но и на заседаниях правления Аграрной партии „тото говно на кошили" (на рубашке). Об этом мне говорили, кроме других лиц, д-р Семерад, товарищ министра здравоохранения, и член парламента д-р Гайн, один из вождей партии Народных Демократов. И это мне подтвердил, уже здесь в эмиграции в Нью Иорке, мой старый приятель д-р Милан Годжа, один из главарей Аграрной партии, последний министр-президент Чехословакии, который в течение двадцати лет существования республики был членом почти всех министерских кабинетов.

Невзирая на все это, первый чехословацкий „парламент", члены которого не были избраны народом, а назначены чехословацкими партиями, единогласно избрал Масарика президентом по той причине, что он был единственным чешским членом австрийского парламента, которому была дана возможность в самом начале первой мировой войны съездить несколько раз заграницу, в Голландию, Швейцарию и Италию, и в конце концов остаться заграницей и основать там совместно с Бенешем Чехословацкий Комитет, который впоследствии возглавил на западе борьбу за освобождение чехов и словаков от Австро-Венгрии. А удалось Масарику ездить свободно за границу и возвращаться в Австрию потому, что он пользовался доверием австрийского правительства и делал ему доклады о том, что он видел и слышал за границей о воюющих с Австрией государствах. Воцарившись после войны вместе с Бенешем в Праге, он выкупил эти компрометирующие его доклады в Вене за большие деньги из секретных фондов чехословацкого министерства иностранных дел, которыми распоряжался его ученик и доверенный друг — пан Бенеш.

За полтора-два года до новых выборов президента, премьер-министр Швегда решил не допустить вторичного выбора Масарика. Согласно конституции, никто не мог быть избран в президенты два раза подряд, но для Масарика, „отца отечества", было сделано исключение, и он мог быть избираем неограниченное количество раз, вплоть до самой смерти.

Швегла созвал на совещание верхушку своей аграрной партии, в том числе и доктора М. Годжу, и все они единогласно решили, что в интересах Чехословацкой Республики необходимо на этот раз провалить кандидатуру Масарика. Кстати, выборы президента производились, согласно конституции, парламентом, а не всенародным голосованием. Был выработан план, каким образом провалить его кандидатуру. Материала, компрометирующего Масарика, было очень много. Самым главным было то обстоятельство, что он во время австрийского режима был одним из немногих чешских политических деятелей - австрофилов и открытым врагом чешских национальных стремлений. Он настаивал на расчленении чешских земель на две части, немецкую и чешскую, и издевался над теми чехами, а их было подавляющее

большинство, которые не желали отречься от чешских исторических прав и настаивали на неделимости земель чешской короны, т. е. тех земель, которые когда-то составляли чешское государство. В австрийское время Масарик вел упорную пропаганду с целью подрыва чешского национального чувства. Он даже основал свою собственную партию (чешских реалистов) и издавал, неизвестно на какие средства, свою ежедневную газету „Час". Будучи профессором философии в пражском чешском университете, он влиял на студентов в противонациональном духе и настраивал их против России, в особенности, всячески осмеивал чешских „статоправников", т. е. тех чехов, которые стремились к восстановлению чешского штата, хотя бы в пределах Австрии. За эту „полезную" работу он получал от австрийского правительства полуторное жалование. Большинство студентов его ненавидело и доходило даже до того, что некоторое время Масарику нельзя было показываться в университете, потому что студенты плевали на него. Чтобы спастись от плевков, он затем приходил в университет под руку со своей женой, американкой Гаррик из Бруклина.

Его газета „Час" была не только явно австрофильской и направленной против национальных идеалов чехов, но и противорусской, направленной не только против царской России, но и против русских вообще, свое презрение к которым он не скрывал.

„Час" была единственной чешской газетой, поддерживавшей украинских сепаратистов в полном созвучии с официальной австрийской политикой. За несколько месяцев до войны он написал книгу на немецком языке под заглавием „Россия и Европа", которая вышла в Лейпциге в марте 1914 года. Эта книга была совершенно явно направлена против России. Впоследствии, уже после войны, она была переведена на русский язык и школьное ведомство на Карпатской Руси заставляло все русские школы покупать ее для школьных библиотек; **эти библиотеки заполнялись главным образом противорусскими книгами, списки которых составляли галицкие сепаратисты, бежавшие в Чехословакию.**

Партия „Реалистов" сама по себе была ничтожна. В австрийском парламенте было всего 108 чешских депутатов, из коих только двое, сам Масарик и еще один чех, принадлежали к ней. Эти депутаты не только составляли ничтожное меншинство, но, вдобавок, они оба были избраны в парламент не голосами „Реалистов", а только как компромиссные кандидаты различных других партий. Чешские политические деятели Масарику не доверяли, его не уважали и сторонились его. Зато ему доверяло австрийское правительство, которое в начале войны посылало его за границу на разведку. Изменил он Австрии только во время своей третьей поездки за границу, когда усомнился в том, что Австрия выиграет войну. Будучи „реалистом", он перешел на сторону врагов Австрии.

В Чехии, конечно, все патриотически настроенные чехи были рады, что даже „реалист" и убежденный австрофил Масарик изменил Австрии. У них, в Праге, была создана тайная организация „Мафия", состоявшая из небольшого количества членов. Она то и отправила Бенеша за границу со своими инструкциями Масарику. Бенеш, так же как и Масарик, и, пожалуй, еще в большей степени пользовался доверием австрийского правительства. Будучи убежденным австрофилом, он написал во Франции, в городе Гренобле, незадолго до войны, докторскую диссертацию на тему о прочности Австро-Венгрии. Он доказывал, что Габсбургская империя нужна для Европы и ничем другим не может быть заменена. Диссертация была напечатана во Франции отдельной брошюрой. За нее Гренобльский университет присудил Бенешу докторский диплом. Пан Бенеш уже давно располагал законным австрийским паспортом, с ним он, как надежный австрийский патриот, преспокойно и с удобствами отбыл в Швейцарию к Масарику. Впоследствии эта уютная поездка была им представлена в виде геройского рискованного подвига; была придумана совершенно вымышленная история о том, что он якобы на одной из железнодорожных станций в Моравии, у какого-то заснувшего датчанина, украл (sic!) паспорт и затем с этим паспортом через Германию пробрался в Швейцарию. Масарик, как единственный член австрийского парламента, чех, находящийся за границей, был несомненно ценной находкой для чехов не только потому, что он как бывший вождь чешских австрофилов восстал против Австрии, но в особенности также и потому, что его имя было известно за границей в связи с двумя нашумевшими процессами, одним уголовным, Гильзнера,* а другим политическим, профессора Фридюнга,** в связи с которыми он прославил свое имя за границами Австро-Венгрии.

Для того, чтобы выдвинуться в качестве настоящего вождя

---

*) Гилзнер судился за убийство чешской девицы, которой он нанес многочисленные раны ножом. Присяжные нашли его виновным, и суд приговорил его к 20 годам тюрьмы. Процесс этот вызвал большое возмущение в Чехии, и так как Гилзнер был еврей, нашлись клерикальные газеты, которые создали из этой истории нечто вроде ритуального убийства. Масарик в газетных статьях и всеми другими способами выступал в течение многих лет в защиту Гилзнера, требуя сперва его оправдания, а затем помилования. Само собою понятно, что этим он приобрел симпатии всего еврейского мира.

**) В процессе профессора венского университета Фридчнга Масарику удалось доказать, что опубликованные Фридюнгом документы, при помощи которых последний старался доказать, что некоторые оппозиционные депутаты хорватского парламента государственные изменники, состоявшие на службе у сербского правительства, — являются подделками.

всего чешского народа, Масарик со своим двойником, паном Бенешем, не брезгал никакими средствами. Так, например, его представители в Петрограде, пан Чермак и пан Иржи Клецанда убедили посредством лжи и обмана министерство иностранных дел в том, что их шеф, Масарик, является главой самой сильной чешской партии в австрийском парламенте. Мне эти мошеннические проделки достоверно известны потому, что я состоял при министерстве иностранных дел консультантом. Я достал из министерской библиотеки последний ежегодник австрийского парламента, и доказал, что масариковские эмиссары нагло лгут. Мною так же было указано на книгу Масарика „Россия и Европа", из которой в министерстве убедились воочию, что Масарик отнюдь не русофил, как уверяли его эмиссары, а враг России, авантюрист, усомнившийся в возможности австрийской победы и изменивший Австрии, которой раньше служил верою и правдою.

Это всего только несколько примеров из политической карьеры Масарика. Они были известны всем чешским политическим деятелям, и одних этих фактов было вполне достаточно для того, чтобы сделать невозможной кандидатуру Масарика на новый срок. Но министр-президент Швегла считал, что компрометировать Масарика публично не следует по двум причинам: с одной стороны, согласно законам республики нельзя было оскорблять президента, с другой стороны, по его мнению, было бы нецелесообразно развенчивать его по причинам как международной, так и внутренней политики. „Мы" — сказал Швегла на собрании верхушки партии — „не настолько богаты, чтобы, затратив бесчисленные миллионы на сотворение одного божка, могли потратить еще много миллионов на сотворение нового кумира. Но это „говно на кошиле" необходимо устранить".

Ввиду этого было решено верхушкой партии, что будет достаточно разоблачить ближайшего помощника, ученика и друга Масарика — пана Бенеша, как уголовного преступника, мошенника и казнокрада. С падением Бенеша пал бы и Масарик.

У аграрной партии были две ежедневных газеты: официальный „Венков" и неофициальный „28 Ржиен". Было решено основать еще одну еженедельную газету под названием „Лех" специально для разоблачения преступлений Бенеша, а также пользоваться для этой цели газетой „28 Ржиен". Материал был в распоряжении аграрной партии огромный благодаря тому обстоятельству, что министерство внутренних дел и, значит, вся полиция возглавлялась всегда членом аграрной партии.

Когда появились первые статьи об аферах пана Бенеша, он уехал „по болезни" на французскую Ривьеру. Там он оставался, пока не прекратилась травля его аграрной партией. Факты, о которых писали пражские газеты, находившиеся в распоряжении Швеглы, или под его влиянием, были поистине ошеломляющие. Оказалось, что пан Бенеш, сын мелкого бакалейщика („гросера"

по-американски) в маленьком чешском местечке, не имевший раньше ни гроша и получавший, как мне помнится, 12.000 крон жалования в месяц, женатый на дочери сельского почтальона, тоже без гроша, сделавшись министром иностранных дел, внезапно стал мультимиллионером, купил себе замок за шесть миллионов крон, тратил десятки тысяч ежемесячно на приемы и сотни тысяч на покупку драгоценных восточных ковров и т. д. Подробнее предъявленные Бенешу обвинения изложены во французском документе, составленным мною в свое время в Женеве для совета Лиги Наций и напечатанном в полутора тысячах экземплярах для членов всех делегаций и для нескольких сот журналистов, съехавшихся со всего мира на общее собрание Лиги в сентябре 1929 года.

Бенеш не привлек меня к суду ни в Швейцарии, ни в Белграде, где я тогда жил, хотя там моя статья была напечатана на первой странице в газете „Правда", официозе югославянского министерства иностранных дел.

Через несколько месяцев все пражские газеты притихли. О проделках Бенеша перестали писать. Настал мир и благодать. Что произошло за кулисами, рассказал мне в Нью Иорке доктор Годжа, окончательно разошедшийся с Бенешем и отказавшийся быть членом его заграничного правительства в Лондоне. Приверженцы Масариковско-Бенешовской клики пригрозили, со своей стороны, какими-то разоблачениями. Но решающим была угроза Масарика, что он, благодаря своим связям с интернациональными еврейскими финансовыми кругами, постарается, чтобы курс чешской кроны понизился до катастрофических пределов. Как мне сказал Годжа, это заставило Швеглу бить отбой. Бенеш остался министром иностранных дел, Масарик был вновь избран президентом, а после его смерти президентом стал Бенеш.

Чрезвычайно интересным является факт, что об этом скандале иностранная печать почти ничего не упоминала. Можно себе представить, сколько миллионов стоило это молчание чехословацкой казне. Но главной причиной была несомненно популярность Масарика в иностранных финансовых кругах.

Я ездил в Женеву ежегодно на общие собрания Лиги Наций, которые происходили осенью, в сентябре месяце, и продолжались две или три недели. В то же самое время в Женеве состоялся ежегодно также и съезд членов конгресса меньшинств, членом которого от Карпатской Руси я числился. Иногда я ездил в Женеву также и весной, когда там собирались члены совета Лиги Наций. Я все время старался найти среди членов совета когонибудь, кто заинтересовался бы карпаторусским вопросом и помог бы нам добиться автономии.

Самая широкая автономия со своим собственным законодательным органом и собственной исполнительной властью была нам гарантирована международным договором, подписанным

представителями держав-победительниц в Сен-Жермене, предместье Парижа, 10 сентабря 1919 года. Постановления этого договора были включены в конституцию Чехословацкой Республики. Выборы в автономный карпаторусский парламент должны были состояться в течении 90 дней после первых выборов в чехословацкий парламент. Но проходил год за годом вплоть до развала Чехословацкой Республики в 1939-м году, но выборы в первый карпаторусский парламент так и не состоялись и не было ни следа какой-либо автономии. Нашим краем во всех отношениях самодержавно управляли бесчисленные чешские чиновники, которыми пражское правительство наводнило Карпатскую Русь.

Сен-жерменский договор был подписан всеми державами-победительницами, в том числе Англией, Францией, Италией и Японией, которые своими подписями гарантировали нам нашу свободу. Но никто из них палец о палец не ударил, чтобы заставить чехов исполнить этот договор, на котором красовались также и подписи д-ра Карла Крамаржа, первого министра-президента Чехословакии и д-ра Эдуарда Бенеша, первого несменяемого чешского министра иностранных дел, а затем президента Чехословацкой Республики. Одно слово Англии или Франции заставило бы чехов исполнить договор. Но они этого сделать не хотели. Мы были слишком малы, неорганизованы и бессильны. Тогдашние великие мира сего очевидно считали, что ради нас нечего терять времени или портить себе отношения хотя бы и с Чехословакией.

Согласно уставу, Лига Наций имела право вмешаться в наше дело и принять меры необходимые для того, чтобы заставить Чехословакию исполнить международный договор. Подать соответствующую жалобу могло не только любое государство, великое или малое, но и любое меньшинство, защищенное международным договором и считающее себя обиженным. Жалобу могла подать также и любая организация, большая или малая. Все такие жалобы принимались Лигой Наций, которая извещала авторов о том, что их жалоба получена. Копию жалобы препровождали соответствующему правительству, которое было обязано дать Лиге Наций ответ. Но этот ответ считался секретным и жалобщики никогда не узнавали, **что** ответило на их жалобу обжалованное ими правительство, пока их жалобе не был дан ход советом Лиги Наций.

Совет Лиги Наций состоял из нескольких постоянных членов — великих держав: Англии, Франции, Италии, Японии. Представителя США в совете не было, потому что американский сенат не ратифицировал договоров, заключенных после первой мировой войны. Кроме постоянных членов, в совет Лиги избиралось ежегодно несколько временных членов Совета на один или на два года из числа других меньших держав, состоящих членами Лиги Наций. Эти временные члены пользовались в Совете такими же правами, как и постоянные члены, пока они были членами Совета. И они могли также, как и постоянные члены, дать ход жалобам

меньшинств. Но и среди этих временных членов мне не удавалось найти никого, кто пожелал бы заняться нашим делом. Зачем было Бельгии или Голландии или Дании или другим державам вмешиваться в меньшинственные дела других держав? А малые среднеевропейские и балканские державы опасались, что если они будут помогать нам, то чехи из мести вмешаются в дела их меньшинств. Югославия, которая нам сочувствовала и желала помочь, была членом Малой Антанты, в которую кроме нее входила также Румыния и Чехословакия. Поэтому она не могла открыто заступиться за нас, ибо это повлекло бы за собой распад Малой Антанты.

Но все же сербы старались помочь нам чем могли. Как я уже упомянул, ответы, которые на наши жалобы давало чешское правительство, считались секретом, и я никогда не узнал бы их содержания без помощи сербов. Кроме того, сербы знакомили меня с другими членами Лиги Наций, из которых в конце концов один, а именно представитель Канады, сенатор Дандюран, попавший временно в совет Лиги Наций, заинтересовался нами и выразил готовность помочь нам и дать нашему делу ход, т. е. потребовать, чтобы Совет официально и открыто расследовал дело автономии Карпатской Руси и заставил бы Чехословакию исполнить Сен-Жерменский договор.

Благодаря друзьям-сербам, мне была дана возможность в одной из комнат Лиги Наций прочесть все то, что Бенеш сообщал Совету о Карпатской Руси. Он представил нас народом полудиким, почти поголовно неграмотным и совершенно неспособным управлять своим краем. Относительно жалоб на то, что чешское правительство, не имея на это никакого права по Сен-Жерменскому договору, производило аграрную реформу и не давало земли местному русскому населению, Бенеш ответил, что наши крестьяне неспособны к земледелию, брать земли не желают, а те, которые решились на такую „авантюру" (!) не умели справиться с ней и т. п.

Когда сенатор Дандюран ознакомился с материалом и, в частности с ответом Бенеша, он глубоко возмутился и было заметно, что он искренно и горячо желает помочь нам. Он сказал мне, что постарается сделать все возможное, но что прежде всего ему необходимо поговорить лично с Бенешем и что, по его мнению, такой разговор приведет к благоприятным результатам. Результат действительно получился, но отнюдь не такой, какого ожидал сенатор Дандюран. На следующий день появилась на первой странице женевского ежедневника „Журнал де Жэнэв" статья, в которой было сказано, что карпатские русские постоянно добиваются автономии и упрекают чехословацкое правительство в том, что оно не исполняет Сен-Жерменский договор, гарантирующий Карпатской Руси автономию, но что карпатороссы еще не доросли до автономии, и что чехи должны воспитывать их еще лет двадцать, пока они будут способны сами управлять собою.

Я пошел в редакцию журнала, где узнал от знакомого мне члена редакции, что статья была прислана им от чехословацкой делегации. Ввиду этого я составил конспект всех тех преступлений, в которых еще так недавно обвинялся в Праге в чешской печати пан Бенеш. Конспект был написан в виде статьи, в которой было прямо сказано, кто такой Бенеш, желающий воспитывать Карпаторусский народ еще 20 лет. Статья эта была передана мною лично редактору другой ежедневной газеты „Трибюн дэ Жэнэв", в которой меня хорошо знали и мне доверяли. Прочитав ее, редактор сказал мне, что он ее напечатает в завтрашнем номере.

Но на следующий день он сообщил мне по телефону, что статья уже была набрана, но что ввиду серьезности материала состоялось совещание членов редакции, которые пришли к заключению, что материал такой скандальный, что лучше его не печатать. При это меня редактор заверил, что они ничуть не сомневаются в том, что я написал правду. Он предложил мне зайти в редакцию и получить оттиск набранной статьи. Я сделал это и пошел с этой копией в пивную, в которой собирались как члены делегаций, так и иностранные журналисты. Там я нашел моего хорошего знакомого швейцарского журналиста, редактора официоза швейцарского правительства „Бэрнэр Бунд". Я показал ему оттиск моей статьи и рассказал ее историю. С нашим вопросом он был хорошо знаком, так как я встречался с ним каждый раз, когда приезжал в Женеву.

Редактор швейцарского официоза — фамилии его я уже не помню, так как с тех пор прошло больше тридцати лет — сказал мне, что он с удовольствием напечатал бы ее в своей газете, но что это невозможно, так как она — официоз швейцарского правительства. До окончания сессии Лиги Наций оставалось еще только несколько дней, на что я обратил его внимание. Он посоветовал мне немедленно отправиться в Берн, зайти в типографию „Бэрнэр Бунда" с его визитной карточкой, на которой он написал несколько слов. „Там в течение двух часов напечатают полторы тысячи экземпляров, а я за это время приготовлю необходимое количество конвертов с адресами всех членов всех делегаций и всех журналистов, приехавших в Женеву, и вы еще сегодня вечером сдадите все на почту, так что завтра утром все те, кого вы хотите ознакомить с вашей статьей, будут иметь ее в руках".

Поезда из Женевы в Берн отходили почти каждый час, а ехать было всего только около двух часов. В типографии немедленно принялись за работу, и меньше чем через два часа у меня в руках были полторы тысячи оттисков, прекрасно напечатанных. Вернувшись в Женеву, я нашел у себя уже необходимое количество конвертов с адресами и на следующий день все члены всех делегаций и все иностранные журналисты получили этот документ, описывающий пана Бенеша в настоящем свете.

Все письма были адресованы на Лигу Наций. Когда я зашел туда на следующий день утром, то в коридорах я всюду видел

людей с интересом читающих этот документ. В многих местах журналисты стояли кучками и оживленно разговаривали о нем. Встретил я в корридоре, между прочим, моего знакомого из Белграда, сербского журналиста Сокича, редактора ежедневной газеты „Правда". Он подошел ко мне и с удивлением спросил, почему я не прислал копию этого документа также ему. Я ответил, что его газета считается официозом министерства иностранных дел и что поэтому я полагаю, что он его не напечатает. —„Но я, ведь, послал его всем членам югославянской делегации". Сокич уверял меня, что он непременно напечатает его, и я передал ему один экземпляр. И действительно он появился на первой странице газеты „Правда" и был напечатан жирным шрифтом.

В Лиге Наций я разыскал сенатора Дандюрана, который встретил меня словами: „Что вы сделали. Вы ведь попадете в тюрьму!" Я спросил: „За что?" — „Да за то, что вы написали о Бенеше. Ведь это не может быть правда. Ведь он вас привлечет к суду за клевету!" — На это я ответил ему спокойным голосом: „Я очень желал бы, чтобы он привлек меня к суду, но к сожалению, он этого сделать не посмеет. Я ведь написал в конце моего обращения, что господин Бенеш не пошел в суд в Праге, где все это было напечатано, может быть потому, что он не доверяет своим чешским судам и поэтому я предложил ему оправдаться перед швейцарским судом в Берне, перед которым я готов предстать в любое время". На это Дандюран сказал, что если Бенеш не обратится в суд, то ему в Лиге Наций не место и что он больше Бенешу руки не подаст.

Бенеш к суду меня не привлек ни в Швейцарии, ни в Белграде, где я тогда жил и где появилась моя статья на первой странице газеты „Правда".

В тот же день произошел со мной еще один интересный случай, о котором стоит упомянуть. Из всех комиссий Лиги в тот день состоялось заседание только одной, на которое допускались журналисты. Это была комиссия по разоружению. Когда я вошел в комнату, в которой заседала комиссия, все места, предназначенные для журналистов, были уже заняты. Члены комиссии сидели за тремя длинными столами, поставленными в виде подковы. По середине этой подковы стоял один свободный стул. Я пошел туда и сел. Вдруг я заметил, что некоторые члены комиссий посматривают на меня, переглядываются и улыбаются. Я немного сконфузился и первая моя мысль была, что может быть, я не застегнул пуговицы на всех частях моего костюма. Но я убедился, что все в порядке. Затем я заметил, что человек, стоявший во главе стола и произносивший какую-то речь когда я вошел, замолк. Я взглянув на него и — оказалось, что это доктор Эдуард Бенеш, чехословацкий министр иностранных дел и глава чехословацкой делегации. Он усиленно глотал слюну и повидимому не мог произнести ни слова. Оправившись, он еще сказал несколько слов и этим окончил свою речь. Об этом забавном ин-

циденте много говорили в кулуарах Лиги, а затем в женевских ресторанах. Это была моя последная встреча с Бенешем.

Проходили годы. Я был в Америке, где основал Карпаторусский Союз и писал статьи в карпаторусских газетах. Отвечая на чешскую пропаганду, которая старалась подорвать Карпаторусский Союз, между прочим утверждением, что эта организация основана мною с какими-то секретными целями и что она существует, но ничего не делает, я написал несколько статей, в которых объяснил, что пока цель Союза объединение всех карпаторусских организаций, что уже и было достигнуто Союзом, и осведомление всех карпатороссов о положении в Карпатской Руси и о наших стремлениях, которые сводятся к достижению автономии нашей родины. Я указал, как на пример, на то, что армия каждой страны „ничего не делает" пока существует мир. Но она должна быть готова к моменту, когда начнется война. И наш Карпаторусский Союз должен быть готов к этому моменту, т. е. все русские из Карпатской Руси в Америке должны быть объединены, чтобы, когда настанет время, выступить авторитетно в защиту нашей родины. В 1936 году я в одной из своих статьей предсказал, что этот момент близок и что года через два или три разразится новая война, что первой жертвой ее будет Чехословакия и что тогда вновь будет решаться судьба Карпатской Руси. За это чешские газеты объявили меня врагом Чехословакии, а чешский суд объявил декрет, по которому д-р Алексей Геровский должен быть немедленно арестован в случае, если он когда-либо перешагнет границу Чехословакии.

Наступил 1938 год. Карпаторусский Союз постановил послать длегацию в Карпатскую Русь и в ее составе также и меня, как генерального секретаря Союза. В Париже д-р Черни, заменявший чехословацкого посланника, находившегося в отпуску Осуского, сообщил нам, что я должен подождать в Париже пока он не спишется с пражским правительством, причем он добавил, что остальные члены делегации могут выехать немедленно.. На это мы ему заявили, что мы поедем немедленно вместе или вообще не поедем в Чехословакию и будем считать чехословацкое правительство врагом, разговаривать с которым больше нечего. При этом мы ему дали 24 часа времени для окончательного ответа. Уже на следующий день утром нам сообщил Черный по телефону, что чешское правительство меня приглашает приехать. Я потребовал, чтобы он изложил это письменно, а также, чтобы у меня в руках было письменное доказательство того, что приказ о моем аресте отменен судом. Это мое требование было немедленно исполнено, и соответствующие документы находятся в моих руках.

В документе, которым меня пригласили в Чехословакию, сказано, между прочим, что правительство „зве Вас на порады" (приглашает Вас на совещания). В Чехословакии встретили меня с почестями, и когда впоследствии узнали в президиуме прави-

тельства что в такой-то день прилетит из Цюриха на аэроплане моя жена, а меня не было в Праге, то на аэродроме ее встретил секретарь премьер-министра с букетом.

Еще один штрих, красочно характеризующий мнение высших правительственных кругов о Бенеше, который в то время уже был президентом. В конце августа 1938 года в моей комнате в отеле „Алкрон" раздался телефонный звонок. Это было в 8 часов утра. Звонил мне д-р Цаха, шеф кабинета премьер-министра, который на этом посту находился уже много лет. Он взволнованным голосом спросил меня, могу ли я немедленно приехать к нему в президиум. — „Я пришлю за вами автомобиль премьер-министра". Я поехал и застал его за столом, на котором лежала большая кипа бумаг. Я поздоровался с ним, а он сразу ошеломил меня вопросом:

„Пане докторе, цо буде с нами"?

Я с удивлением ответил: „Почему вы меня спрашиваете?

— „Да потому, что вы все предвидели. Я не спал всю ночь". И указывая на кипы бумаг, он продолжал:

— „Вот, видите, все эти бумаги касаются вас. Там все ваши статьи и все сведения о вас, которые мы получали от наших представителей за границей. Ведь вы все предвидели, что теперь происходит, а те ослы в министерстве иностранных дел ничего не предвидели".

Когда я все это предвидел, а „ослы" чешского министерства иностранных дел ничего не предвидели, министром иностранных дел был тот самый д-р Бенеш, который во время нашего разговора с шефом кабинета премьер-министра уже был президентом республики. Но это не помешало шефу кабинета назвать его ослом. Д-р Цаха еще прибавил: „Если б у них был разум, то следовало давно уже назначить вас губернатором Карпатской Руси и у нас не было бы никакого карпаторусского вопроса".

Позже о пане Бенеше мне приходилось разговаривать еще неоднократно с г. Пулом, чиновником министерства иностранных дел в Вашингтоне, который во время последней войны стоял во главе особого отделения министерства, занимавшего в Нью-Иорке целый этаж здания на Парк Авеню. Разговаривая с ним о Карпатской Руси в качестве полномочного представителя большинства карпаторусских депутатов, мне приходилось тоже упоминать о пане Бенеше и о его противорусской и про-украинской политике, а также о том, что он человек — беспринципный, думающий главным образом о своих личных интересах. Я убеждал мистера Пула, что американское правительство не должно Бенешу доверять. Я видел, что, как и в некоторых других вопросах, в которых я впоследствии оказался правым, мистер Пул мне не верил, хотя он лично ко мне относился с симпатией и иногда разговаривал со мной чрезвычайно откровенно.

Кончилась война, и мистер Пул ликвидировал свое отделе-

ние министерства в Нью Иорке. Я его некоторое время не видел. В один прекрасный день я встретил его на Пятом Авеню. Он мне очень обрадовался и мы пошли вместе завтракать. Во время завтрака он мне сказал между прочим:

— „А вы знаете, мы о вас часто вспоминаем в министерстве".

— „Почему?" — спросил я.

— „А потому, что вы нам говорили многое, чему мы не верили, а вы оказались правы".

— „В чем, например?"

— „Да вот, например, насчет Бенеша. Вы нам говорили, что на него положиться нельзя. Мы вам не верили. А вы были правы. Ведь оказалось, что Бенеш мошенник, мерзавец".

„He was a crook, a skunk".

Вот кто такой был пан Бенеш, который хотел в 1929 г. „воспитывать нас еще двадцать лет".

А. Геровский

ОБРАЩЕНИЕ Д-ра А. ГЕРОВСКОГО КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЛИГИ НАЦИЙ ПО ВОПРОСУ ОБ АВТОНОМИИ КАРПАТСКОЙ РУСИ

Известно, что когда после первой мировой войны, 10-го сентября 1919 г., великие державы победительницы присоединили Карпатсукю Русь к созданной ими Чехословацкой Республике, они сделали это под условием, что Карпатская Русь будет пользоваться „самой широкой автономией" с собственным законодательным органом. На сен-жерменском договоре, гарантирующем Карпатской Руси эту „самую широкую автономию", красовались подписи д-ра Карла Крамаржа и д-ра Эдуарда Бенеша, в качестве представителей новоиспеченной Чехословацкой Республики.

Но чехи, оккупировав Карпатскую Русь, и не думали предоставить ей автономию. Они управляли краем через своих чиновников по-своему, совершенно не считаясь с волей местного русского населения. Это нарушение подписанного ими международного договора они объясняли в Женеве тем, что, мол, тамошнее русское население совершенно неспособно к самоуправлению, и что чехи должны воспитывать их по крайней мере еще двадцать лет. Таково было отношение чехов не только к русским из Карпатской Руси, но и вообще ко всем русским. Они считали русских „низшей полу-татарской расой, неспособной к высшей культуре".*)

*) Такими словами, между прочим, высказался в чешской печати о русском народе чешский журналист Ярослав Гилберт, последователь и близкий друг Масарика.

В таком духе пан Бенеш не только помещал статьи в женевских французских газетах, например, в „Журнал де Жэнэв", но таким способом он объяснял пражскую политику в отношении Карпатской Руси и в записках, которые посылал в Совет Лиги Наций, отвечая на жалобы из Карпатской Руси. Так напр., он объяснял нежелание Праги исполнить договор и дать автономию Карпатской Руси также и члену Совета Лиги Наций, представителю Канады, сенатору Дандюрану, которого д-ру Геровскому удалось заинтересовать карпаторусским вопросом.

В виду этого Геровский решил обратиться в Совет Лиги Наций для того, чтобы доказать, что Бенеш, как и все чехословацкое правительство, от имени которого он выступает в Лиге Наций, не заслуживает никакого доверия.

Перевод с французского обращения д-ра Геровского ко всем членам Лиги Наций был напечатан в количестве 1500 экземпляров и разослан всем членам делегаций и всем журналистам съехавшимся в Женеву по случаю годичного общего собрания Лиги.

В своем обращении д-р Геровский предложил д-ру Бенешу привлечь его к суду в Швейцарии, в городе Берне, где это обращение к членам Лиги Наций было напечатано. Пан Бенеш этого не сделал, и представитель Канады, сенатор Дандюран, перестал подавать ему руку.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЛИГИ НАЦИЙ

Перевод с французского

Мы уже десять лет стараемся, чтобы Лига Наций помогла нам в том, чтобы договор, гарантирующий Карпатской Руси „самую широкую автономию", был исполнен.

Наши старания не привели ни к чему потому, что Совет Лиги Наций довольствуется ответами г. Бенеша, которые являются издевательством над правдой, но против которых мы ничего сделать не можем, потому что они считаются секретными как и вся процедура в меньшинственных вопросах. А пока „автономная" Карпатская Русь отдана на милость и немилость чехам, которые обращаются с нею как с заморской колонией, чехизируют и грабят ее.

Несколько членов общего собрания Лиги Наций, с которыми я разговаривал на днях, подтвердили мне то, что я уже знал, а именно, что положение Карпатской Руси, требующей в Женеве своей автономии, чрезвычайно неблагоприятно в виду того, что представителю Чехословакии, г. Бенешу, удалось создать себе в Женеве совершенно исключительную репутацию, во много раз превосходящую значение маленького государства, которое он представляет. Г. Бенеша считают большим либералом, справед-

ливым, демократом и — честным человеком. Правительство, которое он представляет, пользуется такой же репутацией. Итак, господин Бенеш, когда его спрашивают о Карпатской Руси, всегда ссылается на общеизвестный либерализм и демократизм чехословацкого правительства. Он объясняет, он обещает, и ему верят.

Мы знаем, откуда взялась эта знаменитая репутация Бенеша. Чешские газеты не раз указывали на то, что пропагандный отдел министерства иностранных дел расходует слишком много денег на личную рекламу своего шефа. Об этом говорили также и в пражском парламенте. Вследствие этой рекламы, хорошо организованной и хорошо оплачиваемой, продолжающейся уже 10 лет, одни хвалят г. Бенеша на всех языках земного шара, потому что им за это платят, а другие, публицисты и государственные деятели, всему этому верят потому, что они это слышат ежедневно со всех сторон.

Вдобавок Бенешу помогают несколько государств, членов Лиги Наций, считающих, что автономия Карпатской Руси не в их интересах. Эти интересы для них более важны, чем все прекрасные фразы о „святости договоров".

Вот почему официальный орган министерства иностранных дел одной великой державы, протектора Чехословакии, постоянно называет г. Бенеша „великим чехословацким министром" и вот почему недавно вышедшая книга о Лиге Наций, имеющая большой успех, осмеивает всех „примадонн" Лиги Наций и хвалит только Бенеша, как „единственного человека с европейской душой", и называет его „самым видным, самым чистым и самым блестящем солнцем".

Я нашел только одного единственного делегата, знающего, что г. Бенеш не пользуется уважением в своем собственном государстве, но даже и этот единственный делегат не знал точно причин по которым Бенеш потерял уважение своих сограждан, почему он должен был отказаться от своей мечты сделаться президентом Чехословацкой Республики и почему он теперь готов принять пост генерального секретаря Лиги Наций.

Поэтому, дабы помочь делу Карпатской Руси, абсолютно необходимо разоблачить Бенеша и правительство, которое он представляет, и доказать, что мораль пражского правительства такова, что его патентованному либерализму и справедливости нельзя верить и что необходимо проверять со всей строгостью все, что оно говорит и обещает.

Мы начинаем с Бенеша, главного врага нашей автономии. Вот несколько фактов.

Некоторые пражские газеты обвинили г. Бенеша, приводя факты о том, что его весьма значительное богатство нечестного происхождения, что оно является результатом жульнических проделок и растрат совершенных в ущерб чехословацкому государ-

ству. Бенеш никого не привлек к судебной ответственности, он предпочел уладить все за кулисами, и остался министром и продолжает представлять чехословацкое государство в Лиге Наций.

Детали этой аферы сводятся вкратце к следующему:

В начале месяца сентября 1926 года в Праге началась в местной печати кампания против Бенеша. Эта кампания велась главным образом газетой „Лех". Несколько ежедневных газет, как в Праге, так и в провинции, ее поддерживали, и вся чехословацкая печать писала о ней, так как это был самый большой скандал со времен войны.

Обвинения, направленные против Бенеша, были следующие: Бенеш не имел ни гроша перед тем, как он сделался министром. Его министерское жалование не было велико, ок. 1800 франков в месяц. Невзирая на это, он успел купить в Праге дворец за шесть миллионов чешских корон и израсходовать несколько миллионов на его меблировку. Однажды он купил в одном пражском магазине на пол-миллиона ковров. Для того, чтобы дорожки в парке его дворца были чисто белые, Бенеш заказал себе из Италии несколько вагонов толченого каррарского мра мора. Он устраивал очень часто банкеты, стоющие от сорока до шестидесяти тысяч корон каждый, что превышало в несколько раз его месячное жалование. Лично для себя он выписал из Вены личного лакея покойного императора Франца Иосифа . . .

Сообщая эти факты, газеты требовали от Бенеша объяснения о происхождении его богатства. Но Бенеш удрал во Францию и молчал. Проходили недели, и в Праге все считали, что он больше не вернется в Чехословакию. Газеты требовали, чтобы он дал ответ или же привлек их к суду за клевету. Наконец, после долгих недель, он ответил письмом из Ниццы, которое было опубликовано в его органе „Ческе Слово": „Мне противно, — писал он — отвечать людям, которые заглядывают мне в карман, но мои друзья настаивают на том, чтобы я ответил. Вы хотите знать, откуда у меня деньги? Президент Масарик подарил мне два миллиона" . . .

Этот ответ произвел большую сенсацию, так как все знали, что судьба президента Масарика тесно связана с судьбой Бенеша.

Газеты ответили Бенешу: „плательщики наголов имеют право знать, куда идут деньги, которые они дают государству. Очень странно, что Масарик подарил вам два миллиона. Он вам не отец и не родственник. Даже, если бы это и была правда, это не объяснило бы ничего. Вы имеете в одном только пражском Живностенском Банке почти два миллиона корон на вашем текущем счету, и у вас есть деньги еще и в других банках. Количество этих денег значительно превышает мнимый подарок Масарика. Но откуда у вас взялись миллионы на покупку дворца, мебели, ковров, каррарского мрамора, для банкетов и т. д.?"

Бенеш больше не отвечал. Он оставался в Ницце и молчал.

В Праге все ожидали, что он откажется от своего министерского поста. Проходили месяцы, газеты и, в особенности, редактор „Леха", д-р Карлик, не переставали требовать, чтобы эта афера была расследована судом. Они требовали, чтобы Бенеш дал им возможность предъявить все доказательства на суде. Но Бенеш молчал также как и государственный прокурор.

Газеты продолжали кампанию. Они говорили Бенешу: „так как вы не хотите объяснить нам происхождение ваших миллионов, нам приходится сделать это самим. Вы распоряжаетесь без контроля секретными фондами министерства иностранных дел в несколько десятков миллионов ежегодно. Это заставляет нас предполагать, что эти фонды — один из источников вашего богатства. Другой источник — это афера с сахаром, причинившая государству убыток в двести миллионов". Газеты сообщили детали этой аферы.

Кампания продолжалась несколько месяцев, и в течение всего этого времени Бенеш оставался за границей. В конце концов его друзья уладили все по-приятельски за кулисами, и Бенеш остается министром до сих пор.

Эта афера бросает странный свет не только на личность г. Бенеша, но также и на все чехословацкое правительство.

Ни в одной другой стране министр, обвиняемый публично в печати таким образом, не мог бы оставаться министром без того, чтобы не очиститься от таких обвинений на суде. Но в Чехословакии г. Бенеш остается министром и представляет это государство в Лиге Наций. Он постарался только о том, чтобы о его аферах ничего не проникло в иностранную печать. И это ему удалось потому, что его отдел пропаганды работает хорошо.

Господин Бенеш может быть не доверяет чехословацким судам. Я даю ему возможность очиститься перед швейцарским судом. Я обязываюсь предстать перед компетентным судом в городе Берне.

Если господин Бенеш не воспользуется этим предложением, каждый вправе вывести из этого свои заключения.

Берн, 20 сентября 1929.

Д-р Алексей Геровский

Председатель Центрального Исполнительного Комитета
Русских Православных Общин Карпатской Руси

К статье А. Геровского присоединяем выписку из журнала „Часовой" (июнь 1973 г.), характеризующую Масарика, как советника Вудро Вильсона. — О. Г.

„Жорж Клемансо, глава французского правительства, и Ллойд Джорж, премьер-министр Великобритании, испуганные все растущей симпатией американсого президента Вудро Вильсона

к большевикам, в те времена находившихся в окружении белых русских войск, запросили его, намерен ли он продолжать помощь белым вместе с Англией и Францией, на что Вильсон ответил, что его решение будет зависеть от президента Чехословакии Масарика, чьи советы в отношении России он всегда принимал. Его окончательным решением было; ни одного доллара, ни ружья, ничего другого для войск, сражающихся против советского правительства".

Из книги „Мое посольство в Советской России" французского посла в Москве Жозефа Нуланса (1917-1919).

Далее последовала выдача Верховного Правителя адмирала Колчака генералом Жаненом (несомненно с согласия президента Масарика) и чешским генералом Сыровым, большевикам в Иркутске в обмен „на одну треть из 650 миллионов золота Российской Казны, хранимой адмиралом" и захваченной чехословаками 2 февраля 1920 года. Адмирал и его премьер-министр Виктор Пепеляев были большевиками убиты...

Примерно таким же порядком был предан на смерть сербский генерал Михайлович.

(„Часовой" за июнь 1973 г.)

А. Геровский

БОРЬБА ЧЕШСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Русский язык распространен на обширной области восточной Европы. В Карпатских горах эта языковая область переваливает через главный хребет на южные склоны и образует так называемую южно-карпатскую русскую языковую область. Русский язык в устах народа представляет множество местных оттенков произношения, которые языковедение объединяет в наречия. Всю область русского языка принято делить на четыре главных наречия: 1) северно-велико-русское, 2) южно-великорусское, 3) белорусское и 4) южно-русское или малорусское наречие. Наречия эти не имеют между собою границ, переходят друг в друга постепенно и незаметно, наподобие цветов радуги и кругов на воде от брошенного камня. Различия этих наречий между собой заключаются главным образом в особенностях произношения. Грамматические же формы у них, в главном, одни и те же. Русские наречия отличаются друга от друга в гораздо меньшей степени, чем это наблюдается между говорами немецкого языка. Русская народная речь совершенно не знает тех глубоких и резких различий, какие отделяют друг от друга, например, северно-германское Платтдейч от южно-германского Гохдойч, и русские люди разных

наречий, даже не знающие общерусского литературного языка, отлично понимают друг друга. Подобно же и русская литературная речь отличается от всего многообразия простонародных говоров в весьма незначительной мере.

Карпаторусский народ исторически и этнологически является частью русского народа. Простонародная речь населения Карпатской Руси, вследствие гористого вида страны, представляет много местных оттенков и принадлежит к южно-русскому наречию русского языка. В составе южно-русского наречия говоры Карпатской Руси представляют, однако, отдельную группу, которая многими архаическими и иными своеобразными чертами отличается от остальных диалектических групп южно-русского наречия. Во многих особенностях, а также в своем выговоре, наречие Карпатской Руси подходит близко к северным говорам южно-русского наречия и весьма отличается от южно-русского говора Галичины (по другую сторону Карпатских гор). Ибо в Галичине господствует иное произношение звуков, и речь пропитана безчисленными полонизмами, на Карпатской Руси непонятными. И в словарном составе наречие Карпатской Руси близко подходит к северно-великорусскому наречию.

На всем протяжении русской языковой области простым народом для обозначения своей народности и языка употребляется исключительно название „русский". Так и на Карпатской Руси народ называет себя и свой язык тоже лишь русским. Иное название там неизвестно. До войны, когда Карпатская Русь находилась под властью Венгрии, там было введено, на немецком и мадьярском языках, для обозначения карпаторусского населения официальное название „рутены", ради того, чтобы избегать употребления слова „русский". По существу это обозначение в латинском языке применяется для всего русского народа вообще (Ruthenus, Ruthenicum Imperium, Ecclesia Ruthenica и т. д.). В Энциклопедии Британика, издания 1911 года, под словом Ruthenus указано, что так называют ту часть русского народа, которая живет в Австро-Венгрии. В больших латинских словарях, как напр., в латинско-немецком словаре Клотца, слово Ruthenus объясняется, как синоним, Russus, Russicus, и переводится немецким обозначением Russe, Russisch. Само население Карпатской Руси ничего не знает об искуственном названии рутены и, как уже сказано, называет себя и свой язык русским и для этих понятий другого слова не знает.

В письменном употреблении на Карпатской Руси был известен в довоенное время и до присоединения к Чехословацкой республике только русский литературный язык или так называемая карпаторусская разновидность русского литературного языка, как ее принято называть в языковедении. Эта разновидность представляет по сравнению с обыкновенным русским литературным языком лишь незначительные отступления местного оттенка. Ино-

го рода язык в письменности Карпатской Руси до войны не употреблялся. На указанном русском литературном языке печатались все газеты и книги, и происходило обучение в школах, поскольку оно допускалось мадьярами. В 1860-х годах в Ужгородской гимназии русское обучение пользовалось, с разрешения мадьяр, даже учебниками, изданными в России (Христоматия Галахова). Этим же литературным русским языком пользовалось и мадьярское правительство для русского населения (русское издание законов 1868 года).

Так называемое „украинское" течение, как противопоставляющее себя русскому, было на Карпатской Руси в довоенное время и до присоединения к Чехословацкой республике неизвестно. Родиной украинского течения является довоенная Галичина под властью Австрии и отчасти южная Россия, где это движение поддерживалось из Галичины при содействии Вены и немцев. Австрия, для обособления русского населения Галичины и Буковины от русской Державы, ввела в школы этих провинций обучение на местном наречии и запретила русский литературный язык. Австрийское правительство постаралось о том, чтобы была составлена особая, отличная от русского литературного языка грамматика этого областного наречия Галичины и чтобы на нем были написаны учебники. Сперва этот новый язык в Галичине продолжал называться русским, а потом стал называться, ради обособления, украинским, воспользовавшись названием известной южной русской области Украины, которая, по мысли творцов нового литературного языка и их вдохновителей, Вены и немцев, должна была тоже принять этот язык, отказавшись от общерусского. Литературная обработка этого нового украинского языка в Галичине происходила совершенно искуственно, при помощи множества принятых из польского языка слов и вновь придуманных неологизмов, как это определяет и известный чешский языковед, проф. Травничек в Брне. Созданный таким образом украинский язык в словарном отношении почти совпадает с польским. На этом языке обучали в школах Галичины в довоенное время под властью Австрии и до сих пор на нем происходит там обучение под властью Польши.

На Карпатской Руси искусственная украинизация начала проводиться после присоединения ее к Чехословацкой республике насильственными мерами чехословацкого правительства, которое видело в этом средство для отсрочки введения автономии и ослабления национально-культурных сил карпаторусского народа. Эту украинизацию чехословацкое правительство проводило при помощи беженцев из Галичины, а также посредством лиц, которые были для этой цели нарочно выписаны. Чехословацкое правительство допустило в область Карпатской Руси остатки западной украинской армии во главе с австро-немецким майором Краусом. Офицеры и солдаты этой армии в течении многих лет состояли

на содержании чехословацкого правительства. В самой Чехии были учреждены высшие украинские учебные заведения, предназначавшиеся для галицких эмигрантов, в которых, между прочим, преподавали бывшие агенты германского генерального штаба, занимавшиеся во время войны пропагандой среди военнопленных русских воинов, уроженцев юга России. Многие из этих воспитанников являлись потом на Карпатскую Русь в качестве учителей школ или для исполнения иных должностей и занятий.

Украинизация Карпатской Руси была насаждена и развивалась чехословацким правительством посредством школ и при помощи указанных выше людей. В школах против воли русского населения Карпатской Руси, и несмотря на его непрекращавшиеся протесты и борьбу против этого, было введено обучение на украинском языке при помощи галицких преподавателей и по учебникам, составленным на упомянутом уже выше галицком украинском языке. Главный руководитель украинизации на Карпатской Руси — Иван Панкевич, родом из Галичины, который и до сих пор является преподавателем гимназии в Ужгороде, был выписан чешским правительством из Вены, сразу после войны, где он был прежде учителем украинского языка в австрийском Терезиануме и военной академии, а также состоял домашним учителем того же языка в доме убитого эрц-герцога Франца-Фердинанда. Как навязанный извне, галицкий украинский язык представляет на Карпатской Руси совсем чужеродное и невиданное явление, с которым население никак не может ужиться. При помощи этого нового языка началась борьба против унаследованного из довоенного времени русского литературного языка и письменных навыков Карпатской Руси. Родительские советы напрасно протестовали против украинского обучения в средних учебных заведениях, жители сел напрасно устраивали забастовки детей, прекращавших посещение начальных школ, чтобы добиться устранения галицких учебников и отмены обучения на неприятном для русского и чуждом ему языке, напрасно депутаты парламента возражали против насильственной украинизации в школах, — чешские школьные власти на Карпатской Руси, которые заведуют русскими школами, продолжали свой насильственный образ действий в области школы и языка, и русский литературный язык, бывший в употреблении до войны на Карпатской Руси, оказался совершенно исключенным, запрещенным и выброшенным из школ.

Проводилась эта насильственная украинизация или, точнее, галицизация, под предлогом введения в школы простонародного карпаторусского говора. Уже в так называемом Генеральном Статуте, который был объявлен на Карпатской Руси в 1919 году, было сказано, что языком управления и школьного обучения признается „простонародная речь Карпатской Руси". Этим исключалось пользование традиционным литературным русским языком, который, как уже сказано, был в употреблении на Карпатской Руси в довоенное время Этим был нанесен тяжелый удар национально-

культурной жизни Карпатской Руси. Языком управления стал чешский язык, как это имеет место на Карпатской Руси и до сих пор. Ни русский язык в своем литературном виде, ни простонародная речь Карпатской Руси не были допущены к официальному употреблению в делопроизводство, которое до сих пор происходит исключительно на чешском языке. Нужно подчеркнуть, что отожествление галицкого украинского языка с карпаторусским наречием, как это делало в своих заявлениях чешское правительство, являлось грубым подлогом, ибо между укр. языком и говором Карпатской Руси никакой связи нет. Как уже сказано, по авторитетным отзывам самих чешских ученых (проф. Травничек в Брне), галицкий украинский язык в своем словарном составе почти вполне совпадает с языком польским, и потому этот язык на Карпатской Руси, где по польски никто не разумеет, населению совсем непонятен и чужд. Отличается галицкий украинский язык от карпаторусского говора, как уже сказано, особенно резко в выговоре звуков, а также в употреблении слов, что на Карпатской Руси совпадает большей частью с северновеликорусским наречием, а также с русским литературным языком.

Как относится само население Карпатской Руси к украинизации, введенной чешским правительством против его воли, видно лучше всего из народного голосования за язык учебников, которое происходило осенью и зимой 1937-1938 годов в селениях Карпатской Руси. Голосование это было допущено чешскими школьными властями (министерством народного просвещения в Праге) ради того, что само это министерство сочло невозможным держаться и впредь в отношении языка обучения насильственных мер и тем самим признало несостоятельность прежних стеснений русского языка. За русские учебники и за обучение на русском литературном языке высказалось 73% всех родителей детей, посещавших начальные школы, а 27% согласилось на сохранение учебников, бывших в употреблении до того времени. К сожалению, сельское население не было подготовлено к такому голосованию, тем более, что оно происходило в условиях ожесточенной агитации галицких украинских учителей и их воспитанников. Народу предлагалось часто выбирать между „русским" и „великорусским" языком обучения, причем под русскими учебниками подразумевались украиские (галицкие), а под великорусскими — учебники на литературном русском языке. Население часто не могло разобраться в этихтонкостях обозначений, пущенных в ход, ибо названия великорусский, малорусский, белорусский и т. д., хотя употребляются языковедами в ученых сочинениях и в печати, простому народу совершенно неизвестны, ибо он называет себя и свой язык просто русским. Нужно сказать, что за 20 лет работы чешских школьных властей на Карпатской Руси выпущено значительное количество учителей, воспитанных в духе украинизации и вражде к литературному русскому языку. Эти

учителя сделали свое дело при упомянутом народном голосовании, допущенном ради волеизъявления самого народа. Все же за 20 лет упомянутой работы чешских школьных властей не удалось подавить у населения Карпатской Руси любовь к своей русской народности и к русскому литературному языку.

Нужно еще заметить, что школьное дело на Карпатской Руси находится в ужасающем хаотическом виде. Во всей стране нет ни одного чисто русского среднего учебного заведения. Во всех четырех гимназиях, в Ужгороде, Мукачеве, Берегове и Хусте, только самая малая часть предметов преподается по русски и по русским учебникам; некоторые предметы преподаются по украински. Большая же часть предметов преподается на чешском языке и по чешским учебникам. Директором Ужгородской гимназии в течение 15 лет был галичанин Алискевич, враждебный к русскому языку, который украинизировал эту гимназию. В двух гимназиях, В Хусте и Берегове, директорами являются чехи. Такие же условия господствуют и в единственной государственной учительской семинарии в Мукачеве, где на русском языке преподается, собственно, один русский язык, а все остальные предметы, в том числе даже самые важные — на чешском языке и по чешским учебникам. Протесты учащихся ничего не помогали и их отказ учиться на чешском языке и отвечать по чешски, награждался плохими отметками по поведению. В Ужгороде чешским правительством поддерживаются две церковные учительские семинарии (мужская и женская) при существующей там греко-униатской епархии, в которых ряд лет тому назад, по приказанию из Рима, был введен украинский язык обучения и где продолжают воспитываться для государственных русских начальных школ украинские учителя, вводившие в заблуждение и терроризировавшие население при упомянутом выше народном голосовании по поводу учебников.

Политическая борьба, которая велась вокруг украинизации, введенной на Карпатской Руси чешским правительством, представляется в следующем виде. Украинизацией и запрещением русского литературного языка в школах чехословацкое правительство преследовало троякую цель. Прежде всего тут была цель внутренне-политическая, которая, с одной стороны, сводилась к тому, чтобы внести раскол в среду местного русского населения и вызвать междоусобный бой. С другой стороны, в Праге полагали, что русский литературный язык сделал бы невозможным чехизацию или словакизацию, в то время как преподавание на разных диалектах и жаргонах, а также и на украинском языке, который находится еще только в стадии развития, облегчило бы чехизацию. В свое время министр народного просвещения, Вавро Шробар, заявил совершенно открыто некоторым своим знакомым, которые впоследствии пустили это заявление в газеты, что причина недопущения литературного русского языка в школы состоит в том, что местные русские, знающие русский литературный язык, ни-

когда не поддадутся ни чехизации, ни словакизации, в то время как с украинским языком „мы можем конкурировать". Иностранно-политические цели пражского правительства были скопированы с австрийской политики в восточной Галичине. Как венское правительство создало в восточной Галичине обособление русского населения от России путем создания нового литературного языка и базы для своей попытки отторжения от России всего юга для создания независимой Украины, так же и чехословацкое министерство иностранных дел мечтало сделать из Карпатской Руси базу для украинской политики на востоке.

Насильственную украинизацию, введенную на Карпатской Руси чехословацким правительством, усиленно поддерживали чешские политические партии, которые начали там свою деятельность с присоединения нашего края к Чехословакии. В первую очередь нужно назвать партию чехословацких социал-демократов, в руках которых находилось школьное дело в Карпатской Руси до самого последнего времени. Русскими школами до сих пор руководят чехи, подчиненные непосредственно министерству народного просвещения, невзирая на то, что по Сен-жерменскому договору и конституции все школьное дело должно быть автономным. Именно этими ставленниками чешской социал-демократической партии проводилась на Карпатской Руси всеми возможными средствами украинизация. По приказанию из Рима также и чехословацкие клерикальные партии, возглавляемые монсиньором Шрамком, всемерно поддерживают украинское движение, между прочим, таким способом, что, находясь в правительственной коалиции и имея в своих руках некоторые министерства, они направляют в Карпатскую Русь чешских чиновников с директивами поддерживать украинскую пропаганду, враждебную национально-культурным интересам русского населения Карпатской Руси. Вообще же нужно заметить, что римо-католическая церковь поддерживает всюду украинскую пропаганду, в том числе и в Карпатской Руси, полагая, что раскол русского народа на два враждебных лагеря, облегчает продвижение римо-католицизма на восток. Главным проводником этой римской политики в западно-русских краях является нынешний униатский митрополит во Львове Андрей Шептицкий, бывший польский граф и римо-католик, ныне же униат и „украинец". Возглавляя греко-униатскую церковь в Галичине с ее тремя с половиной миллионами душ уже больше сорока лет, он совершенно украинизировал ее. Ему подчиняются все русские греко-униатские епископы, в том числе и два униатских епископа в Карпатской Руси. Он распоряжается в русских униатских монастырях в Карпатской Руси, которые совершенно изъяты из ведения местных русских епископов и подчинены ордену базилиан в Галичине. Благодаря этому, эти монастыри, в которые он насадил своих монахов из Галичины, являются центрами украинской пропаганды в Карпатской Руси. Униатские монахи, подчиненные польскому графу Шептицкому во Львове, злоупотребляют для украинской

пропаганды униатскими храмами. С этой целью они обьявили Матерь Божию царицею Украины и дали даже изготовить соответствующие медальоны, которые они распространяют в церквах среди верующих. Также и упомянутые две церковные учительские семинарии в Ужгороде, находящиеся в ведении униатской церкви, воспитывают в украинском духе учителей для начальных школ Карпатской Руси.

Кроме того, чешская коммунистическая партия в Карпатской Руси, находящаяся под непосредственным командованием из Советской России, по приказаниям оттуда, поддерживает украинизацию Карпатской Руси. Официальный орган коммунистической партии в Карпатской Руси является ярким поборником украинского движения.

Следует добавить, что, также вопреки постановлениям Сен-жерменского договора и конституции, пражское правительство израсходовало много миллионов чешских крон на поддержание украинизации под видом поддержки всяких украинских культурно-просветительных предприятий, в то время как русским просветительным учреждениям систематически отказывалось во всякой материальной поддержке.

Результатом всего этого является нынешнее положение: сравнительно низкий уровень учащейся молодежи, кончающей средние школы, так как ей приходится учиться на разных языках и на чуждом и для русского уха неприятном неразвитом галицко-украинском языке, ибо, как уже сказано, учителя и учебники в этих школах в большинстве случаев чешские. Другой результат — языковая и культурная борьба между двумя направлениями, которая раздирает и ослабляет силы народа и отвлекает его внимание от вопросов, которые чехи стараются разрешить в свою пользу, прежде всего от вопроса об автономии, а также от вопросов экономических и социальных. И в нынешний, решающий момент, небольшая группа украинствующих идет отдельно и не желает поддерживать требования русских людей на Карпатской Руси в борьбе за автономию. Так как украинствующие составляют незначительное меньшинство, невзирая на поддержку, которую им оказывало пражское правительство в течение двух десятилетий, они боятся автономии и не хотят ее, ибо с переходом власти на Карпатской Руси в автономные руки, исчезнет и украинизация, и люди, ее проводившие, останутся без работы. Однако, для сохранения вида, они принуждены формально требовать автономию. Но, когда теперь все русские группы населения требуют замены чешского вице-губернатора Мезника русским чиновником, украинствующие послали в Прагу депутацию, просившую о том, чтобы не был назначен русский, а чтобы остался чех.

Невзирая на систематическую двадцатилетнюю работу чешского правительства в пользу украинизации, а также, несмотря на поддержку римо-католической церкви, социал-демократов и

коммунистов, последствия украинизации в Карпатской Руси незначительны и число людей, считающих себя украинцами, невелико. Из восьми депутатов и сенаторов, представляющих русский народ в пражском парламенте, семь из них являются русскими и стоят за русские национально-культурные интересы. Только один депутат, Юлий Ревай, признает себя украинцем. Но он не собрал достаточно голосов в Карпатской Руси для того, чтобы быть избранным. Выступал он кандидатом от имени чешской социал-демократической партии, которая получила там всего 29.000 голосов. Для того, чтобы быть избранным, требовалось более 34.000 голосов. Вследствие этого Ревай не был избран в Карпатской Руси на выборах. При втором подсчёте голосов, который производился в Праге, чехословацкая социал-демократическая партия использовала остатки своих голосов в чешских краях для того, чтобы назначить двух представителей партии от Карпатской Руси: „украинца" Ревая и еврея Кугеля. Таким образом Ревай и Кугель являются представителями Карпатской Руси, получив в этом крае всего по четырнадцать с половиной тысяч голосов. Среди голосов, отданных в Карпатской Руси за чешскую социал-демократическую партию было не больше 10.000 голосов от русского населения. По крайней мере столько же дали сионисты. Остальные голоса — мадьярские и чешские. Сам Ревай утверждает, что из 29.000 голосов, отданных за чешскую социал-демократическую партию — 16.000 было от русского населения. Кроме того чехословацкая клерикальная партия получила в Карпатской Руси около 10.000 голосов, среди которых были также и русские голоса. Во всяком случае эти две партии, покровительствующие украинизация в Карпатской Руси, не получили ни в каком случае больше 15, или максимум, двадцати тысяч голосов.

Что касается русских представителей в чехословацком парламенте, то в западной части Карпатской Руси, находящейся в составе восточной Словакии, все русское население голосовало за русских депутатов. Украинская группа там даже своих кандидатов не выставляла. В восточной части Карпатской Руси, т. е., в административном округе того же имени, русские кандидаты собрали по меньшей мере 120.000 голосов. Некоторую часть русских голосов, может быть около 40.000, получили коммунисты. Точно эту цифру трудно определить,так как коммунистическому списку отдавали свои голоса также и другие национальности, в том числе мадьяры и евреи. Эти голоса, поскольку они были даны русским населением, не свидетельствуют о симпатиях русского населения ни к той, ни к другой культурно-национальной ориентации, так как коммунистическая партия интернациональна. Таким образом против 120.000 голосов, отданных за русских представителей в парламенте, стоит всего лишь 10.000 (или в лучшем случае 14.000) русских голосов, отданых за чешскую социал-демократическую партию на Карпатской Руси и доставшихся депутату, стоящему за украинизацию, проводившуюся чешским

правительством ради дробления национальных сил Карпатской Руси.

Уничтожить русской народности чехам не удалось, а лица, находящиеся на службе украинизации, насаждаемой чехами со времени присоединения К. Руси к Чехословацкой республике, находятся в незначительном меньшинстве.

Необходимо также отметить, что в Соединенных Штатах Америки, где имеется свыше 400.000 русских из Карпатской Руси, невзирая на усиленную пропаганду, не имеется никакого украинского движения, нет ни одного украинского общества. Объясняется это тем, что там нет правительства, которые бы искусственными и насильственными мерами проводило украинизацию. То же явление наблюдается в восточной Словакии, где школы находятся в ведении не пражских, а братиславских властей. Там имеется налицо усиленная словакизация русского населения, но украинского движения нет.

(1938 год)

ГЛАВА VII

УКРАИНА — РУССКАЯ ЗЕМЛЯ УКРАИНЕЦ — РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ И РУССКОМ НАРОДЕ

(Цівілізаційна роля Русі)

(Глава из брошюры: „Загадка України і Галичини")

Сказано, що з IX-го віку зорганізовано первоначально і переходово з Новгородської землі, потім з Києва, всі землі Сарматії в одну державу. Це і є велика наша вітчина. Коли татари ту організацію розбили, зорганізовано всі ті самі землі знов в одну державу, але вже з північного центра. Вітчиною-державою нашою до татар була отже Русь Володимира. Ті самі всі землі зібрані вкінець в 18-ім віці знова в одну державу перестали бути нашою вітчиною — державою, тому що були збирані довгим історичним процесом, з іншого центра? Ті самі землі, раз наша вітчина, другий раз ні? . . .

Це не перечить, що Київська земля, південь, є нашою близчою, милішою вітчиною, вітчиною по серцю, тимчасом коли ціла Русь, від океанів до океанів, є нашою державною вітчиною, вітчиною, яку витворив дух історії, дух нашої експанзії, вітчиною інтересів політичних, економічних, культурних.

Ми вказали на нашу давню і нову, вущу і ширшу вітчину, Скажемо тепер, що коли вона наша, то зглядом неї маємо і обов'язки . . . Таким першим обов'язком є вимога (требование) відноситись до неї не по дітвацьки („Рассєя"; „адін народ"; „єдіная нєдєлімая" — все те в галицькій транскрипції), а серіозно, хотьби вже тому, що шеста часть нашої планети заслугує на відношення (отношение) серіозне, оттак як і слон або медвідь заслугує на серіозне відношення. Серіозно відносяться до Русі американці, німці, англійці; будемо сподіватись, що на будуче серіозно будуть до неї відноситись і галичани, так, як всі серіозно виховані народи відносяться до своєї вітчини. А чому, увидимо з дальшого.

Могучу державну організацію з Київом, яко осередком, розбили татари. Розгром був не тою катастрофою, котру гоїть час; розгром був катаклізмом, котрого направа вимагала 5 століть.

Без того розгрому південно-руське було б мало таку позицію, як нині північно-руське, позіцію, надаючу тон, домінуючу; північна Русь вдоволилась би була позіцізю „України"; Київ мавби два міліони; Москва, Петербург мали б замість міліонового населення меньне; Український язик занявби був перше місце; оба язики були б мабудь ще близші до себе, можеби вже і злились були давно в один інтензивнійшим культурним процесом і т. д.

Андрей Камінський
галицкий политический деятель

Львов, 15 авг. 1914 г.

КОМУ НУЖНА „СОБОРНА САМОСТІЙНА ВІД НІКОГО НЕЗАЛЕЖНА УКРАЇНСЬКА ДЕРЖАВА"

В книге В. Черчилля „От войны до войны" описан следующий разговор, происходивший „в большой комнате в верхнем этаже германского посольства" в Лондоне, в 1937 году, между Черчиллем и Риббентропом (немецким послом в Англии).

Слова Риббентропа: „Требуется, чтобы Британия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Она должна иметь свой „лебенсраум", т. е. жизненное пространство для ее растущего населения. Поэтому должны быть поглощены Польша и Данцигский коридор. Белоруссия и Украина совершенно необходимы для будущего существования Германии с более чем семидесятью миллионами населения. Меньше этого не будет достаточно. Все, что требуется от Британского сообщества наций и Империи, это — не вмешиваться. На стене висела (замечает Черчилль) большая карта, и он несколько раз водил меня к ней, чтобы иллюстрировать свои планы". Стр. 240-241.

До чего доходят самостийники, одурманенные ненавистью к „московскому" народу:

О. Трофимовская поместила в „Украинской Литературной Газете", № 10 (40), за октябрь 1958 г. рецензию на роман современной украинской писательницы Людмилы Коваленко. В этом романе „гуманная и миролюбивая писательница" выражает надежду на то, что меньше чем через триста лет не будет больше на свете ни России, ни русского народа, а на месте русского государства будет красоваться зоологический сад. Вот рецензия: „Людмила Коваленко. „Рік 2245". Роман — утопія, 212 стор. Автор хоче показати майбутнэ (будущее) суспільство (общество), побудоване на засаді високої моралі, але разом з тим увесь російський народ знищений, а на місці Росії зоологічний парк. На сторінці 18: „Ткнувши себе ще раз в груди, сказав з притиском: русь-

кий, рус, рашен. Старий підвів повіки... тихо усміхнувся, заперечливо водячи пальцем. — „Нема". На стор. 33: „Рашен нема, — розвів руками Петрик. — Рашен зоо. Як то зоо? — схопився на ноги Іван. — А люди ж де?... перемішались усі на купу". На сторінці 79: „Та ж ти чув, що Україна людей лікує, а в Росії — зоопарк. Правильно зроблено, бо вам тільки з звірятами жити".

ЧТО ТАКОЕ УКРАИНСКАЯ НАЦИЯ?

(Невольное признание вождей украинских националистов)

Нижеприведенный отрывок взят из статьи „Трагічна хвороба", напечатанной в газете „Українське Слово" в Париже. Автором ее является сам редактор газеты — О. Жданович — очень важный „діяч" (деятель) в „Организации Украинских Националистов", сторонников полковника Мельника. Эта же статья перепечатана в Аргентине, в газете „Наш Клич" от 27сент. 1951 г. (№ 36), редактором которой является один из вождей и идеологов украинского национализма — Евгений Онацкий.

Отрывок приводим на том языке, на каком был напечатан самим автором, ибо, за исключением нескольких польских слов и непривычного правописания, этот язык понятен каждому русскому человеку.

Вот что рассказывает О. Жданович:

„Лютої зими 1941 р. сиділи ми з славної памяти Олегом Олжичем в брудній, темній і непаленій їдальні воєнного Києва... При сусідньому столику сидів наш спільний (общий) знайомий зі старшою інтелігентною жінкою, якої обличчя — жовте й змучене — вирізнялось (польск. wyrozniac (sie) — отличаться) слідами колишньої типічно київської краси.

Жінка оповідала свою біографію: большевики її виселили з помешкання (польск. mieszkanie — квартира), не могла знайти роботи і т. д. — історія мільйонів під московською окупацією. Вона вдова — чоловік загинув на засланні. Вона оповідала й про чоловіка, і за кожним разом голос її доходив до трагічно-триюмфальної ноти, коли вона повторювала:

— О, чоловік мій був також українець, як і ви!

Олжич сумно посміхнувся, якось не устами, а скоріше самими очима й сказав:

— Ви послухайте, як вона підкреслює (польск. podkreslac — подчеркивать) українську національність свого чоловіка. Що ви чуєте в цьому підкресленні? Ви мусите почути, що хоч вона й говорить найчистішою українською мовою і нема сумніву, що вона з діда-прадіда українка, — вона не каже, що вона українка. А от її чоловік був українець. В її очах — це заслуга, яку має далеко не кожен. Для неї — українець не національна приналежність, а політичне переконання, яке можна мати, а можна й не мати.

Чи не тут вся глибина української трагедії? (подч. автором). Чи таким тоном про національність свого чоловіка говоритиме француженка, німка, англійка, американка, полька, або московка, коли вона тієї ж національности що й чоловік, і говорить з земляком?"

Вот вам невольное признание вождей украинского сепаратизма. Для южнорусского человека, которого украинизируют вот уже слишком сорок лет, „украинец — не национальная принадлежность, а политическое убеждение, которое может быть у человека, а может и не быть".

Объяснения, — излишни. Только тот, кто совершенно не знает русский народ может слову „украинец" придавать значение народности; но южнорусский народ, обманываемый своей интеллигенцией вот уже столько лет, все еще понимает слово „украинец, украина" в том значении, как их понимали все русские люди в продолжение всей своей истории.

Богдан Хмельницкий, например, говорил послу Московского царя:

„Царского величества подданные донские казаки учинили мне беду и досаду великую, и если царское величество за донских казаков будет стоять, то я вместе с Крымским царем буду наступать на **Московские украины**".

О ЕДИНСТВЕ РУССКОГО НАРОДА

Ниже приводим небольшой отрывок из книжечки, напечатанной во Львове в 1900 году. Название книжки „Живые вопросы". Написана она галичанином О. А. Мончаловским.

МАЗЕПИНЦЫ

Заворушились понад Дніпром пьяниці,
Мазепині сыны, Хмельницкого унуки.
Почули свіжу кровь сі людожерні птиці,
Химерні идолы химернои науки.

П. А. Кулиш

Если русское правительство издало закон от 17 мая 1876 г., воспрещающий издание ученых сочинений и учебников на малорусском наречии — „вірші" беллетристические и драматические „творы" любители могут производить сколько угодно — то с той целью, чтобы не допустить до такого сепаратизма, которого представителями являются нынешние украинофилы „третьей формации", настоящие „мазепинцы". Германия — конституционная страна, но несколько лет тому назад германское правительство запретило печатать немецкие книжки фонетикою, дабы не допустить до литературного и национального раскола среди немцев,

а в прошлом году генеральное собрание всех актеров из всей Германии приняло решение — не употреблять на сцене немецких простонародных говоров... Почему немцы не пишут ученых сочинений на многочисленных немецких наречиях, почему германское правительство не позволяет печатать немецких книжек фонетикою, почему немецкие актеры постановили говорить на сцене только литературным языком?.. Все Безбородки, Прокоповичи, Яворские, Прощинские, Гоголи, Гнедичи, Потапенки, Короленки, — а я добавляю от себя — Бодянские, Григоровичи, Галаганы, Максимовичи, Данилевские, Немировичи-Данченки и „им же несть числа" — действительно „украинская кровь" — люди разумные люди культурные, не закопавшие своих талантов в „самостійну" литературу и „самостійний" язык своего села или города, но поставившие их на светильник общерусской литературы и общерусского языка, „да всем светят": украинцам и москвичам, галичанам и новгородцам, буковинцам и рязанцам, волынцам и донцам. Они не „отступники" от малорусского народа, напротив, они нравственные и духовные собиратели русского народа в одну великую национальную и культурную семью, отступники же — „спадкоемці" (по-польск. spadkobierca — наследник) Мазепы, представители „недоношенной разумом этнографической теории".

П. А. Кулиш так определил значение присоединения Южной Руси к России („Дзвін", стр. 115): „Були мы кровожерными яструбами-рарогами в руках у польской шляхты, що з нами полювала на Москаля, мов на птаха, у товаристве-ж с родною и единоверною Русью переродились мы в гарно-величных гоголей и земляком Гоголем закрасили новорусскую литературу". (Стр. 72-73).

ИЗ ПИСЬМА Д. И. ЗУБРИЦКОГО[1]) К МАКСИМОВИЧУ[2])

...Ваши мне сообщенные основательные и со систематическою точностью изданные сочинения — откуда идет русская земля[3]) и исследование о русском языке,[4]) читал я с величайшим

[1]) Денис Иванович Зубрицкий (1777-1862) — галицко-русский историк, неутомимый борец за единство русского народа и русского литературного языка.

[2]) Михаил Александрович Максимович (1804-1873) — выдающийся ученый, уроженец полтавской губернии. Происходил из старого рода козацкой старшины. В новооткрытом в 1834 г. киевском университете св. Владимира Максимович был ректором и профессором русской словесности. Был этнографом, историком и языковедом.

[3]) Полный заголовок сочинения „Откуда идет русская земля? По сказанию Несторовой летописи и по другим старинным писаниям русским". Изд. в Киеве в 1837 г.

[4]) Полный заголовок: „Критико-историческое исследование о русском языке", СПБ. 1838.

любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки, как о происхождении народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились. По моему мнению, народ русский от берегов Тисы в Панонии до берегов Волги, от берегов Вислы до Русского моря столь строго гонимый и истребляемый и могущественнейший в Европе, есть народом коренным сего края, а не пришельцем, и я это по возможности в введении к Истории Червоной Руси изложить старался. Что касается до наречий русского языка, их есть бесчетное число, внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, даже в каждой деревне, хотя и неприметное различие в произношении, изречении, прозодии, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислению г-на Шмидель Litterarischer Anzeiger 1882 года, есть 114 наречий немецких столь одно от другого расстоящих, что немец друг друга никак не разумеет, но язык есть всегда немецкий, и невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общежитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались. Относительно наименования русского народа многие ученые полагают, что оно от варягов произошло. Для меня это не совсем понятно. Сомнительно, чтобы руссы галицкие или закарпатские в IX-ом или X-ом столетии слышали когда-либо о варягах. Каким образом был бы в состоянии царь в Новгороде или Киеве владычествующий, принудить народ, рассеянный на таком обширном пространстве, оставить свое прежнее какое-либо прозвище и принять чужое, совсем неизвестное? Мы в Галиции уже 500 лет под иностранною властию, имя русское во время польского ига было предметом ругательства и поношения, но все напрасно, мы гордились своею назвою и происхождением и остались русскими. Это самое разумеется и о венгерских руссах...

УКРАИНСКАЯ МОВА

По всей вероятности не все наши читатели знакомы с словом мова. По самостийно-украински это слово обозначает язык. По нашему, по карпаторусски, говорят „беседа". Во всей Карпатской Руси вы слова „мова" не услышайте, или, вернее, не услышали бы до присоединения Карпатской Руси к Советскому Союзу, когда наша страна, по указу свыше, перестала называться Русью и превратилась в „Закарпатскую Украину".

Итак, „мова" — это „украинский язык. Язык самостоятельный, независимый, ничего общего не имеющий с русским языком. Да и вообще русского-то языка уже нет вовсе. Просуществовал тысячу лет, и будет. Совсем как у поляков, которые не переставали кричать: ‚Ньема Руси! Тылько Польска и Москва!"

Так теперь и самостийные вопят: „Нет Руси! Нет русского народа! Нет русского языка! Есть только „украинский" и „росийский"!

Самостийность „украинского" языка „мовники" объясняют различно. Кстати, что такое „мовник"? Это слово, кажется, изобретено только недавно. Даже многие самостийники его еще не знают. Раньше самостийники употребляли слова лингвист, мовозналець, мовознавець. Но „мовник" несмоненно лучше, более посамостийному, так как оно не похоже ни на какое „российское" слово. В этом, между прочим, украинские мовники ошибаются, ибо в русском языке есть несколько слов того же корня. Так, например, слово **молва** — слухи, вести, толки в обществе о чем-нибудь. Людская молва — что морская волна (пословица). **Молвить** — сказать, проговорить что-нибудь. Молвить можно справедливо, это диво, так уж диво (Пушкин). **Молвь** — Речь, разговор, молва. В словаре Даля приведено даже слово **мовня,** что значит, между прочим, слух, молва...

Самостийные „мовники" объясняют полную самостийность их мовы по разному. Одни утверждают, что их мова не имеет ничего общего с языком „российским" и что она ближе к западнославянским языкам (польскому, словацкому и чешскому) и в особенности к югославянским языкам (словенскому, сербо-хорватскому и болгарскому) чем к „российскому". Другие „мовники" доказывают, что главная разница между мовою и „российским" языком состоит в том, что весь дух „российского" языка груб и некультурен и т. п., и что это различие необходимо обследовать и обосновать с точки зрения... психологической!

Здесь мы коснемся лишь первой самостийной теории, состоящей в том, что „украинская" мова ближе к сербскому языку чем к „российскому". С такой „научной" точкой зрения украинским мовникам удалось даже проникнуть в издающуюся в Нью Иорке оффициальную Католическую Энциклопедию, или вернее, что редактор католической энциклопедии, иезуит Хоп Кинс, доверенное лицо кардинала Спеллмана — (он его официальный „цензор либрорум", т. е. цензор книг) — поручил написать статью об „украинской" мове украинскому мовнику, пану Чубатому, который написал ее, согласно с теперешней политикой Ватикана, старающегося оторвать югозападную Русь от русского народа и от православной Церкви и создать новую нацию, „украинскую" и униатскую, враждебную к остальным частям русского народа.

Вот что написал пан Чубатый в дополнительном издании Католической Энциклопедии:

„Украинский-язык отдельная и независимая единица восточно-славянской части индо-европейской семьи. Он является звеном между языками западно-славянскими (польским, словацким и чешским) и южнославянскими (болгарским, сербо-хорватским и словенским)".

Вот и все. Русский язык им даже не упоминается.

Пан Чубатый, очевидно, не имеет ни малейшего понятия о сербском языке, иначе он не написал бы такой чепухи. Но, может быть, он просто нагло лжет, полагаясь на то, что рядовой американский читатель совершенно незнаком с вопросом и ему поверит, уповая на авторитет официальной католической энциклопедии.

Дабы показать тем из наших читателей, которые не знакомы с сербским языком, всю несуразность утверждений пана Чубатого, мы приведем несколько самых обыкновенных сербских слов.

по-русски	**по-сербски**	**по-русски**	**по-сербски**
голова	глава	борода	брада
палец	прст	дом	куча
окно	прозор	дверь	врата
молоко	млеко	ворота	капия
мясо	месо	воз	кола
масло	маслац	колесо	точак
дождь	киша	гора	брдо
чёрный	црни	лес	шума
желтый	жути	я беру рукою	я узимам руком
синий	плави	я иду ногами	я идем ногама
я бегу	я трчим	я убегаю (утекаю)	я бежим

Я себе живо представляю следующий разговор серба, говорящего по-русски, которому украинский мовник прочел лекцию о том, что южно-русский язык ближе к сербскому чем к „российскому”:

Серб: Да ли сте полудели?

Украинский мовник: Що? що?

Серб: Я вам повторю по-русски: Вы одурели?

Украинский мовник: Чому?

Серб: Зашто? Йер све шта сте изумили то йе будалаштина. Ви сте будала!

Украинский мовник: Що? що?

Серб: Я вам повторю по-русски. Потому что все, что вы придумали — дурачество. Вы дурак!

Украинский мовник: ? ? ?

**
*

Украинский мовник не понял ни слова из того, что было сказано по-сербски. Но он понял все то, что было сказано „по-российски” . . .

А. Геровский

ФЛАГ УКРАИНСКИХ СЕПАРАТИСТОВ

В город Александровск на Днепре, переименованный коммунистами в Запорожье, немцы вступили 4-го октября 1941 года.

Уже на другой день в город приехали шесть молодых людей галичан в качестве переводчиков. Они говорили по-немецки и по-„украински". Но „украинский язык" их был малопонятен нам, местным жителям Южной (Малой) Руси . . .

Язык украинствующей части галичан имеет много немецких слов, а еще больше в нем — польских. Так вот, эти галичане на здании Городской Управы повесили якобы „украинский флаг — жовто-блакитный".

Мы, люди южной Руси, не знали и не видели такого флага. Богдан Хмельницкий, насколько известно, пользовался белым флагом, а Запорожские казаки — малиновым . . .

Только в Европе мы потом узнали из газеты „Українські Вісті", что во время революционной завирухи в 1848 году молодой австро-венгерский император Франц Иосиф призвал галичан принять участие в подавлении восстаний. Галичане выставили дивизию, которая очень помогла восстановлению порядка. Благородный император пожаловал начальствующим лицам земли, а прочим — денежные награды; дивизии же — почетный „жовто-блакитный" флаг, цвета которого должны были символизировать пшеницу и Дунай . . . Так этот флаг и привился у начавшей вскоре украинствовать некоторой части галичан, как национальный.

Записала со слов ныне покойного
Сергея Карского Екатерина П.

От редакции.

В дополнение к этому интересному письму, полученному из Германии от нового эмигранта „украинца" — русского человека Украины, д-р А. Геровский добавил следующие строки.

Жовто-блакитный флаг

Жовто-блакитный — это на русском литературном языке и на галицком и карпаторусском наречиях — желто-синий. Слово „блакитный" — польское.

Вот этот жовто-блакитный флаг, который в настоящее время считается украинским флагом, был, если так можно выразиться, изобретен во Львове во время революции в 1848-1849 г. г., когда мадьярские магнаты и польские вельможи восстали против Габсбургов. Русские галичане в то время так же как в Карпатской Руси, стали на сторону Габсбургов, или, вернее, они пошли против мадьярских и польских панов. Граф Стадион, который в то время был австрийским наместником во Львове, пригласил к себе пред-

ставителей русских галичан, которые в то время считались надежной опорой против бунтующих польских панов и сказал им, между прочим, что австрийское правительство готово поддержать их, но с условием, что они не будут считать себя частью русского народа, то есть того русского народа, который живет в России. Это было после того, как появились в Австро-Венгрии русские войска, присланные по просьбе цесаря Франца Иосифа русским императором для того, чтоб спасать Габсбургов. Русские войска прошли через всю Галицкую Русь в нескольких колоннах и перевалили Карпаты через все перевалы. Так с ними ознакомились как русские галичане, так и карпатороссы, не только интеллигенты, но и большинство крестьян. Народ как галицкий, так и угрорусский встречал их всюду как своих братьев, приглашал их в свои, оффициально униатские, храмы. По просьбе населения православные священники служили в их церквах, против чего не только не протестовали униатские священники, но во многих случаях служили с ними вместе. Все это не понравилось австрийским властям и поэтому граф Стадион невзирая на то, что тогда русские были нужны габсбургской династии, считал необходимым предупредить их вождей, что они не должны себя считать такими же русскими, как и русские в России. Что касается сине-желтого флага, или, как его в настоящее время называют украинцы, „жовто-блакитного", то история его возникновения такова. В один прекрасный день граф Стадион пригласил к себе представителей Галицкой Руси и передал им сине-желтый флаг в виде подарка от матери императора Франца Иосифа. Она, по словам Стадиона, сшила этот флаг. Цвета его были избраны на основании герба русских галицких князей, на котором был изображен золотой лев на голубом поле. Этим флагом пользовались затем русские Галицкой Руси и Угорской (Закарпатской) Руси, между прочим им тоже пользовался Адольф Иванович Добрянский в Ужгороде. Только впоследствии этот флаг сделался „украинским".

Богдан Лепкий

БИТВА

На долині дим і порох,
Серце беть ся як дзвін.
„Ось і він, ось і він,
Твій відвічний ворог.

Хто говорить, що се люди —
В очі плюнь і не вір!
Таж то звір кинув бір,
Міряй просто в груди!

Не пора тепер питати,
Хто і де тебе веде,
Розум де, совість де,
Тут одно — гармати.

Одинока правда — сила,
А спасене — розгін.
Або ти або він,
Поміж вас — могила.

На долині пекло чисте,
Ближній ближнього їсть.
Що за злість, що за злість!
Вереск, зойки — Христе!

„Гайдамаки і другі гарні оповідання" 1918. Издание в Америке.

РУССКИЙ НАРОДЕ!

О, Русский Народе, Ты в горю-печали,
И в слезах и смутку жизнь свою проводишь,
Вид выродных братив своих — яничарив
Терпишь и страдаешь, в струях крови бродишь...

Преславный народе! Твердый и незломный!
Кругом Тебе лихо, роздор, перемѣна, —
Хотят измѣнити Тебе, православный,
Вмѣсто славной Руси кажут „Украина"...

Страдальный народе! Не одное горе
Ще тобѣ придется тяжко пережити.
Але крѣпко вѣрю в день Твоеи славы,
Знаю, що страдаешь, щобы в щастью жити!

Хотяй пред Тобою терниста дорога,
Тяжкии колоды Тебѣ под ногами,
Але сильно вѣрю в славный день побѣды,
Що шлях до свободы лежит перед нами!

Печальный Народе! Всегда Ты страдаешь,
Еще не одную выпьешь чашу горя,
Ще не одна капля Твоей Русской крови
Поплыве рѣками, як вода, до моря...

Но с той крови встане поколѣнье славне
И як ясне солнце в славѣ засіяет,
Тогда подоймешься, отрешь горьки слезы,
Закличешь, що славна Русь все побѣждает!...

с. Рѣпнев, 1938

написал галицкий селянин
Емилиян Перхуч

Мы поместили эти два стихотворения („Битва" и „Русский народе") рядом. Они характеризуют два течения в национальной жизни Галичины: самостийное, ярким представителем которого является автор стихотворения „Битва" — Б. Лепкий и общерусское.

Когда началась первая мировая война, австрийские культуртрегеры решили уничтожить Русь в Галичине. Им в этом преступлении активно помогали, главным образом доносами, самостийники, поляки и евреи. Одним из самых беспринципных активистов, продававших и предавших свой народ немецким палачам не за страх, а за совесть, был „письменник" Богдан Лепкий. Он был сыном униатского священника. Украинская эмигрантская энциклопедия сообщает о нем следующее: „... вів культурно-прос. роботу СВУ серед українських полонених у німецьких таборах..." Таким образом Укр. Энциклопедия подтверждает тот факт, что он был немецким платным агентом.

Борис Ширяев

ВЫЗВОЛЕНИЕ ХЛОПСКОЙ РУСИ

1. На пепелище Руси Ярослава

Переяславская Рада, утвердившая воссоединение южной и северной частей раздробленной монгольским нашествием единой Руси Владимира и Ярослава, нам обычно рисуется так:

Собрались в Переяславе лихие, усатые полковники, сотники и казачьи судьи; вышел к ним батько-гетман, мудрый Богдан-Зиновий Хмельницкий, стал под бунчуком, поклонился казачьему братству и сказал свою историческую речь, а в ответ единым голосом воскликнули, выхватив свои острые, кривые сабли лихие полковники:

— Волим под Царя Восточного, Православного!
— Все ли так соизволяете? — спросил старый гетман.
— Все! — прогремел единодушный ответ.

Так рассказывают нам об историческом акте, свершившемся 8-го января 1654 года, страницы ходких учебников. Так парадно, стройно и торжественно представляют его нам авторы исторических романов, так рисуем его и мы самим себе.

Но последние седые бандуристы и теперь еще поют на полтавских и нежинских базарах:

Богдане, неразумный гетмане!

Ты предал Украину панам да прелетам...

А ведь песня — хранилище народной памяти. Где же правда?

Как родилось, где и почему возникло это противоречие?

Заглянем в глубь веков и попытаемся разгадать его, сопоставляя не только дошедшие до нас записи того времени, но и анализируя их при помощи нашего теперешнего опыта, опыта, данного нам пережитыми нами годами. Многому они нас научили.

Что представляла собой современная Украина в первой половине XVII века, в то время, когда она не носила еще этого названия, но хранила и отстаивала грудью свое прежнее родовое имя — Русь? Ведь впервые именуется она Украиной лишь в Андрусовском договоре 1667 года, да и то в качестве польской пограничной провинции.

Югозападная Русь, простиравшаяся от Днепра до Сана, Русь Малая, Русь Белая, Русь Червоная, Русь Галицкая, Русь Волынская, Русь Подольская — Русь Владимира и Ярослава, ставшая Украиной — окраиной ополяченной Литвы и тогда лишь возрождавшаяся на пожарище татарского погрома; подлитовская Русь, беспрерывно принимавшая на свою грудь жестокие удары то крымских и турецких орд, то литовских и польских полков, истекавшая кровью в этой борьбе, но неустанно боровшаяся за то, чтобы остаться русскою Русью...

...Левый берег Днепра почти пуст. Нет еще ни Харькова, ни Чугуева, ни Белгорода. Лишь по прибрежной полосе его среднего течения ютятся небольшие городки — Переяславль, Кременчуг, — а дальше, на восток, до самого Дона раскинулось Дикое Поле, где бродят только хищные ногайские шайки, меряясь силами с ватагами донских казаков.

Юг — бусурманский, крымско-турецкий, вплоть до самого Запорожья, куда на остров Хортицу стекаются буйные головы со всей Руси, где нет ни панов, ни крулевских жолнеров, откуда нет выдачи бежавшему из магнатской неволи хлопу.

Остатки Руси, уцелевшие после татарского погрома, медленно возрождаются только на правом берегу Днепра. Остатки? Но как же назвать их иначе? Ведь путешественник Плано-Карпини, побывавший в Киеве через полвека после Батыя, нашел на его пожарище только 200 жилых домов и одну церковь, а при Ярославе там было 400 церквей и 8 базаров... Недаром же иноземцы считали Киев того времени вторым после Константинополя городом Европы. Конечно, только остатки. Но и они населены рабами. Вся страна во власти нескольких феодальных династий. Часть их иноверцы, католики. Таковы магнаты Потоцкие, Конецпольские, Любомирские. Другая часть — православные магнаты: Острожские, Кисели, Вишневецкие. Но и те и другие — великие

паны, сенаторы Речи Посполитой, республики Польской, абсолютные властители над жизнью, смертью и имуществом десятков тысяч своих подданных, судящие их своей расправой, облагающие их податями по своей воле, содержащие в своих крепких замках полки гусар и драгун, и держащие в повиновении множество примыкающей к ним мелкой русской и польской шляхты. Они сила! Что им король в Варшаве? Республика обеспечивает им полный разгул шляхетского своеволия. Ведь любой шляхтич имеет право отвергнуть на сейме приказ короля своим единоличным вето, не говоря уже о могущественных князьях и сенаторах, сопровождаемых на сейм своими полками.

Между вольною полноправною шляхтой и порабощенным ею крестьянским „быдлом" — тонкая прослойка лично свободных, но далеко не равных в правах шляхте „реестровых казаков", объединенных в несколько полурегулярных полков. Число их изменчиво: то шесть, то десять, то двадцать тысяч. Они свободны от панских поборов, но обязаны воинской службой государству, республике. Без них ей не обойтись. Они принимают на себя первые удары турецких и крымских орд. Но они и страшны самой Республике, так как они — сила, которая в любой момент может стать против нее. Вот почему так колеблется их число: придет нужда — король и паны увеличат реестры, минует — снова убавят. Только они и именуются казаками, а остальное население — Русью. Само слово казак имеет не национальное значение, но выражает род военной службы, равно как драгун, гусар, улан. Республика не боится военных потерь реестрового казачества. Пополнения всегда найдутся. Неволя русского хлопа бесконечно тяжела, и он готов любой ценой заплатить за возможность вырваться из нее, что дает запись в реестр.

По временам вспыхивают народные восстания. Страшны и жестоки эти бунты. Доведенные до пределов отчаяния хлопы собираются толпами и жестоко громят панскую шляхту. Но стянут свои полки магнаты — и побита мужицкая русская рать . . . Страшнее бунтов расправа: на тысячах кольев корчатся восставшие хлопы, а их вожди варятся в котлах . . .

А реестровые казаки? Мы видим их во время этих восстаний то в одном, то в другом лагере. Привилегированные по сравнению с мужиками реестровые казаки далеко не всегда переходят на сторону „быдла". Чаще они остаются верными Республике и панам. Они не хлопы, но не полноправная шляхта. Они — военное сословие, служащее польскому королю под началом шляхтичей сотников и магнатов полковников и воевод. Знаменитый князь Острожский, православный сенатор, ведет их на бой против Московского Православного Царя и попав к нему в плен, отказывается от предложенной ему высокой службы в Москве. Он предан своему иноверному королю. Он знает, что там, в этой королевской Республике, полный простор его панскому своеволию, его без-

удержному грабежу. Он, князь Острожский, сначала пан и сенатор Речи Посполитой, властитель десятков тысяч своих русских православных рабов, а потом уже сам русский и православный, которому, однако, православная Москва не с руки: ведь в ней тогда еще не было крепостничества, а столь тяжелого, как в Польской Республике, не было даже и позже в самые мрачные периоды. Казнь хлопа и даже сотен хлопов республиканским паном в воспринявшей культуру Запада Польше — обычное и дозволенное ее законами дело. А в России мы знаем лишь единичные случаи того же порядка, которые рассматривались, как беззаконные, и карались властью Царя. Кодекс бытовой морали того времени — „Домострой" Сильвестра со всею силою восстает против барского самовластия и жестокого обращения с кабальными.

Если князья Острожские, создатели киевской Академии и защитники православной церковности, относятся отрицательно к национально-русской Московской монархии, то каково же может быть отношение к ней со стороны остального панства и шляхетства южной Руси?

А хлопская, крестьянская, подневольная южная Русь?

Она-то с надеждой смотрит на Царя Восточного, Православного. Она-то шепчет: „Волим под его высокую справедливую руку" . . .

2. Обычное дело в Республике

Началось с пустяка, с мелкого, повседневного в те времена происшествия. Шляхтич Чаплинский налетел со своей дворней но хутор Субботово шляхтича Хмельницкого, разграбил его, перебил слуг, самого пана Богдана-Зиновия продержал четыре дня в кандалах и, пользуясь покровительством магната Конецпольского, завладел его поместьем. Заурядное в Польской Республике дело.

Хмельницкий подал в суд, но могучий покровитель Чаплинского, пан Конецпольский, не дал своего клиента в обиду. В ответ на жалобу Хмельницкого, Чаплинский запорол его сына плетьми на Чигиринском базаре и попытался снова схватить самого Хмельницкого. Но тому удалось отбиться и бежать в Запорожье. На что же рассчитывал шляхтич Хмельницкий, обращаясь к суду? Мог ли он не знать республиканских порядков, при кототых в судах неизменно побеждал сильнейший и справедливость оказывалась попранной? Богдан-Зиновий Хмельницкий не был простым, темным казаком. Он сам был шляхтичем, даже не рядовым, а повыше — владел крупным поместьем. В юности он учился в иезуитской коллегии, свободно говорил по-латыни, слагал вирши по шляхетской моде того времени, знал и другие языки, так как успел побывать пленником в Стамбуле и свободным

в Западной Европе: в Вене, в Пруссии и даже в Голландии. Западно-европейские понятия им были, несомненно, усвоены, и отражавшая их польская феодальная система была ему не только понятна, но и близка. Послужил он и при польском дворе, был даже близок к королю Владиславу, Выполнял его тайные поручения.

Заветной мечтой этого короля, пламенного католика, был крестовый поход на турок. Но мало реальной силы было в руках, „избранных народным хотением" королей Польской республики. Владислав располагал лишь несколькими тысячами немецких кнехтов, нанятых на приданное его жены. Магнаты же и шляхетство крестового похода не хотели, боясь усиления власти короля в случае победы.

У Владислава оставалась лишь одна надежда... на подъяремную кабальную Русь. Там, кликни король клич, объяви он свободу хлопам, вышедшим с ним в поход — и двести тысяч войска стечется под его стяг, как стеклость позже под знамя Хмельницкого. Именно это дело — подготовка к мобилизации приднепровского русского крестьянства в войско польского короля, вопреки интересам и желанию магнатов, сблизило в 1647 году короля Владислава и шляхтича Богдана Хмельницкого, связало их общей тайной. Через Хмельницкого велись тогда переговоры с Запорожьем, через него же были посланы туда 60.000 злотых на снаряжение сотни морских „чаек", легкого флота для крейсерства при турецких берегах Черного моря и пресечения морской связи Турции с Крымом и Дунаем.

Позже эта служба была поставлена в вину Хмельницкому, но пока она давала ему покровительство короля, важную должность войскового писаря и даже жаловано королем высокое звание Запорожского гетмана, правда, лишь номинальное, так как фактически Сечью управлял кошевой и куренные атаманы.

Вот почему Хмельницкий мог рассчитывать на победу в своей тяжбе с Чаплинским. За тем стоял магнат Конецпольской, за ним же король, тот король, который на тайном свидании с ним подарил ему саблю с недвусмысленным советом обнажить ее против магнатов. В Московском царстве подобное было бы невозможно, немыслимо, но в республиканском королевстве Польском натравливание одной части населения на другую было обычным политическим приемом всецело зависевшей от сейма высшей власти. Принцип — „разделять и властвовать" — был вполне естественным и логичным методом короны, так как она сама, передававшаяся по выбору, была участницей в партийной борьбе и далеко не всегда выходила из нее победительницей. Надпартийная всенародная власть ни в какой республике невозможна.

При столкновении Хмельницкого с Конецпольским у короля оказались коротки руки, и уповавшему на него Хмельницкому пришлось бежать. Этот побег был им, очевидно, заранее продуман, так как он поскакал в Сечь не с пустыми руками. В его седельных сумках были тайные грамоты короля к запорожцам,

выкраденные Хмельницким у соучастника в заговоре, но, очевидно, изменившего Черкасского полковника Барабаша. В голове же, под красной шляхетской шапкой Хмельницкий таил широкие планы мести своему врагу, своим врагам.

Но были ли в ней мысли о воссоединении южной подъяремной литовской Руси с единокровной и единоверной ей Русью Московской? Этого мы не знаем. Вряд ли, шляхтич Богдан-Зиновий Хмельницкий оставался верен крулю Владиславу и Речи Посполитой, замышляя борьбу, в стиле своего века, лишь против своих личных врагов. Тоже обычное в Польской Республике дело.

3. Шляхтич тягается с магнатами

Заурядным человеком своего века Хмельницкий, конечно, не был. Политик широкого масштаба соединялся в нем со смелым и вместе с тем осторожным, расчетливым полководцем.

Прибыв в Запорожье, беглец огласил там королевские грамоты, поманил вольницу обещанием привилегий, добычи, указал на возможность союза с Донским казачеством и Крымскою ордою, установил согласие с атаманами и тотчас же, в марте 1648 года, организовал свой собственный штаб на соседнем с Хортицей Томаковском острове, а сам, не теряя ни минуты, поскакал в Крым и там, поклявшись в верности хану на его ханской сабле, оставив заложником сына Тимофея, заручился помощью мусульман, зная, конечно, во что обойдется эта помощь населению русских земель, по которым пройдут его ордынские союзники.

Но что значили для шляхтича, воспитанного в понятиях польского республиканского феодализма, хлопская кровь и слезы?

Соглашение с ордою им было достигнуто быстро (крымцы всегда были готовы на грабеж), и в апреле он уже снова на Хортице, куда к тому времени запорожская старшина собрала все низовое войско с прилегающих островов и плавней.

Характерную и многоговорящую подробность сохранила нам летопись Велички: Запорожское войско, кроме старшины, не знало о цели сбора и поход против панов был объявлен на майдане вместе с сообщением о союзе с Крымским ханом. Этим союзом и козырнул там Хмельницкий, добившись благодаря ему провозглашения себя гетманом и командования войском сверх атаманов. Но в поход он взял далеко не всех запорожцев, а лишь восемь тысяч отборных. Им был замышлен лишь глубокий рейд по правобережью Днепра, разгром магнатских и шляхетских гнезд внезапным быстрым налетом, но не народное национально-русское восстание против польского ига. Это признает даже его противник, коронный гетман Николай Потоцкий. В своем политическом донесении королю он обвиняет Хмельницкого не в измене польской короне, но лишь в своеволии, угрожающем имуществу панов и шляхты. Требования Хмельницкого, о котором он сообщает в том

же донесении, также не содержат в себе лозунгов национально-народного восстания. Он добивается лишь удаления из реестрового войска польских иностранных офицеров, возврата отнятых у реестровых казаков привилегий и увеличения их числа. Речь идет только о расширении прав русской шляхты Приднепровья, но ни в какой мере не распространяется на интересы всего русского населения. Восстание не выходит из рамок военного бунта, однако, гетман Потоцкий уже предвидит эту возможность и припугивает ею правительство республики. Но это припугивание только прием партийно-политической борьбы, при помощи которого Потоцкий старается вбить клин между русской шляхтой Приднепровья и королем, попытавшимся противопоставить ее магнатам. В реальность угрозы не верит и сам Потоцкий, отправляя против Хмельницкого лишь небольшие местные силы под начальством неопытного в военном деле юнца, своего 19-летнего сына Стефана. Большую часть этих сил составляют русские реестровые казаки. Потоцкий смотрит на этот поход только как на карательную экспедицию и уверен, как в легкой победе, так и в верности реестровых.

Эта беспечность и политическая близорукость и губят его. Шедшие отдельной колонной реестровые перебивают своих офицеров, в том числе враждебного лично Хмельницкому полковника Барабаша, и переходят к запорожцам. Но даже с их переходом силы Хмельницкого еще слабы. Ему удается покончить с остатками карательного отряда лишь в упорной трехдневной битве у Желтых Вод.

Переход реестровых к повстанцам — грозный сигнал для украинского магнатства. Его значение понимают теперь уже оба гетмана — великий коронный — Потоцкий и вольный гетман Калиновский. Однако, каждый из них, даже в этот критический момент, остается прежде всего своевольным республиканским магнатом. Общегосударственные интересы им чужды. Выступив со значительным войском, они действуют вразброд и терпят страшное поражение под Корсунью, куда к Хмельницкому стеклись уже крупные силы местных крестьян-повстанцев.

Регулярное польское войско уничтожено. Оба гетмана в плену. Но это еще не самое страшное для Речи Посполитой. Много страшнее ей то, что шляхетская ссора, перешедшая в военный бунт, теперь разрослась уже в народное восстание, и сам Хмельницкий, вольно или невольно, стал его вождем, народным вождем, стихийно вознесенным на гребень поднявшейся волны.

4. Третья сила

Теперь все приднепровские магнатство бьет тревогу.

„Рабы господствуют над нами", — пишет через две недели после корсунского поражения (31-го мая) православный магнат Кисель католическому магнату-архиепископу.

Кисель много дальновиднее гетмана Потоцкого. Он ясно понимает, что социальная крестьянская война уже началась, но сознает и то, что время ее перехода в национальную борьбу еще не наступило. Поэтому он советует „приласкивать” реестровых казаков, „допуская для них исключения из законов”. Каких законов? Ясно, что тех, пользуясь которыми как польско-католическое, так и русско-православное панство (к которому принадлежит сам Кисель) держат в кабале русское же православное крсетьянство.

Колеблется еще и сам Хмельницкий. Лишь став прочно под Белой Церковью, он рассылает по Приднепровью свой первый приказ к всеобщему восстанию, универсал размноженный всего лишь в 60 экземпляров. Однако, достаточно и этой искры. Крестьянская стихия уже всколыхнулась. Повсюду самочинно, без связи с Хмельницким, создаются „гайдамацкие загоны” — вольные крестьянские отряды, громящие шляхту. В этой среде уже назревают чисто национально-русские устремления, что улавливает и тонкий политик Кисель. Он предвидит даже возможность отложения всей южной Руси от Польши и воссоединение ее с Русью Московской. „Кто поручится за них”, пишет он тому же Гнездинскому прелату, „одна кровь, одна религия”. Но ведь он сам русский и православный? В чем же дело, почему за „них”? Ответ: потому, что он — магнат республики.

Эти открывающиеся возможности предвидит и правительство Московского Царства, зорко следящее за происходящим на Днепре через Путивльского воеводу Плещеева. По мирному договору с Польшей Москва обязана помогать ей в защите против крымских татар, и юный царь Алексей Михайлович свято соблюдает эти обязательства. При первых известиях о движении союзной Хмельницкому Крымской орды в пограничном Путивле концентрируются около сорока тысяч русского войска. Но донесения воеводы Плещеева о начавшейся народной войне, в которой крымцы являются хотя и опасными, но все же союзниками восставших русских крестьян, резко изменяют политическую ситуацию. Из Москвы срочный приказ: собранное войско не возвращать, но и не наступать, сохраняя выжидательный нейтралитет, несмотря на то, что крупнейший магнат-сенатор, носящий звание Воеводы Русского (начальника всех территориальных войск Приднепровья), князь Иеремия Вишневецкий настоятельно требует выступления.

Политическая разведка воеводы Плещеева очень активна. В архиве министерства иностранных дел сохранился документ — донесение одного из агентов, посланного из Севска стародубца Гр. Климова, в котором он верно и детально разъясняет характер начавшейся борьбы и отмечает уже проступившие черты национального сознания масс, которых еще не видит или не хочет видеть Хмельницкий. „Жиды многие крестятся и пристают к их

же войску (повстанцам), а лях, если и захочет креститься, того не принимают, всех побивают", — пишет он и подчеркивает, — „в войске же всех чинов русские люди, кроме ляхов, (войско) пошло за Днепр, к Путивльскому рубежу, на местности Потоцкого, Вишневецкого и Киселя, города у них побрали, а крестьяне идут в казаки". Речь здесь идет, несомненно, о крестьянских отрядах, так как сам Хмельницкий Днепра не переходит, а остается на правом берегу, под Белой Церковью.

Он также часто пишет воеводе Плещееву, но в этих его письмах нет и намека на возможность вхождения южной Руси в состав Московского Царства. Он ищет в Москве лишь силу, при помощи которой может принудить Варшаву к выгодному для себя соглашению и советует Царю ударить в западном направлении, на Литву и Белоруссию, но не на юг к Киеву, где ему самому, ополяченому своевольцу, русская государственность поставит предел. Возможность слияния с Московской Русью он допускает только в случае присоединения к ней всей Польши в целом, но не в отрыве южно-русского народа и, главным образом, его шляхты от Республики. Тогда вместе со всем панством, дело будет иное, но переходить в одиночку на положение русского служилого дворянства он, шляхтич вольный, не намерен. „Мы желаем", — пишет он Плещееву, — „чтобы государь Алексей Михайлович был и нам и ляхам государем и царем ... царю вашему желаем королевства Польского".

Одновременно с этим он начинает переговоры о соглашении с Варшавой. Момент удобен. Король Владислав умер, и кандидатам на его место важны голоса русской шляхты и магнатства. Возможность подавления восстания путем отрыва от порабощенного крестьянства реестровой полушляхты привлекает владеющих поместьями на Руси магнатов. Все это придает голосу Хмельницкого особый вес, и он, как полноправный шляхтич Республики, подает его за Яна Казимира, послав предварительно в Варшаву 13 пунктов петиции, на основе которых предлагает соглашение. Речь в ней идет исключительно о защите интересов русского шляхетства Приднепровья и его военной опоры — полушляхты, реестровых казаков, состоящих на службе Речи Посполитой. О кабальном русском крестьянстве, о „быдле" — ни слова.

Хмельницкий требует задержанного жалованья реестровым, жалуется на неправильный раздел военной добычи в прошлом и просит о расширении их имущественных прав. Но тщетно будет искать в этой петиции верноподанного крулю польскому какого-либо национального русского оттенка. Даже религиозного вопроса, казалось бы, основного в этом случае, Хмельницкий касается лишь вскользь, в самом последнем пункте, скромно прося лишь о возврате переданных униатам православных церквей. Зато клятв в верности Речи Посполитой Хмельницкий дает более чем достаточно. Эта петиция имеет успех у временного правительства Республики. Для установления соглашения назначена комиссия

и во главе ее поставлен тонкий политик и блестящий оратор, русский православный магнат, сенатор Республики — Кисель.

„Издавна любезный мне пан и приятель, — пишет он Хмельницкому, — нет в целом свете государства, равного нашему отечеству правами и свободою... Нужно как можно скорее прекратить несчастное домашнее замешательство". Он обещает Хмельницкому дружбу Республики и требует пока лишь отвода ордынцев. Хмельницкий охотно выполняет это требование, о чем сообщает письменно и добавляет: „А к Республике с покорностью и верным подданством мы отправляем послов". Республиканские шляхтичи вполне понимают друг друга.

Магнат Кисель ликует и тотчас же сообщает архиепископу-примасу о достигнутой им дипломатической победе, главным в которой он считал то, что „Хмельницкий уговаривал повстанцев и ему помогали другие казацкие старшины". Уговаривал же гетман мириться с панами военную Раду, всю громаду в 70 тысяч человек.

Кто составлял ее? Ведь запорожцев с Хмельницким пошло лишь 8.000, а реестровых было всего навсего 6.000?

Остальную часть, подавляющее большинство повстанческой армии (не менее 50 тысяч) составляли крестьяне, те, свободу которых Хмельницкий не защищал и защищать не собирался.

Но он сам уже не владел развитием движения. Оно стихийно развертывалось помимо него. Все южнорусское крестьянство бушевало, вырезывая шляхту и магнатов. Им был выдвинут, помимо Хмельницкого, и другой вождь — непринадлежавший к шляхте Кривонос, который вступил в смертельную борьбу с могущественнейшим из магнатов новообращенным католиком, но русским по крови и православным по воспитанию князем Иеремией Вишневецким и с другим мощным магнатом, столпом православия, князем Д. Острожским. Кривонос разбивает их в двух боях под Константиновым.

Энергичный и талантливый полководец Вишневецкий продолжает борьбу с ним, жестоко расправляясь с крестьянами.

Мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают, — приказывает он палачам.

Но мягкотелый Острожский в ужасе вопит, требуя помощи у католического примаса: „Я не мог устоять под Константиновым, потому что сила неприятельская неслыханна. Теперь уведомляю вас, что уже пахнет конечной гибелью".

В тон ему стонет и другой русский православный магнат, воевода Киевский Тышкевич: „Наши братья делаются добычей неприятеля, — пишет он примасу, — каждый холоп есть наш неприятель, каждый город, каждое селение мы должны считать отрядом неприятельским". Так характеризует он свое отношение к южнорусским крестьянам.

Крестьянская война охватила уже весь край. К Хмельницкому стеклось свыше 120.000, не считая группы Кривоноса и ос-

тальных „гайдамацких куп". Шляхетство в панике бежит в Польшу, но тонкий политик Кисель не унывает. Он правильно оценивает расстановку сил, знает, кто враг и кто союзник, и добивается того, что Хмельницкий арестовывает Кривоноса, казнит сотню его мужицких подручных, а всех взятых им в плен шляхтичей выпускает на свободу. Это большой успех для всего панства. Однако князь Острожский портит дело, напав на повстанцев. После первого успеха, он снова начисто ими разбит.

Панство бессильно. Поднятый на гребень волны крестьянского русского движения, Хмельницкий торжественно вступает в Киев.

5. „Ты предал Украину, Богдане"...

Дорога в беззащитную Варшаву открыта. Город Львов выплатил Хмельницкому огромную контрибуцию и крымской орде заплачено. Хмельницкий стоит под Замостьем в Галиции. У него 150.000 войска, у панов лишь 5-6 тысяч, значительная часть которых — ненадежные реестровые казаки. Казалось бы, время покончить последним ударом с Речью Посполитой и освободить всю южную Русь от владычества иноверных панов, вывести из неволи порабощенных единоверцев. Но Хмельницкий иного мнения. Он бездействует, ожидая выборов нового короля и по первому слову избранного Яна-Казимира (которого он интимно именует „мой пан") не только отводит войска назад, к Днепру, но распускает крестьянское ополчение и ожидает в Киеве парламентеров бессильного нового короля.

Хмельницкий теперь уже сам — первый магнат на опустевшей после бегства польского панства южной Руси. Его личные враги Конецпольский и Потоцкий повержены. Субботово превращено в огромное поместье и в нем зарыты десятки бочек серебра. Хмельницкому принадлежит все Чигиринское староство и захваченный у Конецпольского Млиев с 200.000 талеров годового дохода. Кто из магнатов сравняется с ним в южной Руси? Да и на неоправившейся еще после смуты Московской Руси сам царь, пожалуй, беднее его.

Чувство мести удовлетворено. Перед гетманом встают иные планы. Корона номинально васального, но фактически независимого князя-магната Польши, Венгрии или Турции рисуется совершенно реально. Ее уже предлагают ему послы Венгерского потентата Юрия Ракочи и турецкого султана. Намечается союз с молдавским и валашским господарями. Дочь одного из них он сватает за своего сына.

А Московское Православное единоверное Царство? Оно меньше всего интересует пана гетмана. Там нет ни удельных князей, ни самовластных магнатов, ни тех богатств их, которые обеспечивает жесточайший крепостнический режим Польской Респуб-

лики или поголовное рабство христиан в мусульманской Турции. Там все дворяне служат родине, в лице ее царя, и шляхетскому своеволию нет места. Поэтому царский посол Унковский встречен гетманом очень холодно. Сдержан и посол, он желает Хмельницкому успеха только в том случае, если восстание ставит себе религиозные цели, то есть базируется на той же моральной основе, как и политика возродившегося из пепла смуты Русского Царства.

Зато послы Яна-Казимира приняты гетманом с великою честью: парадом войск, громовым салютом, сбором всей Рады и народа. Немудрено! Сенаторы Кисель и князь Четвертинский привозят Хмельницкому признание его гетманом, осыпанную сапфирами булаву и знамя с белым орлом — гербом Республики.

Но что привозят южнорусскому народу эти вельможные паны, русские же по крови? Что ожидает ту сотню тысяч ратной „черни", которая купила победу Хмельницкого своей кровью?

—К чему вы, ляхи привезли нам эти детские игрушки? — кричат из толпы. — Вы хотите, чтобы мы, скинувши панское ярмо, опять его надели?

В этих криках слышится и недоверие к самому Хмельницкому. Но его престиж народного вождя еще крепок и он может пока владеть толпой. Готовое вспыхнуть восстание приглушено, и переговоры начаты. Однако, Хмельницкий слишком умен, чтобы не понимать своего положения. Он знает, что остановить крестьянскую войну ему не по силам, но знает также, что балансируя на гребне ее волны, он сможет достичь многих своих личных целей.

— Что толковать, — кричит он, подвыпив, магнатам, — ничего не выйдет из вашей коммиссии. Война должна начаться недели через две или четыре. Поверну я вас, ляхов, кверху ногами! Я теперь единовластный самодержец русский. Весь черный народ, по Люблин и по Краков, поможет мне. У меня будет двести, триста тысяч войска!

Пьяное хвастовство удалчивого гайдамака играет в этих словах второстепенную роль, главную же — явно проступающую в них, твердо определившаяся в сознании Хмельницкого программа организации южно-русского княжества из бывших уделов Литовской Руси. Но об Украине, как о независимом от Польши государстве, нет и речи. Нет и сознания национального единства русского народа, которое уже вызрело в Москве, на полях, осемененных словом Святого Сергия Радонежского и политых кровью ратников Дмитрия Донского. Там, в царстве Московском, это единство уже давно оформлено творческой волей князя-царя Иоанна Третьего и непрерывным конструктивным трудом всей нации в целом. Здесь же, в Киеве, объединение литовско-русских уделов — только авантюра удачливого вождя и его ближайшего окружения. Там — народ, здесь — „партия". Эти концепции и представлены в предъявленных Хмельницким условиях мира. Их лейтмотив — вытеснение из русских областей Республики польского влияния в целом, гарантии прав новых „революционных" магна-

тов и шляхетства в ущерб побежденным магнатам — Вишневецкому, Конецпольскому и Потоцкому.

Ни паны, ни правительство Республики принять этих условий не могли. Война стала фактом, и обе стороны мобилизовали все свои силы: Польша — магнатское войско, под командой князя Вишневецкого, и Посполитое рушение (всеобщее ополчение) с самим королем во главе, а южная Русь произвела небывалую добровольную мобилизацию не только крестьян с обоих берегов Днепра, но и горожан, вплоть до бургомистров, войтов и канцеляристов. Крымский хан пришел на помощь Хмельницкому со всей ордой. Султан прислал 6.000 янычар. Вольные отряды выслал Дон. Сама южная Русь дала 24 огромных казачьих полка. Некоторые из них достигли до 20.000 бойцов и, кроме того, много отдельных гайдамацких отрядов. Под бунчуком Хмельницкого собралось настолько значительное войско, что он смог отделить часть его для действий в Белоруссии, осадив главными силами Вишневецкого в Збараже, а при приближении короля со всеобщим ополчением, не снимая осады, двинулся к нему навстречу со всей конницей, ханом, турками и нанес ему поражение под Зборовым.

Здесь зенит Хмельницкого, как полководца и как народного вождя. Но понимая внутренние противоречия шляхетских целей и чаяний народного ополчения, он сознает и непрочность своего положения в случае полного разгрома Республики. Компромисс с ней для магната Хмельницкого выгоднее. Поэтому он не добивает войск короля, не штурмует и Вишневецкого, но прекращает наступление и шлет королю лицемерно-повинное письмо одновременно с предложением тяжелых для польского панства мирных условий, которые (это знают и хан и гетман) Республика будет вынуждена принять.

Союзнику хану — огромная контрибуция единовременно и ежегодная крупная дань. Хмельницкому — уже не шесть и не двенадцать, а сорок тысяч реестрового войска и магнатское полновластие от Московского рубежа до Днестра. Крестьянству — ничего. Религиозный вопрос под сукно до решения его на сейме.

Условия приняты Республикой, и полноправный гетман на коленях целует руку короля. Есть за что. Вот тогда, вероятно и зародилось зерно песни:

„Богдане, гетмане . . . ты предал Украину панам да прелатам".

6. Москва присматривается

Но почему же в течение всех этих трагических для южной Руси событий молчит Москва? Неужели все перипетии борьбы южной Руси проходят вне внимания Руси северной? Или распатанное смутой Русское государство бессильно? Или там не осознано еще национальное единство русских севера и юга?

Ни то, ни другое, ни третье. Правительство царя Алексея Михайловича зорко и внимательно следит за всеми деталями борь-

бы и учитывает не только временные военные успехи, но и соотношение политических сил во всей их полноте. Это правительство воспитано уходящей в глубь веков государственной традицией, которой оно следует продуманно, точно и неуклонно. Русское государство строится не на рывках временного успеха, но вкладывая камень за камнем в прочную национально-государственную стройку. Авантюрам места нет. Отсюда недоверие Москвы к чуждому ей своим шляхетским духом удачливому выскочке Хмельницкому.

А кому же доверие? Доверие царственной Москвы, как всегда, народу; опора на его силу; учет его чаяний и интересов. Царская Москва знает, что предательство крестьянских интересов гетманом-магнатом не может не вызвать реакции в массах. Она предвидит и формы, в которые выразится эта реакция, учитывает их и готовится к ответу на них.

В то время, как гетман и полковники празднуют победу и спорят за раздел ее плодов, путивльскому воеводе князю Прозоровскому уже послан приказ: „Черкас (южнорусских), которые из литовской стороны придут в Путивль на государево имя, принимать. В городах, которые от литовской стороны, жить им от поляков опасно. Принимать черкас женатых и семьянистых, а одиноким, у которых племени у выходцах не будет, сказать, чтобы шли на Дон, для чего давать им прохожие памяти". Одновременно путивльскому воеводе приказано выслать за рубеж усиленную политическую разведку. Двое из таких агентов направлены к самому Хмельницкому под предлогом подачи жалобы на бесчинства его пограничного конотопского атамана. Опьяненный победой гетман принимает их в высшей степени сурово. Он отвечает на жалобу ругательствами и угрозами.

— Пусть ваши воеводы ждут меня к себе в Путивль! Иду я войною на Московское государство. Вы о пасеках хлопочете, а я все города московские и Москву сломаю. Кто на Москве сидит, и тот от меня не отсидится!

Хмельницкий хочет припугнуть царя Алексея Михайловича, чтобы тот не посягнул на его южнорусскую автономию. Для этого он пишет также Брянскому воеводе:

„Говорил мне Крымский царь, чтобы мне итти с ним заодно Московское государство воевать, а я Крымского царя уговорил, чтобы Московское государство не воевать".

Но Москву не запугать. Она знает, как и с кем вести дело. Пограничным воеводам приказано не сноситься лично с Хмельницким, а к нему самому направлено теперь уже твердое посольство Неронова с суровой грамотой самого царя. Хмельницкий трусит за свой блеф о совместном с Крымским ханом походе на Москву, и сваливает вину за него на донцов, грабящих Крымские берега:

— Царского величества подданные донские казаки учинили мне беду и досаду великую, и если царское величество за дон-

ских казаков будет стоять, то я вместе с Крымским царем буду наступать на Московские украины, — говорит он Неронову.

— Тебе, гетману, таких речей не только говорить, но и мыслить непригоже, — осаживает его посол и в ответ угрожает прекратить доставку хлеба в разоренную Киевскую Русь. Гетман трусит еще сильнее и доходит до явно нелепого вранья, что не только сам он мечтает о подданстве Москве, но и Крымский хан жаждет того же, о чем говорил ему, Хмельницкому.

— Это дело нестаточное, — отвечает посол, — т. е. заврался ты, пан гетман.

Разговор краток, но выразителен. Лично Хмельницкий ясен опытному в посольских делах дьяку. Но этой ясности самого гетмана ему мало. А народ? Он чего хочет? Вот в чем главная задача. Проезжая по селам и городам, Неронов составляет широкую сводку народного мнения, столь ценимого в Кремлевском дворце.

„Всяких чинов люди, — пишет он, — от войны и разорения погибают. Кровь льется беспрестанно. За войной хлеба пахать и сена косить им стало некогда. Помирают они голодною смертью и молят Бога, чтоб Великий Государь над ними был государем... А иные, многие хотят и теперь в государеву московскую сторону перейти. Государство Московское хвалят".

Попутно Неронов устанавливает цену и шляхетскому окружению гетмана — берет на постоянное тайное жалованье ближайшее к нему лицо — генерального писаря Выговского и получает от него ценные сведения.

Теперь царю Алексею Михайловичу и его правительству все ясно: противоречия гетманской власти и стремлений южнорусского народа, невозможность выполнения статей Зборовского договора, шаткость самого гетмана, в целом же — неизбежность дальнейшей борьбы южнорусского крестьянства с поработившей его шляхтой и, главное, — тяготение этого крестьянства к Царю Северному, Православному, в царстве которого крестьянин не личная собственность пана, как в Республике, но лишь подчиненная ему, в совместной с ним службе государству-родине, личность.

Вывод — пора выступать. В Варшаву направлено великое посольство Гаврилы Пушкина для дипломатической подготовки к расторжению договора с Польшей, а южная граница широко раскрыта для всех ищущих защиты своих национальных прав под высокой рукой Царя всея Руси.

Московское царство верно своей русской государственной традиции и здесь. Религиозная основа — спасение погибающих единоверцев, прием их под свою защиту не как нежелательных нахлебников, но как полноправных русских людей, как братьев по вере и крови, сочетается в ней с национально-государственным интересом — созданием на Диком Поле, между Днепром и Доном, организованного пограничного буфера из воинов-хлебопашцев.

Метод тот уже не раз испытан Москвой и дал прекрасные результаты по освоению новых земель на Дону, в Заволжье и Си-

бири. Переселенцы получают бесплатно крупные земельные наделы, государственную помощь в форме налоговых (тягловых) льгот, широкое местное самоуправление и, главное, — свободу от панской неволи. Они ставятся в зависимость лишь от олицетворяемого Царем государства, которому обязываются воинской службой, сохраняя в ней формы территориального самоуправления. Такова была построенная на принципе народности внутренная государственная политика Московского царства. Ее результаты быстро проявились и в данном случае. Заселение Дикого Поля пошло быстрыми шагами. Образовалась новая оборонная линия против крымских орд, значительно продвинутая к югу. Вырос целый ряд поселений и городов: Ахтырка, Харьков, Белгород, Новый Оскол, Гожск и другие. Печенежская, половецкая, татарская степь стала русским краем, Дикое Поле — крестьянским полем.

Быстрому заселению этого края, помимо своей воли, помогал Хмельницкий. Выполняя условия Зборовского договора, он возвращал бывших своих ратников в панскую кабалу и подвергал сопротивлявшихся жестоким репрессиям. Заградительные заставы, поставленные им для пресечения потока эмиграции за Московский рубеж, не могли остановить беспрерывно усиливавшегося движения.

7. Провал авантюры

Социальная несправедливость и лживость шляхетско-Зборовского договора не замедлила дать свои плоды. Ни Хмельницкий, ни магнаты Республики не имели возможности выполнить свои взаимные обязательства. Для реализации статей договора им нужно было преоделеть „третью силу" - вздыбившуюся волну южнорусского крестьянства.

Обделенный в Зборове народ не хотел возврашаться под крепостническое ярмо, а Хмельницкий по договору был обязан его туда вернуть; зачислить в сорокатысячный казачий реестр трехсоттысячную массу повстанцев и наделить их землей за счет магнатов было, конечно, невозможно. Компромисс — превышение реестра на несколько тысяч — не только не помог, но осложнил положение, вызвав протест сената. Ради сохранения власти Хмельницкому пришлось безоговорочно стать на сторону шляхты: снаряжать карательные экспедиции и загонять хлопов в кабалу.

„Хмельницкий по жалобам владельцев вешал и сажал на кол непослушных", — вынужден свидетельствовать даже пламенный поклонник его памяти украинский историк Н. Костомаров, — „отрезал им уши, вырывал им ноздри, выкалывал глаза и т. д.".

— Разве ты ослеп и не видишь, что ляхи хотят поссорить тебя с верным народом? — говорит Хмельницкому полковник Нечай, и эти его слова заносит в книгу южнорусский летописец.

Однако, гетман видит разверзшуюся перед ним бездну столь же ясно:

„Сорок тысяч реестровых козаков, а с остальным народом что я буду делать?" — пишет он магнату Киселю. — „Они меня убьют, а на панов все-таки поднимутся".

Хмельницкий не ошибался. Вооруженная толпа вскоре напала на замок в Киеве, где он заседал с делегатами сейма, и только личная храбрость старого бойца помогла ему спасти себя и того же православного сенатора Киселя.

Крестьянская война уже бушевала по всей южной Руси, а правительство Республики лишь подливало масло в огонь. Универсалы короля, угрожавшие непокорным холопам введением в русские области коронных войск, были встречены массовым погромом шляхетских усадеб. Отдельные полки реестровых, не повинуясь гетману, вступали в бой с войсками Речи Посполитой. Эти битвы шли с переменным успехом: честный и прямой Нечай погиб, разбитый коронным гетманом Калиновским, но и сам Калиновский потерпел жестокое поражение от лихого полковника Богуна.

„Не было деревни, где бы бедный шляхтич мог зевнуть свободно", — пишет польский поэт и историк Твардовский.

„Лучше воевать, чем иметь поданных, но не владеть ими", — докладывает королю даже упорный сторонник соглашательства сенатор Кисель.

Хмельницкий в тупике, и выход из него указывает сам народ, толпами переваливающий за рубеж Московского царства.

Но, всецело пропитанный тенденциями польской республиканской „вольницы", ставший сам теперь магнатом, шляхтич не хочет вступить на этот путь. Обязательная государственная служба дворянского Московского царства для него неприемлема. Он предпочитает искать спасения в союзе с ханом, с султаном, молдавским и волошским господарями, феодалами Венгрии и даже Швецией, но не с народной Московской монархией. В ней он видит врага всего панства в целом и своего личного. Даже при улаживании мелких инцидентов он не может сдержаться и грозит царским послам:

Вот я пойду, изломаю Москву и все Московское государство! Да и тот, кто в Москве сидит, от меня не отсидится.

Одновременно он пытается припугнуть правительство Алексея Михайловича Крымским ханом, а свой собственный народ, валящий за Московский рубеж — строжайшими приказами раставленным по рубежу караулам. Живший в Киве греческий монах Павел пишет Царю, что Хмельницкий клялся на образ Спаса:

— Клянусь, что пойду на Москву и разорю ее хуже Литвы!

А тайный агент Московского правительства, генеральный писарь Выговский, подтверждает эти настроения самого гетмана и ближайшей к нему старшины. В связи с этим становится понятным, что Москва медлит с решительным шагом и выжидает.

Но события развертываются помимо воли правителей и 20-го июня 1651 года Хмельницкий, в союзе с Крымскым ханом, вы-

нужден сразиться с главными силами Республики под Берестечком на Стыри.

Тут происходит развязка, вернее разрыв сложного и запутанного узла религиозных, национальных и социальных противоречий.

Хан при первых выстрелах уходит с поля битвы со всей ордой. Хмельницкий передает командование какому-то Джеджелыку, скачет за ханом вдогонку, даже без значительного конвоя, с целью уговорить его вернуться. Но хан арестовывает гетмана, равно как и прискакавшего вслед за ним Выговского, арестовывает их без сопротивления... и не с согласия ли их самих пытающихся укрыться в его войске, как невольно хочется спросить при взгляде на последующее.

Оставшееся на поле битвы и далеко не разбитое еще в тот момент южнорусское войско отходит к своему укрепленному обозу и замыкается в нем. Поляки осаждают этот обоз целых десять дней, требуя безусловной капитуляции. Джеджалык свергнут, и власть захватывает реестровый полковник Богун, но крестьянское ополчение против него и требует выдачи полякам всей южнорусской шляхты (старшины), надеясь купить этим возможность свободного выхода из осады. Старшина, опираясь на привилегированные реестровые полки, организует заговор против крестьянского ополчения и тайно уходит с ними ночью из укрепленного лагеря. Можно предположить, что этот уход был осуществлен не без сговора с осаждавшими.

Наутро, когда предательство было обнаружено, лишенное командования православное крестьянское воинство впало в хаос и панику. Регулярные войска Республики ударили на лагерь. Началась страшная резня, в которой мало кто из крестьян уцелел. Погиб и брошенный старшиной киевский митрополит Иосаф. К ногам короля принесли его облачение и освященный константинопольским патриархом меч, присланный им Хмельницкому.

А сам Хмельницкий? Через месяц мы видим его уже в местечке Паволоч, благополучно отпущенного ханом, вероятно, даже без выкупа. Гетман стягивает под Белую Церковь преданных крестьян реестровых, пирует со старшинами и даже женится в третий раз на Анне Золотаренко, сестре влиятельного Нежинского полковника. С магнатами он снова заигрывает, но интересы народа им окончательно попраны. Вся Южная Русь — сплошная Голгофа. Крестьяне и городское менщанство преданы огню и мечу вторгнувшимися магнатами — с запада графом Потоцким и с севера мощным феодалом князем Янушем Радзивилом. Киев им взят, сожжен и разграблен.

Но Хмельницкий в Белой Церкви уже снова ведет переговоры с делегатами Республики, с тем же сладкоречивым Кисилем.

— Ты, гетман, себя самого и старшин спасаешь, а нас отдаешь под палки, на колы, на виселецы, — кричат в собравшейся под Белоцерковским замком толпе. Дело доходит до уличного боя,

и Хмельницкий лично укладывает своей гетманской булавой главарей народного восстания.

Трактат заключен. Но теперь ослабленному под Берестечком Хмельницкому оставлено лишь одно Киевское воеводство и в нем 20.000 нужного ему и Республике привилегированного реестрового войска. Его власть значительно урезана, но он все же остается магнатом. Вся остальная южная Русь снова под властью польской шляхты, которая жестоко расправляется со своими холопами. Крестьянская эмиграция в пределы Московского царства в этом страшном 1652 году достигает максимальных размеров. На территории Дикого Поля, получившей теперь имя Слободской Украины, возникают новые большие поселки: Сумы, Короча, Либедин, Белополье и др. В Приднепровьи же народ голосует оружием за присоединение к Москве: в Миргороде восстает против гетмана Гладкий, на самом Днепре — Хмелецкий и Мазыра, в Лубнах Хмельницкий объявлен низложенным и гетманом избран какой-то Бугай. Но эти отдельные очаги восстания, хоть и не без труда, подавляются объединенными силами Хмельницкого, Радзивила и Потоцкого. Взятым в плен Гладкому и Хмелецкому Хмельницкий рубит головы.

Весной 1653 года Республика организует крупную карательную экспедицию под командованием лучшего из своих полководцев — Чарнецкого. Он вторгается в Врацлавщину, уничтожает там всех русских крестьян с женами и детьми поголовно и свирепствует, пока его не разбивает Богун.

Хмельницкий еще раз пытается проспекулировать на союзе с Крымскым ханом и завязывает с ним новые сношения. Но он уже слабый, малоценный партнер в кровавой игре. Опустошив южную Русь вплоть до Люблина и сорвав куш с Республики, призванный им хан возвращается в Крым.

8. „Государево великое дело"

Детально осведомленное о всех этих событиях царское правительство понимает, что решительный момент близок. Вопрос о начале Освободительной войны на широком фронте уже решен на „избранной раде" Царя Алексея Михайловича совместно с патриархом Никоном и ближайшими боярами: Милославским, старым, многоопытным Морозовым и молодым другом Царя окольничьим Федором Ртищевым. Теперь он вынесен на обсуждение всей Боярской думы. Одновременно на ней оглашена купленная за сорок соболей у гетманского „премьера", генерального писаря Выговского вся тайная переписка Хмельницкого с султаном, крымским ханом, польским королем, венгерским Ракочи и даже со Швецией. Боярская дума полностью принимает провозглашенную Царем программу и постановляет: „За честь государеву стоять".

А программа была задумана Царем Алексеем широко. Она включала в себя не только поддержку восставшего крестьянства

Приднепровья, но и освобождение от вражеского иноверного ига всей подъяремной Литовской Руси от Полоцка на Западной Двине до Ямполя и Рышкова на Днестре. Безусловными в предстоящей борьбе противниками были Польша и Крымское ханство, вероятными — Лифляндия и Турецкая Империя, возможными — Швеция и венгерский Ракочи. Хмельницкий уже набравший снова 60.000 войска, был ненадежным союзником, и Москва это учитывала. Верным, безусловным союзником Московской монархии был подъяремный народ от Полоцка до Ямполя, и это тоже знало правительство народного Царя Алексея Михайловича.

„Свершися государская мысль на сем деле", — повествует архив приказа тайных дел о заседании боярской думы 22 февраля 1653 г., а 24 апреля того же года в Польшу выслано чрезвычайное посольство боярина князя Бориса Репнина-Оболенского, князя Федора Волконского и многоопытного дипломата думного дьяка Алмаза Ивановича. Застав короля и магнатов во Львове, эти послы заговорили теперь с ним ультимативным языком, требуя свободы русской веры в Польше и выполнения Республикой всех обязательств Зборовского договора. Дело шло явно на разрыв и войну народного Царства Московского с магнатской Польской Республикой.

Решительные переговоры с русским приднепровским шляхетством также велись уже с марта 1652 года. Сначала от имени Царя говорили с тайным послом Искрою лишь дьяки Волошенинов и Немиров. Потом переговоры углубились; и для ведения их из Киева был прислан крупный чин — войсковой судья Богданович. Закончены они были решительным словом Царя, сказанным в начале 1653 г. полковникам Бырляю и Мужеловскому, выполнявшим последнюю, явно фанатическую попытку Хмельницкого опереться на военный союз Крыма и Швеции. По достижении соглашения с этими послами бояре Стрешнев и Бредихин повезли в Киев царские грамоты. Задача этих послов была очень трудной. Им приходилось, тонко лавируя, вести переговоры с несколькими группами южнорусской шляхты, придерживавшимися различных, порою противоречивых, ориентаций. Не обошлось и без драки: Хмельницкий поранил саблей безоговорочного сторонника Царя полковника Яско, но ему пришлось за это выкатить на мировую с московской группой несколько бочек меду и публично извиниться перед этими старшинами. Параллельно послы вели непрерывные переговоры с тайным агентом Москвы генеральным секретарем Выговским. Обстановка была более чем сложной, сказали бы мы теперь, но московские дипломаты действовали смело и уверенно, твердо зная, что за них стоит вся громада „посполъства" — простонародья.

Последнее и решительное слово к борьбе грозно прозвучало первого октября того же года на собранном в Грановитой Палате Земском Соборе всех чинов Русского Царства людей.

Думный дьяк прочел на нем обширный, всесторонний доклад

правительства и от царского имени поставил вопрос о принятии всей южной Руси под его высокую государеву руку.

Ответы были даны в письменной форме, посословно, посекционно, как сказали бы мы теперь.

От освященного Собора, патриарха и всей Русской Церкви: благословить Державу Российскую и ее православного Государя на великое дело веры Христовой.

От думных бояр, высшего административного аппарата Царства: принять **весь народ русский** под его высокую государеву руку.

От военно-служилых людей: не щадя голов своих, биться и умирать за честь Государеву.

От гостей и торговых людей — крупной, средней и мелкой буржуазии: воспомочь Государю-Царю всем достатком своим в его Государевом великом деле.

Всею Землею Русской: за его, Великого Государя, дело стоять нерушимо.

После этого всей Землею Русской данного ответа из царственной Белокаменной Москвы выехало в Переяславль на Днепре великое посольство: боярин Василий Васильевич Бутурлин, окольничий Алферьев, думный дьяк Попухин, с ними сонм духовенства и небольшая охрана. Воинских сил при посольстве не было. 8-го января 1654 г. после закрытого совещания посольства с шляхетской верхушкой Приднепровья (старшиной) — полковниками, судьями, сотниками и писарями была созвана всенародная „Генеральная Рада", на которой, после речи стоявшего под бунчуком (символом власти) Хмельницкого, все присутствовавшие крикнули единодушно:

— Волим под Царя Северного Православного, чтобы мы во всем едины были! Боже, утверди! Боже, укрепи!

Кто кричал? Кто присутствовал на „Генеральной Раде" в Переяславле 8-го января 1654 года?

О количестве собравшихся летописцы сообщают разно. Некоторые — 50.000, другие — 30.000 и 25.000.

Берем наименьшее число — 25.000. Кто составлял его?

Основные силы Хмельницкого находились в это время в Чигирине, куда он отвел их, не желая вступать в бой с малочисленным польским войском под Каменцом. Царское посольство в Переяславль было там встречено полковником Тетерей только с шестьюстами казаками, а, несомненно, что он захотел бы блеснуть перед послами своей силой, если бы мог набрать ее больше. Добавим к этим шестистам тысячу-две свиты и конвоя Хмельницкого, всего тысячи три... А остальные двадцать две тысячи? Кто составлял их?

Эту основную и главную часть Рады, не менее 17-18 тысяч, а возможно и до 30 тысяч, составляли собравшиеся в Переяславль жители прилегающего района и беженцы из разоренных войной

областей. Переяславль — за Днепром, и он был сравнительно безопасен, почему и был избран для созвания Рады.

Вот эта-то громада „посполъства", сбросивших панское ярмо мужиков, и крикнуло: „волим под Царя Северного Православного", как единственного надежного защитника добытой в жестоких боях свободы. Тонувшей в этой громаде кучке шляхетства и полушляхты (реестровых казаков) **пришлось этот крик повторить, многим даже против своей воли.** Разбор последующих событий подтвердит нам этот вывод.

9. Шляхетство огрызается

По окончании Рады, гетман и старшины торжественно поехали к царскому послу с официальным визитом. Бутурлин почетно принял их, ответил от имени Государя на речь Хмельницкого и пригласил всех в собор для принесения присяги.

Отметим, что там для приема присяги было собрано Московское, прибывшее с посольством, духовенство, во главе с Казанским архимандритом Прохором, Московскими иереями и даже дьячками. Южнорусского духовенства в сослужении с ними не было. Это, как увидим далее, важная деталь.

С принесением присяги происходит заминка. Уже войдя в церковь, Хмельницкий обращается к Бутурлину с требованием взаимной присяги от имени Царя в том, чтобы Царь не мог „вольностей наших нарушать, а кто был шляхтич и казак и какие маетности у себя имел, тому быть попрежнему". Шляхта заботится прежде всего о сохранении своих привилегий и крепостнических прав.

— В Московском государстве того, чтобы за великого государя присягать, никогда не бывало и впредь не будет, — твердо отвечает Бутурлин. — Тебе, гетману, и говорить об этом непристойно. Всякий подданный повинен присягнуть своему государю.

Тогда шляхтичи и гетман, не присягнув, ушли из собора и после долгого совещания прислали к оставшемуся в церкви Бутурлину уполномоченных Тетерю и Сахновича с повтореным требованием того же, но снова получили решительный отпор. Делегаты ушли и возвратились с самим Хмельницким, который лишь теперь присягнул с верховною старшиной, после чего Бутурлин вручил ему от имени Государя гетманские регалии, знамя, булаву и ферязь, сопровождая каждый дар наставительным словом о службе Царю и Отечеству.

Польская шляхетская „вольность" столкнулась в упор с всеобщей московской „службой". Два представления об отечестве, нации, государстве и своем месте в нем, своем долге по отношению к нему и к народу-нации . . .

Московская русская „служба" победила шляхетскую „вольность". Гарантии сословных привилегий не были даны, как не было их в Московском царстве того времени. Но почему смог по-

бедить своевольного гетмана и старшину прибывший без воинской силы царский посол Бутурлин? На кого опирался он?

„Н а р о д плакал от радости, когда Благовещенский дьякон Алексей выкликал многолетие Государю", — повествует южнорусский (не московский) летописец. Вот та сила, на которую опирался посол Царя Всея Руси.

Какая же из двух столкнувшихся в южной Руси во второй половине XVII века социально-исторических сил была прогрессивной и какая реакционной?

История, не только русская, но общеевропейская, может дать нам теперь исчерпывающий ответ на этот вопрос. Семнадцатый век был временем распада феодального порядка и перехода к централизованной государственности для всей Европы. На ее территории уже вызревала тогда, как прогрессивная форма, государственность „просвещенного абсолютизма". Шедшая своим собственным национально-историческим путем Московская Русь к тому времени уже покончила со своим самобытным феодализмом (уделами). Всецело рационалистический западноевропейский „просвещенный абсолютизм" был чужд психологии уже созревшей и осознавшей себя русской нации, которая уже выработала свою самодержавно-монархическую государственность, гармонично сочетавшую широкое местное самоуправление с единством крепкой верховной власти. Эта государственность строилась не на рационализме, но на религиозно-этической базе христианского православного народного миропонимания. Но если „просвещенный абсолютизм" Запада признан теперь прогрессивным по отношению к феодальным формам даже марксистами, то можем ли мы не признать столь же, а на наш взгляд еще более, прогрессивной государственной формой самодержавие Московских царей?

Отсталая „варварская" допетровская Русь шла тогда не в хвосте прогрессивного развития Европы, а намного впереди подавляющего большинства европейских государств.

Но шляхта продолжала борьбу за свои крепостнические привилегии. На следующий день в Переяславле присягали средние и низшие чины (сотники, писаря и делегаты от полков). Они тоже потребовали, но уже не присяги, а лишь расписки Бутурлина в сохранении их привилегий.

— Нестаточное дело, коротко отрезал тот.

Шляхта присягнула. Тот же ответ от посла получила и неслужилая шляхта (помещики), утверждавшая, что она „меж казаками знатна" и подавшая составленную самими шляхтичами роспись на владение феодальными, наследственными должностями — воеводствами, грядами и т.д.

— Непристойное дело, — прикрикнул на них Бутурлин, — сами себе расписали воеводства и уряды, чего и в мысли взять не годится.

Шляхта ударила челом и повинилась.

Наследственности должностей, чего старалась добиться шлях-

та, в Московском царстве не было. Все должности там были службой, а не привилегиями. С точки зрения Москвы, требования помещиков были действительно непристойны.

Теперь посольство двинулось в Киев, в столицу, в древний русский город.

Пышною и вместе с тем гордою до надменности речью встретил посла перед Золотыми Вратами митрополит Сильвестр Коссов, теперь тоже сенатор Польской Республики по Зборовскому договору. Он приветствовал посла от имени святого князя Владимира.

— Целует вас в моем лице благочестивый Владимир!

В этой вступительной фразе его речи ясно слышались гордые ноты польского прелата-магната: он, а не Московский Православный Царь, являлся прямым наследником Равноапостольного князя Владимира!

Москва уже хорошо знала митрополита Коссова. В 1651 году он прислал Царю просьбу о жаловании и помощи разоренным киевским церквам, но не удостоил поставить своей подписи под этими грамотами или не хотел сделать этого, чтобы не быть скомпрометированным перед республиканским польским сенатом. Безмерно щедрый к Церкви, глубочайший в своем православии Царь Алексей Михайлович тогда, единственный раз в своей жизни, отказал киевской церкви в пожертвовании. Еще глубже узнает киевского прелата Бутурлин, Митрополит Сильвестер Коссов не допускает к присяге Царю свою митрополичью шляхту и не желает сам лично встречаться с царским послом.

Бутурлин требует его людей на следующий день. Митрополит отказывает. То же повторяется и на третий день, и Бутурлин требует теперь мотивированного ответа от митрополита. Коссов не письменно, но через посланца отговаривается тем, что эта шляхта служит у него по найму, вследствие чего якобы к служебной государственной присяге не обязана. Сам же он принадлежит к юрисдикции константинопольского патриарха и патриарх всея Руси ему не указ.

Бутурлину приходится сурово прикрикнуть. Митрополичья шляхта присягает, но не пройдет и года, как тот же митрополит Коссов откажет прибывшим войскам князя Куракина в земле для постройки укреплений и размещения гарнизона.

— Если боярин хочет, — ответит он, — Киев оберегать, то они бы оберегали от Киева верст на двадцать и более. — Да еще пригрозит царскому воеводе: — не ждите начала, а ждите конца. Увидите сами, что над вами скоро конец будет.

Тогда прикрикнет сам Царь из Москвы. Митрополит даст нужный русскому войску опорный пункт в Киеве, за что Тишайший и Смиреннейший Алексей Михайлович щедро вознаградит его многими почестями и иными дарами.

В этом, очень важном по своему идейно-религиозному значению, столкновении чрезвычайно ярко отражена борьба двух

течений: возглавляемого Царем всея Руси народно-национального, как скажем мы теперь, служения религиозным целям и своевольного эгоизма сословного сепаратизма, как мы тоже назвали бы теперь поведение митрополита Сильвестра Коссова. Побеждает первое, но митрополит Коссов все же до конца своих дней не признает над собой власти патриарха вся Руси и пребывает в юрисдикции подвластного султану Константинопольского патриарха. Глубочайший в своем чисто православном понимании русской истории, профессор С. М. Соловьев, автор непревзойденного и до наших дней исторического свода, так разъясняет этот прискорбный факт: „Сильвестр был шляхтич и поэтому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного и слабого патриарха Византийского была номинальной. В Киеве же его никто не трогал, никто не запирал церквей православных" (С. М. Соловьев, „История России", т. 10, гл. 3, стр. 1640).

Но если глава южнорусского православия был проникнут шляхетскими тенденциями, то рядовое народное духовенство чувствовало и мыслило по-иному. Летописец рассказывает о многих патриотических подвигах, совершенных сельскими священниками и простыми монахами, например, о нежинском попе Филимонове, ставшем во главе народного движения и разбившем в бою крупный польский республиканский отряд; о целых монастырях, иноки которых, приняв в их стены спасшихся от шляхты крестьян, погибали там в муках вместе с ними. Сословное расслоение, проникшее в южную Русь из Польши, находило почву даже в церковной среде.

10. Освободительная война Московского Царства

Весной 1654 года Царь Алексей Михайлович формально объявил войну Польской Республике и сам стал во главе двинутой им на Запад рати. Одновременно магнат Чарнецкий с регулярными польскими войсками без объявления войны вторгнулся в пределы южной Руси, уничтожая все на своем пути. Город Немиров был истреблен им до последнего человека. В Мушировке избито пять тысяч человек. В Демовне — 14 тысяч. Описания этого трагического эпизода крестьянской войны в Приднепровье полны потрясающих подробностей. Мужики сражаются с регулярными войсками косами и дубинами, бьются женщины и дети, а жены ушедших на войну даже образуют свои женские отряды...

Стратегический штаб Москвы намечает главный плацдарм не на юге, а на западе, в Белоруссии. Оперирующими там главными силами руководит сам Царь и при нем его ближайшие политические советники: Морозов, Милославский, Одоевский, Ртищев. На юг к Хмельницкому посланы отдельные вспомогательные от-

ряды Трубецкого, Шереметева и Ромодановского. Полякам удается вовлечь в войну крымцев.

Хмельницкий поддерживает стратегический план Москвы, что очевидно из его писем к Царю. Но явно не хочет усиления Москвы на юге, боится ее. Ведь русский гарнизон пока стоит только в Киеве, под командой В. В. Бутурлина, все же остальные города полностью в руках гетмана. Но в Белоруссию он также посылает 20 тысяч под командой ближайшего к нему полковника Золотаренко, как увидим дальше, ярого сторонника „шляхетской вольности" и врага Московской „службы".

Московская рать одухотворена религиозным порывом. Религиозно-этические цели Освободительной войны полнозвучно высказаны в речах к войскам и народу самого Царя и патриарха Никона. Из ответных речей воевод и криков войска ясно, что они поняты и глубинно восприняты. Столь же точно формулированы освободительные цели войны и в грамотах (прокламациях) Царя, разосланных подъяремной Литовской Руси. Высокой, подлинно христианской гуманностью веет от каждой строки этого, написанного лично Алексеем Михайловичем документа. Самодержец призывает в нем к миру и единству, но не к вражде и резне, гарантирует всему русскому и литовскому населению религиозную свободу, равноправие обеих церквей, местное самоуправление, вплоть до сохранения Магдебургского права, неприкосновенность имущества и льгот (но не групповые сословные привилегии); тем же, кто не пожелает принять русского подданства, он обещает беспрепятственный пропуск в Польшу. Евреям дано право жительства в городах и тем самым гарантии против резни их, которой они часто подвергались от войск Хмельницкого.

Все эти обещания были соблюдены и результаты сказались в первые же дни войны. Еще на пути к Вязьме 4-го июня Царь получил донесение о сдаче без выстрела пограничного Дорогобужа русскому передовому отряду; 11-го также без боя сдался Невель; за ним Полоцк, Рославль, Мстиславль, Гомель, Могилев... Бой был только под Оршей с армией крупнейшего литовского магната князя Радзивилла, который был разбит и добит под Борисовым князем Трубецким — взято в плен 12 полковников, артиллерия, обоз и гетманский бунчук.

„Москва воюет по новому образцу", — доносят королю Яну-Казимиру его воеводы, — „занимает земли милостью и жалованьем. Мужики нам очень враждебны, везде на царское имя сдаются и делают нам больше вреда, чем сама Москва". Упорное сопротивление Царю-Освободителю оказывает лишь Смоленск, где в мощной крепости (34 башни) затворилось сильное регулярное польское войско. Царь осаждает его. Бои очень кровопролитные: при неудачном штурме 17-го августа потери русских убитыми — 7 тысяч. Но 23 сентября Смоленск все же сдается, взорванный изнутри народным восстанием. Повстанцы разоружают польскую пе-

хоту и открывают ворота Царю. Но его милость господствует и здесь: населению и гарнизону предложен свободный выбор — оставаться или уходить в Польшу. Ушли лишь польские офицеры с небольшим отрядом, положившим знамена к ногам Царя.

Яркая деталь Освободительной войны того времени: высокогуманный организатор славяно-греко-латинской академии в Москве боярин Федор Ртищев на средства, данные тайно Царицей, организует огромный, в 1500 подвод, обоз для помощи беженцам, бездомным и раненым, как своим, так и врагам, брошенным ими при бегстве. Этот обоз действует беспрерывно в течение всей войны, увеличивается личной помощью Царя и на средства частных пожертвований...

Через сколько-то лет возникает в Женеве Красный Крест, а в Америке — ИРО, и так ли честно и самоотверженно будут работать они?

Но совсем иначе ведется война на левом фланге, где хозяйничает 20-тысячное войско наказного атамана Золотаренко. Оттуда — поток жалоб и просьб о защите от этого войска. Из Быхова и Могилева на бесчинства Золотаренко жалуется как самое население, так и царский воевода Воейков. Казаки Хмельницкого грабят крестьян, самовольно захватывают мельницы и земельные участки, напали даже на обоз с хлебом для войск Царя. Воевода Трубецкой вынужден посылать вооруженные отряды для защиты крестьян от Золотаренко, „запустошившего весь уезд". Бургомистр и синдики Могилева жалуются на „большие обиды от казаков" и Государь посылает для их защиты крупный отряд окольничьего Алферьева. Сам Золотаренко не только покровительствует бесчинствам войска, но более чем нахально держит себя с царскими воеводами, перебив, например, людей Воейкова и пригрозив, что „вашему воеводе то же от меня будет".

11. Паны верны себе

Атаман Золотаренко бесчинствует явно по сговору с Хмельницким, который, собрав стотысячное войско, бездействует, несмотря на приказы Царя. Он умышленно задерживает даже присланное Алексеем Михайловичем жалованье запорожцам. Присланный к нему с вспомогательным войском Андрей Бутурлин доносит Царю о явном саботаже Хмельницкого и опасается, что он бросит Московские отряды, уклонившись от боя с поляками. Это предположение оправдывается: Хмельницкий уводит своих в тыл, в Чигирин, отдавая полякам Волынь, Подолию и Брацлавское воеводство.

В чем же дело? Бежавший из польского плена чернец Иван Петров сообщает Царю о тайных переговорах Хмельницкого и Коссова с королем Яном-Казимиром. Они обещают выбить московских людей из Киева и снова отдаться под королевскую руку.

Одновременно Хмельницкий ведет тайные переговоры с венгерским Ракочи, с молдавским и валашским господарями, а также с вторгшимися в Польшу шведами. Теперь он играет уже не на две, а на три руки: на Москву, на очень слабую в этот момент Польскую Республику и одновременно сколачивает для ее же раздела коалицию из шведов, венгров, крымцев и придунайских княжеств. Столь же тонкая, сколь и подлая игра. Его надежды на успех удара в спину Царю крепнут в связи со страшной эпидемией, опустошившей Москву и северные русские области. Тыл Царя более чем слаб. Москва отрезана от армии карантином.

Теперь самое время для шляхты отстаивать свои крепостные привилегии и феодальные „вольности", которым угрожает Московское народное самодержавие. В следующем 1655 году шляхетские восстания вспыхнут в Орше, Смоленске, Озерищах, Любицах. Их будет поддерживать из Быхова Золотаренко, а из Вильны принявший шведскую ориентацию князь Радзивилл.

Полковник-шляхтич Поклонский поднимает крупное восстание и нападает на отряд Воейкова, который так пишет об этом Трубецкому: „Полковник Поклонский государю изменил, и со шляхтою, гетманов Радзивилла и Гонсевского, с польскими войсками в большой земляной вал впустил. Теперь я в меньшем земляном валу сижу в осаде с государевыми ратными людьми и мещанами".

„Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были", пишет сам Поклонский Золотаренке. Он уверен в слабости лишенного тыла Царя и припугивает верных Москве мещан в прокламации к ним: „Скоро услышите, что сделалось с Московскою помощью: Царь сидит в столице, Патриарх убит народом, поветрие людей выгубило, на войну идти некому, а кто покажется, того наши бьют".

Шляхетский заговор перекидывается даже в среду московского дворянства, в те круги, где еще живы тенденции Смуты и Семибоярщины. Начинаются перебежки этих элементов к Хмельницкому, и Царь Алексей Михайлович пишет в Киев В. В. Бутурлину: „В нынешнем году с Москвы и со службы от нас всяких чинов побежали люди, собираются в глухих лесах, а собравшись, хотят ехать к Хмельницкому. Своей братии пишут, будто сулят им Черкассы (гетман) маетности. И вы... перехватив их всех, велите из них человек десять повесить, остальных же, высекши кнутом, пришлите в Москву". Одновременно с этим Царь принимает строжайшие меры для защиты освобожденных областей от насилий войска: „деревень не жечь", „который сожжет, тому казнену быть безо всякой пощады". Кара налагается не только на самих преступников, но и на их начальников, допустивших бесчинства своих людей. Им за это „быть во всяком разорении и ссылке", даже поротыми плетьми, то есть обесчещенными. Этот приказ явно направлен к обузданию Золотаренки и его вольницы.

Вместе с тем начато наступление по всему фронту. Оно разви-

вается успешно и характерно, что победы одерживают только московские воеводы: Шереметьев берет Велиж, Хворостинин — Минск, Волконский — Туров и Пинск. „Московские воеводы одни с двух сторон воевали Литву", отмечает Соловьев.

Полная победа? В августе князь Черкасский разбивает наголову магната Радзивилла и берет Вильно, Ковно и Гродно, то есть занимает всю Литву. Литовский гетман Гонсевский просит мира.

Хмельницкий же с вспомогательным отрядом Бутурлина, подойдя без сопротивления врага к Львову и осадив его, решительно отказывается от штурма, несмотря на все уговоры Бутурлина. Он берет с города лишь небольшой выкуп в свой карман и отступает.

12. Новые цели и новый враг Царства Московского

Общая политическая ситуация и соотношение борющихся сил к этому моменту резко изменились. Новый шведский король Карл X Густав вторгнулся в Польшу с севера, занял Варшаву, Краков и большую часть самой Польши. Король Ян-Казимир бежал. Крупнейший литовский магнат Радзивилл, единственный из сохранивших еще реальную силу, принял подданство Швеции в качестве вассального ей великого князя Литовского, в то время, как этот титул принял и фактически владевший Литвой Царь Алексей Михайлович. В силу этого Швеция стала в явно враждебное отношение к Москве, наметив вытеснение царских войск из всей Литовской Руси, вплоть до Киева и Чернигова, что гарантировала Радзивиллу. При этой расстановке сил тайный план Хмельницкого об образовании отдельного южнорусского вассального княжества под его „державой" принял новую форму и получил некоторую реальную базу в расчете на союз Швеции, Венгрии и Хмельницкого с целью полного раздела обессиленной внутренней борьбой Речи Посполитой. По тайному сговору между королем Карлом X, Хмельницким и Радзивиллом, Литва и Белоруссия, уже занятые царскими войсками, отходили к Швеции в качестве вассального княжества Литовского. Король Карл предпринял к этому шаги, и его генерал Делагарди захватил несколько принявших Московское подданство городов. По этому поводу начинается дипломатическая переписка с Московским правительством, которое вполне осведомлено о новых планах Хмельницкого через Выговского. Назревает необходимость изменения общего политического курса Москвы.

Освободительная борьба фактически закончена: Царское войско не только достигло рубежей исконно русских земель с православным населением, но частично (в Литве) перешло их. Главный враг, Польша, разгромлен и обессилен. Агрессивные стремления к покорению Речи Посполитой не входят в рассчеты Москвы, но возникает иная возможность закончить длящуюся уже

500 лет борьбу между двумя главными ветвями славянства установлением крепкого, нерушимого союза обоих государств, объединения их под единым скипетром — в Двуединой Русско-Польской Монархии при полной взаимной веротерпимости и сохранении самобытной государственности в обеих ее частях. Пламенным сторонником этой идеи выступает сам патриарх Никон, мощный идеолог народного русского, независимого от каких-либо внешних влияний, православия. Ей сочувствуют также ближайшие, широко мыслящие друзья Царя: высококультурный окольничий Радищев и создатель Уложения Иван Никитич Одоевский. Ее разделяет и сам Царь.

В измученной войной и внутрипартийной борьбой Польше эта идея также находит отклик в лице энергичной бездетной жены короля Яна-Казимира и части радных панов, видящих в переходе к наследственной монархии единственное спасение от республиканского хаоса. Через полтораста лет эта идея возродится и будет частично осуществлена Александром I, а еще через сто лет снова промелькнет в обращении к полякам Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича (1914 г.). Но пока она так формулируется в грамоте, разосланной Царем по воеводствам и поветам: „Великого Княжества Литовского и короны Польской сенаторам, полковникам, ротмистрам, всей урожденной шляхте, всему рыцарству и духовного всякого чина людям... чтобы мы вас пожаловали, веры вашей, прав и вольностей ни в чем нарушать не велели, прежними маентностями владеть велели. А вы бы королем своим Яна-Казимира, пока он жив, имели, а нас бы, Великого Государя, на корону Польскую выбрали, нам и сыну нашему присягнули и кроме нас на королевство Польское по смерти Яна-Казимира другого государя никого себе не выбирали, и в конституцию бы это напечатали".

На этой базе начаты и ведутся длительные переговоры между Русью и Польшей. Возникает ряд вариантов. Одерживает верх мнение — признать царя Алексея Михайловича и всю династию Романовых наследниками Яна-Казимира при сохранении политических прав шляхты (сейма). Энергичная королева хлопочет лишь о том, чтобы корону наследовал не сам Царь, а его сын, женившись на ее племяннице.

Возможность возникновения на Востоке мощной Двуединой Монархии беспокоит уже Европу. Вена направляет специальное посольство ловкого словенца Аллегретти якобы с целью примирить враждующих, но на самом деле для противодействия возникающему союзу.В том же направлении действует Бранденбург и заинтересованная в польских делах Саксония.

Главным препятствием к заключению союзного договора служит то, что Царь Алексей Михайлович ни в какой мере не забывает об освободительных целях войны и требует безусловного включения всех южнорусских областей в состав Русского государства, паны же стремятся сохранить их за Польшей.

Как же реагирует на новые перспективы Хмельницкий и окрепшее за время войны южнорусское шляхетство?

Переход на служилое положение Московского дворянства и смена феодально крепостнических прав владения крестьянами совместной с ними поместной службой государству (Московский порядок) ни в какой мере не привлекает шляхетство. Наоборот, оно всячески противится этому. На фронте доходит до открытых столкновений между отрядами полковников Дорошенко, Константинова, Нечая и других с войсками Московских воевод и крестьянским ополчением. „В Друйском, Резицком и Лужском уездах от казаков запустело", — доносят царские воеводы. Следствие показывает, что за спиной этих разбойников стоит сам атаман Золотаренко, действующий в полном согласии с Хмельницким. Он беспрерывно сносится со шведами, уже воюющими с царской ратью, что известно в Москве. Сам Хмельницкий сносится с Крымом, с господарями Валашским и Молдавским, с венгерским Ракочи, сколачивая коалицию против Москвы. Он интригует и при дворе Яна-Казимира. „Гетман хочет отложиться при первом гневе государевом", — пишет в Москву из Киева Бутурлин, — „но черные люди на такую неправду ему не помогают". Православный русский народ верен Царю.

С целью сорвать переговоры об избрании Алексея Михайловича Хмельницкий посылает в Вильну свою делегацию, как союзника (а не подданного) Царя, но Одоевский не допускает ее на заседание. Соглашение о признании Русского Царя наследником Польско-Литовской короны, наконец, достигнуто. Это приводит в бешенство Хмельницкого.

— Дитки, — орет он, — треба отступити от Царя! Будем под бусурманским государем, не то что под христианским!

Мысль о вовлечении в борьбу против народной Московской монархии могущественной Оттоманской Империи, хотя бы ценой отдачи ей в рабство всего южнорусского народа, не оставляет его... Были бы лишь сохранены феодально-крепостнические привилегии, на что султан не поскупится.

Надежды на Швецию гаснут: ее война с Московским царством в Польше не принесла решительной победы ни одной из сторон, но передышка, данная Царем Республике и оттяжка им на себя части шведских сил укрепила Яна-Казимира и шведы изгнаны из Польши.

В связи с этим новым изменением общей политической обстановки в Восточной Европе, Освободительная война Московского царства также меняет свой характер. Швеция выходит из игры, окончив войну против Москвы вничью. Польская республика слишком слаба для широких военных действий и, следовательно, проект создания Двуединой Русско-Польской Монархии, при всей осторожности Московской дипломатии, все же рисуется ей реальным. На Литовско-Белорусском фронте заключено длительное, хотя и неустойчивое перемирие, изредка нарушаемое отдельными

локальными столкновениями. Но на юге, на правобережной Украине образуется новый фронт — разгорается социальная борьба, то и дело переходящая в открытые военные действия.

Основные области Литовской Руси фактически в руках Руси Московской. Москва может теперь ожидать более благоприятной политической обстановки, не вовлекаясь в большую войну. Отдельные военные столкновения с магнатами случаются, но они носят местный эпизодический характер и сравнительно легко улаживаются. Польское магнатство уже перестает быть реальной военно-политической силой на южной Руси. Но взамен него там выкристаллизовывается новое теперь уже русское панство, с теми же политическими понятиями и традициями. Между ним, с одной стороны, и крестьянством, поддерживаемым Москвой, — с другой, возгорается борьба, которая будет разрывать грудь южной Руси еще целые 50 лет, вплоть до Полтавской битвы.

Новая социальная группа южнорусской шляхты захватывает земли бежавших польских магнатов, и претендует на владение их бывшими крепостными и на наследование политической власти магнатства. Эта группа полностью проникнута польской феодально-республиканской идеологией и, следовательно, враждебна Московской народной монархии и ее государственному порядку. Ее вражда проявляется в самых разнообразных формах, от льстивых выпрашиваний себе наследственных должностей и имений (староств, мечников, наследственных судей, чего нет в Московском царстве) до открытых бунтов и переходов на сторону Польши. Опора этих новых магнатов — 60 тысяч привилегированной полушляхты — реестровых.

Верными и неизменными союзниками Царя всея Руси в Приднепровья остаются крестьянство и городское мещанство. Этот слой называется „посполъством" или „черню" в отличие от „значных" — новой шляхты. „Значные" при поддержке и покровительстве ближайшего окружения гетмана (новых магнатов) захватывают местные должности и „грунты", то есть общины освобожденных крестьян. Они провозглашают себя и „державцами", то есть крепостными владетелями, требуя полного „послушенства" от „посполъных" — пахотных мужиков. Образуются даже новые магнатские гнезда под именем „державных слобод". Политика Москвы в Приднепровьи становится необычайно сложной в обстановке развития этого процесса. Дух русской государственности, моральные основы Царства не могут допустить возникновения новых магнатов за счет порабощения крестьян, но для пресечения этого сил не хватает: царский гарнизон стоит только в Киеве; там же находится и резидент царя при гетмане, но все остальное Приднепровье полностью управляется старшиной, то есть выдвинутым войной русским шляхетством.

В такой политической обстановке умирает Богдан Хмельницкий и гетманская булава переходит к его сыну Юрию, далеко не унаследовавшему способностей отца, слабому и недалекому юно-

ше. Пользуясь его слабостью, новое магнатство тотчас же выдвигает своего ставленника на пост гетмана — ловкого, энергичного, но абсолютно беспринципного Выговского, поляка и шляхтича по духу, но вместе с тем платного агента Москвы. Юрий Хмельницкий отказывается от власти, и Царь утверждает гетманом Выговского, но против него тотчас же восстает „посполъство" — начинаются крестьянские восстания.

13. Разложение южнорусской шляхты

Начинается новая гражданская война. Положение осложняется смертью Киевского митрополита Сильвестра Коссова и выбором его заместителя. Бутурлин требует назначения иерарха русской Церкви, но старшина отстаивает юрисдикцию Константинопольского патриарха. Попытки Бутурлина замирить край введением русской администрации в главных центрах встречает жесточайший отпор новой шляхты, чем пользуется Польша, действуя через своего агента при Выговском — южнорусского „прогрессиста" того времени Юрия Немирича, врага Москвы, нахватавшегося при поездке в Голландию западных идей. Гетман и шляхта разбивают крестьянское ополчение. Его предводитель Пушкарь погибает в бою, а все ратники полностью эмигрируют в пределы Московского царства — яркий показатель политических настроений южнорусского крестьянства того времени.

Положение становится настолько серьезным, что Московское правительство находит нужным отозвать из Киева сторонника дипломатических действий и заменить его решительным, суровым воеводой В. Б. Шереметевым, на которого тотчас же по прибытии в Киев нападают отряды Выговского.

Типичный для республиканских магнатов маневр. Выговский ведет войну с Московским воеводой Шереметьевым, но одновременно шлет верноподданические послания Царю, что не мешает ему в то же время договариваться с польским сенатом о воссоединении освобожденных областей с Речью Посполитой.

Московское правительство вынуждено двинуть против Выговского значительные силы под начальством князя Ромодановского, князя Трубецкого и князя Пожарского. К этим отрядам присоединяется вся масса южнорусских крестьян. Выговский же, следуя рецептуре Хмельницкого, призывает Крымского хана, с помощью которого разбивает русские отряды.

Но эта, купленная изменой, победа не может спасти Выговского и его окружение. Мужицкое восстание против них разгорается. Повстанцы захватывают Нежин, Чернигов, Переяславль и ряд других крупных городов. Сам Выговский вынужден бежать из Чигирина. Приведенное Немиричем наемное польско-немецкое войско разбито крестьянами и сам он убит. Заключенный шляхетской старшиной Гадяцкий договор о воссоединении с Польшей

на правах автономного княжества возбуждает негодование среди запорожцев. Всеобщее крестьянское восстание развивается под лозунгом единства с Московским Царством.

Выговский бежит в Польшу, а прибывший посол Царя князь Трубецкой созывает в Переяславле всеобщую (включая крестьянство) „черную раду", на которой „посполъство", преодолев сопротивление „державцев", утверждает новый статут единства всей русской нации:

Московская административная система вводится в шести крупнейших уездах (Киеве, Переяславле, Чернигове, Нежине, Брацлаве и Умани); гетман и старшина лишены права вести самостоятельные внешние сношения и сепаратные от Москвы войны; назначение полковников и высших чинов утверждается всеобщей радой, а не гетманом. Характерная деталь этой „черной рады": старшина все же пытается сохранить политический контроль над крестьянством, требуя, чтобы никто из жителей южной Руси не мог сноситься с Москвой иначе, как через гетмана, но это требование решительно отклонено царским послом. Москва и южнорусское крестьянство неразрывны.

Рада возвращает Юрию Хмельницкому гетманскую булаву, но он явно негоден к этому посту. При первом же столкновении с войсками магната Любомирского, он позорно бежит, дает обещание уйти в монахи, а своим бегством с поля битвы ставит отряд Шереметева в очень тяжелое положение. Магнаты снова хозяйничают на правобережье Днепра (1660 год). Южная Русь разорвана надвое. В 1663 году Юрий Хмельницкий принимает пострижение, а старшина правобережья выбирает в гетманы агента Польши полковника Тетерю. Но на левобережье вздымается новая волна народного движения, возглавляемая протопопом Филимоновым, теперь принявшим иночество под именем Мефодия. Крестьянство требует не только единства с Московской Русью, но установления в Приднепровьи ее администрации взамен сохранившегося еще с польских времен феодального самоуправления. Не шляхту, а царских воевод хотят мужики и собирают новую крестьянскую „черную раду" в Нежине, где провозглашают гетманом Брюховецкого. Противоречия новой южнорусской шляхты и крестьянства настолько обострены, что эта рада заканчивается избиением шляхты, часть которой спасается лишь под защитой царского посла князя Великогагина.

Теперь в Приднепровье два гетмана двух ориентаций и два митрополита двух юрисдикций, так как Мефодий избран на раде и утвержден патриархом всея Руси, блюстителем митрополичьего престола, а на правой стороне владеет митрополией ставленник шляхты Иосиф Нелюбович-Тукальский, утвержденный Константинопольским патриархом.

Пользуясь этой смутой, Польша делает новую попытку вернуть себе южную Русь при содействии гетмана Тетери, но успеха не имеет. В хаосе наудачной авантюры гибнут бывшие сподвиж-

ники Хмельницкого — Выговский и Богун, расстрелянные поляками, а митрополит уведен в плен. Сам Тетеря бежит в Польшу, и на его место две враждующие между собой шляхетские группы выбирают двух гетманов — Опару и Дорошенко. В кровавом конфликте побеждает второй.

Так хозяйничает шляхта на правом берегу. На левом же происходит обратное: в 1665 году гетман Брюховецкий, под давлением снизу, просит Царя окончательно ликвидировать шляхетские привилегии и феодальный порядок управления, введя русскую административную систему — царских воевод и выбранных всенародно целовальников, а также принять южнорусскую церковь в юрисдикцию патриарха всея Руси.

В этой запутанной обстановке царь Алексей Михайлович заключает с Республикой длительное Андрусовское перемирие (но не окончательный мир), по которому предоставляет Польше правый берег Днепра, за исключением Киева, сохраняя левый, уже воспринявший народную государственность Московского царства.

Но пережитки польского республиканского феодализма еще не сдаются. Потеряв надежду на реальную помощь расслабленной вконец Республики, они ориентируются теперь на Турецкую деспотию и ее крымского и очаковского вассалов. Это сила! Ею соблазнен и Брюховецкий. В контакте с Дорошенкой и митрополитом Тукальским он нападает на русские отряды. Успеху предательского удара способствует бунт Стеньки Разина, охвативший Дон и Поволжье. К „пану Стехвану" Брюховецкий отправляет посольство с грамотами и подарками.

На помощь русским воеводам из Москвы выслан сильный отряд Ромодановского. Брюховецкий и Дорошенко прибегают к старому способу — привлечению всегда готовых к грабежу крымцев. Опираясь на них, Дорошенко аннулирует гетманство Брюховецкого и самого его убивает.

Но на левобережье снова вспыхивает крестьянское движение, во главе с пламенным сторонником Москвы нежинским протопопом Семеном Адамовичем. На гетманский пост выдвинут им Многогрешный, которого Царь утверждает.

Таким образом, в начале семидесятых годов XVII века на южной Руси снова три гетмана: Многогрешный на левом, московском, берегу, а на правом — принявший турецкое подданство Дорошенко и ставленник Польши Ханенко, захвативший при помощи Яна Собесского Немиров, Брацлав и Могилев. Митрополита же два: Лазарь Баранович от патриарха всея Руси и Иосиф Тукальский, посвященный Константинопольским патриархом.

Дорошенко удается вовлечь в южнорусские дела самое Турецкую Империю. Падишах Магомет IV ведет разом на Русь и на Польшу огромное трехсоттысячное войско. Поляки и Ханенко разбиты. Неприступный Каменец взят. Республика покупает мир дорогой ценой, уступив всю южную Русь султану с обязательством выплачивать еще ежегодно крупную дань.

Московское Царство поставлено теперь один на один против могущественнейшей в то время Оттоманской Империи. Но оно не складывает оружия. Ромодановский и новый гетман Самойлович удачно действуют против крымцев. Султан не может прокормить своего огромного войска в разоренной дотла стране и уходит, привлеченный новыми агрессивными целями, направленными против Вены, но сохранив полученное по договору с Польшей право на южную Русь и оставив там своим уже гетманом Дорошенко. Тем не менее, власть этого гетмана шатка. Весь южнорусский народ и даже часть шляхты против турок. При нажиме Ромодановского Дорошенко сдается, выговорив выгодные для себя условия: службу воеводы в Московском царстве и поместье в тысячу дворов.

Но Турция, в руках которой находится все Черномоское побережье, не намерена терять завоеванных к северу от него областей. Порта ставит нового вассала, извлекая из монастыря Юрия Хмельницкого и награждая его громозвучным титулом Гедеона-Георгия-Венжика великого князя Сарматского и гетмана Запорожского, для утверждения власти которого визирь снова ведет на южную Русь большое войско. Ромодановский со слабым московским войском вынужден отступить за Днепр, а вместе с ним в том же направлении катится новая мощная волна эмиграции поспольства в пределы Московской Руси. Этот поток столь силен, что некоторые города и уезды правобережья (по свидетельству летописца — Черкасы, Лысянка, Мошны, Богуслав, Корсунь и др.) совершенно пустеют. В Московских же пределах заселяется новый край (в будущем Екатеринославская губерния). Новые поселенцы переваливают даже через Дон под Воронежом и основывают там ряд больших слобод. Так „голосует" южнорусское крестьянство за единство Руси под скипетром Московского Самодержца.

Но звучат еще и голоса уже разложившегося, как социальная группа, магнатско-шляхетского средостения. Заговоры в гетманском дворце следуют один за другим. Они лишены уже почвы и неизменно проваливаются. Последний из них — измена Мазепы, абсолютно оторван от всех слоев населения. За Мазепой не идет никто. Полтавский бой возвещает победу не только над западноевропейским шведским интервентом, но и поражение западного феодального сепаратизма прогрессивным государственным порядком Русского самодержания.

В такой политической обстановке застает южную Русь кончина ее освободителя Алексея Михайловича. Его ближайшие сотрудники в деле построения русской народно-монархической государственности и завершения национального объединения Руси также отходят от кормила правления: низвергнут могучий Никон, в опале опытный и твердый администратор Матвеев, отстранены высококультурные Ртищев и Одоевский. У власти — боярское правительство царевны Софии и во главе его безвольный, мягко-

тельй западник князь Василий Васильевич Голицын. Средостение — преграда между царем и народом — крепнет и переходит в наступление на самодержавие, опираясь на стрелецкое войско (привилегированное по сравнению с ратниками ополчения), по существу на ту же, хотя и не вполне оформившуюся еще полушляхту. Хованщина — яркий пример попытки боярско-стрелецкого средостения утвердить свою диктатуру.

Московский мир 1676 года заканчивает Освободительную борьбу Московского царства. Этот мирный договор далек от планов, намеченных Алексеем Михайловичем, но он все-таки крупная дипломатическая победа Московского Царства, внутренне ослабленного в тот момент борьбой боярских партий. Проект создания Двуединой Монархии рухнул. Литва возвращена Польской Республике. Из числа освобожденных уже областей сохранены Смоленск, Рославль, Стародуб, Чернигов, Нежин, Переяславль, Гадяч, Полтава, Кременчуг и на правом берегу только Киев с уездом. Широкая полоса освобожденных русских земель расстилается по левому берегу Днепра от Двины до Крымской границы. Но правобережье уступлено Польшей Турции, и Московское царство того времени не в силах начать за него борьбу с мощной Империей. Разрешение этой задачи последует позже, но уже в совершенно иных формах, так как сама Русская Народная Монархия Царя Алексея Михайловича будет разгромлена и подавлена западноевропейским абсолютизмом сына его Петра . . .

14. Тогда и теперь

Спор о том, потворяются ли исторические процессы в ходе развития жизни человечества или нет, вряд ли разрешим. Но трудно оспаривать тот не раз подтвержденный опытом факт, что сходные по своему содержанию и направленности исторические периоды характеризуются сходными же симптомами и политической и социальной жизни.

Борьба за освобождение южной Руси и воссоединение ее с северной содержала в себе целый комплекс столкновений религиозных, национальных, государственных и социальных идей и понятий. Русское православие боролось не только с польским католицизмом, но и с чуждым Руси церковным сепаратизмом. Созревшее и вполне оформившееся в Москве сознание национального русского единства сталкивалось с пережитками удельного (феодального) автономизма. Всеобщее служение нации-государству, в лице его Царя — московская „служба", основа русской государственности преодолевала занесенную с Запада эгоистическую антигосударственную „волность". Система прикрепления пахотного крестьянина к земле, но не к помещику, принятая в Москве, боролась с Западным феодальным крепостничеством, отдав-

шим крестьянина полностью, как вещь в руки помещика, шляхтича, магната.

В ходе этой борьбы действовали одновременно три силы: Русское Московское Самодержавие, южнорусское крестьянство и средостение (магнаты и паны), подкрепленное внешними врагами Руси-России (Польской Республикой, Крымской деспотией, шведскими феодалами, агрессивным турецким империализмом). Две первые силы боролись в нерушимом союзе, сдавливая с двух сторон шляхетское средостение и ... раздавили его в своем стремлении к единству.

Время течет, национальные, государственные и социальные формации изменяют, в соответствии с его течением, свой вид, сохраняя в основном свою направленность ...

Попытаемся сравнить ту, уже ушедшую в историю, эпоху с современностью того же южнорусского народа, на той же территории, поскольку мы можем его видеть теперь и анализировать.

Есть ли там теперь крестьянство, угнетенное, но все же борющееся за свою свободу, за свои имущественные права, за свою землю?

Есть. Это мы можем утверждать, подкрепляя свои утверждения множеством фактов.

Имеются ли там теперь чужеродные насильники, подобные польскому панству первого периода Освободительной борьбы XVII века?

Они видимы всеми, и то, что они полностью чужеродны русской народной почве, вполне ясно. Они действуют теперь не под знаменем Республики Польской, а под флагом мировой революции. Но сущность их та же, та же направленность их к угнетению крестьянства и та же чужеродность их на русской земле.

Вызревает ли в современности группа новых насильников южнорусского крестьянства, аналогичных псевдо-национальной антинародной южнорусской шляхты XVII века?

Видим ее и в лице вполне сходных со шляхетскими своевольцами современных сепаратистов, стремящихся сесть на шею русскому пахотному мужику. Лозунг шляхетской „вольности" теперь грубо заменен вывеской демократических свобод и самоопределения на тех же демократических основах, но социальная направленность этой группы та же — захватить в свои руки украинский пирог.

Поддерживаются ли эти чужеродные, паразитарные элементы внешними враждебными Российской государственности силами?

Увы, приходится признать, что они поддерживамы ими на всем периоде борьбы, начиная от запломбированного вагона 1917 года, вплоть до попыток сторговаться с маленковским коллективом за счет крови и пота Российского народа в году текущем. Они поддержаны всеми врагами России, и разница лишь в том, что

тогда эти враги прикрывались религиозными целями, теперь же целью защиты от „исторической русской агрессии".

Остается найти еще только одну силу — Царя Северного, Православного.

Ее пока еще нет в реальной современности, и в этом трагизм освободительной борьбы всего русского крестьянства, всего русского народа.

Нет в реальности, но в идее?

Много, очень много симптоматических фактов подтверждает нам то, что не только современное „посполъство" южной Руси, но и крестьянство северной, равнин Сибири, гор Кавказа готово слиться в едином клике:

— Волим под Царя Восточного, Православного! Да будем едины вовек!

Момент этого клика и станет разрешением всех религиозных, национальных, государственных и социальных бедствий современной Руси-России. Да и не только ее одной.

Сходные симптомы характеризуют сходные же процессы.

Борис Ширяев

ГЛАВА VIII

РИМ — НАШ ВРАГ

ЗАБЫТЫЙ ДОКУМЕНТ

Мы уже писали о польском графе Шептицком, австрийском кавалерийском офицере, который согласно планам галицких поляков, венского правительства и римского папы в конце прошлого столетия вдруг „почувствовал в своих жилах русскую кровь" и решил вернуться „к своему народу". С разрешения римского папы Льва XIII он из римокатолика превратился в униата, поступил в василианской монастырь и сделался монахом-василианином, т. е. иезуитом.*)

Пробыв три года в василианском монастыре, Шептицкий сперва был назначен станиславовским епископом, а затем в 1901-м году львовским митрополитом, на посту которого он пробыл 43 года, до 1944-го года. Так как в то время большинство униатских священников Галицкой Руси были определенно русского духа, то и Шептицкий изображал из себя русского. Только со временем, когда его семинаристы, воспитанные им в противо-русском духе, позанимали места вымирающего русского поколения духовенства, он постепенно начал показывать свое истинное лицо врага русского народа, работающего в интересах Польши и Рима.

Отец его был польский помещик, польский политический деятель и член австрийского парламента. Мать его была известна своим неистовым польско-римским фанатизмом. Между прочим и тем, что она даже не переваривала униатов и называла русских галичан-униатов, среди которых Шептицкие жили в своих имениях, не иначе, как „шизматиками".

Старший брат его окончил австрийскую академию генерального штаба. В чине австрийского полковника он командовал отрядами добровольцев поляков в составе австрийской армии во время Первой мировой войны в Холмщине. Затем он был при Пилсудском польским военным министром.

---

*) По распоряжению того-же папы Льва XIII все василианские монастыри в Галицкой Руси были в 1882-м году переданы иезуитам, которые управляли ими 22 года и „реформировали" их, превратив их в иезуитские филиалы и рассадники украинского сепаратизма.

Митрополит Шептицкий пошел играть роль „русского", а затем украинского униатского митрополита потому, что у него началась неизлечимая „слоновая болезнь", от которой распухают ноги до невероятных размеров. Эти ноги можно было скрыть под длинной рясой. Принял на себя роль иерарха, „восточной Церкви", которую он решил играть в интересах Рима и Польши. Хотя он одевался совсем как русский православный митрополит с бородой и двумя панагиями, он все же не был ничем другим, как австрийско-римско-польским политическим агентом.

Перед первой мировой войной он несколько раз ездил в Россию с австрийским паспортом под чужой фамилией и под видом мирянина. Русские власти знали об этом и следили за ним, но не трогали его, дабы установить его связи с лицами, проживающими в России.

Во время первой мировой войны он дождался прихода русских войск во Львов. Третьей русской армией, занявшей Львов, командовал генерал Радко-Димитриев. В его штабе был граф Владимир Алексеевич Бобринский, член государственной Думы и один из самых деятельных членов „Галицко-Русского Общества" в Петрограде. Он был призван в армию в чине капитана запаса и прикомандирован к штабу генерала Димитриева. Когда Львов был занят передовыми отрядами третьей армии, граф Бобринский в сопровождении другого офицера отправился в Львов и оттуда привез с собою в штаб митрополита Шептицкого. Там Шептицкому было сказано приблизительно следующее:*)

„Нам прекрасно известно, кто вы такой. Мы знаем, что вы приезжали к нам в Россию с паспортом на вымышленную фамилию, раз даже под видом представителя фабрики велосипедов. Мы знаем, что ваш митрополичий титул и ваш костюм православного митрополита — это все только камуфляж, для отвода глаз. Но так как вы формально „митрополит", то мы не хотим дать нашим врагам повод обвинять нас в том, что мы, мол, преследуем униатскую Церковь. Поэтому мы вас оставим во Львове на свободе, если вы дадите честное слово, что, пока будет продолжаться война, не будете заниматься политикой".

Шептицкий дал слово и был отправлен обратно в „Святой Юр", — резиденцию униатских митрополитов во Львове. Но, не то в тот же вечер, не то на следующий день он появился в храме Ставропигийского Института в центре Львова, на Русской улице, куда он раньше никогда не показывался, и там произнес проповедь, в которой сказал: „Вам, может быть, покажется, что чужие

---

*) Передаю со слов самого графа Бобринского, с которым я был близко знаком и с которым я встретился через несколько дней после описываемого эпизода, будучи назначен старшим чиновником особых поручений при черновском губернаторе в освобожденных областях.

люди, которые к нам пришли, это ваши братья. Но имейте в виду, что это волки в овечьей шкуре". После этого Шептицкий был арестован и отправлен в центральную Россию, где он жил в частном доме, на свободе. В римокатолических а тем паче „украинских" книгах и газетах, конечно, писали, что он был сослан в Сибирь.

Затем во дворце Шептицкого был произведен обыск. Искали его архив, но ничего не нашли. Прошло несколько месяцев. В марте 1915-го года пал Перемышль, который австрийскими властями всегда рекламировался, как крепость, которую никто взять не может. Под этим впечатлением многое переменилось. Население Галичины считало, что настал конец Австрии. Польские паны и евреи начали высказывать свое „руссофильство". В это время в дом русского генерал-губернатора в Львове явился один из служащих Шептицкого и сказал: „Ну, вы взяли Перемышль, значит Австрия уже не вернется. Теперь я вам могу показать то, что вы искали и не нашли". С ним послали двух офицеров. Он их повел в погреб дворца Шептицкого и показал им стену, которая была выведена очень умело, так как совершенно не было заметно, что это новая стена. Стену разбили и за ней оказался стол, на котором было множество золотых чаш и всякой драгоценной церковной утвари. Офицеры разочаровались и сказали служащему Шептицкого, что они не того искали. „Я знаю, — ответил служитель, но разбейте еще и следующую стену". За второй стеной нашли архив Шептицкого. Среди множества интереснейших бумаг был также и документ, написанный по-немецки, который мы приводим ниже в русском переводе, в таком виде, как он был затем опубликован в русской печати.

Документ этот появился сперва в русских газетах вскоре после того, как он был найден. А затем, вторично, в газете В. Бурцева „Общее Дело" в Петрограде, 27 сентября 1917-го года. Мы перепечатываем его здесь из газеты Бурцева, не меняя текста.

А. Ю. Геровский

ЗАПИСКА ЛЬВОВСКОГО УНИАТСКОГО МИТРОПОЛИТА ГРАФА А. ШЕПТИЦКОГО

Как только победоносная Австрийская Армия вступит на территорию русской Украйны, нам предстоит решить тройную задачу: военной, правовой и церковной организации края. Решение этих задач должно отчасти предшествовать какой бы то ни было мирной конференции, не только для споспешествования деятельности нашей армии и ожидаемого восстания украинцев и для урегулирования этого восстания, но и для того, чтобы эти области во всяком случае возможно полнее отторгнуть от России и придать им характер области национальной, от России независимой, чуждой державе царей.

Для той цели следовало бы использовать все Россией подавленные (подложно искаженные) традиции Украйны, дабы настолько прочно возродить их в сознании народных масс, чтобы никакая политическая комбинация не была в силах уничтожить нашу победу.

I. Военная организация.

Эту организацию следовало бы построить на традициях запорожских казаков. Надо иметь в виду, что эти традиции живы на Украйне и имеют местно-национальный характер. Донские казаки, которые считаются специфически русским установлением, являются извращением этих казачьих традиций. Русские, донские казаки кроме имени, ничего не сохранили от украинского казачества. Тем не менее имя „казак" является в народе синонимом древне-национального героя. Наиболее выдающийся полководец нашей армии мог бы, после какой нибудь победы, быть назначенным по повелению нашего Императора „Гетманом Украины". Состоя в ранге фельцейгмейстера (полный генерал) он мог бы, при сохранении иерархических рамок нашей военной администрации, получить известную автономию, дабы при верховном руководительстве вверенными сму войсками он был в состоянии образовать кадры, в которых восставшие украинцы могли бы найти себе подходящие места.

Национальный характер должен был бы выразиться в наименованиях начальствующих должностей: (атаманы, эсаулы, сотники), кроме того, в обмундировании и, по возможности, в языке команды. Гетману следовало бы предоставить право выпускать „универсалы" (приказы и воззвания к армии и населению), назначать атаманов, эсаулов, и т. д.

В помощь ему можно было бы придать лицо, осведомленное в истории казачества, которое редактировало бы письменную часть и, так сказать, могло бы помочь ему советом. Такая военная организация легко распространилась бы на весь край, способствовала бы движению среди украинцев и регулировала бы это движение.

II. Правовая организация.

В разгаре борьбы следовало бы обратить внимание и на эту организацию, дабы наглядно и прочно доказать населению насколько, в разных отношениях, русское законодательство было к нему несправедливо и тягостно.

Помимо обявления свободы личности, веротерпимости по отношению ко всем религиям и тому подобных основ, следовало бы опубликовать австрийское гражданское уложение в переводе на украинский язык, каковой перевод должен быть объявлен под-

линным, а также по возможности и другие австрийские уложения. Комиссия из австрийских и русских (украинских) юристов могла бы подготовлять подобную краткую кодификационную работу.

Следовало бы, прежде всего, принять во внимание те стороны общественной и правовой жизни, в которых украинское население (массы) чувствуют себя наиболее угнетенными.

III. Церковная организация.

Эта организация должна бы преследовать ту же цель: возможно полнее отделить украинскую церковь от русской.

Не касаясь вероучений, области догматической, следовало бы издать ряд церковных постановлений (например: украинская церковь изъемлется из ведения петербургского синода, запрещается молиться за царя, предписывается молиться за Его Величество, соответственные (велико-русские-московские) святые вычеркиваются из календаря и т. п.).

Все декреты должны бы, однако, исходить от духовной власти, но не от гражданской и не от военной, дабы, таким образом, порвать с русской системой. Учреждение синода, в подражание петербургскому, тоже не было бы целесообразным.

Все эти декреты могли бы от имени „Митрополита Галицкого и всей Украйны" постановить все то, что было бы соответственным и согласным с основаниями восточной церкви, традициями митрополии и было бы одобрено военной администрацией.

Как митрополит, я мог бы это сделать, так как, согласно постановлениям восточного церковного права и традициям моих предшественников, я имею право, одобренное Римом, осуществлять архипастырскую власть во всех этих областях. Если мои предначертания будут одобрены — а это несомненно будет — то на Украйне создастся центральна духовная власть и церковь, как орган, представляющий собою неделимое целое. Она будет отторгнута от русской.

Известную часть епископов, уроженцев Великороссии, а также тех, которые не подчинятся этим распоряжениям, можно будет немедленно устранить, заменив их другими, исповедущими украинские и австрийские убеждения.

Рим впоследствии согласился бы с этими постановлениями и назначениями. Одобрят их и восточные патриархи, оплаченные правительством.

Сохраняя народу все то, что ему может быть дорого в обрядах и обычаях, подняв уровень духовенства, освободив его от тяжкого ярма синадо и консистории, от которых он так много терпит, и вернув духовенство от прежней его политически-полицейской деятельности на почву чисто-церковную и христианскую, можно быть уверенным во всеобщем повиновении.

Таким путем единство Украинской Церкви будет сохранено

или создано, и отторжение ее от русской будет прочно и основательно установлено. Канонические основы для такого образа действия приемлены с точки зрения католической, а с точки зрения восточно-православной — законны, логичны и не требуют объяснений.

Признание всего этого я мог бы провести в Риме, или, вернее, я уже в значительной части все подготовил. Ортодоксальность церкви этим не была бы расшатана. Она должна быть сохранена в целости; следовало бы только коренным образом очистить ее от московских влияний.

(Подписано) **Андрей Шептицкий**

М. Прокоп

УНИАТСКИЙ „ДРАНГ НАХ ОСТЕН"

В 1961 году „Наукове Товариство им. Шевченка" в Америке выпустило в свет книгу „Исторические личности Галичины XIX-XX века". В этой книге помещены воспоминания каноника (члена консистории) Галицкой митрополии, члена австрийского парламента, о. Войнаровского.

Духовная работа, как видно из воспоминаний, мало интересовала энергичного о. Войнаровского. Всю свою жизнь он отдал работе на экономическом поле. Он был уверен, что „когда рабочий, сельский пролетарий посредством приобретения земли становится хозяином, его психика совершенно меняется. Он иначе смотрит на свет и продвигается вперед не только экономически, но также морально и духовно" (стр. 56-57).

Войнаровский принимал очень активное участие в экономической и политической жизни Галичины до первой мировой войны. Наконец, сам митрополит Шептицкий обращает свое благосклонное внимание на энергичную личность о. Войнаровского. Шептицкий решил посвятить о. Войнаровского в свои заветные агрессивные замыслы. Готовясь к войне, которую должен был вести германский мир против России, Шептицкий спешил насадить на Русской земле своих сторонников, агентов папского и германского империализма.

Чтобы познакомить читателя с планом митрополита, верного слуги папской агрессии, мы в дальнейшем будем переводить соответствующие места воспоминаний о. Войнаровского.

„... Митрополит, имея в виду великие религиозные и национальные цели, решил произвести распределение земель в более широких масштабах. Как раз в это время во Франции производилась акция изъятия у всех католических институций их земельных угодий и эти институции старались всеми способами превратить в капитал свою недвижимость. Это дало в распоряжение этих институций значительные запасы наличных денег. Вес-

ною 1908 года поехал я с митрополитом в Париж, чтобы получить там заем для основания в России „Акционерного Парцелляционного Банка" под французской фирмой, так как Франция в то время была с Россией в дружественных отношениях.

Митрополит Шептицкий имел в Париже, в духовных кругах, широкие знакомства и французы оказались охотными пойти нам в этом деле навстречу. Только в одном отношении возникло разногласие между заимодателями и нами, а именно касательно высоты займа. Митрополит требовал десять миллионов французских франков, но заимодатели не хотели согласиться на такую малую сумму и требовали, чтобы мы взяли заем в сумме не менее тридцати миллионов франков. Переговоры в этом деле продолжались три дня и в конце концов мы установили заем в сумме двадцати миллионов франков. Значит, мы должны были взять вдвое больше, чем имели в виду. Митрополит договорился с заимодателями, что они дадут заем тогда, когда российское правительство утвердит устав вышеупомянутого Акционерного банка. Вернувшись домой, мы составили соответствующий статут и отдали все дело варшавскому адвокату Ротванду.

Согласно российским порядкам, этот устав должен был быть утвержден целым рядом учреждений и властей, начиная от наинизших и кончая министерством финансов и внутренних дел. Пока устав будет утвержден, пройдет много времени и придется предпринять многие мероприятия. Этот банк организовался с целью произведения парцелляции (распределения) больших поместий на украинских территориях России между нашими галицкими эмигрантами, которые до сего времени уезжали без всякого плана в Америку, Канаду и Бразилию, а также между местным населением. **В каждом парцелляционном селении мы имели в виду поселить хотя бы десять хозяев, свидомых (сознательных) галицких селян-патриотов и дать им даром землю около 50 десятин. За это они должны были распространять среди местного населения украинскую национальную свидомость (сознательность). В этих селениях должны были стоять также греко-католические (униатские) церкви для распространения католической унии, и школы для просветительных целей.** (Подчеркнуто переводчиком).

Еще до того, как устав этого Акционерного (французского) банка будет утвержден, решил митрополит приобрести от графа Тышкевича (человека преданного нам), поместье Дзедзиловичи, над рекою Березиною. За это имение, которое состояло из 14.000 десятин, уплатил митрополит гр. Тишкевичу 1.200.000 рублей. Эту сумму сложили трое братьев Шептицких, а именно митрополит Андрей, протоигумен Клементий и генерал Станислав. Наибольшую сумму дал Станислав, так как у него в это время было много наличных денег.

Ще в роцi 1908, — продолжает о. Войнаровский, — поїхав я до Дзедзилович.

Это имение состояло преимущественно из лесов; едва 4.000 десятин было свободной от лесов почвы...."

В дальнейшем о. Войнаровский описывает подробно великое богатство этого имения и возможности заработать громаднейший капитал на прекрасном лесе. Войнаровский не может воздержатся от восхищения. Он пишет:

— ...такого (леса) не встречалося мне видеть в Галичине (стр. 58).

Относительно наших намерений в связи с Парцеллационным банком, — продолжает о. Войнаровский, — никто не знал ничего, кроме двух „білорусинів", наших старых знакомых. Они были: один адвокат, а другой знаток искусства-художник.

Дело концессии этого банка продвигалось благополучно, вперед, даже министерство финансов утвердило его и наконец устав банка очутился в министерстве внутренних дел.

Но министерство внутренних дел не спешило утверждать устава и приказало подчиненным учреждениям собирать самую точную информацию относительно планов и намерений банка.

Между тем власти получили донос, в котором сообщалось, что вышеупомянутый банк организует митрополит Шептицкий с той целью, чтобы посредством распределения земли распространять в России церковную унию и украинскую национальную идею, а представитель митрополита, известный украинский националист, находится в Дзедзиловичах и подготовляет там парцелляцию этого поместья.

Пребывая в Дзедзиловичах, я сохранял с первого момента моего приезда „инкогнито". **Я выдавал себя за немецкого торговца деревом. Говорил я со служащими и работниками через переводчика** Не состоял я в переписке ни с родными, ни со знакомыми в Галичине и не получал непосредственно из края никаких писем, зная, что для российской почты не существует тайны переписки. Из этого можно сделать заключение, что меня и все дело предал один из упомянутых „білорусинів". Имею основание думать, что это сделал артист-художник (стр. 60)".

Когда авантюра митрополита Шептицкого была раскрыта, отцу Войнаровскому осталось только одно — убираться восвояси. Он так и сделал.

— Не було іншого виходу, — сообщает он, —я мусів зараз вертатися додому!

С большим огорчением агент Шептицкого сообщает:

— Между тем весь план эксплоатации леса был готов, кубическая масса материала была известная мне. Трасса*) узкоколейки произведена и вывоз дерева в Ригу и на Черное Море

---

*) **Трасса** — чертеж местности, на которой должны производиться какие-нибудь земляные работы, с указанием всех выемок и насыпей.

подготовлен. Так вот, почти два года моей очень тяжелой работы пошли впустую.

Войнаровский (как-то неловко называть „отцем" человека, который, будучи священником, не гнушался состоять агентом Рима и Габсбургов, главных врагов нашего народа) повидимому делал „пастырскую" работу по насаждению врагов православия и русского народа в России не только с благословения Рима, но и с согласия и приказа австрийского правительства. Это видно из того, что он будучи избран в 1907 году депутатом в австрийский парламент (об этом он сообщает на стр. 56), уже в следующем году исчезает из Австрии на два года. На стр. 60 Войнаровский сообщает:

„Вернувшись з Дзедзилович, я сповняв дальше обовязки парламентарного посла у Відні, а по розвязанню парламенту в березні (марте) 1910 р., уже не вернувся на парохію до Балинців, але... одержав номинацию на каноника Митрополичої Капітули і поселився у Львові".

Верный раб папской агрессии на восток, митрополит Шептицкий, вазнаградил о. Войнаровского за его антиправославную и антирусскую работу тем, что после возвращения последнего из России, назначил его своим „каноником".

Папский Рим готовится провозгласить митрополита Шептицкого святым. Шпионская деятельность митрополита Шептицкого тоже, повидимому, зачтется ему в пользу, так как у пап хорошо все то, что служит их целям, а плохо то, что не способствует или вредит папству. Этот взгляд на добро и зло у папства заимтсвовали и коммунисты.

Ленин, создавая новую этику для революционных масс, так определяет добро: „добром является все то, что способствует скорейшему приходу коммунизма". Непогрешимость коммунистических пророков — Карла Маркса, Энгельса и Ленина — тоже заимствована у безбожного папства.

ЕЩЕ О ШЕПТИЦКОМ

В 1960 году варшавским издательством „Читальник" выпущена книга Юлии Прайс — „Кривые буквы" („Кшиве литеры"). В католической украинской газете „Америка" помещена рецензия на эту книгу. Для русского читателя интересным будет познакомиться с тем местом книги, в котором описан разговор, происходивший между двумя братьями Шептицкими.

Рецензент в „Америке" на эту книгу дает следующие пояснения по поводу этой речи: „Самой интересной является глава „Братья" (388-394 стр.), в которой описана встреча генерала польских войск Станислава графа Шептицкого с родным братом митрополитом Андреем Шептицким. Кстати сказать, это тот самый

генерал, который просил о принятии его в УСС (Українські Січові Стрільці), но его не приняли, так как против него выступил „батько" радикалов д-р Кирилл Трилевский, который сказал, что „нам графов не надо!" А как мы нуждались тогда в этих „графах", лучше всего доказывают слова премьера Франции Пуанкаре, который после разговора с митрополитом Андреем в 1923 г. сказал: если б украинцы имели нескольких Шептицких в Париже, то у них была бы держава."

Вот разговор братьев: „Генерал Станислав Шептицкий с любопытством смотрел на своего достойного брата (стр. 388). Святоюрский митрополит, в черной, монашеской, длинной рясе, с патриархальной бородой казался ему еще большим великаном, чем в молодые годы. Его чернечья ряса была ветхой, опоясанной обыкновенным ремнем ... Генерал не мог понять, как могло случиться, что его брат, наследник Шептицких и внук великого польского писателя Александра Фредра, использует свой сан для поддержки украинского движения, которое направлено против Польши ..."; он же был духовным батьком **січових стрільців,** которые так много пролили польской крови, это он продал Львов украинским хлопам ..., он подстрекал Австрию отдать Холмщину украинцам ...

—... Ты поглощен полностью политикой? — спросил генерал ...

Митрополит ответил спокойно:

— Мне суждено служить самому большому делу: борьбе за соединение Церкви, за соединение Востока с истинною Церковью, Вот это и есть моя политика! (стр. 392).

— А между тем — возгласил Станислав — кидаешь колоды под ноги собственному народу ...льешь предательское масло в польско-украинские взаимоотношения ... хочешь сделаться пророком не своего племени ...

— О, дорогой мой! Племена. Народы? Какую имеет это цену? Я припомню тебе ответ, который когда-то дали наши предки литовскому князю: Мы принадлежим к старой римской шляхте. А если уже дошло до того, то я тебе скажу: Род Шептицких происходит из русской земли и только „седотти далльо сплендоре делля культура поляка" — соблазнившись блеском польской культуры, наши предки бросили восточный обряд. Нашему прадеду, который слишком настойчиво усваивал польские обычаи, в одной сатире пригадали, что Шептицким лучше подходит бандура и козацкий оселедец ...

— И это говорит наследник мужей, которые кровью доказали свой польский патриотизм? ...

— Я знаю только один патриотизм, — сказал сурово митрополит: христианский патриотизм. И в этом патриотизме развязка польско-украинских взаимоотношений ... Ты, в конце концов ... как военный, борешься за физическое существование людей, защищая их от большевицкой опасности, а я защищаю ихние ду-

ши от всего того, что скрывается в большевизме против христианства, против Бога, против людской природы.

— Но украинцы? — попробовал Станислав возразить брату.

— Украинцы — не дал ему кончить митрополит — **украинцы являются только орудием в руках Провидения, чтобы оторвать христианский Восток из клещей ереси, чтобы водворить его в лоно Апостольского Престола и включить в европейское общество.** (Подч. мною — М. Т.)

— Генерал засмеялся:

— Помню, помню, еще с молодых лет, „крылатое слово" в нашей семье, слова папы Урбана VII: „ О ми рутени, пер вос Ориентем конвертендум034 сперо" (О, мои русские, через вас надеюсь возвратить восток!), помню даже год: 1596.

— Вот, вот, — митрополит не заметил юмористической нотки в словах брата — **в наше время миссия соединения Востока с Западом является уже не только делом Церкви. В настоящее время это является делом спасения европейской цивилизации и культуры. Это задание, которое должно объединить всех людей доброй воли.**

(„Америка" — український католицький щоденник. Номер 233 за 1963 г. Филаделфия).

ПРОИЗВОДСТВО В СВЯТЫЕ

Газета „Америка" официальный ежедневник украинской униатской митрополии в Филаделфии, от 31 октября 1964 г. сообщила весьма интересную новость:

„. . . В 1955 г. по инициативе львовского епископа-помощника, преосв. Кир Ивана Бучка,[1]) архиепископа беженцев, предпринят „беатификацийный процесс" Слуги Божьего Митр. Кир. Андрея[2]). Уведомляя официально о начале процедуры причисления к лику святых, тогдашний секретарь Священной Конгрегации Восточной Церкви, кардинал Евгений Тиссеран, в своем ответном письме к архиепископу Кир Ивану, выразил свою радость по поводу того, что началась процедура о причислении к лику святых „Великого Митрополита". —

---

[1]) Архиепископ Иван Бучко это тот самый, который в 1950-м году (30 апр.) в своем интервью, данном испанской газете „Арриба", заявил следующее: — „Москали ограбили нас во всем, даже наше имя украли от нас. Москали — это смесь азиатских племен и рас, с примесью каких-нибудь 35 процентов славянского населения. Теперь, под руководством Сталина, они присвоили себе политику Джингис Хана, что, впрочем, делали тоже и другие московские деспоты. Коммунизм сделался для них (русских) средством для достижения ихней цели . . ."

[2]) beatification — производство в блаженные.

МОЛИТВА О ПРОСЛАВЛЕНИИ МИТРОПОЛИТА А. ШЕПТИЦКОГО

— Господи Иисусе Христе, Ты всегда вознаграждаешь ценнейшим сокровищем Твоей бесконечной любви Твоих верных рабов за их праведную жизнь не только вечным прославлением в Твоем небесном Царстве, но часто уже здесь на земле прославляешь их за то, что они с особой ревностью подвизались во славу Твою и для расширения и укрепления Твоего Царства между людьми. Смиренно умоляем Тебя, соизволи прославить Твоего верного слугу Андрея Шептицкого, который в продолжение всей своей праведной жизни был добрым Пастырем своего Стада и великим подвижником Церковного Единства не только в нашем украинском народе, но и среди всех народов света, чтобы все составляли одно Христово стадо при одном Пастыре. Аминь.

(Из газеты „Америка", украинский католический ежедневник от 7. XI 1964 г.)

ПАПА ЛЕВ XIII И ТОВАРИЩ СТАЛИН — КАК ТВОРЦЫ НЕЗАЛЕЖНОЙ УКРАИНЫ

Старавшихся расколоть русский народ, уничтожить единую Русь и этим ослабить ненавистную Россию, было много. Среди них были государства, как то: Польша, Австрия и Германия. Были отдельные лица, желавшие выдвинуться, сыграть видную роль, или состоявшие на службе у врагов России: Польши, Вены или Берлина. В австрийской Галичине и Буковине многие играли роль самостийных врагов России и всего русского, дабы не лишиться теплого местечка или не попасть в тюрьму. Среди них были „ученые", историки и филологи, писатели, поэты и журналисты.

Но все они вместе взятые: государства, тратившие на украинский сепаратизм громадные средства и всякие украинские самостийные организации не добились бы самостийной „незалежной Украины", если бы не было двух сил: папского Рима и сталинского большевизма.

Папский Рим построил фундамент для украинского сепаратизма, а товарищ Сталин закончил дело Рима.

Рим создал в австрийской подъяремной Руси базу для самостийного украинства. При разделе Польше в конце XVIII-го столетия Австрии досталась часть древнего Галицкого Русского княжества, захваченного в половине 14-го столетия польским королем Казимиром. В итоге более четырех столетий польского

владычества от русского населения остался только „хлоп и поп", то есть лишенный грамоты русский крсетьянин, закрепощенный польскими панами и униатский священник. Униатские священники составляли интеллигенцию Галицкой Руси.

Противорусская сепаратистская пропаганда началась в Галичине в 60-х годах прошлого столетия во львовском университете сыновьями польских помещиков, бежавших из России, из Юго-Западного края, после неудачной польской революции. Эти студенты принесли с собой сочинения Шевченка и занялись самостийной пропагандой среди студентов, русских галичан.[1]) Пропаганда эта особенного успеха не имела. Даже самостийные пропагандисты избегали слова „украинец, украинский", употребляя вместо них слова „русин, русский" и называя великороссов „москалями" а их язык „московским".

Местное русское население называло себя не иначе как русским. Даже и подавляющее большинство униатского духовенства, включая епископов и самого львовского митрополита называло себя до конца прошлого столетия только русским. Серьезные римокатолические историки этого не отрицают.

Рим конечно весьма сочувствовал самостийному сепаратизму. Но только в начале 1880-ых годов папа Лев XIII нашел способ создать в Галичине серьезный самостийнический украинский Пьемонт. План его состоял в том, чтобы сперва украинизировать униатское духовенство, являвшееся почти единственными кадрами галицко-русской интеллигенции. Как мы уже упомянули выше, духовенство это считало себя русским и оно воспитывало и свое многочисленное потомство, то есть будущую мирскую интеллигенцию, в русском духе.

Мысль эту подал папе польский иезуит кардинал Мечислав Ледоховский, уроженец русской Польши, польский дворянин, бывший познанский архиепископ (в Пруссии), которого за его завзятый польский патриотизм[2]) германское правительство выслало из Германии.

---

[1]) После 1863 г. поляки-студенты, обучавшиеся в русских высших учебных заведениях России, бежали в Австрию в город Львов и продолжали в тамошнем университете свою учебу. Сюда же они перенесли и свою бешенную ненависть ко всему русскому, и в первую очередь, к правительству и народу. Они всеми силами стремились привить ее русскому населению Галичины, вбить между ним и остальными русскими клин, посеять вражду и вызвать, если возможно, братоубийственный раздор.

[2]) Он отчаянно заступался за польский язык в школах, был арестован германскими властями и выслан из Германии, за что его папа произвел в кардиналы, в то время, как он находился в тюрьме. С 1876 года он находился постоянно при папе в Риме и был произведен в префекты пропаганды.

Воспитание новой противорусской генерации униатского духовенства было решено провести через посредство польских иезуитов. 12 мая 1882-го года папа Лев XIII опубликовал „Апостольское Послание", которым он изъял галицкие василианские монастыри из-под власти львовского митрополита и епископов и подчинил их польским иезуитам, имевшим свой центр в Кракове, подчеркивая, что в их полном распоряжении будут не только монастыри, но и все их имущество, что исключается какое либо вмешательство львовского униатского митрополита и епископов в монастырские дела, и что польские иезуиты будут отдавать отчет о своей деятельности только ему, папе. При этом папа в своем послании сказал, между прочим, следующие слова: „Мы ничего так не желаем, как того, чтобы послушники изучали самого святого Иосафата и ему подражали".[3])

Будет не лишним сказать несколько слов и о том, кто такой святой Иосафат, которому должны были, по желанию папы, подражать галицкие монахи.

Иосафат Кунцевич, архиепископ в Полоцке, работал под руководством иезуитов, приехавших из заграницы и поселившихся в Вильне. По словам французской энциклопедии Ларусс, он старался распространять унию „крайними средствами". Каковы были эти крайние средства, французская энциклопедия не указывает. Кунцевич зверски преследовал православных, например, закрывал и разрушал православные храмы, запрещал хоронить православных на их же кладбищах, приказывал вывозить православных покойников из города только через те ворота, через которые вывозился городский мусор; 2-го июня 1623 года, в день Св. Троицы, он сжег русский православный монастырь Св. Духа вместе со всей братией и паломниками, и т. д. Его поведением возмущался даже литовский канцлер поляк — (католик) князь Лев Сапега, который предупреждал Иосафата (в письме) о том, что его свирепые гонения будут иметь печальные последствия для Польши. „Вы навлекли опасность на государство . . . Вместо радости ваша уния наделала нам столько хлопот, беспокойств и раздоров, что мы желали бы лучше остаться без нее . . . Жидам и татарам позволено в областях королевства иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви!" — писал Сапега.

Но Кунцевич продолжал зверствовать и когда он в 1623 г. приехал в Витебск и там стал жесточайшим образом преследовать православное население, народ, вышедший из терпения, убил изувера.

В 1867 году папа Пий IX, объявивший себя непогрешимым,

---

[3]) Вот оригинал этих слов на латинском языке из „Апостольского Послания": "nihil optamus magis, quam ut studeant ipsum S. Iosaphatum ferme alterum parentem suun imitari".

провозгласил Иосафата, которого нельзя иначе назвать, как только врагом Божиим, изувером и убийцей, — святым.

Кардинал Мечислав Ледоховский, как мы уже сказали, состоял при папе и был произведен им в префекты Конгрегации Пропаганды.

Он очевидно руководил деятельностью польских иезуитов, касающейся галицких василианских монастырей. Он умер в 1902 г., но его заменил его племянник Владимир Ледоховский, который был избран Черным Папой,[4]) т. е. главой всех иезуитов. Ко всему этому необходимо добавить, что начиная с конца 1880 годов непосредственно в управлении василианскими монастырями участвовал польский граф Шептицкий, воспитанник краковских иезуитов, который впоследствии сделался митрополитом галицким и общепризнанным главой не только „украинской" униатской церкви, но и политическим главой галицкого украинского движения. Таким образом галицкие василианские монастыри находились все время исключительно под управлением польских иезуитов. „Черный Папа" — Владимир Ледоховский умер в 1946 году, а митрополит Шептицкий в 1945 году. Непосредственным надзирателем за Василианскими монастырями был младший брат митрополита Шептицкого, возглавлявший основанный митрополитом Шептицким студитский отдел Василианских монастырей.

За это время то есть в течение 60-ти лет два брата Ледоховских и два брата Шептицких воспитали несколько генераций нового униатского духовенства в сепаратистском и руссофобском „украинском" духе, которые в австрийских галицких гимназиях и начальных школах прививали этот дух новым поколениям. Вот такова была работа Рима, увенчавшаяся в Австрии, в Галицкой Руси, громадным успехом.

Каково же было положение „украинства" в Юго-Западном Крае во время революции после первой мировой войны? Там в народных массах не только не было никакого украинского движения, но напротив, весь народ был резко настроен против всякого украинского сепаратизма, не только политического но и культурного, и в частности языкового. Об этом совершенно недвумысленно и ярко написал бесспорный „украинский" авторитет Винниченко, который в своих Воспоминаниях (т. 2, стр. 259-261) сообщает нижеследующее:

„Хто за тих часів, а надто зараз же по виході Центральної Ради з Киэва, був серед народу, особливо ж серед салдатів, той не міг не помітити надзвичайно гострої антіпатії народних мас до Центральної Ради.

Не бажаючи ніяким способом брати участь у дальшій акції Центральної Ради, передбачаючи неминучий характер цеї акції

---

[4]) В римокатолических журналах и книгах главу иезуитов принято называть „Черным Папой".

(угода з німцями), я навмисне (нарочно) поїхав не в Житомир, а на другий кінець України, на південь. Я їхав вісім день серед салдатів, селян і робітників, зміняючи своїх сусідів на численних пересадках. Отже я мав нагоду бачити на протязі сих днів немов у розрізі народніх шарів їхній настрій.

Я рекомендував би всім правителям і Урядам час від часу проїхатись по своєму краєві в скотячих вагонах, набитих „їхнім" народом і, змішавшись з ними, послухати його. Це — корисніше ніж кілька десятків нарад з парламентськими фракціями.

Я під той час уже не вірив у особливу прихильність народу до Центральної Ради. Але я ніколи не думав, що могла бути в йому така ненависть. Особливо серед салдатів і особливо серед тих, які не могли навіть говорити по руськи, а тільки по українськи, які, значить, були не лотишами й не руськими, а своїми українцями. З якою зневагою, люттю, з яким мстливим глумом вони говорили про Центральну Раду, про Генеральних Секретарів, про їхню політику.

А що було в цьому дійсно тяжке й страшне, то це те, що вони разом висміювали й усе українське: мову, пісню, школу, газету, книжку українську.

. . . І то була не випадкова одна-друга сценка, а загальне явище від одного кінця України до другого."

Винниченко был один из лучших или даже лучший из украинских писателей, который во время революции в 1917-1919 г.г. был несменяемым генеральным секретарем Центральной Рады.

А каким же образом случилось, что в Советской России возникла украинская федеративная держава, имеющая своего представителя даже в Объединенных Нациях в Нью Йорке? В Москве прекрасно знали, что никакой украинской нации нет, и что народ там украинскому сепаратизму не сочувствует. Вот, что об том писала в свое время известная левая социалистка (коммунистка), хорошо знакомая с Лениным, который с ее мнением считался, Роза Люксембург. Она была русская еврейка, проживавшая долгие годы в Германии и хорошо знакомая как с Россией, так и с Германией. Текст, который приводим ниже, был в свое время напечатан в брошюре под заглавием „Русская Революция". Эта брошюра была переведена на разные языки. Мы приводим перевод с немецкого издания — "Die Russische Revolution":

„Украинский национализм в России это — что-то совершенно отличное от, скажем, чешского, польского или финского национализма. Это — только каприз, сумасшествие нескольких десятков мелких буржуазных интеллигентов, не имеющий никаких корней ни в экономических, политических или психологических отношениях страны. Он не имеет никаких исторических традиций, так как украинцы никогда не были нацией, не имели ни своего правительства, ни какой либо национальной культуры, за исключением реакционных, романтических поэзий Шевченка. Это то же самое, как если бы в один прекрасный день жители

Wasserkante*) пожелали бы создать новую нижнегерманскую нацию и правительство!"

Советское правительство создало украинскую державу при помощи лиц, поддавшихся галицкой папской украинской пропаганде или авантюристов, стремившихся сделать карьеру на украинской авантюре или в особенности таких, которые опасались восстановления какого либо не большевицкого порядка и по этой причине ненавидели Россию.

Окончательная заслуга создания Советской Незалежной Украины принадлежит тов. Сталину, во время царствования которого была сформирована Советская Украина.

Итак, хай живе товарищ Сталин и хай живе святейший Лев XIII.

Их портреты заслужили себе место в самом центре будущего украинского иконостаса.

---

*) Приморской полосы Германии.

ГЛАВА IX

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ НА ПРЯШЕВСКОЙ РУСИ

По обе стороны Карпатских гор издревле обитали славянские племена. Часть их упорно, несмотря на многовековую денационализацию со стороны немцев, мадьяр, поляков и чехословаков, называет себя **русскими, руснаками***).

Дабы способствовать денационализации руснаков, австрийцы и поляки около 400 лет тому назад насильно обратили их в унию с Римом, оставив им все-же восточный обряд. Однако после окончания первой мировой войны, руснаки в Чехословакии и Польше стихийно начали возвращаться в прадедовское православие.

В Галичине, которая тогда досталась Польше, это движение было почти сведено на нет униатскими ксензами, воспитанными польским графом митрополитом Шептицким в ненависти к России и Православию.

В Чехословакии тоже было не легко возвращаться в Православие, ибо чешские политики, во главе с атеистами Масариком и Бенешем, желая угодить Риму, жестоко преследовали православных. Несмотря на это, чехам не всегда удавалось мешать русским людям Закарпатья возвращаться в их прадедовскую веру.

Успешнее дело возвращения шло на восточной части Карпатской Руси. Районы около Ужгорода, Мукачева и Хуста запестрели православными храмами.

Гораздо сложнее обстояло дело на Пряшевской Руси, которая Прагой насильно, в административном порядке, была присоединена к католической Словакии.

Там до 1923 года не удавалось создать опорного пункта. Но, вот, с помощью Божией, под самое Благовещение 1923 года из

*) Только мужчины в Карп. Руси называют себя руснаками; но женщина всегда называет себя русской. Народ называет себя всегда русским народом. Язык называется тоже только русским. Говорят: я говорю по-русски.

Югославии прибывает в небольшое село Владимирово, (Ладомирово), в 60 километрах от Пряшева, знаменитый русский миссионер и борец с католицизмом архимандрит Виталий (Максименко), славный по своей миссионерской деятельности в Почаевской лавре на Волыни в предвоенное время.

Поселился отец Виталий в бедной крестьянской хате, крытой соломой, с земляным полом, и начал там же совершать службы Божии. Уже в первый год своего пребывания ему удалось возвратить в Православие 6 ближайших сел.

В 1924 году Виталий в наемном помещении в ближайшем городке Свиднике открывает церковную типографию под покровительством русского сенатора Лажо. А во Владимирове, при помощи американских карпатороссов, начинается постройкой большой каменный храм в честь архистратига Божия Михаила, а при нем дом для миссионерской братии.

Сотрудниками архимандрита Виталия в то время были случайные люди, часто менявшиеся из за крайне тяжелой жизненной обстановки. Все работали безвозмездно с раннего утра до поздней ночи, а питаться приходилось почти исключительно картошкой да капустой с грубым черным хлебом. Все же о. Виталий сумел из них приготовить к священству несколько человек, как например, отцы А. Цуглевич, А. Володуцкий, В. Соловьев, А. Омельянович и другие. К 1928 году в Православие на Пряшевщине вернулось уже более десяти сел, куда и были направлены вышеупомянутые священники.

Во Владимирове к этому времени был уже почти окончен храм и небольшой дом, куда и была перенесена из Свидника типография. Миссионерской братии тогда было всего 4-5 человек. В июне 1928 года на помощь архимандриту Виталию с благословения митрополита Антония прибыл из Югославии иеромонах Серафим (Иванов), окончивший в Белграде богословский факультет. Присмотревшись к нему, о. Виталий поручил ему собирать монашескую братию. По приглашению о. Серафима осенью того же года из Югославии прибыли два валаамских старца Хризанф и Филимон, которые помогли создать в Миссии монастырский строй.

К 1931 году число братии Миссии возросло до 20 человек. Из Югославии прибыл иеромонах Савва Струве, сын известного академика П. Б. Струве. Несколько ценных сотрудников прибыло из Франции и из других стран Европы. Из Польши тайком был получен большой образ преп. Иова Почаевского с частицей его св. мощей и часть шрифта. Это дало основание наименовать типографию Миссии „Восстановленной типографией преп. Иова Почаевского". Типография заработала полным ходом. Еще в 1925 году вышел первый настольный церковный календарь с типиконом, издающийся и поныне и ставший настольной книгой каждого священника в Зарубежьи.

С 1928 года начала выходить двухнедельная миссионерская

газета „Православная Карпатская Русь", переименованная в 1935 году в „Православную Русь". Эта газета вскоре стала главным рупором Русской Зарубежной Церкви. Во время второй мировой войны немцы ее временно закрыли. Пришлось преобразовать ее в журнал, в каком виде „Православная Русь" издается в настоящее время в Троицком монастыре в Джорданвилле в США, дожив до 38 года издания.

В мае 1934 года, в Белграде, архимандрит Виталий был хиротонизирован во епископы митрополитом Антонием и получил назначение в США. Начальником Миссии и монастыря им был назначен, возведенный еще в 1931 году в игумены, о. Серафим. Через год митрополит Антоний на Покров 1935 года возвел о. Серафима в архимандриты.

Православие на Пряшевской Руси тем временем ширилось и росло. Тогда уже 22 села стали православными. Кроме того были организованы православные приходы в городах Пряшеве, Кошицах и Межилаборцах. При Миссии были организованы пастырские курсы, которые и готовили духовенство для новых приходов. Монастырская братия росла с каждым годом и к началу второй мировой войны насчитывала уже около 40 человек.

В типографии было напечатано множество книг. Назовем главные: Напрестольное Евангелие, которым до сих пор пользуется большинство храмов Зарубежья. Псалтырь, Требник Служебники, Великий Сборник в трех частях, Правильник, Евангелие от Иоанна в 100.000 экз. для отправки в занятые немцами области и множество других книг и брошюр миссионерского характера.

В 1944 году, ввиду приближения фронта, Братству преп. Иова пришлось эвакуироваться. Книжное богатство было вывезено до ближайшей станции на 44 подводах, любезно предоставленных жителями Владимирова. К сожалению, почти все оно погибло в Германии во время бомбардировок. Уцелело только около 1000 килограмм преимущественно Евангелий и Требников, заблаговременно отосланных в Женеву. Братство сначала переехало в Братиславу, потом в Германию, а по окончании войны часть братии смогла пробраться в Швейцарию, а другая часть не получившая виз, основала обитель преп. Иова около Мюнхена. Эта обитель существует и в настоящее время, возглавляемая епископом Нафанаилом, членом братства во Владимирове.

Главное ядро, находившееся в Женеве и Швейцарии, во главе со своим долголетним настоятелем, хиротонисанным там же в марте 1946 года во епископы преосвященным Серафимом, переехала в ноябре того же года в США и слилась с братией Троицкого монастыря в Джорданвиле.

Обитель во Владимирове сильно пострадала от войны. Большой типографский корпус, трапезная и гостиница были совершенно разрушены ядрами советской армии. Чудом уцелел только храм, хотя он и был самой крупной мишенью, на колокольне которого находился наблюдательный пункт немцев. В него по-

пала только небольшая советская граната, хотя кругом храма оказалось больше десятка воронок от снарядов. В настоящее время этот храм стал приходской церковью. Духовно-культурная деятельность братства преп. Иова во Владимирове на Карпатах была несомненно столь значительна, что заслуживает быть отмеченной.

Архиеп. Серафим

А. Геровский

РИМ И ГОЛОД В КАРПАТСКОЙ РУСИ

На карпатской верховине наш народ все время жил впроголодь. В этом лишний раз убедилась делегация Карпато-русского Союза, побывавшая в 1938-м году в Карпатской Руси. Но в конце двадцатых годов там выдался настоящий голод, вследствие жестокого неурожая.

Нужна была помощь, но чешское правительство не предприняло ничего путного для того, чтобы облегчить хотя бы частично положение голодающих верховинцев.*) Одним из самых простых и очевидных способов помощи, который предлагался с русской стороны, было разрешение беспошлинного ввоза для голодающих пшеницы и куркузы из Румынии, где цены на хлеб были вдвое дешевле чехословацких. Но чешское правительство на это не шло.

Ввиду этого у меня явилась мысль попросить помощи у сербов, а именно у сербской православной Церкви, у которой были большие земельные угодья в особенности в Бачке и в Бараньe. Мне было известно, что в одном церковном имении в Бараньe были большие запасы пшеницы и я был убежден в том, что сербская Церковь нам не откажет в своей помощи. Для меня было ясно, что даже посылка нескольких вагонов пшеницы из Сербии пристыдит чехов, после чего и они будут принуждены прийти на помощь нашим голодающим руснакам.

Сербский патриарх и все члены синода сразу же согласились взяться за дело. Но ввиду явно недоброжелательного отношения чешского правительства к православной Церкви, синод уведомил югославского министра иностранных дел о своем намерении послать несколько вагонов пшеницы голодающим крестьянам в Карпатскую Русь. Министерство нашло этот план неудобным, полагая, что чешское правительство сочтет сербскую помощь карпаторос-

*) Одно женское общество в Праге впоследствии хвасталось в пражских газетах тем, что оно послало в Карпатскую Русь нескольких своих членов, которые учили русских крестьянок как делать „вкусные чешские кнедлики".

сам, даже голодающим, „вмешательством во внутрение дела Чехословакии".

Ввиду этого я придумал другой план, который, как мне казалось, заставит как югославянское правительство так и чехов прийти на помощь нашему народу. Я был уверен в том, что мадьяры с величайшим удовольствием помогут нам в этом деле и что в итоге и сербы и чехи не останутся позади. В венгерском министерстве иностранных дел у меня был знакомый, с которым я встретился когда-то в Женеве во время одной из генеральных сессий Лиги Наций, которые там происходили ежегодно осенью в сентябре. Это был граф Чаки, который тогда прибыл в Женеву в составе венгерской делегации для связи с представителями международной печати. Я встретил его в одном ресторане, в котором собирались иностранные журналисты. Во время генеральных сессий Лиги Наций в Женеве всегда заседал также и съезд Конгресса Меньшинств, членом которого я состоял и на котором я присутствовал.

Я изложил мой план сербским епископам и с их согласия поехал в Будапешт к графу Чаки. Рассказав ему подробно о голоде в Карпатской Руси, я заметил ему, что настал момент, когда мадьяры могут на деле доказать свои симпатии к русским, очутившимся под чешским игом, посылкой нескольких вагонов хлеба голодающим в Карпатской Руси. При этом я сказал ему, что дабы не дать чехам возможности не допустить этой помощи, есть только один способ, а именно, чтобы хлеб посылала мадьярская протестантская кальвинская Церковь, которая в прошлом боролась в течение более ста лет совместно с русскими против Габсбургов и габсбургской контр-реформации за свободу веры. Я сказал ему, что в Карпатской Руси простой народ все еще помнит эту борьбу. Напомнил я ему также и о том, что во время первой мировой войны наш народ в Карпатской Руси, благодаря мадьярским кальвинистам, не пережил тех ужасов, которым русское население в соседней Галичине подверглось со стороны поляков и их „украинских" наймитов и что в виду всго этого желание мадьярской кальвинской Церкви помощь нашему народу покажется совершенно естественным. Граф Чаки очень заинтересовался тем, что я ему говорил и было видно, что он мне сочувствует. Но он сам конечно не мог решить этот вопрос. Он попросил меня подождать немного и вышел из комнаты, очевидно для того, чтобы узнать мнение своего начальства.**)

Ждать мне пришлось довольно долго. Решить этот вопрос было мадьярам не легко ввиду того, что тут был замешан старый антагонизм, все еще тлеющий в Венгрии между кальвинизмом и римским католицизмом. Когда наконец граф Чаки вернулся,

---

**) Граф Чаки был впоследствии, во время второй мировой войны, министром иностранных дел.

он мне сказал, что принципиально министерство иностранных дел согласно помочь нам, но что мне необходимо повидать еще монсиньора Цисарика. На мой вопрос, где я могу его видеть и кто он такой, граф Чаки сказал, что у Цисарика тут же в министерстве иностранных дел имеется своя канцелярия и что он униатский священник, уроженец Прашевщины, состоявший до первой мировой войны при австро-венгерском посольстве в Ватикане. Граф Чаки повел меня к нему и, познакомивши нас, удалился.

Монсиньор начал разговор с того, что спросил меня, откуда я. Когда я сказал ему, что я внук Добрянского, он как то сразу как будто растаял и начал вспоминать свою молодость: — „И я ведь тоже оттуда. Мой отец был священником в русском селе. Я там вырос. Я никогда не забуду, что меня выкормили русские крестьяне, прихожане моего отца" . . . Затем оказалось, что он одно время был законоучителем в учебном заведении в Кошицах, в котором училась моя двоюродная сестра Вера. Он ее хорошо помнил. Так мы некоторое время разговаривали о былом и мне показалось, что у монсиньора Цисарика не совсем еще угасла любовь к своему народу и к своей родине. Разговаривали мы с ним на немецком языке, ибо как он мне объяснил, он прожил большую часть своей жизни в Вене и в Риме, а затем после войны в Будапеште, и ему уже несколько десятков лет не приходилось говорить по-русски. Каковы у него в действительности были чувства в отношении русского народа, которому он — как он мне повторил „был благодарен за то, что он его выкормил" — я не знаю. Но, во всяком случае, он говорил со мной совершенно откровенно, что меня чрезвычайно удивило.

Когда мы перешли к делу и после того, как я изложил ему мой план, который ему уже очевидно сообщили, он сказал мне, что „они" готовы помочь голодающим в Карпатской Руси и что для этого дела самым подходящим лицом является епископ Папп, бывший ужгородский униатский епископ, занимавший в то время кафедру униатского епископа в Венгрии в г. Гайду-Дорог. Он де хорошо знает Карпатскую Русь и его „все знают в Карпатской Руси".

Я старался объяснить монсиньору, почему это невозможно, почему епископ Папп в этом деле нам помочь не может. Я указал ему на то, что Ватикан убрал епископа Паппа из Ужгорода и перевел его в Венгрию после войны по настоянию чешского правительства. Хотя Папп был по своему происхождению русский, но он был „мадьярон", то есть превратившийся в мадьяра. Он был помехой для чешских планов и пришел в столкновение с чешскими властями из-за церковных школ, которые он хотел оградить от чешского влияния, ссылаясь на международный договор, гарантировавший Карпатской Руси „самую широкую автономию". Папп хотел использовать церковные школы для своих мадьярских целей, а чехи для чехизации и украинизации. Первая и самая серьезная стычка произошла из-за церковной учительской семи-

нарии в Ужгороде, которую возглавлявший ее униатский монсиньор Волошин решил использовать, согласно чешским планам, для украинизации Карпатской Руси. Победу одержало чешское правительство, так как его противорусские планы представляли для Ватикана гораздо больше интереса нежели патриотические мадьяронские планы епископа Паппа. Все это было, конечно хорошо известно монсиньору Цисарику. Но я ставил точки на i, дабы доказать ему всю несуразность его плана, по которому акцию помощи голодающим в Карпатской Руси должен был возглавить епископ Папп. Я сказал монсиньору, что чешское правительство не допустит в Карпатскую Русь никакой пшеницы, которую отправит туда епископ Папп и что против такого поступка чешского правительства никто протестовать не будет, то есть ни одно иностранное правительство и ни одна заграничная церковная организация и, в особенности, Рим. Но чешское правительство не посмеет не допустить в Карпатскую Русь хлеб, который будет послан кальвинской Церковью, так как оно будет опасаться протестов со стороны протестантов Англии и Америки и наверное также и православных Церквей, в том числе и сербской. Подчеркнул я также и то, что мадьярская кальвинская Церковь, предлагая свою помощь, должна бы припомнить, как в течение более ста лет мадьяры-кальвины боролись рука об руку с православными Карпатороссами против Габсбургов. Я припомнил монсиньору и то, что конечно ему было хорошо известно, как мадьярское правительство, во главе с адмиралом Хорти, было и в это время против возвращения Габсбургов в Венгрию и что оно даже арестовало бывшего австро-венгерского императора-короля Карла, когда он после первой мировой войны посмел вступить на венгерскую территорию. Указал я ему также и на то, что во время первой мировой войны карпатороссов, подозреваемых в русофильстве не вешали и не расстреливали без суда и не ссылали в концентрационные лагеря как в Австрии, но отправляли в мадьярские кальвинские деревни, где они заменяли мобилизованных отцов и сыновей, помогая их семьям, оставшимся без рабочей силы при полевых работах. Я рассказал ему, как эти карпаторусские крестьяне, сосланные в мадьярские кальвинские деревни помнят, что с ними там обращались как с членами семьи и как им говорили: „Мы знаем, что вы хорошие люди. Наши предки воевали совместно с вашими предками за нашу свободу”.

Выслушав меня, монсиньор Цисарик ответил мне:

— Мы хотим и мы можем помочь вам, но только через епископа Паппа . . .

А когда я еще лишний раз повторил ему, что чешское правительство ни в коем случае не позволит Паппу прислать пшеницу в Карпатскую Русь, но что оно не посмеет отказать в этом протестантской церкви, монсиньор заявил мне, что римская церковь не может допустить того, чтобы пшеница была послана от имени

кальвинов, ибо это было бы против интересов римокатолической церкви.

На это я без обиняков возразил ему:

— Значит, будучи венгерским гражданином и заседая в венгерском министерстве иностранных дел, вы работаете против интересов Венгрии, ставя интересы Ватикана выше венгерских?

„Совершенно верно, — ответил монсиньор. Но, милое дитя мое, вы забываете, что государства исчезают, а церковь вечна." Я помню точно его слова сказанные по-немецки:

Ganz richtig. Aber, liebes Kind, Sie vergessen: Staaten vergehen aber die Kirche ist ewig".

Ставленник Рима в венгерском министерстве иностранных дел настоял на своем. Несколько вагонов пшеницы были отправлены в Карпатскую Русь от имени епископа Паппа. Чехи их задержали на границе.

Так все дело провалилось. Русские горцы на Карпатах продолжали голодать. Но интересы Рима были соблюдены. Ни протестанты, ни православные не смогли оказаться благодетелями голодающего русского народа в Карпатской Руси.

ТРАГЕДИЯ МОЛОДЕЖИ ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ

„Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Судьба Закарпатской Руси очень печальна. Во времена св. Владимира этот край входил в состав Киевской Руси, от которой вскоре после смерти Владимира был отторгнут мадьярами. Закарпатская территория, заселенная русскими, сокращалась с каждым столетием; а этих столетий, прожитых без культурно-политических связей с остальным русским народом, было много. Правда, при Льве I-ом некоторое время закарпаторусские земли принадлежали к Галицко-Волынскому княжеству...

Когда-то были и свои князья, были и восстания за „русскую веру", за освобождение от панщины и жестоких панов, но все это прошло очень давно...

В девятнадцатом столетии казалось, что спасти закарпаторусский народ от национальной смерти невозможно. Те, кто хотел жить культурно-национальной жизнью, уезжали в Россию. Много образованных людей Закарпатской Руси устроились в России. Не мало из них работало профессорами русских университетов, преподавателями гимназий, учеными... Были среди них и наставники великих князей, писатели, историки и т. п.

Надежда на свободу блеснула для угро-русского народа (так

называли закарпато-русский народ до первой мировой войны) после подавления русскими войсками мадьярской революции в 1848 году. Российские войска проходили через Закарпатскую Русь. Не нужно забывать того обстоятельства, что к этому времени (после слишком 700 летней жизни в чужом мире) национальное самосознание народа Закарпатья было уже довольно затемнено.

Вот как описывает появление русских войск в селах и городах Закарпатья местный писатель Уриил Метеор (И. А. Сильвай) в своей „Автобиографии": „В самый день Успения, к вечеру, наш семейный кружок сидел возле церкви на холме, откуда удобно было присматриваться на возвращавшихся из Мукачева богомольцев, шествовавших по дороге, которую отделяло от нас небольшое пространство и река Латорица. Солнце клонилось к заходу, как вдруг сестра Сусанна криком обратила наше внимание на блестевшие предметы, которые явились на пути ниже села Драчин. То были всадники в шлемах, на которых ярко отражались лучи солнца; они ехали тихим шагом на белых лошадях. Немного спустя, за ними следовали иные четыре подобных всадника и, наконец, целый полк конницы, весь на одинаковых белых лошадях. Вот это была часть Русского войска, которую нам удалось увидеть первый раз. Позже мы видели пехоту, уланов, казаков и всякого рода воинство.

„Признаюсь, что я их воображал не в таком виде. В мою бытность в Унгваре.*) я слышал как изображали их дикими ордами, с видом очень безобразным, похожим более на зверей, чем на людей; по натуре своей суровыми, необузданными, кровожадными и беспощадными, которые куда бы ни явились, производят зверские насилия и ужасы, оставляют по следам своим опустошения, подобно саранче, которых иначе и представить нельзя, как с ужасным канчуком в руках.**)

„Как они теперь проходили перед нами ровным, чинным, тихим ходом, только по отдаленности мы могли отметить их черты лица, они показались нам такими, как и у наших доморoдных людей, только они на своих дородных лошадьях и с блестящими своими шлемами и сами казались более дородными и выше обыкновенного человеческого роста.

„Овладевший нами прежний страх, в ближайшие дни еще более миновал, и, наконец, мы успокоились совсем. Возвратившиеся из Мукачевского богомолья селяне донесли, что город полон Русским воинством, пехотою и конницей, прибывшими из Дебрецина. Это воинство ведет себя мирно, не делает гражданам никакого насилия, даже дружится с ними. В таких уверениях мы

---

*) Ungvar — так называется по-мадьярски Ужгород.

**) Мадьяры всегда, вплоть до второй мировой войны в таком виде представляли нашему народу русских из России.

как-то сомневались, принимали оные с недоверием, а то уже перед нами показалося преувеличенным и вполне невероятным делом, когда иные стали утверждать, что они слышали московскую речь, даже сами разговаривали с москалями, и могли легко понимать друг друга . . .

„Передвижение держало три недели, до самого дня Рождества Богородицы. За все это время наши селяне постоянно исполняли перевозку багажа, а осмелевшие дети приносили в лагерь яблоки, сливы, орехи и пр., которых того года было великое обилие. Все они твердили одно, что они свободно разговаривают с Москалями и без затруднения понимают их язык. Иные говорили, что видели их креститься и слышали молиться, и не могли прийти в себя от удивления, что они совсем таким образом крестилися и теми же словами молилися, как здешние домородные люди. Выходило, что **они одного с нами языка и одной веры . . .** Воины охотно пускались в разговор с моим отцом и как узнали, что он священник — относились к нему с почтением и называли его **батюшкою.** Приятно было нам видеть, что воины ласкали наших сельских мальчишек, а мужикам, бывшим с обозами подавали мясо в своих манерках и наделяли сухарями . . . Мне особенно понравилось пение воинов, которым они облегчали себе трудный путь. Желая научиться песенке, иной раз я сопровождал их до известной отдаленности, а потом возвращался домой, переходя вброд или на челне реку Латорицу. Таким образом я научился от них много песен" (стр. 41-44).

Итак, вопреки мадьярской примитивной, грубой, лживой пропаганде, которая столетия уверяла наш народ, что в России живут дикие, жестокие "Muszko" — москали, народ воочию убедился, что мы **„одного с ними языка и одной веры".**

О встрече нашего народа с русскими воинами я расписался так подробно потому, ибо это обстоятельство сыграло очень важную роль в дальнейшей национальной жизни маленького, никому неизвестного угрорусского народа. Уриил Метеор, в упомянутой уже „Автобиографии" такими словами описывает происшедшую от этого перемену в школьной и культурно-национальной жизни народа: „В течение 1849-50 школьного года, когда я поступил в третий гимназиальный класс, как во всей стране, так и Унгваре заведено новое управление, в городе было на постое кесарское австрийское воинство, а в школе особенный вес полагался на русский литературный язык, которому должны были учиться не только русские по происхождению и по вере греко-католики, но даже и иноверцы. То время совпадает с пробуждением племенного самосознания на наших Карпатах; оно начало проявляться изданием первых весенних литературных цветков, как-то: русского календаря, песенной книжки, изданной Николаем Нодем и альманахом, изданным Александром Духновичем . . ." (стр. 45). В политической жизни, во главе которой стоял Адольф Иванович Добрянский, были достигнуты тоже большие успехи. Но, не про-

шло много времени, как мадьяры уничтожили все культурно политические завоевания. Опять наступил туман, безвыходность, отчаяние... Но о российской силе и могуществе народ Закарпатья не мог уже больше забыть.

Взоры народа были направлены на восток, в русское государство, откуда ожидали себе национальной, религиозной и политической свободы. Но Россия, будучи сама духовно искалеченною, не спешила с освобождением западно-русских земель.

Только отдельные личности, как, например, митрополит Антоний, болели душою за угнетенный галицкий и угро-русский народ и делали все возможное, чтобы эти древне-русские области включить опять в русское государство. Митрополит Антоний был в свое время назначен Иоакимом, третьим вселенским патриархом, — экзархом Галиции и Карпатской Руси. В очень ценной книге епископа Никона „Жизнеописание блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого", много страниц посвящено описанию заботы митр. Антония о церковных делах Галичины, Буковины и Угорской Руси. Никто из карпатороссов никогда не сможет забыть митрополита Антония после прочтения этих трогательных любвеобильных слов.

Многие из наших людей были в России во время первой мировой войны в качестве военнопленных. Вернувшись домой, они своими рассказами о российских просторах, богатствах и культуре опять воспламеняли души слушателей желанием жить вместе с народом одного с нами языка, веры и обычаев. Несчастнейшая в истории человечества Российская революция помешала осуществлению этой святой идеи.

С появлением на Закарпатье — которое после войны очутилось в пределах Чехословакии — русской эмиграции, народ опять встретился лицом к лицу с представителями русского государства, культуры и веры. Сотни городских и сельских библиотек наполнялись книгами русских классиков и эмигрантских писателей. Подкарпатская Русь — так официально называлось Закарпатье в чешское время — читала русскую прессу из Парижа, Праги, Берлина, Риги и др. городов Европы. Даже из Дальнего Востока и Америки многие закарпатцы выписывали книги и прессу. К нам ездили читать лекции профессора Пражского Русского университета, писатели, ученые. В наших городах выступал хор донских козаков Жарова, русский театр и т. п.

Наш народ жил в Чехословакии, а мечтал о России. Молодые люди, особенно студенты, носили на обороте пиджака русские трехцветные флажки с надписью: „От Попрада до Владивостока".

После сравнительной свободы, какою русский народ Закарпатья пользовался в Чехословакии, весною 1939 года он опять очутился под мадьярскою пятою. В начале мадяры производили впечатление благоразумия. Началось с того, что название нашего края употребляли правильное: Karpat Oroszorszag (Карпатская

Россия — Русь), а народ наш называли или просто orosz (русский), или magyar orosz (угрорус). В мадьярском языке, как и во всех западно-европейских языках слово „Русь" переводится словом „Россия". По-немецки наш край называется Karpathen Russland, по испански Russia Carpatica и т. д. Для русских школ мадьяры утвердили учебники, написанные на довольно приличном литературном русском языке. Но не прошло несколько месяцев, как правительство Хорти, скинув маску доброжелательства, начало самую наглую и бескомпромисную мадьяризацию. Русский литературный язык опять, как и во время чехов, был изгнан из русских школ. Это мероприятие проводилось мадьярским правительством русскими руками, мадьярофилами, которые были уверены, что наш народ опять на столетия обречен жить под короною св. Стефана, а раз так, то какой смысл имело бороться за русский литературный язык. Власти желали ликвидировать в самый короткий срок не только русский литературный язык, но и весь русский народ, живущий на южных склонах Карпатских гор, превратив его в мадьярский. И при том они совершенно чистосердечно удивлялись тому сопротивлению, какое оказывал их планам русский народ. Им казалось непонятным, как это можно не принимать более высокую, благородную, и главное, панскую культуру. Разрушались памятники русским культурным деятелям (Пушкину, Добрянскому, Митраку); сжигались или увозились на бумажные фабрики русские городские, сельские и общественные библиотеки; уничтожили русскую кооперацию, захватив имущество, дома и продукты из магазинов в свои руки. Русские школы постепенно стали мадьяризовать русскую молодежь... Одним словом, видно было по всему, что мадьяры решили во что бы то ни стало омадьярить наш край в самый короткий срок.

Русская молодежь протестовала, бунтовалась. Мадьярские жандармы и полиция брали учеников гимназии с уроков и избивали их.

В конце 1939 года была разделена Польша между Германией и СССР. Русские земли Польши отошли к Советскому союзу. По Закарпатью прошло брожение. Особенно молодежь начала вести себя по отношению к мадьярским властям вызывающе. Все были уверены, что Польским разделом дело не кончится, что в скором времени Россия освободит и наш народ от векового мадьярского ига. Слова „Советский Союз" у нас никто не употреблял, для нас СССР был Россией.

Теперь все еще более смело начали вести себя, а если кому угрожало преследование, арест, тот убегал в Россию. Так постепенно, незаметно началось бегство нашего населения в СССР. Бежала не одна молодежь, бежали те, кого призывали в мадьярскую

армию, бежали из мадьярской армии русские люди. Бежали поэты и писатели (В. Добош, Иванчо, Патрус и др.), захватив с собою сочинения в рукописях, бежали учителя, чиновники, бежали семьями и в одиночку. Напрасно мадьярские жандармы, пограничники и солдаты стерегли границу — ничего не помогало. Одни оставляли родное Закарпатье тихо, незаметно, не обращая на себя ничьего внимания, другие — раньше, чем бежать, давали о себе знать антимадьярскими актами.

В одном селе жил молодой учитель Иван Васильевич М. Он был очень горяч, энергичен и нетерпелив. Он был одним из тех немногих, кто знал, что СССР не Россия, что русской землей правит кучка интернациональных бандитов, которые совершенно равнодушны к горю русского народа, которые горят только одной идеей — захватить господство над миром. Русский народ и его страна, говорил часто он, для этих извергов служит только средством для их преступной цели. Он это знал и все-таки решился бежать в СССР. Он верил, что в Советском Союзе назревают события, свидетелем и участником которых он хотел быть лично. С ним вместе бежало человек двадцать. Накануне бегства, они порвали телеграфные провода, соединявшие это затерянное в русских Карпатах сельцо с местечком, где были жандармы; сыграли написанную самим Иваном Васильевичем антимадьярскую пьеску; порвали и сожгли на глазах всего села мадьярский флаг. Наконец Иван Васильевич произнес народу короткую речь, в которой уверял всех, что он не замедлит вернуться в родные Карпаты с русской армией и освободит бесправный русский народ от гордых, бессердечных и жестоких мадьярских панов. И только тогда, вооружившись кто чем мог, они двинулись на север, в леса, которые оканчивались на галицкой стороне.

Для чего бежала молодежь Закарпатья в СССР? Об этом красноречиво говорит песенка:

Ой пошов он у Россию
Сталину служити,
Ще бы му ся повернути —
Будапешт розбити.

Бежали для того, чтобы вместе с „российской армией" вернуться и прогнать из нашей земли мадьярских панов. Ученики начальных школ и неокончившие школу гимназисты бежали, чтобы в России, о которой они столько хорошего наслушались от старших, продолжать учение, выйти в люди. Бежали... не бежать было очень трудно, ибо мадьяры с местными мадьярофилами (у нас их называли мадьяронами) создали такую тяжелую, невыносимую атмосферу, в которой все живое честное, патриотическое задыхалось. Но все таки кабы знали, куда бегут, то конечно, остались бы дома, пошли бы добровольно в мадьярскую тюрьму, только чтобы не пережить то, от чего потом тысячи

из них погибли. Но кто мог знать это? Кто мог тогда поверить, что СССР не Россия, что там их ждет смерть, голодная смерть . . .

Бежало около тридцати тысяч человек (такую цифру называют советские писатели). Никто дома о судьбе бежавших не знал ничего достоверного, писем не получали совершенно. Перешедший границу, как в воду канул. Мадьяры говорили о страшной судьбе бежавших. Наши только улыбались в ответ на мадьярские мрачные пророчества. Разве бывает такое в мире, чтобы свои со своими обращались жестоко? Ведь это брат бежал к брату. Ведь наши люди и раньше, до первой мировой войны бежали в Россию, за переход границы там никто не сажал их в тюрьмы и концентрационные лагеря. Были и такие среди молодежи, которые успели уже побывать и в Германии Гитлера, врага славян, и тот ничего не делал им. Там работали и возвращались домой хорошо одетыми, обутыми и с деньгами. Ну, кто мог быть таким дураком, чтобы верить, что в народно-социалистической Германии лучше принимают наших людей, чем в своей России? Это казалось невероятным, а на самом деле действительность, страшная советская апокалиптическая действительность оказалась более бесчеловечной и бесцельно жестокой, чем ее могла изобразить любая пылкая фантазия мадьярского жандарма.

Тем страшнее оказалась для них советская действительность, что они надеялись на братский, радушный прием, а их встретили пограничники со звериным оскалом. Были, правда, случаи, когда доброго сердца пограничник возвращал людей обратно за Карпаты. Так было с одним мальчиком 13 лет. Когда он перешел границу и встретил советского пограничника, очень обрадовался, но лицо пограничника, насколько заметил мальчик, нисколько не выражало радости. Суровое лицо солдата отражало недовольство и заботу. На радостное восклицание мальчика: Здравствуйте, я пришел к вам", — пограничник спросил: „Ты зачем сюда явился? У тебя есть родители, отец, мать?" — „Есть" — смущенно ответил мальчик. — „Так возвращайся домой, мальчик, тебе тут хорошо не будет. Понял? Поскорее беги обратно". Мальчик вернулся, но через месяц опять повторил свой необдуманный поступок, и тогда уже не вернули его, а отправили на четыре года в концентрационный лагерь, где он и сложил свои детские кости.

Всех, перешедших границу, собирали в лагеря, отделяли жен от мужей, детей от родителей, не давали питания по 3-4 дня, допрашивали по десять раз, всегда глубокой ночью, когда человеческая воля слабеет. Допросы продолжались по 3-4 часа. Всех обвиняли в шпионаже. Честных молодых детей называли „гадами".

„А сколько тебе, гад, дали мадьярские паны за шпионаж? Признавайся, собака; не то, мы с тобою иначе заговорим!" — кричал озверелый энкаведист мальчику лет двенадцати, который никогда не слышал от своих родителей даже грубого слова. Бед-

ные родители, они ни за что не поверили бы, что с их любимцем так жестоко обращаются „свои люди" . . .

— „Я бежал к вам учиться, я не хотел ходить в мадьярскую школу" — говорит перепуганный мальчик. — „Ты брось притворяться, чем раньше признаешься, тем лучше будет для тебя". — Потом судили. Всех приговаривали сроком на 3-4-5 и более лет в концентрационные лагеря. Сажали в теплушки (товарные вагоны) человек по 75 и везли на север в те гиблые места, где и без них уже томились и умирали миллионы лучших русских людей.

В вагонах кормили хлебом и селедкой, воды давали редко. От соленой рыбы, без воды, народ погибал, как мухи осенью. В каждом вагоне умирали люди. Умершего брали за ноги и за руки и выбрасывали в поле, в снег. Много тысяч безвестных могил закарпаторусских безвинных детей, юношей и взрослых разбросано по безграничным просторам севера Европейской России и Сибири.

Мало кто из закарпаторусских концлагерников остался бы в живых, если бы не война с Гитлером. Немцы напали на Советский Союз и занимали русскую территорию, как пустынную землю. Красноармейцы сотнями тысяч сдавались в плен. Никто не хотел защищать советский строй. Все ждали, что при помощи немцев удастся спасти Россию от большевицкого режима. Но не тут-то было. Немцы решили, что это они своей силою побеждают русских и начали обращаться с военнопленными жестоко. Их морили голодом, холодом, истребляли.
Когда русский народ убедился, что спасения от немцев не будет, что они пришли не спасти Россию, а уничтожить, сделал то единственное, что можно было сделать: начал воевать по настоящему, начал защищать поруганную Родину и защитил ее, но от коммунистов так и не избавился.

Не один из наших концлагерников вызывал в памяти те представления, какие у него были о России дома и сравнивал их со страшною, апокалиптическою советскою действительностью. Не один из них вспоминал наших поэтов, сочинявших во время мадьярской оккупации родного края стихи о радости и счастьи, предвкушая освобождение от тысячелетних поработителей.

„О, будут, будут дни без мрака,
И снова песней захлебнусь,
Забуду я вздыхать и плакать,
Улыбкой чудной улыбнусь."

Так писал Красин (псевдоним), мечтая о том неизреченном счастье, какое наступит в нашем краю после прихода русских войск. А два-три года после сладких мечтаний поэта многие из его знакомых, соклассников, может быть, и родственников уже умерли голодной смертью в далеких заполярных лагерях смерти.

Во время войны Сталин разрешил чешским политическим

деятелям организовать в Советском Союзе свою армию. Наших концлагерников, как бывших подданых Чехословакии, отпускали в чехословацкую армию. Способных для войны отправляли в Бузулук, где организовались первые соединения, а слабых посылали на поправку в Алма-Ату. Тех же, которые не годились в Армию, оставляли умирать в концлагерях. В чехословацкой армии, в которой громадное большинство составляли закарпатские русские, тоже погибло не мало из них.

В конце 1944 года некоторые из бывших концлагерников явились из армии домой, на побывку, и рассказывали о том невероятном горе, какое случилось с ними в Советском Союзе. Что было потом, то можно бы передать словами Евангелия: „Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет". (Мтф. 2.18.3). Карпаторусские матери тоже не хотели и не могли утешиться, ибо их детей, дорогих детей, уже не было среди живых.

После войны большинство „свободовцев", так называли солдат Чехословацкой Армии, по имени генерала Свободы, не остались дома на родных Карпатах, так как наш край отошел к Сов. Союзу. Они переселились в Чехословакию, откуда многие из них, после коммунистического переворота в Праге в 1948 году, бежали в Западную Германию. Некоторые из них живут в настоящее время в Соед. Штатах, Аргентине, Австралии, Чили и др. странах мира.

Михаил Прокоп

Олег Грабарь

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ЗАКАРПАТЬЯ 1939 — 1944

ОТ РЕДАКЦИИ

Обращаем особое внимание наших читателей на весьма содержательную статью Олега Грабаря „Поэзия Закарпатья 1939-1944 гг.". Она позволит им проникнуть в самые сокровенные глубины русской души населения Закарпатья.

Произвести же ее литературоведческую оценку, всего лишь в несколько слов, предоставляем право одному из крупнейших современных славистов, проф. Упсальского университета Иосифу Трипучко (Швеция):

„Работа очень интересная, хотя не все параллели прозрачны и убедительны. Это группа способных, в некоторых случаях замечательных поэтов, о которых до сих пор никто не говорил

— к сожалению. Очень рад, что благодаря вашей работе познакомился с новым, неизвестным типом русской литературы, процветавшей на далеких украинах Сов. Союза".

ОТ АВТОРА

Все то, с чем познакомится благосклонный читатель в этой статье, тематически можно было бы выразить тремя словами ребенка, тянущегося к своей матери: „Я хочу домой". Все остальное в поэзии Закарпатья указанного периода связано с этой темой. Матерью же для населения Закарпатской Руси всегда была Русь-Россия.

И хоть говорится, что Inter arma silent musae, но голос сыновней любви, облеченной в яркую поэтическую форму, особенно громко прозвучал под пером закарпатских поэтов-юнцов, гимназистов и студентов, в годы Второй мировой войны. А заявить о своей русскости для многих поэтов было равносильно подписанию самому себе смертного приговора. Достаточно привести слова Николая Козьмы, бывшего в те годы венгерским генерал-губернатором Закарпатья: **„Я сотру в порошок и запрячу под землю всякого, кто осмелится назвать себя русским!"** — чтобы читатели могли оценить литературный подвиг поэтов Закарпатья. И все же, несмотря на приведенные угрозы Козьмы и весьма неблагоприятное для литературной деятельности время, поэты-смертники заявляли о своей русскости целыми группами.

Когда же правительство регента Хорти перешло от слов к делу, то многие из поэтов были выброшены из школ, высланы на фронт, водворены в тюрьмы и лагеря и целому ряду из них был вбнесен смертный приговор, как напр. Поповичу, Вакарову и пр.

Чтобы приблизить читателям трактовку поэзии Закарпатья, мы исходим из знакомого, то есть общерусской поэзии, и приводим к ней параллели из поэзии Закарпатской Руси. Но производя это, мы отдаем себе полный отчет:

а) в относительной сопоставимости величин: целого организма с его незначительной частью,

б) что подчеркивая **тождество духа** с общерусской поэзией, мы оставляем в стороне **типично закарпатское** и не даем целостного облика отдельных местных авторов,

в) в различии **места, времени и повода** написания сопоставляемых стихов,

г) что постановка темы: **„Эхо русской поэзии за Карпатами"** может привести читателя к неверному представлению о сугубо **подражательном** характере поэзии Закарпатья. Но надеемся, что сопоставление **столетия с пятилетием** в литературном творчестве не позволит сделать подобный вывод. Не позволяет его сделать и целый ряд приведенных стихов, **эстетическая ценность** которых

иногда не меньше их общерусской аналогии. Но лишь отдельных стихотворений, а не творчества авторов в целом! Так среди приведенных нами закарпатских авторов имеются и такие, которые ограничили свою литературною деятельность двумя десятками стихотворений и рядом рассказов.

Если принять еще во внимание **возрастную** проблему (за исключением Е. Недзельского и Ю. Керчи — все поэты Закарпатья гимназисты), и **культурно-социальную среду** (почти все дети крестьян), то у читателя должно создаться представление **о весьма чутком поэтическом организме этой молодежи** и о безыскуственности их поэтического пера. Вот и все, на что хотел обратить внимание читателя автор статьи.

ЭХО РУССКОЙ ПОЭЗИИ ЗА КАРПАТАМИ

Мотто:

Твердили львенку все упорно, нараспев,
Что не родня ему, а злой тиран — могучий лев.
Но львенок был умён, кивал все головой,
А думал об одном, как бы попасть домой.

Г. Ю. Керча

В настоящей статье мы приведем ряд стихотворений закарпатских поэтов, поставим их в параллель с русскими поэтами XIX и XX вв. и подчеркнем взаимную связь их постольку, поскольку требует этого характер предмета. Вдаваться в тонкости литературно-поэтического творчества мы не будем, как не будем заниматься в строгом смысле слова литературно-историческими изысканиями во всем их объеме. Скажем лишь, что поэтическая перекличка началась на Закарпатьи в середине прошлого столетия и ее запевалой был Александр Васильевич Духнович, увлекавшийся поэзией Державина, Пушкина, Некрасова. (В устно-поэтической традиции связь между русским и карпаторусским фольклором восходит к домонгольскому периоду русской истории). За ним следовали Александр Павлович, Урииль Метеор-Сильвай, Евгений Фенцик, Ставровский-Поправдов, Андрей Карабелеш и другие.

Природа поэтического заимствования и сближения весьма разнообразна. От общего сюжета, темы, идеи, образа, ритма, рифмы, словарного состава, строя языка до национальной специфики восприятия передметов и явлений и отклика на них тянется линия взаимного притяжения, отталкивания, заимствования и инспирации.

Вскрывая литературные связи, мы приводим их не в хронологической, но в авторской последовательности — А. С. Пушкиным начиная и советской поэзией кончая.

А. С. ПУШКИН

Слух об этом национальном гении, пройдя по всей Руси Великой, дошел и до Закарпатской Руси. Культ его здесь очень высок. Этого создателя литературного русского языка и национальной литературы, не то что считают своим, карпатским, интимно-близким, животворящим, вечно молодым, но также признают его покровителем, вдохновителем всего поэтического, совершенного, звышенного, державномыслящего, что рождается на страницах местной литературы.

Под влиянием музы Александра Пушкина на Закарпатьи написано много стихотворений. Мы приведем лишь два из них: шестистишие Дмитрия Вакарова „А. С. Пушкину" и стихотворение Емельяна Балецкого „Мукачево".

А. С. ПУШКИНУ

Как ни сильно воображение,
Но изменить закон природы,
Представить нам тебя седым,
Оно не в силах, без сомненья,
Ты умер в молодые годы,
Ты будешь вечно молодым.

МУКАЧЕВО

Мукачево, Мукачево родное,
Прощаюсь ныне я с тобой.
Туман жестокий горы кроет,
А сердце кроется тоской.

Уже давно простился я с тобой,
Но ныне здесь брожу опять.
Твои, Мукачево родное,
Былые годы, так манят.

Манит любовь. Я здесь работал,
За школьной восемь лет скамьей.
Здесь новой яркой позолотой
Мы украшали стих родной.

О ты, Мукачево, старинный город,
О ты, свидетель тайных дум,
Ты смотришь на меня как ворон.
Ты ныне странен и угрюм.

Мукачево, ты помнишь, как с друзьями
К идеям светлым рвались мы?
Идет ли кто-нибудь теперь следами
„Стремлений наших"[1]) в мраке тьмы?

Мукачево, эх мучат муки
И сердце плачет, так щемит.
Я вижу, ныне в день разлуки,
Что меркнет старый русский щит.

А вы, наследники, друзья, подруги,
Стремитесь к Пушкину, как мы?
Иль стих его сжимают чьи то руки?
Он не для сеятелей тьмы.

Теперь певучей бронзой не звенит он —
Уж бронзу раздробили в прах.
Кто— плачет здесь над бронзою разбитой?
Кто стих напишет о слезах?

Товарищи, Андрей, Василий, Миша,
Мукачево, гимназия, наш класс . . .
Мой стих, увы, тоскою ныне дышит
И от тоски не клеится рассказ.

А вы родные, Леня, Лева, Ваня,
Друзья, соратники пера,
Все верите, что после дней страданья
Настанет светлая пора?

А где другие, милые, родные:
Георгий, Федор, Симеон?
Вы помните наш голос в дни былые?
Я тоже вспомнил этот чудный сон . . .

В основе этого стихотворения лежит стих Пушкина „Воспоминания в Царском селе" — та же тематика, тот же культ дружбы, та же школьная литературная среда. Перечень имен — перечень рассеяных друзей. Строка „бронзу раздробили в прах" — венгры-оккупанты уничтожили мемориальную доску, поставленную в 1937 г. к 100 летию смерти А. С. Пушкина в селе Чинадеево. Строка „настанет светлая пора" — перефразировка концовки стихотворения Пушкина „К Чаадаеву": „Взойдет она, заря пленительного счастья . . ."

[1]) „Наши Стремления" — литературный журнал самообразовательного кружка при Русской гимназии в г. Мукачево.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Влиянием поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова отмечена тема „оторвавшегося листка". Как мы указывали выше — это основная тема всей литературы Закарпатья. Ее отразили в своем творчестве поэты: Петр Продан в стихотворении „Смерть рабочего" (отметь сравнение друга с „листом увянувшим до срока") и Андрей Карабалеш в стихотворении „Ветер веет". Сюжет последнего из них говорит не об уходе, а о возвращении „оторванного, неведомого листка" к дорогой отчизне.

Петр Продан

„СМЕРТЬ РАБОЧЕГО":

Он лежал в гробу высоком, черном:
На лице последняя уснула мысль.
Весь свой век он жил трудом упорным,
А убит он холодом зимы . . .

Мой приятель был он. Добрый. Синеокий.
Горький плод лишений рано он вкусил,
Но с судьбой затеял спор жестокий . . .
Видел я, как он лишался сил.

Хворь съедала дни его и ночи
Шаг за шагом следовало зло,
Флёром заволакивало очи,
Складки вещие ложились на чело.

Но, трудолюбивый, чьей-то клятве верный,
Все покорно перенесть умел,
И лишь в день последний, в час вечерний
Сердца муки вышли за предел.

Друг, как лист, увянувший до срока,
Отлетел ты рано от родных ветвей,
Но остался в сердце след глубоко.
Образ твой живет в душе моей.
Пусть судьбе своей ты не был милым,
Но в горах карпатского кремля
Всякую весну здесь, у твоей могилы,
Будет цвесть любимая земля.

ВЕТЕР ВЕЕТ

Оторванным, неведомым листком
Прильну к тебе, отчизна дорогая,
И в сумерках осеннних догорая,
У ног твоих заплачу я тайком . . .

Без матери, без друга, без отца
Ушел я сиротой в чужие земли,
Но зову твоему везде я внемлю
И слушаюсь отчизны до конца.

Пускай судьба уносит хоть куда,
Лишь о тебе, отчизна дорогая,
Я буду грезить, тосковать всегда
В чужих краях слоняясь и страдая...

Тематическим дополнением к стихотворению Карабелеша „Ветер Веет" может служить его же стихотворение „Сны", повествующие о всем том, чего лишился скиталец, потеряв родину.

СНЫ

Ржавеют, сохнут кружева ракит
И по дорожкам заплясали листья.
Напев знакомый в воздухе звенит
И дальним пашням бабье лето снится.

А за рекою девушки поют.
Скрипят обозы. Повезли картошку.
Спешат ребята в школьный свой уют;
Уходит солнце в горы понемножку,

И догорает на реке хрусталь,
И где-то песня зазвенела в струнах...
Уходит осень... все уходит в даль,
Как сказки, грёзы вёсен полнолунных.

И сколько раз я в дали загляжусь,
Где бабье лето серебрится,
Мне снятся и моя родная Русь,
И ширь степей, и леса шорох снится.

Давно, давно я из дому ушёл
И с той поры, скитаясь по чужбине,
Я слышу лишь во сне гуденье пчёл,
И скрип возов там по родной ложбине...

Вторая мировая война, сопряженная в начальной ее фазе с рядом побед немецкого оружия, привела немцев к расширению военных действий. Неожиданное нападение армий Гитлера на Советский Союз воскресило память об аналогичном вторжении полчищ Наполеона в Россию в 1812-ом году и последовавший затем разгром „двунадесяти язык". Вспомнили поэты и „Воздушный ко-

рабль" Зайдлица, в переводе Лермонтова. Это переложение наложило свой отпечаток и на стихотворение Вакарова „Незваный гость", в котором карпатский поэт в предвосхищении событий предсказывает тевтонам гибель, аналогичную гибели Бонапарта.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

К Москве он отчаянно рвется,
Победа все снится ему.
Забыл он, что Русь не сдается
в боях
никогда,
никому.

Идет он на праздник кровавый,
Позор его ждет впереди.
В России не встретит он славы, —
такого
не будет,
не жди.

Забыл он судьбу Бонапарта,
Не знает он русский народ,
И в пьяном кошмарном азарте
полки ведь
на гибель
ведет.

Он встретит героев с „Авроры",[2])
Героев без страха, без слез.
Ждет гадов на русских просторах
лишь ненависть
штык
и мороз.

На битву встают миллионы,
С сугроба идут на сугроб.
Найдут на Руси и тевтоны
и смерть
и могилу
и гроб.

На стихотворение Вакарова „Непрошеный гость" могли оказать побочное влияние и строки стихотворения И. С. Никитина **„Встреча весны"**:

[2]) В стихотворении Вакарова чувствуется смешение понятий „русский" и „советскиий", характерное и для ряда других поэтов — О. Г.

. . . И случится ли, к нам
Гость незваный придет
И за наше добро
С нами спор заведет, —

Уж прими ты его,
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песни пропой;

Для потехи ему
Белый пух припаси,
И метелью засыпь
Его след на Руси.

Тема войны так широко представленная в русской литературе советского периода, на Закарпатьи к тому времени была почти неизвестна.

С советской литературой о войне во время Второй мировой войны на Закарпатьи были ознакомлены весьма мало. Но война, как таковая, вызвала здесь к жизни целый ряд стихотворений, трактовавших эту тему с различных точек зрения. Так, например, одно из них в переломный момент войны, в начале 1943-го года, парирует миф немцев о том, что славяне должны лечь навозом для германской культуры. Победа под Сталинградом стала для поэта концом реализации этого мифа. Это и утверждает Юрий Вир-Недзельский, автор „Наступления весны".

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Правь, поэт, ремесло!
В душах, — как на плацдарме —
Звуки и знаки слов
Формируй в знамена армий!

Близок весны азарт,
Сердце теряет меру:
Твой, вдохновенье, старт
Из вторника в стратосферу.

Происк врага учув,
Мобилизуй все сроки:
Буквы плечем к плечу,
В строй выстраивай строки,

Рифмами вздвой ряды.
И — по четыре слева —
Строфы на лоб твердынь
Маршем любви и гнева!

Вычеркнут ли транзит, —
На самолеты, рота:
Наша мечта разит
С бреющего полета.

Битому быть в беде!
Мастер тонкой чеканки,
Части литых идей
Монтируй метафорой в танки.

Чтоб раздавить! — не лечь,
А коли лечь — навозом
Десятитонным! — с плеч
Грозного бомбовоза.

Зимы играют в гроб,
С Лелем не сваришь кашу,
Ну, выходи, Индроп,
Сеять на нашу пашу!

Один, — он не один
Челядь ждет у порога:
Велит ли господин
Резать детей Сварога?

Только весна за нас,
Жилы вскрывает рекам —
Прямо не в бровь, а в глаз
Тем — эрзац-человекам . . .

Наша весна красна
Тем, что глухи и немы,
Ныне, восстав от сна,
Реки вскрылись в поэмы.

Тем,что облака лёт
Смилостивился над нами:
Вытер кровавый пот
И развернулся в знамя!

Льды понесло на слом, —
Этим Господним летом
Правь, поэт, ремесло,
Внимай мудрым советам!

А широко развенувшееся в Предкарпатьи и Закарпатьи партизанское движение породило его же стихотворение под странным названием: „П.А.Р.т-Изанское”, сложив буквы которого можно было прочесть „Партизанское”.

ПАРТИЗАНСКОЕ

Священный гнев не мерьте и не весьте:
Горами движет он и сушит дно морей!
И щель и рот взывают к грозной мести,
Когда ни стен, ни крыш, ни окон, ни дверей...
Нас вышло двое, к вечеру нас двести
В упорном шествии тропой зверей:
С ножом для сердца, — сами несудимы,
Идем судить, а в сердце взор любимой...

А матери, стряхнув горбок могил,
Как с гор туманы снизойдут в долину
Обресть в ночи — где светик опочил?
Глаза сомкнуть потерянному сыну.
Оглянут куст, у рек размечут ил,
Ощупают березу и осину...
От безутешных материнских слез
Росой заблещет утренний откос.

Но солнце жадно выпьет росы ранни,
Пройдут туманы чередой овец,
И Аноним, начав повествованье
Строкою красною, деяния сердец
Изобразит уставом — в назиданье
Грядущим дням, да пламенный певец,
Безумства наши помянув, со славой
Конец положит мерною октавой.

А. В. КОЛЬЦОВ и И. С. НИКИТИН

Выискивая поэтические аналогии, порой лучше будет не сопоставлять отдельные произведения. Хотя и система образов, и размер стиха, и строй языка в них тождественны; одна и та же основа этики и эстетики авторов. И что самое поразительное в их стихах — это общая для сопоставляемых авторов, бьющая чистым родником русскость и народность. К таким стихотворениям можно отнести близкие к творчеству и Кольцова и Никитина стихотворения Д. Вакарова „Иза” и Георгия Гойды-Карпатского „С чесноком и хлебом”.

ИЗА

Иза русская,
православная,
превосходно ты
расположена.
Церковь белая
и высокая
средь села стоит,
видна издали.
Крыши сельских хат
или темные
все тесовые,
или красные
черепичные,
или серые
этернитовы.
Ольга здесь живет
синеокая,
незабвенная,
ненаглядная.
Все тут в зелени
в пору летнюю —
среди яблонь, груш,
средь орехов, слив,
средь акаций, лип,
среди ясеней,
среди тополей.
Вправо Дил-гора
цепью тянется,
а под ней Рика
серебристая
змеей по полю
извивается,
воды чистые,
темно-синие,
В Тису-матушку
отправляючи.
Ох, страшна Рика
в повинь[3]) лютую,
разлилась вокруг
словно озеро,
залила поля,
затекла в село.

---

[3]) Повинь — половодье.

Здесь Раковский[4]) жил
и народ учил,
семена бросал
в почву добрую.
Семена взросли
буйным деревом,
а плоды сберет
лишь грядущее.

Г. Гойда-Карпатский

С ЧЕСНОКОМ И ХЛЕБОМ

У тебя, сосед мой,
Важные дела:
Вижу, косу клеплешь —
Рожь твоя спела.

Завтра, чуть светает,
Зазвенит коса,
И до темной ночи
Ляжет полоса.

Так спокойной ночи.
Выспись, отдохни;
С первыми лучами
К полосе иди...

Не забудь, родимый,
Целовать иконку,
Чесноку и хлеба
Положить в котомку.

Чесноку и хлеба —
Если только есть,
Чтоб была причина
К завтраку присесть.

---

[4]) Иван Раковский (1815-1885) — первый карпаторусский публицист, соратник Добрянского и Духновича. Это он заявлял: „Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочей Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка...".

Чтоб упившися
Долей горькою,
Пообедать мог
Водой с коркою.

Водой чистою
И студеною,
Потной каплей
Подсоленою...

Так спокойной ночи.
Выспись, отдохни —
С первыми лучами
К полосе иди...

И. НИКИТИН

Промежуточным стихотворением, но ближе стоящим к творчеству Никитина, является стихотворение Гойды-Карпатского **„Подобно Христу"**:

Твой муж скончался. Царство Божие Ему.
Осталась ты без матери,
Без мужа и отца.
Лишь сын, что родила ты мужу своему,
— Невинное дитя —
остался у тебя.
Работ же сила сильная,
И не перечесть.
Их летом сто,
Зимою пятьдесят —
Все ждут Тебя;
Все просятся к Твоим рукам...
И Ты завидуешь счастливым мужикам,
У коих есть семья
И десять дюжих рук,
Оброблены поля,
Давно покошен луг.
Тебе ж никто не помогает,
Страдалица родная,
Сама Ты, одинокая —
Былинка луговая,
И пашешь Ты — не успеваешь:
Невспаханной землица остается.
И сеешь Ты — не досеваешь;

Пустым и вспаханное остается;
И жнешь Ты — да не дожинаешь;
И косишь Ты изнемогаешь; —
И не покошенным лужок Твой остается.
Горюешь Ты — и горю нет конца;
И слезы выплакала Ты.
И держишь строгие посты;
И молишь Господа Творца,
Но Он молитве не внимает, —
Твой Сын, подросши — умирает.
И Ты — без сына и отца.
Но Ты не плачешь. Нету слез.
Их выплакала Ты.
Ты только молишь до забвенья,
И просишь у Него не роз, —
Ты просишь страшного мученья,
Как на кресте просил Христос...

Известная близость ощутима и между стихотворением Ивана Керчи „Осенний мотив" и стихотворением И. Никитина „Вырыта заступом яма глубокая". Общими моментами в обоих стихотворениях являются: а) их дактилический размер, б) мелодика, в) подавленное настроение и г) социально-политическое положение авторов (оба выходцы из народа — оба учители). Следует учесть и то, что Керча увлекался поэзией Никитина и Надсона. Стихотворение „Осенний мотив" написано в 1939 году, в преддверьи оккупации венграми „Подкарпатской Руси".

Жутко на сердце от тайны глубокой,
Клонится к вечеру день.
Лентою темной легла одиноко
Леса высокого тень.

Солнца любовь на земле все слабее,
Осень ведь близится к нам.
Ветер печалью терпкою веет,
Шепчет уныло кустам:

„Болью великою ляжет в Карпаты
Осени желтая грусть,
Горем наполнятся бедные хаты,
Глухо застонет Русь".

Близким к творчеству Никитина и к творчеству Надсона следует также считать стихотворение Керчи „Гнилые туманы". Сам автор считает его „близьким к музе Надсона", как поэт выразился в личном разговоре с Олегом Грабарем.

Гнилые туманы над нами нависли...
Грядущее кануло в черную ночь,
И горы кругом безпощадно нас стисли,
Отчаянья не превозмочь.

Поем мы иль плачем — никто нас не слышит;
Бесследно наш голос теряется в борах,
Лишь ветер лелеет, ласкает, колышет
Усталых, забитых людей разговоры...

Эх, если бы вырваться, подняться к небу,
Чтоб горькую Родины песню пропеть
О воле, о правде, о счастье, о хлебе...
Да нет уж, нельзя нам на небо глядеть...

Гнилые туманы над нами нависли,
Грядущее кануло в черную ночь,
И горы кругом беспощадно нас стисли, —
Отчаянья не превозмочь.

Аналогичное положение занимает и стихотворение И. Керчи **„Нет света"**.

Нет света, нет солнца, нет жизни, —
На, небе сплошь желтая муть
И темные силы Отчизне
Мешают свободно вздохнуть.

Печали и грусти полны, облака
Роняют горькие слезы.
И в каждом домишке старуха-тоска,
Как свечи гасит нам грезы...

Под говор дождя душу объяла жуть.
Оцпипки[1]) в раздумьи гложем.
Опасно и страшно прокладывать путь,
Но мы его, братья, проложим...

С. Я. НАДСОН

По своей форме значительно ближе к творчеству Надсона стоит стихотворение Гойды-Карпатского **„О, не думай, мой брат..."** Ср. со стихотворением Надсона „О мой друг. Не мечта этот светлый приход..." и „Я вперед не смотрю..."

---

[5]) Овсяная лепешка, заменяющая на Веховине хлеб.

О, не думай, мой брат, что то быстрый ручей
Непрестанно звучит в нашей песне скупой.
И столь ранний отлет безымянных грачей
Не затем, чтоб пугать нас холодной зимой.

Это, брат мой, любовь и журчит и летит,
Та любовь, что не свыклась со скорбью своей,
Та любовь, что надеждой голодных живит,
Та любовь, что удел для бездольных людей.

Та любовь, что сильнее горит под штыком,
Та любовь, над которой нет больше любви,
Та любовь, что полюбит под крепким замком,
Та, в которую верь ты и в сердце носи.

Духом поэзии Надсона овеяно и стихотворение Михаила Шпицера **„Двадцатый век"**:

Под веком двадцатым открылася бездна,
И мысли о Правде замкнуты все в ней,
И кажется: даль так туманно-безвестна,
И пышет из бездны жар черных очей.

Над веком двадцатым тень черной вуали
Покрыла и солнце, и небо, и свет.
Лучи угасают, что прежде пылали, —
Но все же не умер луч будущих лет.

Средь века двадцатого крепнет надежда
И вера в двадцатый, но праведный век,
Из солнца и звезд его будет одежда
И родится новых идей человек.

По настроению стихотворение Шпицера также близко стихотворению Надсона „О, мой друг..."

КУРОЧКИН

На мотивы Курочкина и Беранже написано стихотворение Юрия Вира-Недзельского **„Крысолов"**:

Я — весельчак, я крысолов,
Сегодня добрый был улов,
    О, старый мой Прованс.

Поэт, надень наряд шута —
(По карточке на лихолетье) —
Но помни, песенка не та:
И для кита и для крота
Пришло последнее столетье...

Принц датский умер... Ты не хнычь
На лире или клавикорде.
Поэт, в ножны пророчий клич,
В твоих руках циркачий бич,
Бей по сердцам, как бьют по морде.

По улицам и площадям —
(Не углубляйся в пережитки.) —
По улицам и площадям
Разрешено идти дождям
И прочей рифме; — да агитки
По лужам ставить здесь и там.

Толпа кричит — толпа глупа;
Толпа молчит — толпа тупа;
Задекламирует признанья —
(Под камертон, до отощанья:
„Была собака у попа...")
Не отставай, руби, валяй,
Но чутким ухом уловляй
Немой толпы чревовещанье.

Учись ходить по проводам.
Лавируй, избегай паденья.
Ответствуй на улыбки дам,
Поклон учтивым господам
И семиствольное презренье.

За Немезидино кольцо
Не лезь по вдохновенью в прорубь:
Личину на свое лицо,
Ты в шляпу им разбей яйцо,
Пусть вылетит оттуда голубь.

Кто ты? — А чем прикажут быть...
Ты пес — умей ворчать и лаять,
Ты волк. Умей по-волчьи выть,
Ворона, — по-вороньи граять...
Рычи, кричи на весь Прованс.
Но в облике извечно новом
Пей старое вино. Ну, словом,
Умей воскликнуть "Vive la France!",
Как должно старым крысоловам.

Подвыпив, пьяной голове
Не верь. Приляг своим скелетом
В полночной роще на траве
Да отоспись. Не верь наветам

О глухо крадущемся льве...
В Провансе ночь — кричат сове,
И власть принадлежит сове там;
А чуть рассвет — сова в дупло, —
Эй, крысолов, за ремесло.

В плаще багряном новый день
Пошел по роще куролесить...
Часы бегут, а ты, как пень:
Семь било, восемь, девять, десять.
Эй, санкюлот, пора вставать,
Чтоб крысу тощую поймать,
Чтоб крысу жирную повесить.

Гостили вы, где мой Прованс,
Бастилия и "Vive la France!"
И старое вино?

ЯКУБОВИЧ

С его стихотворением „Тишина" связано стихотворение И. Керчи „Вечер".

ТИШИНА

Вечер румяный притих, догорая;
Лист не прошепчет в лесной глубине;
Тучек перистых гряда золотая
В недосягаемой спит вышине.

Тихо мелькнула звезда, и другая...
Ночь надевает свой царский венец...
Мука, великая мука людская.
Стихла ли ты, наконец?

ВЕЧЕР

Вечер одел свои пышные ризы,
Звезды сверкнули на них,
Месяц — мальчишка капризный,
Носится в тучах глухих.

Дремлет село и одна за другою
Хаты готовятся к сну.
Глянь, метеор золотою дугою
Над полониной блеснул.

Ива, склонившись, в потоке игривом,
Личико моет свое.
А за деревней — на зреющих нивах —
Сторож уныло поет.

Ветер чуть слышным полетом, с приветом,
К груше летит, что в саду,
В буйную зелень к венцу разодета
Груша трепещет в бреду...

Близко к творчеству поэтов, работавших в журнале „Искра" — Пальмину и Михайлову, а также Хрулеву, примыкает стихотворение Дмитрия Вакарова **„Встанем, карпатские братья"**.

Встанем, карпатские братья,
Сбросим оковы и гнет,
Пусть над землей Прикарпатья
Солнце свободы взойдет.

Царство наживы прогнило,
Валится вражеский гнет.
Крепнет рабочая сила,
Наше сознанье растет.

Встанем, карпатские братья,
Сбросим мучительный гнет,
Пусть над землей Прикарпатья
Солнце свободы взойдет.

а) Звукоритм этого стихотворения, б) хореический размер, в) и его идея свободы тождественны с формой и содержанием известной русской революционной песни „Вышли мы все из народа".

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,
Братский союз и свобода,
Вот наш девиз боевой.

Долго нас в тюрьмах держали,
Долго нас голод морил.
Темные дни миновали,
Час искупленья пробил и т. д.

К тому же кругу поэтов „Искры" примыкает тематически и стихотворение Д. Вакарова „Друзьям-поэтам".

ДРУЗЬЯМ ПОЭТАМ

Вдохновители жизни в Карпатах,
Вы опора культуры родной,
Ваше сердце в закуренных хатах,
Ваше сердце в любви мировой.

Вы свободные рыцари дела.
Не боясь испытаний борьбы,
Вы несете уверенно, смело
Непосильную ношу судьбы.

Будьте тверды. Все ваши стремленья
Принесут ожидаемый плод.
Вам не платят за ваши творенья,
Вам любовью заплатит народ.

А. А. ФЕТ

Творчеству каждого выдающего поэта свойственна экспериментация. Одним из ее видов является весьма удачная попытка Фета написать безглагольное стихотворение. Результатом этого поэтического эксперимента, стремящегося выявить скрытые выразительные возможности русского языка, явилось его знаменитое стихотворение „Шопот. Робкое дыханье".

Шопот. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной. Ночные тени, —
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы, —
И заря, заря . . .

Аналогичный эксперимент в поэзии Закарпатья ставит и Кирилл Галас-Красин, в его стихотворении „Родное". Правда, в нем, в отличие от стиха Фета, в котором находится ряд отглагольных существительных (дыханье, колыханье, лобзания), присутствуют отглагольные прилагательные (шиты, разузорена, пьянящий, горящий) и в одном случае отглагольное существительное (взрывы).

РОДНОЕ

Дали. Синь. Плахтина[6]) неба.
Там вон солнце, купол, крест
И деревня словно небыль.
Горы. Долы. Скаты. Лес.

Коломыйка[7]) ... Верховинка[8])
Шиты шелком рукава,
Разузорена ширинка,
Взгляд, улыбка и слова.

Шум пьянящий. Призрак счастья.
Крик расплывшихся небес.
Запах воли, взрывы страсти
И очей горящих блеск.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

В поэзии Закарпатья периода второй мировой войны вдумчивая поэзия Тютчева оставила свой глубокой след на творчестве Димитрия Вакарова — самого революционного поэта из поэтов, затерявшегося в Карпатах края. Обратим внимание, что стихи Вакарова, отмеченные близостью к великому русскому поэту-мыслителю Тютчеву, и овеянные благородным духом его творчества, принадлежат к наиболее художественным произведениям Вакарова:

Две вещи вечно воспевает
Моя восторженная лира:
Глаза — отверстия душевной бездны,
И звезды — как глаза бездонного весьмира.

Сказанное выше относится в первую очередь к его стихотворению **„Слезы безвинные, перлы бесценные"**:

Слезы безвинные, перлы бесценные,
Чудные перлы души.
То ли тяжелые, то ли мгновенные,
Как вы порой хороши.

---

[6]) простыня, покрывало

[7]) род закарпатской частушки — О. Г.

[8]) Жительница северного гористого Закарпатья — Верховины

Тем, что сегодняшний мрак озаряете
Светлым, лучистым огнем,
Думать о жизни меня заставляете
И о народе моем.

Слезы бессонные, слезы обильные,
Вы овладели душой.
Горькие слезы, но слезы всесильные —
Слезы отчизны родной.

Сравните со стихотворением Тютчева „Слезы людские, о слезы людские":

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой . . .
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Стихотворение Вакарова достойно войти в хрестоматию. Оно интересно и тем, что у политически крайне левого поэта, к тому же не очень разборчивого в своих выражениях, очень сильно сказывается сдерживающее и облагораживающее влияние поэзии Тютчева, которая пронизывает мыслью строки стихотворения Вакарова.

Там же, где это воздействие поэзии Тютчева уступает место иным русским поэтам, как например, воздействию неуравновешенного и воинствующего Некрасова, в поэзии Вакарова появляются срывы, она лишается поэтического такта.

Прослеживая влияние Тютчева на творчество Вакарова, следует указать и на иные стихи закарпатского поэта. Так, например, стихотворение Тютчева „Славянам", нашло поэтический отклик в стихотворениях Вакарова **„О, край карпатский, край мой горемычный"**.

О, край Карпатский, край мой горемычный,
Твоя судьба — жестокая судьба.
Другим служить — считают все привычным,
И жизнь твоя — немая жизнь раба.
А все ж тебя люблю я беспредельно
Души славянской всею глубиной.
И ненавижу страстно и смертельно
Поработителей земли родной.
Народ родной, лишь для тебя живу я,
Всю жизнь свою я посвятил тебе.
За твой счастливый день с врагом воюя,
Я позабыл и о самом себе.

А две строфы стихотворения Тютчева „Славянам":

. . . „И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло —
Не одно погибло племя,
Иль в чужбину отошло".

. . . „Инородец, иноземец
Нас раздвинул, разломил —
Тех обезъязычил немец,
Этих турок осрамил".

Нашли годы венгерской оккупации Закарпатья свое поэтическое преломление также под пером Дмитрия Вакарова в его стихотворении **„Паутина"**:

Ввел магнат свои порядки,
всюду вывески сменил.
За подачки, да за взятки
ренегатов он купил.

Одному лоскут дал пашни,
а другому — громкий чин.
И, сменив костюм вчерашний,
тут продался не один.

Для неопытных — ловушку,
для доверчивых — дурман,
для пропившихся — пирушку
расставляет интриган.

И магнаты, сея споры,
„равновесье" берегут:
где нет хода для раздоров,
поднимают кнут.

В качестве поэтической переклички с Тютчевым, а именно с его стихотворением „В душном воздуха молчанье" (см. строфу:

„Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит . . .

родилось стихотворение Д. Вакарова **„Карпатское утро"**:

Утро, лазурь беспредельная,
Свежий и влажный туман,

Радость вокруг неподдельная —
Пестрых цветов океан...

Все здесь поёт, улыбается,
Моется, пляшет, летит,
Молится, нежно ласкается,
Сонно вздыхает, грустит...

Реки, ручьи серебристые,
Поле, Карпаты, леса...
Солнца лучи золотистые,
Ранняя влага — роса...

Воздух дрожит и волнуется,
Грудь подымает сильней;
Ветер березой любуется,
Нежится, шепчется с ней.

Быстрый, свободный, стремительный,
Гордый орел в небесах...
Что за восторг умилительный
В звонких вокруг голосах.

Солнечный день просыпается,
Звезды отходят ко сну:
Сердце стучит, расширяется,
Благословляя весну.

Познакомим читателя еще с одним стихотворением Д. Вакарова, подобно Гумилеву, никогда не расстававшегося с томиком стихов Тютчева.

Стихотворение это написано в строго отшлифованной манере любимого учителя и носит название **„Что я люблю"**:

Алмаз мне нравится:
    он красив, он тверд.
Люблю орла — он славится
    тем, что смел и горд.

Люблю я сердце непокорное
    и упрямый дух.
Люблю я песни вольные,
    что ласкают слух.

Люблю я правду светлую,
    песни ей пою.
Люблю я жизнь бессмертную,
    жизнь люблю, люблю.

Характернейшим словом стихотворения Вакарова „Что я люблю" является слово „люблю". Это слово мы находим как в названии, так и в самом стихотворении. Из шести фраз названного стихотворения, пять фраз открывает именно это слово, а в стихотворении Ф. И. Тютчева „Слезы", написанном 21 июня 1823 г., то же слово „люблю" открывает три первые строфы стихотворения:

а) „Люблю, друзья, ласкать очами..."
б) „Люблю смотреть, когда созданья...",
в) „Люблю, когда лицо прекрасной..."

Стихотворение Вакарова мы вправе считать за его гармоничность, предельную сжатость и отточенность — классическим.

Н. А. НЕКРАСОВ

Поэзией Некрасова, Есенина и Маяковского вскромлен один из колоритных представителей поэзии Закарпатья, Лев Бездомный-Мансветов. Поэт слишком уж врос в неповторимый быт этого своеобразного края. Поэтому, приводя то или иное из стихотворений Мансветова, можно говорить лишь об его относительной тематической или лексической близости к иным поэтам, и, в частности, к Некрасову. Близким к творчеству Николая А. Некрасова можно считать стихотворение Льва Мансветова **„Горы. Горе. Покорные села".**

...Горы. Горе. Покорные села.
Душно. Пасмурно. Трудно до боли дышать.
И привычно сгибаются спины и ноют мозоли,
И привычно безмолвие звонит в ушах,

И привычна, как дождик осенний по жнивьям,
И покорна, как в засуху трав желтизна,
Тишина. Лишь магическим словом нажива
Люди будятся, будто от сна.

И невольно прислушавшись к трелям трембиты,
К соловьиному щелку и пению дев —
Все о грубости, о жизни забитой
Однотонный, давящий встречаешь напев.

Сравните его с стихотворением Некрасова „Душно. Без счастья и воли...":

Душно. Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что-ли?

Чаша с краями полна.
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи.

1868.

БАЛЬМОНТ

Напевная поэзия эгоцентрика Константина Бальмонта на Закарпатьи вызвала ряд откликов. Внимание поэтов в особенности привлекло к себе его стихотворение „Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце”. Мы приведем два из них: **„Я пришел, чтоб Карпаты воспет:” и „С тихим шелестом, хрустом апреля”.**

Первое из них принадлежит перу Д. Вакарова и по содержанию резко расходится с стихом Бальмонта. Второе — Горянину — Ивану Лявинцу.

Мотто

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор...

К. Бальмонт

Я пришел, чтоб Карпаты воспеть

Я пришел, чтоб Карпаты воспеть,
Великанов родных, там, вдали, в синеве...
Я пришел, чтобы душу излить
В песнопеньях о жгучей, но чистой любви.

Я пришел поклониться Народу,
И чувства живые чтоб в нем разжигать;
Я пришел, чтобы петь про Свободу,
Чтоб с Народом любить и страдать.

И меня не забудут родные сердца, —
Я народу ведь сердце и душу отдал; —
Я любил и люблю мой народ без конца, —
Уже в детстве я этой любовью страдал...

Д. Вакаров

С тихим шелестом, хрустом апреля

С тихим шелестом, хрустом апреля
Я пришел в этот мир, чтоб блаженство постичь.
(Как ни странно, но многие верят,
Что в жизни блаженства нигде не найти.)

Дни текут и судьба барабанит
Свой унылый, назойливый марш.
Если-б в мире, украдкой хотя-бы,
Блеснула блаженством весна.

И. Лявинец

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Тесно к их красочному, размашистому стилю примыкает стихотворение Гойды-Карпатского **„Маруся"**:

У Маруси — косы русы,
Шелком скрученные,
Беленькая шейка гусья
Вниз опущенная.

И глаза голубенькие
— Припечатаны.
Алый цветик — губоньки
— Непочатые.

Что за парень? Черный ус.
Парень робкий, да не трус:
Ходит за Марусею,
Что меж русых русая.

Любит Митро — молится,
Счастьем греется . . .
Любит Митра — молодца
Цветик — девица . . .

То не гробик провожают
Колокольным звоном,
То марусеньку венчают,
Снаряжают в жены . . .

Трудно, трудно жить на свете
Бедным пьяницам:
На дом, как на рыбок сети,
Горе тянется.

У Маруси муж болеет,

Говорят — чахоткой.
Гроб несут — народ жалеет,
Медленна походка . . .

То не яблочко на ветке
Силой держится,
То Марусенька под серцем
Носит первенца.

Над овсяной коркой
— Над сокровищем, —
Пролить слезы горькие
— Дело вдовичье.

У Маруси — косы русы,
Скрыли их седины.
Все ты вынесла, бабуся,
— Мамка Верховины.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Если творчество Тютчева по-пушкински ясное, жизнерадостное и уравновешенное будит у закарпатских поэтов такого-же рода отзвук, то к совершенно иному заключению мы приходим, знакомясь с отзвуком поэзии Блока в Закарпатьи. Поэтический резонанс его творчества оказывается неожиданно широким, в своей природе противоречивым, однако эта противоречивость вытекает закономерно из творческого пути Блока. Амплитуда колебания его поэзии пролегает от мистики к революции и от революции к мистике.

На одном полюсе отклика в литературе Закарпатья находится тонкой лирикой протканное стихотворение Петра Продана „Моя мать — где дороги", а на другом, самое революционное из закарпатских стихов, — стихотворение Дмитрия Вакарова „Голодный поход".

МОЯ МАТЬ — ГДЕ ДОРОГИ В ТУМАНАХ

Моя мать — где дороги в туманах,
Где млинов[9]) крылатых ряды,
Где под гутор[10]) легиников[11]) пьяных
Вечеров пролегают следы,

Где белявка[12]) с косой золотою
Трынь-траву ночью позднею рвет,
Где над чистой, хрустальной водою
Поздний месяц над лесом встает,

---

[9]) мельниц, [10]) разговор, [11]) парубков, [12]) светлолицая, русая.

Где объятья крестов при дорогах
И столетняя церковка там,
Где трава чуть растет на отрогах
И лишайники льнут к валунам.

Где березы в лесах зеленеют
И дубы шелестят, шелестят...
Где зимою просторы белеют
Да со сна о весне говорят...

Ты как сон наяву воплощенный,
Ты, как сказка средь дремлющих гор...
Был я с детства в тебя влюбленный,
И остался таким до сих пор.

Ты, как нищая, вволю горюешь,
Ты пастушкою песни поешь,
Поздней ночью у речки колдуешь,
Ранним утром дороги снуешь.

И поклоны Ему посылаешь
Богомольной старухою ты,
А на Спаса Его-ж проклинаешь
Пьяным словом, крестясь на кресты...

Ты, неверная, верой пылаешь,
Ты, остывши, любовью горишь...
Ты,в несчастии счастье рождаешь
И надежды слова говоришь...

Моя гордость, радость, родная.
Неулыбчива бедная мать...
Ты одна мою жизнь наполняешь —
Мне с тобой и любить и страдать...

Из тематически очень богатого стихотворения Блока „Новая Америка" Продан не останавливается ни на его исторической теме, ни на теме превращения России в новую, индустриальную Америку, а приковывает свой взгляд как бы на продолжении тематически раннего периода творчества Блока, на тематике „Стихов о прекрасной даме". Вот строфы стиха Блока, привлекшие к себе внимание Продана:

Там прикинешься богомолкой,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный...
За крестами — кресты и кресты и т. д.

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта . . .

Судьба России, теряющей в процессе индустриализации свой исконный религиозный облик, заставляет Продана высказать свое поэтическое кредо. Силой фантазии Мать-Родина, Россия преображается в узкую родину — патриархально-идиллическое Закарпатье с тем, чтобы принять затем облик родной матери поэта.

Резко противоположную позицию занимает Вакаров.

ГОЛОДНЫЙ ПОХОД

На дорогу вышла масса —
Тысячи людей.
Это вышла ярость класса
С фабрик и полей.

Масса хлынула, как море,
Двинулась вперед.
Это голод, это горе
на протест идет.

Дышат местью и угрозой
взгляды батраков.
Это детский плач и слезы
в бой ведут отцов.

Над колонной знамя вьется,
вьется красный флаг.
Гулким эхом отдается
пролетарский шаг.

Этот шаг панов тревожит
в виллах и дворцах.
Этот звук им душу гложет,
нагоняет страх.

Его стихотворение обусловила поэма Блока „Двенадцать". Сравните предпоследнюю строфу стихотворения Вакарова со следующим четверостишием Блока из названной поэмы:

В очи бьется
Красный флаг,
Раздается
Мерный шаг.

Е. БАЛЕЦКИЙ: „СТИХИ О КАРПАТСКОЙ ДАМЕ".

Эй куда, Калина, снова?
Снег — метель кругом.
А Калина, как в оковах,
Словно под штыком...

Где улыбка? Смех твой милый?
Коломыйки где?
То ли силы подкосились?
Эй, иди ко мне.

Я мозоли обцелую,
Дамой назову.
Песнь про жизнь спою святую
И с тобой пойду.

Приласкаем всех забытых,
Всех сынов Карпат, —
И посеем снова жито...
Сын наш будет жать.

О близости этого стихотворения к творчеству Блока говорит а) его название, б) тема святости труда. См. третье четверостишие стиха Балецкого.

ЕСЕНИН

Яркая, бесшабашная лирика Есенина, с его безумной влюбленностью в свою родину:

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь!
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать —

приводила, порой, поэтов-юнцов Закарпатья в неистовый восторг. Его поэзия оставила в местной литературе глубокий, пестрый след, т. к. рязанский поэт подсказал, где искать и как выражать близкую и ему и поэтам-закарпатцам тему.

Духом поэзии Есенина проникся, как это видно из его карпатской элегии **„Павлик"**, такой же порой бесшабашный поэт, порой поэт щемящей тоски, Лев Бездомный-Мансветов:

Душа моя тянется к солнцу,
А солнце в горы ушло.
Туда, где в ущельях хоронится
От ведьм и медведей село.

Живет в хатах вонь капусты,
Грехи и великий пост.
Солнце, тебе не грустно?
Здесь носят живых на погост.

Душа моя тянется к солнцу
И любит людей и лес,
А сквозь паутину в оконце
— Несет юродивый крест.

А муж, возвратясь из лесу,
Жену-самодругу бьёт.
Дитя, из колыски свесясь,
Ощипок в тряпке жует.

А мальчик, сделав трембиту,
Играя, забыл о козе,
И, пьяным отцом избитый,
Попал на столбцы газет.

Есенин считал себя последним поэтом русской идиллической деревни, поэтом избяной, кондовой, но ничем, даже раем не заменимой для него Руси:

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.
Если крикнет рать святая:
— Кинь, ты, Русь, живи в раю!
Я скажу, не надо рая,
Дайте родину мою.

Как поэта деревни, Есенина пережил на Закарпатьи целый ряд его меньших собратьев по перу. К ним относится, кроме Льва Бездомного и Андрей Карабелеш, грезивший в 1941-ом году, в занятой немцами Праге, о родном Закарпатьи.

КАРПАТСКИЙ ВЕТЕР

Припомнились детства далекие годы,
Проснулись былые мечты...
Карпатское лето, прохладные воды
И свежие в поле цветы.

Я вижу над речкой сторожку лесную,
Полянку в алмазной росе,

А если Тибавские Верхи миную, —
Свалявское вижу шоссе.

И снова теснятся громадные горы,
Зубастые пики идут в небеса,
Куда бы не кинул ты жадные взоры, —
Везде лишь леса да леса.

Мне сказки шептали могучие ели,
К замшелым утесам прильнув.
В забытых ущельях потоки шумели,
Волна погоняла волну.

Там редко на солнце деревия рдели,
Лишь разве в июньские дни...
Плясали в каскадах большие форели
И не лишь форели одни.

Мне вспомнилось детства веселое лето,
Пастушеский первый шалаш...
О, где ты, красавица милая, где ты,
„Верховино, свитку ты наш"!

Евгения-же Недзельского — этого типично русского интеллигента-маловера, в своё время духовно выключившего себя из русской государственности, жаждавшего скорого прихода „тленья смертного", горбатый, „навьюченный веками край" Закарпатья с его гомоном молодой, жизнерадостной поэзии духовно возродил. Он вернул поэта к творческому труду и стал для Недзельского „земным любезным отечеством", „всерадостным, как рай".

СОН НАЯВУ

Во сне безмолвно приходила смерть.
Свернулось сердце, как листок сгорая...
Как было сладко, как легко простерть
Земную плоть... Открылись двери рая:

Навьюченный веками край горбат,
И жить ему как будто не под силу:
Лежит зеленое чудовище Карпат,
Пятою каменной упершися в могилу.

Соленой ропой ропщет лежебок,
И слезы льются тысячью потоков...
Кто их осушит? Милосердный Бог?
Иль песня ветра в ожиданьи сроков?

Лежу в траве. Лучи текут верней.
Ослепший солнцем день стоит безвзорен.
Стада гусей на убранной стерне
Лоскочут зелень чуть проросших зёрен.

Шалфей и чемерица у дорог.
Земля растрескалась, как чёрствая коврига,
Запаутинилась . . .
И, Боже, твой порог —
От лет младых читаемая книга!

И, кажется, помедли, не сгорай,
Иль вновь от тленья смертного воскресни,
Мне был бы день всерадостен, как рай,
Земного не было б отечества любезней!

Это „есенинское" отношение к клочку русской земли хоть и не было у Недзельского столь ярким и красочным, как у Сергея Есенина, тем не менее оно толкнуло Недзельского на совершение огромного труда. Евгений Леопольдович всесторонне включился в духовную жизнь края. Он являлся ряд лет секретарем о-ва им. А. В. Духновича, редактором газет: „Русского Народного Голоса", „Русской Правды", „Русского Слова"; как литературовед он стал автором „Очерков по истории карпаторусской литературы" и лектором многочисленных театральных курсов. В годы Второй мировой войны им была выпущена „История угрорусского театра". Он собрал и способствовал изданию массы рукописей поэтов и прозаиков Закарпатья, напр., стихов Евгения Фенцика и стихов и прозы Уриила Метеора-Сильвая и др., издал сборник, собранных им пословиц и поговорок „Из уст народа", был устроителем выставок местных художников и занимался многим и многим иным. В частности и воспитанием приведенной плеяды поэтов и писателей. Как поэт, он издал ряд собственных сборников стихов, а как переводчик, перевел, переложил и издал весьма замечательный сборник стихов чешских поэтов „Из чешской лирики" — выбор лучшего из имеющегося в ней.

В плоскости поэзии образцом врастания Евгения Недзельского в поэзию Закарпатья могут служит такие его стихотворения, как „Утро" и „Духнович":

УТРО

Сладка дремота сонных пасек,
Где солнца луч течет, как мед.
Вздрогнувший золотом карасик
Рябит кругами лоно вод.

---

[13]) Ропа — насыщенная солью вода.

Смотреть, смотреть в часах погожих
На пробужденье низины
Да как улитка с липких рожек
Не сбросит цветик бузины,

Как от крутой Говерлы к Снине
По горным дебрям, снами пьян,
Глянь, тучным вепрем к полонине
Беззвучно ломится туман,

Да как с долин, от сизых лысин
Бугров, запаленных до тла,
Восходит пряной мглою изсинь,
Под ранний благовест села...

На сене, вянущем без сгреба,
В цветке изомнутом конем,
Да в этом черством ломте хлеба,
Чуть пахнущего полынем.

О, как легко меж житом рослым
Дать розмах согнутым сердцам,
Крутить потуже перевесла,
Корчагой припадать к губам,

Поют! Шатер души раздвинул
Напев и душу взволновал, —
Как будто я им счастье кинул,
Я жизнь благую даровал!

В 1942-ом году будучи узником Бухенвальда и находясь на грани жизни и смерти, Карабалеш включается в полемику, наложивших на себя руку поэтов Маяковского с Есениным. Включается с тем, чтобы переосмыслив право человека самовольно уходить из жизни и, тем более отнимать жизнь у другого, с твёрдой уверенностью заявить, что он „рабом тюремным ... не умрет!"

УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ

Минуло лето ... песни дозвенели,
На полонинах нет давно ягнят ...
И резво пляшут листья на панели
И журавли на дальний юг летят.

Желтеет лес ... серее неба своды,
Сырой туман ложится поутру ...
Дождусь ли я в концлагере свободы?
Нет, я рабом тюремным не умру!

Хоть умирать, конечно „нам не ново"
И жить, наверно, тоже „не новей",
Но хочется сказать хотя бы слово
Родне, товарищам, жене своей...

А если нет уж выхода иного
И гибель неминуема и так, —
Начнём борьбу, товарищи, мы снова,
За жизнь потомков бейтесь на фронтах!..

М. ГОРЬКИЙ — ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

Революционный задор ранне-романтических произведений М. Горького, вроде его „Буревестника" или „Песни о соколе", как и литературное новаторство поэзии Владимира Маяковского были восприняты Кириллом Галасом-Красиным. Богоборчество, вызов Судьбе и титанизм звучат в них. Вот образцы его поэзии:

БУДЕТ ДЕНЬ

Будет день — судьбу заставим
Быть повежливее к нам.
По углам огни расставим,
Осветим наш скудный храм.
Песней громкой, небывалой
Мы расплавим плавь небес,
И судьбы проклятой жало,
Вырвав, пригвоздим на крест.

МЫ ИДЕМ

Мы идем
и поем —
Разрушаем
Черноту нависающей ночи.
Мы огни зажигаем
На карпатских угрюмых обочьях...
Мы идем.

Мы идем,
Слышен гром,
И угрюмая непроглядь ночи
Содрогается, стынет от грома и песен,
Разрывается в черные клочья
Всех столетий нависшая плесень,
Мы идем —
С нами гром.

Мы идем
И поем.
И угрозы мы вяжем с грядущею далью —
С этой жизнью и веком на ты перейдем...
Наша песня всем будет скрижалью —
Эту песню поем мы и гром.

Замкнем круг! Каким-то перекрестным влиянием Горького и Пушкина отмечено стихотворение Емельяна Балецкого, обращенное к карпатским поэтам-апостолам.

Зачинатели двух литературных эпох как бы присутствуют в нем:

Пусть сердце будет как фонарь,
Для заблудившихся средь ночи.

— это призыв Горького к смелым, следовать примеру юного Данко, из его-же рассказа „Старуха Изергиль". Но „угль пылающий огнем", в груди Данко, его горящее сердце — говорит о пушкинской стихии. И заключительный аккорд стихотворного послания Балецкого „Карпатским апостолам": „Чтоб тьма исчезла перед песней" — это мажорная концовка „Вакхической песни" Александра Сергеевича Пушкина: „Да здравствует солнце, да скроется тьма!"

КАРПАТСКИМ АПОСТОЛАМ

О, друг,о, брат, земляк родной,
Сн< в трущобы, ямы, щели.
Сниди с горящею душой,
Чтоб братья Солнце в тьме узрели.

Сниди туда, где мука и печаль
Поют уныло панахиду.
Сниди, чтоб брат из тьмы восстал
И строил Солнцу пирамиду.

Блесни во тьме живым огнем.
Блесни и души озари рассветом.
Скажи на языке родном:
„Для вас родился я поэтом".

Скажи, что ты, как брат, пришел;
Что ты рассвет несешь в трущобы.
Гласи средь наших гор и скал,
Что жить нельзя во мраке гроба.

Пусть сердце будет как фонарь,
Для заблудившихся средь ночи.
Неси, неси свой братьям дар,
Который зло и тьму расточит.

Итак, сниди, сниди во мрак,
Зажги сердца людей во мраке.
Неси в трущобы новый флаг.
Молися к Солнцу паки, паки.

И объясняй, что рок наш груб,
Но мы имеем тоже право.
Так души разрушай, чтоб труп
Воскрес из мертвых величаво.

Чтоб пел о Солнце в тьме ночей,
Чтоб тьма исчезла перед песней,
И чтоб в Карпатах ряд людей
В борьбе за жизнь сомкнулся тесно.

Завершая просмотр закарпатского Парнаса, отдадим должное А. В. Духновичу, который полтора столетия тому назад первым откликнулся, как поэт, на музу А. С. Пушкина. Возложим на его главу венок, свитый одним из наших теперь общих знакомых — Юрием Виром-Недзельским.

ДУХНОВИЧ

Ребятам в школе дал он книжку в руки,
Нам заповедал: светом тьму круши!
По „Книжице" учились мы: — Аз — Буки - -
И утолял нам голод „Хлеб Души".

Своим трудом он поднял нас из праха,
Народ будил: оставь глубокий сон! —
И „Поздравление" — страницы альманаха —
Звучать нам будут до конца времен.

Народный гимн вручил, как завещанье:
Да будет нам обычай предков свят!
Года идут — Духновича „Вручанье"
Поют сто тысяч верных соколят.

Превыше всех богатств есть добродетель,
Чужое чти, но помни о своем, —
Так он учил, — народ тому свидетель:
Что он прорек — мы все теперь поем...

Не родилась такая в мире сила,
Чтоб певший рот народа затворить,
Чтоб вырвала из сердца то, что мило,
И бросила пустое сердце жить!..

Духнович с нами в счастьи и недоле,
Мы с ним, как были наши предки встарь,
Доколе слово русское в Тополе,
Пока оратай трудится на поле,
И полонину сторожит овчарь!..

Литературные соколята выполнили завет Духновича.

Юношеская порывистость и внутренняя гармоничность, встревоженная войной образность и глубинная русскость, — вот основные черты народной души, так ярко выраженные поэтами Закарпатья на историческом перепутьи Второй мировой войны. Именно эти черты позволили подавляющему большинству поэтов Закарпатья окунаться в различные этнические культуры (чешская, венгерская, немецкая, словацкая, польская), но выходить из соприкосновения с ними неизменно русскими.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Приведенный нами ряд параллелей между русской поэзией XIX и XX вв. и закарпатской поэзией периода 1939-1944 гг., не претендует на безусловность литературных связей. Знакомя читателей с данной параллелью, мы не стремились иллюстрировать связь между отдельными произведениями, а хотели познакомить их с той внутренней близостью поэзии Закарпатья к русской литературе, которая ощутима в этой побочной ее артерии. На любом из капилляров живого организма можно установить пульсацию его крови. Как мы могли видеть это на приведенных нами примерах, поэзия Закарпатья, живя жизнью обособленной биологической клетки, отражает одновременно культурно-исторические процессы всего общерусского организма, болеет его болезнями, знает общие с ним подъемы и общие срывы.

Двойственность исторического периода: страх русского населения Закарпатской Руси перед мадьяризацией и вера в скорое освобождение породила двойственность стихов: их приглушенную элегичность и взрывчатую мятежность. Но там, где поэзия Закарпатья выходит за рамки повременного, там неизменно проступают извечная русскость, изумительная образность и присущая ей глубокая народность.

Каким-то непостижимо нелепым кажется исторический акт уничтожения исконно русского облика населения Закарпатской Руси, насильственно обращенного в украинцев.

Невзирая ни на талант поэтов, ни на их дружественное отношение к Советскому Союзу, продиктованное вековым желанием Закарпатской Руси слить свою судьбу с судьбой всего русского народа, ни на их социальное происхождение, им было приказано политическими властями „освободителей": **Не быть!** И произошло это не в „глухое венгерское время", а тогда, когда после тысячелетнего томительного ожидания, ища материнской ласки, ребенок потянулся к „своей матери". То есть в момент, когда Закарпатская Русь находилась накануне присоединения к Советскому Союзу, сменившему Россию.

Пусть Леонид Ильич Брежнев не будет в обиде на автора, что он напомнит ему, что произошло это в присутствии его, Мехлиса, Тюльпанова, Вайса, Иткина, Давидовича и других представителей советской власти, достаточно образованных, чтобы понять чего они лишают край, лишая его многовековой традиции и выступая на ролях глушителей русскости.

Отшумела война. Забудутся нанесенные кривды. Но голос тех, кто отстаивал пером западные рубежи Русской Земли должен всегда звучать на общерусской перекличке! И пусть летописцы грядущих поколений в своих повестях не забывают о тождестве духа и плоти Закарпатья с остальной Русью, столь выразительно утвержденной музой приведенных поэтов, хоть горло этой музы на время и сдавила рука современного Кремля.

АЛЕКСЕЙ ЮЛИАНОВИЧ ГЕРОВСКИЙ

Краткая биография

Отец Алексея Юлиановича, д-р Юлиан Михайлович Геровский был присяжным поверенным и являлся членом австрийского парламента в семидесятых годах прошлого столетия. Мать его, Алексия Адольфовна Добрянская, была дочерью Адольфа Ивановича Добрянского, который был вождем русских в Венгрии и играл видную роль не только в Карпатской Руси, но и в Австро-Венгрии.

Принимая во внимание большое влияние, оказанное Добрянским на А. Геровского, который воспитывался при нем с раннего детства, необходимо ознакомиться с исторической ролью самого Добрянского и его значением для Карпатской Руси. Он был уроженцем самой западной части Крапатской Руси и по образованию — горный инженер. Его имя, как первооткрывателя угольных копей в Чехии, стало известным в Австрии.

Когда молодому австрийскому императору Франц Иосифу понадобился человек, который представлял бы его при главном командовании русских войск, присланных по его просьбе русским императором в Венгрию для подавления венгерского восстания, то на этот пост назначили Добрянского.

После подавления восстания, император назначил его членом Венгерской Императорской Придворной Канцелярии, выполнявшей функции венгерского правительства. Когда Добрянский был избран делегатом от Карпатской Руси в венгерский парламент, он добился того, что Карпатская Русь, называвшаяся в то время „Угорская Русь", стала пользоваться некоторой автономией. В школах стали преподавать русский язык и государственных чиновников в Карпатской Руси заставляли учиться этому языку. На государственных и городских учреждениях появились русские надписи. Согласно составленной Добрянским программе, которую он изложил императору Францу Иосифу, относившемуся к нему в то время с большой симпатией и награждавшего его орденами, — Угорская, Галицкая и Буковинская Русь должны были быть объединены в одной автономной провинции. Этого не произошло вследствие коварной политики австрийского двора, удивившего весь мир своей неблагодарностью по отношению к России во время Крымской войны 1854 г. В то время, когда Англия, Франция и Италия напали в Крыму на Россию, Франц Иосиф придвинул свои войска к русской границе и тем помог напавшим на Россию державам, так как русскому командованию пришлось оттянуть часть столь необходимых ему войск к австрийской границе.

Вследствие этого, когда в 1866 г. Пруссия разбила у Кенигреца австрийскую армию, Франц Иосиф уже не мог расчитывать на помощь России и был вынужден согласиться на все требования мадьяр, угрожавших революцией. Франц Иосиф короновался венгерской короной и Венгрия получила свое автономное управление. Новое венгерское правительство сразу же принялось за безпощадную мадьяризацию населения, меньше половины которого составляли сами мадьяры.

В своем имении в селе Чертежном, в Карпатской Руси, Добрянский занялся культурно-просветительной работой среди местного русского населения. Мадьярам это чрезвычайно не нравилось. И, когда в конце 70-х годов он приехал в Ужгород на годичное собрание, основанного им общества Василия Великого, то мадьярские солдаты пытались зарубить его саблями, но не зная его лично, прорубили голову его сыну. Под разными предлогами убийцы наказаны не были. По „совету" мадьярских властей, Добрянскому пришлось уехать из Венгрии. Он, вместе со своей старшей дочерью Ольгой, женой адвоката Грабаря[1]) переехал во Львов, где в то время находился отец А. Геровского, женатый на другой дочери Добрянского, Алексии.

Во Львове Добрянского и его дочь Ольгу вместе с униатским священником Наумовичем арестовали и всех обвинили в госу-

[1]) Известный художник и искусствовед Игорь Грабарь был ее сыном.

дарственной измене за „пропаганду православия".[2]) Продержав их в тюрьме шесть месяцев, предали суду, где их дело решали присяжные заседатели, которые не нашли в нем никакой государственной измены и все обвиняемые были освобождены. Местные власти посоветовали Добрянскому поскорее покинуть Львов и переехать на запад. Добрянский уехал в Вену, а его дочь Ольга Грабарь переселилась в Россию. В имении в Чертежном осталась только жена Добрянского, Элеонора и ее сестра Нина.

Переехав в Вену, Добрянский полагал, что там его оставят в покое. Но, увы, перед его домом всегда стояли два сыщика, сопровождавших его, куда бы он ни шел. Тогда Добрянский пошел к австрийскому министру-президенту и обратился к нему с вопросом: куда уехать человеку, получившему от императора наивысшие награды и дворянский титул „Ritter von", за его помощь во время мадьярского восстания, дабы спокойно дожить последние годы своей жизни. Министр-президент ответил, не задумываясь — „поезжайте в Инсбрук, в Тироль,[3]) там вас никто безпокоить не будет". Добрянский переселился в Инсбрук. Туда же австрийское правительство сослало и д-ра Юлиана Геровского, отца Алексея Юлиановича.

Таким образом Алексей Геровский рос в чисто немецкой обстановке и учился в немецком училище и в немецкой гимназии, которая находилась под надзором иезуитов, монастырь которых был рядом с гимназией. Ежедневно, в половине восьмого утра, гимназистов водили в иезуитский костел. В восемь утра начинались занятия в гимназии. Восемь часов в неделю были посвящены изучению латыни. В Инсбруке Геровский изучил в совершенстве не только немецкий литературный язык, но и тирольское наречие, сильно отличающееся от литературного языка. Там же он научился и итальянскому языку. Русскому литературному языку его учили дома, где говорили или по русски или на двух карпаторусских наречиях; мать — по „лемковски", а отец на бойковском наречии. Дед Добрянский жил в том же доме, где и остальные члены семьи: два брата Алексея — старший Роман, впоследствии доктор медицины, и младший — Георгий, будущий русский ученый, филолог, и он сам.[4]) Сестра же, Ксеня, в это время оставалась в имении в Чертежном, при бабушке.

---

[2]) В Австро-Венгрии православие могло существовать открыто только в некоторых частях, в которых православные составляли значительную часть или большинство населения. Но там, где население официально считалось униатским, "православная пропаганда" считалась государственной изменой. Не только католики, но и многие протестанты не могут поверить, что это в действительности было так. Поэтому, как доказательство, следует привести свидетельство римокатолического профессора папского университета в Риме, иезуита Аммана, совсем недавно написавшего историю православных церквей в Европе, в ней он

Когда мальчики подросли, отец обеспокоился их судьбой и решил, что дальше оставаться в Инсбруке им нельзя — „поженятся на немках и пропадут". В правительственных кругах ему посоветовали переехать в Сараево, в Боснию. Там-де есть православные сербы, при этом один из чиновников показал ему документ, присланный от начальства из Вены, в котором значилось, что д-р Юлиан Геровский был сослан в Инсбрук, "in das katolische und kaisertreue Land Tirol" (В Тироль — католический и верный императору край).

В конце концов, вся семья, за исключением деда Добрянского, переехала в Буковину, в Черновцы, главный город этой австрийской провинции, где официальным языком был немецкий. Православных там не трогали из-за того, что подавляющее большинство населения составляли православные русские и румыны. Алексей Геровский продолжал учиться в немецкой гимназии. Большинство учеников в ней составляли „немцы" — евреи. Русские были в меньшинстве. В то время началась систематическая украинизация. В школах начали заменять общерусское правописание „фонетикой", то есть отменили „ять" и заменили его „і", а „ы" заменили буквой „и" и, конечно, выкинули твердый знак. В гимназиях „руский" язык преподавался два часа в неделю. Об Украине и об украинском языке еще не говорили. Язык и национальность все еще называли „рускими" (с одним „с"). Ученики были обязаны писать свои сочинения „фонетикой". Начались проявления неудовольствия и протесты. Дабы не провалиться, ученики писали по старой орфографии а потом зачеркивали буквы: ѣ, ъ, ы. Учитель Шпойнаровский не знал, как ему быть и, спасая свою шкуру, написал донос губернатору.

совершенно открыто указал на то, что в обоих половинах Австро-Венгерской монархии распространение православия официально считалось государственной изменой.

[3]) Инсбрук — столица Тироля, самая западная часть австрийской провинции, где живут одни лишь римокатолики; немцы на севере, итальянцы на юге.

[4]) Постоянным местожительством Георгия Юлиановича был город Мукачево. Оттуда он систематически выезжал в разные части Закарпатья собирать языковый материал местных говоров. Собранный им огромный материал был частично опубликован в таких ведущих научных журналах, как Zeischritt für Slavische Filologie, La filologie Slaves, Vlastiveda и других.

Академия Наук СССР поручила ему исследовать наречие одной из великорусских областей и напечетала его труд в своем официальном издании. После смерти Г. Ю. Геровского осталось 120 его неопубликованных статей и научных работ по истории и культуре Закарпатской Руси. Его имя, как крупнейшего знатока карпаторусских наречий и говоров было известно научным кругам Европы 30-х и 40-х годов.

Когда умер о. Иванович, православный законоучитель гимназии, убежденный русский человек, ученики, по существующему тогда обычаю, расклеили по всему городу посмертные известия, напечатанные на литературном русском языке. Все это весьма не понравилось властям. Началось следствие, результатом чего Алексею Геровскому было предъявлено обвинение в том, что он организовал бойкот „фонетики", выразившийся в напечатании посмертных объявлений. Постановлением австрийского министерства народного просвещения, Геровский был не только исключен из Черновской гимназии, но ему был закрыт доступ во все учебные заведения в Галичине и Буковине, то есть, во все школы, в которых имелись русские. Геровскому пришлось продолжать свое образование дома и затем, ежегодно сдавать экзамены. Университет он закончил в Черновцах, куда он был принят на юридический факультет, так как начальство университета решило, что министерство просвещения не имело права закрыть ему доступ в их университет. Окончив образование и получив степень доктора юридических наук, Алексей Юлианович решил последовать примеру отца и сделаться адвокатом.

Его старший брат, Роман, учился в немецком университете в Праге и окончил там медицинский факультет. Алексей поехал к нему в Прагу, чтобы присутствовать при вручении ему докторского диплома. Было это весной, перед Пасхой. Они решили вернуться в Черновцы через Венгрию, чтобы заглянуть в Изу, находившуюся в восточной части Карпатской (Угорской) Руси.

Об Изе тогда много писали, в особенности в венгерских газетах, так как это большое русское село, официально считавшееся униатским, порвало всякую связь с Римом, после того как новоназначенный униатский священник приказал дьяку читать в церкви „Верую" с католической прибавкой — „иже от Отца и Сына исходящего". Примеру Изы последовали соседние села. Начались аресты и избиения „схизматиков". Братья Геровские решили увидеть на месте, что там происходит. Когда они приехали в Хуст и спросили тамошнего униатского священника, как попасть в Изу, появились два жандарма и арестовали их. Из Хуста, под эскортом жандармов, их отправили в губернский город Сигот, где их продержали несколько дней в тюрьме, а затем отправили в Будапешт. Там их посадили в „толонцхаз", сборный пункт для бездомных бродяг и проституток. Там они просидели две недели, и там же „праздновали" Пасху. Среди служащих оказался серб, он согласился тайно уведомить члена венгерского парламента, словака д-ра Милана Годжу, что два брата Геровские находятся в толонцхазе. Благодаря Годже Геровских освободили, но их выслали навсегда из пределов Венгрии.

Случай, подобный тому, что был в Изе, произошел в Галичине в селе Залучье. Там громадный униатский приход отрекся от Рима, потому что новоназначенный униатский священник начал вводить римские новшества. Он повесил в церкви изображе-

ние Иисуса Христа с сердцем, горящим на груди. Геровский оказался в это время в местечке Васьковцы, находящемся на правом берегу реки Черемош, образующем границу между Буковиной и Галичиной, а на левом берегу, напротив Васьковцев, лежало село Залучье. Надо было только перейти мост. В Васьковцах, где Геровский практиковал в местном уездном суде, он познакомился с уроженцем Залучья, университетским студентам Иваном Оропцом и тот пригласил его в свое родное Залучье на собрание „мятежных" прихожан. Говорилось о том, почему не могут больше ходить в свою церковь при новом священнике. Один из местных вождей сказал: „Вот вырезали сердце у Иисуса Христа и приказывают нам молиться не Иисусу Христу и Господу Богу, а сердцу Иисусову. А завтра они придумают молитву правому колену, а послезавтра — левому колену. Это не наша вера". На собрании было решено построить новую церковь. Один из местных крестьян подарил для этой цели участок земли. Но власти запретили строить церковь. Не нашлось ни одного адвоката, который согласился бы помочь крестьянам. За это дело взялся Геровский, он составлял для залучан все необходимые бумаги и при том безплатно. Это показалось властям подозрительным.

Впоследствие Геровскому пришлось давать юридические советы не только залучанам и изянам, но и „бунтовавшим" жителям других сел, в особенности в Закарпатской Руси, куда доступ ему был запрещен венгерским правительством. Но крестьяне из Закарпатской Руси начали приезжать к нему в Черновцы. Мадьярское правительство эти поездки быстро прекратило; жандармы узнавали людей из бунтующих сел по их одежде и выбрасывали их из поездов на границе. Но православные крестьяне из Закарпатской Руси приходили к Геровскому в Черновцы пешком или верхом, невзирая на то, что им приходилось проходить горными тропами не меньше ста пятидесяти километров. Геровский издавал в Черновцах еженедельную газету под названием „Русская Правда", которую мадьярская почта не допускала в пределы Венгрии. Но за газетой, православными богослужебными книгами и иконами приходили крестьяне из Закарпатской Руси и увозили с собой.

В конце 1912 г. в восточной части Закарпатья начались массовые аресты русских крестьян. В одно время арестованных „схизматиков" в Сиготской тюрьме доходило до 200 человек. Жандармы безжалостно избивали не только мужчин, но и женщин и девочек. Весной 1913 г. начался уголовный процесс 94-х крестьян, считавшихся главными борцами за „старую веру". Из них, за „противогосударственную деятельность", осудили на разные сроки, до четырех с половиною лет, 34 человека. А в декабре того же года был арестованы в Черновцах Алексей и Георгий Геровские за государственную измену. В обвинительном акте Алексей Геровский был назван главой организации, замышлявшей государственную измену. Единственной мерой наказания для Геров-

ского, по соответствующему параграфу уголовного закона, была смертная казнь на виселице. Братьев Геровских продержали в тюрьме полгода, но незадолго до Первой мировой войны им удалось бежать из тюрьмы и пробраться в Россию. В отместку за бегство, была арестована их мать Алексия Геровская, Алексея жена с двухлетним ребенком и сестра Ксения. Как только началась война, были арестованы и все другие родственники: двоюродные сестры и их мужья. Дома их были сожжены австрийскими властями. Дом в Чертежном, в котором жила 86-летняя вдова Добрянского, был тоже сожжен австрийскими офицерами, которые приехали с двумя грузовиками. Они сперва забрали из дома все ценные вещи, серебро, старинные ковры, картины итальянских художников и т. п.

Вдову Адольфа Ивановича Добрянского оставили в горящем доме и ее спасли местные крестьяни, которые в последнюю минуту вынесли ее из дому. Мать Геровского и его сестра Ксения были посажены в тюрьму в Вене, в отдельную камеру, где они находились под постоянным надзором. В дверях был устроен глазок, через который за ними постоянно велось наблюдение. Проснувшись в одно утро, Ксения Геровская почувствовала странную слабость. Она позвала мать, но та не отозвалась. Ксения подошла к ней и увидела ее мертвой с ножницами в животе. Никогда в их камере не было ни ножниц, ни ножа. Несомненно, что ночью ее убили. Но начальство объявило, что это было самоубийство.

О бегстве братьев Геровских писали все газеты, не только местные и австровенгерские, но и заграничные. В течение нескольких недель их побег, во всех подробностях, обсуждали в иностранной печати. Самая влиятельная ежедневная английская газета, лондонский Таймс, несколько раз писала о деле Геровских и об их побеге.

Вскоре после этого началась Первая мировая война. Алексей Геровский вернулся в завоеванную русскими Буковину в качестве „старшего чиновника особых поручений" при русском губернаторе Евреинове. После отступления русских войск в 1915 году, он состоял при Министерстве Иностранных Дел в Петрограде в качестве эксперта по австро-венгерским и балканским делам. После войны и революции Геровский вернулся в Карпатскую Русь, где ему пришлось бороться с русофобской политикой чешского правительства.

Как известно, Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии в 1919 г. по международному договору, гарантировавшему Карпатской Руси „самую широкую автономию" и собственный парламент. Но, среди чешских политических деятелей, не только членов правительства, но и членов парламента, не нашлось, буквально никого, кто пожелал бы защищать права Карпатской Руси и среди них не оказалось ни одного чеха, который отказался бы продолжать австрийскую политику „украинизации", направленную на расчленение русского народа и самой России.

Чешским главарям казалось, что они победили и что они призваны играть, если не главную, то во всяком случае выдающуюся роль во всей Восточной Европе. Отторжением всего югозападного края от России и созданием „независимой Украины" они предполагали расширить Малую Антанту. В ней они расчитывали играть первенствующую роль. Такая мегаломания охватила буквально всю чешскую интеллигенцию. Россию и русских они презирали и считали их „низшей полутатарской расой, неспособной к высшей культуре". Эти мысли они не только высказывали, но и не стеснялись печатать в своих газетах. И, потому, вопреки международному договору, в течение всего двадцатилетнего существования Чехословакии, Карпатская Русь не получила автономии и по-диктаторски управлялись чешскими чиновниками.

В подобной обстановке приходилось работать Геровскому и продолжать ту же борьбу, которую он вел при австровенгерском режиме, то есть, воевать за сохранение русского самосознания, за сохранение „старой русской веры" и за осуществление постановлений сен-жерменского международного договора. И кончилась эта борьба почти также, как и при Габсбургах. Правда, чехи поступили гораздо „милостивее" австро-венгров, которые собирались повесить его за „государственную измену". Они ограничились тем, что лишили Геровского гражданства и изгнали из Чехословакии. Таким же гонениям подверглись и члены его семьи. Его брата Георгия, ученого филолога, не признали чехословацким гражданином, хотя чешские ученые и языковеды признавали и печатали его труды. Многотомная чешская „Властиведа" (Отечествоведение) также напечатала его обширный труд о карпаторусских говорах. Но работа Г. Геровского не понравилась чешским заправилам в Праге, невзирая на то, что он совершенно не занимался политикой. Его научная работа мешала их самостийной украинской пропаганде и, поэтому, когда в Мукачев приехал известный датский славяновед и попросил Георгия Юлиановича сопровождать его в поездках по Карпатской Руси и помочь ему ознакомиться с русскими говорами на местах, чешская полиция вмешалась и запретила Геровскому выезжать за пределы города Мукачева. Датскому профессору пришлось ездить по Карпатской Руси одному. Когда он вернулся в Мукачево, он поделился с ним тем, что видел. По его словам то, что творилось в Карпатской Руси, напоминало ему порядки в Индии, в которой он побывал. „Карпатская Русь напоминает мне чешскую колонию наподобие английской колонии Индии" —говорил он. То обстоятельство, что в Карпатской Руси, во всех городах и местечках чешское правительство понастроило для чешских чиновников отдельные городки, где жили одни чехи, совершенно так, как в Индии англичане, его особенно поразило. Единственного сына Г. Геровского, окончившего университет в Праге, чешское правительство тоже не пожелало признать своим гражданином и когда началась Вторая мировая война и немцы призывали в свою армию

всех бывших граждан Австрии, чешская полиция сообщила им, что сын Г. Геровского — австрийский гражданин. Немцы забрали его в армию, где он был убит.

Сестра Алексея Геровского, Ксения — родившаяся в Карпатской Руси, в Чертежном, в имении своего деда Добрянского, по проискам чешской полиции, превратилась в „иностранку" и, поэтому она — окончившая классическую гимназию, не могла даже быть учительницей в сельской школе.Когда же она, по просьбе жителей соседнего с Чертежным села, согласилась учить грамоте их детей, ее посадили под арест на три дня. После этого к ней явился униатский священник, который от имени своего епископа сообщил ей, что если б она была „ихняя", то есть униатка, то она бы немедленно получила назначение в любую униатскую церковную школу.

Алексей Геровский оставался в Карпатской Руси шесть лет, то есть, до тех пор, пока его не выслали из Чехословакии. Будучи генеральным секретарем Центр. Исп. Комитета Православных Общин Карпатской Руси, он совместно с сербским епископом Досифеем организовал карпаторусские приходы. Сербский Синод назначил его юрисконсультом православной церкви. До первой мировой войны Сербская Православная Церковь имела право юрисдикции на всей территории Венгрии, в которую входила и Карпатская Русь. Чешское правительство хотело ликвидировать русскую православную церковь в Карпатской Руси, но не имело права и не смело открыто выступить против Сербской Православной Церкви, а старалось добиться уничтожения русской церкви путем разных интриг. Договорившись с константинопольским патриархом, чешские власти провозгласили „Чехословацкую Православную Церковь", которую возглавлял в Праге архиепископ — чех. Всем православным общинам в Карпатской Руси было сообщено, что они входят в состав этой чехословацкой православной церкви и подчинены архиепископу Савватию в Праге. Организованный Геровским Центральный Исполнительный Комитет Карпаторусской Православной Церкви не допустил этого чешского епископа в Карпатскую Русь. Геровский в Константинополе ознакомил патриарха с юридическим статутом Карпатской Руси и протестовал против его вмешательства. Но, уступая желанию и под „влиянием" чешского правительства, патриарх назначил в помощники пражскому чешскому епископу русского заграничного епископа Вениамина, который неожиданно приехал в Карпатскую Русь с готовым церковным уставом на чешском языке и на украинской мове. Геровскому, при помощи сербского министра-президента Пашича, удалось изгнать Вениамина из Карпатской Руси.

В сущности политика чехословацкого правительства в отношении России и всех русских являлась продолжением австрийской политики и сводилась к расколу русского народа посредством украинизации и унии с Римом. „Либерал" Масарик и его идейный последователь Бенеш (оба масоны) в этом деле были

солидарны с Римом, насаждая украинизацию и всеми мерами поддерживая униатскую церковь, которой открыто предоставлялись многомиллионные государственные пособия.

Во время общих собраний Лиги Наций Геровский ежегодно ездил в Женеву, и там знакомил ее членов с карпаторусской проблемой и писал статьи в женевских газетах. Он также был членом женевского „Конгресса Меньшинств". В феврале 1927 г. чешское правительство лишило Алексея Геровского гражданства и ему пришлось покинуть пределы Чехословакии. Он переселился в Югославию, где и продолжал свою борьбу против русофобской и анти-православной политики пражского правительства. В этом он пользовался поддержкой не только сербской православной церкви и сербской печати, помещавших его статьи, но и со стороны сербских политических партий, как правительственных, так и оппозиционных. Ему удалось организовать Сербско-Карпаторусский комитет, в который вошли представители сербских партий югославянской скупщины (парламента). Он выступал на сербских собраниях, а также на большом съезде сербского православного духовенства в Битоле, в августе 1927 г. Громадное впечатление на сербов произвело его выступление на съезде четников, на котором присутствовал также чешский военный агент от чехословацкого посольства в Белграде. После речи Геровского, когда он изложил положение русского народа под властью чехов, со всех концов собрания, на котором находились несколько епископов и многочисленное духовенство, из бывших четников, раздались возгласы возмущения и брань по адресу чехов. Официальному представителю чешского правительства, явившемуся в офицерской форме, пришлось покинуть собрание и, состоявшийся после собрания военный парад прошел без него. Чешское правительство заявило протест и требовало изгнания Геровского из Югославии, но безрезультатно. Конечно, эти события шли на пользу Карпатской Руси, ибо чешское правительство не могло не считаться с настроениями сербов.

В конце 1929 г. Геровский прибыл в С.Ш.А., чтобы здесь организовать карпатороссов для борьбы за свои автономные права и сразу же натолкнулся на противодействие со стороны Рима, который через посредство своего епископа письменно осведомил американское правительство о том, что Геровский „опаснейший коммунист, потому что он знает все языки средней Европы". Потребовалось больше двух лет для того, чтобы создать организацию, объединяющую все карпаторусские братства, как православные так и униатские в один „Карпаторусский Союз", возглавлявшийся комитетом из 24-х членов, где православные и униаты были представлены поровну. Создание такой организации до сих пор, несмотря на все старания, не удавалось никому и, потому всеми расценивалось как своего рода чудо.

Естественно, что чешскому правительству это очень на нравилось и оно тратило много денег, чтобы подорвать „Карпато-

русский Союз". Несмотря на то, что среди сотен тысяч карпатороссов нашлись единицы, которые польстились на эти деньги и всячески интриговали против Союза вообще и против Геровского в особенности — эти попытки были безуспешны. В распоряжении Карпаторусского Союза было несколько как православных так и униатских газет, которые печатали его статьи. Деятельность Союза в то время сводилась к пропаганде и к периодическим поездкам Геровского в Женеву, где он путем личных разговоров с представителями различных держав, и статьями в ежедневных женевских газетах, старался обратить их внимание на карпаторусский вопрос.

В последние годы перед Второй мировой войной чешское правительство изыскало новый способ для того, чтобы подорвать авторитет Союза. Их агенты стали говорить карпаторссам, что мол, основанный Геровским Карпаторусский Союз „ничего не делает" и что он основал этот Союз для своих личных целей. В ответ на эти обвинения в карпаторусских газетах появилась статья Геровского. „Карпаторусский Союз — писал он — объединил всех карпаторуссов в Америке и делает все, что возможно в мирное время, а его „бездеятельность" можно сравнить с „бездеятельностью" армий мирного времени во всех государствах, которые будут готовы действовать, как только настанет время. И Карпаторусский Союз будет тогда действовать в Европе, согласно обстоятельствам. В течение ближайших лет там вспыхнет война. И первым государством, — продолжал Геровский, — которое исчезнет с карты Европы, будет Чехословакия". Эта статья взбесила Прагу. В чешской печати появились яростные статьи против Геровского. Было опубликовано постановление чешского суда, что Геровский будет арестован, как только переступит чехословацкую границу. Министр иностранных дел Бенеш ездил в Карпатскую Русь и прочел в Ужгороде и других городах ряд лекций о значении Чехословакии и о будущности Карпатской Руси. Не упоминая Геровского, он, между прочим сказал, что есть люди, предсказывающие недолговечность Чехословакии. „Но я говорю вам — заявил он — что судьба Карпатской Руси уже решена навеки или, во всяком случае, на много столетий". Текст этой лекции Бенеша был напечатан отдельной брошюрой на русском языке и эта брошюра распространялась чехословацкими консульствами в Америке. Весной 1938 г., когда над Чехословакией уже нависли тучи, Геровский созвал собрание правления Карпаторусского Союза, которое и решило единогласно послать в Карпатскую Русь делегацию для ознакомления со сложившимся там положением.

Делегация, отправленная в Европу в конце апреля 1938 г., состояла из трех человек: Ивана Попа, о. Янчишина и А. Геровского. Поп и Янчишин получили чехословацкие визы в Америке, а Геровский, зная, что чехословацкий посланник в Вашингтоне ему откажет, решил получить визу в Париже. Вечером, накануне

отъезда, в Нью Иорке собралась группа карпатороссов для проводов делегации. Совершенно неожиданно появились также представители „украинцев" — галичан, во главе с редактором ежедневной газеты „Свобода", которые заявили, что пришли пожелать карпаторусским делегатам успеха. За несколько дней до этого Карпаторусский Союз получил письмо из Ужгорода от тамошней „Руськой Народной Рады", за подписью ее председателя, монсиньора Волошина, тоже выразившего радость по поводу предстоявщего приезда делегации в Карпатскую Русь.

Приехав в Париж, делегаты отправились в тамошнее чехословацкое посольство. Чехословацкий посол заявил им, что без разрешения пражского правительства визу д-ру Геровскому он дать не может. Он посоветовал двум другим делегатам ехать без Геровского с тем, что Геровский прибудет в Чехословакию позже, как только будет получено согласие от пражского правительства. Геровский заявил, что поедут они все вместе, или совсем не поедут и что они согласны ждать сутки и, если до этого времени согласие чехословацкого правительства получено не будет, то делегация вообще в Чехословакию не поедет и что разговаривать с чехами им будет не о чем. Такой ответ видимо смутил посланника. На следующий день утром посланник сообщил Геровскому по телефону, что чехословацкое правительство приглашает его в Прагу и что он сейчас же выдаст ему визу. Делегаты опять поехали в посольство и Геровский попросил посланника подтвердить в письменной форме все то, что тот сказал ему по телефону. И после того как Геровский настоял, что без такого письма он не поедет, посланнику пришлось это письмо написать. Кроме того посланник выдал Геровскому еще одно подтверждение о том, что постановление чехословацкого суда о немедленном аресте Геровского, в случае если тот посмеет перешагнуть чехословацкую границу, отменяется.

В Праге делегаты были очень любезно приняты министром-председателем, д-ром Миланом Годжей, посоветовавшим им, чтобы они сперва предприняли поездку по Карпатской Руси и ознакомились бы с создавшейся там обстановкой, после чего было бы можно серьезно переговорить обо всем. В Ужгороде делгатов встретили на вокзале все карпаторусские члены чехословацкого парламента и представители местных организаций, во главе с городским головой П. П. Совой. В тот же день было решено устроить совместное заседение народных рад (Русской Народной Рады и Руськой Народной Рады). На общем заседании было решено, чтобы американские делегаты ездили по Карпатской Руси и знакомились с обстановкой на местах в сопровождении представителей обоих рад.

Делегаты объехали всю Карпатскую Русь от Чорногоры до Татер в автомобилях, предоставленных им губернатором д-ром Н. Бескидом.

Затем, в Ужгороде состоялось несколько совместных засе-

даний обеих рад, которые ни к чему не привели, так как невзирая на то, что самостийники составляли в этом крае ничтожное меньшинство, „руськие" требовали для себя полной равноправности с русскими в случае осуществления автономии Карпатской Руси. Хотя чехословацкое правительство постоянно оказывало поддержку самостийникам, они не смогли избрать в пражский парламент ни одного своего представителя.[5])

В июле месяце 1938 года отцу Янчишину и Попу пришлось вернуться в Америку, а Геровскому было дано полномочие говорить от имени всей делегации.

Вследствие безцеремонного хозяйничания чехов в Карпатской Руси, настроение в народе было таково, что многие предпочитали вернуться в состав Венгрии. Особенно ярко эти настроения проявились на самом востоке в Ясенье, центре гуцульщины, где сыном местного русского священника, и членом пражского сената Бачинским, по поводу приезда делегации, была организована сходка.

В конце августа того же года уже было ясно, что дни Чехословакии сочтены. В начале октября состоялось заседание обоих рад в губернском правлении в Ужгороде, на котором единогласно было решено провозгласить автономию Карпатской Руси. Было избрано первое автономное карпаторусское правительство во главе с Андреем Бродием. В октябре того же года А. Геровский вернулся в Америку.

Впоследствии, по приказу Гитлера, власть была передана самостийникам, которые устроили в Хусте свое правительство с монсиньором Волошиным во главе. 15 марта 1939 года началась мадьярская оккупация Карпатской Руси и Волошин, через Румынию, со своими галицкими помощниками, бежал в Югославию, а оттуда в Прагу.

После того, как мад.яры заняли всю Карпатскую Русь, Геровский стал получать письма от карпатороссов, а также от бывших членов чехословацкого парламента — от Бродия, Пьещака и Жидовского, которые настаивали на том, чтобы он приехал в Карпатскую Русь. В то время Геровский был югославянским гражданином. Когда он приехал в Белград, югославянский министр иностранных дел посоветовал ему съездить в Карпатскую Русь, убеждая его в том, что мадьяры его не тронут, ибо он будет на-

---

[5]) Самостийник Ревай, учитель начальной школы, которой был членом пражского парламента от Карпатской Руси, не был избран карпаторусскими голосами, но попал в парламент как член чехословацкой социал-демократической партии, благодаря поданным за нее голосам в Чехии и Моравии. Карпатская Русь, согласно чешским законам, должна была иметь только девять депутатов в пражском парламенте. Ревай, получивший чешские голоса, оказался, таким образом, десятым представителем Карпатской Руси.

ходиться под защитой югославянского правительства. При этом министр попросил его взять с собой сербского епископа, который уже год тому назад был назначен сербским патриархом карпаторусским епископом, но ему не выдавали чехословацкой визы под предлогом, что его назначение состоялось без ведома пражского правительства, хотя последнее, согласно сен-жерменскому договору, не имело права вмешиваться в церковные дела Карпатской Руси. Министром культов в Будапеште в то время был граф Телеки, который сразу признал и утвердил назначение сербского епископа и обещал лично присутствовать при его настоловании в Мукачеве или прислать туда своего официального представителя. Но совет министров, — в своем большинстве состоявший из заядлых римо-католиков, — запретил ему это сделать. Все-же, при настоловании епископа в Мукачеве присутствовал мадьярский генерал, командовавший гонведами в Карпатской Руси.

Спустя некоторое время граф Телеки стал министром-президентом. Геровский был с ним знаком издавна. Он познакомился с ним еще до Первой мировой войны на „журфиксе", в доме русского консула в Будапеште. Телеки был русофилом и, как и глава государства того времени адмирал Хорти, считал немцев самыми опасными врагами Венгрии. Адмирал Хорти был за то, чтобы в Карпатской Руси были настоящие русские школы с русским литературным языком преподавания. Он также был сторонником того, чтобы Карпатская Русь возможно скорее получила автономию. Русофильство адмирала Хорти ясно сказалось в его первом воззвании к карпаторусскому народу, в котором он назвал местное русское население не „рутенами", но русскими (oroszok), а наш край — "Kárpát Orozsország" — „Карпатская Россия".

Но даже при поддержке Телеки проблема русских школ в Карпатской Руси при венгерском правлении натолкнулась на серьезное сопротивление со стороны нового министра народного просвещения, который решил, что в школах Карпатской Руси ни в коем случае не должно быть русского литературного языка.

Со своей стороны граф Телеки обещал Геровскому, что он, во что бы то ни стало, добьется того, чтобы язык в школах был бы наиболее близок к литературно-русскому языку, „так, чтобы вам было легко перейти на чисто русский литературный язык". Вы ведь не готентоты — сказал он, вы — русские и у вас есть свой язык, который и должен быть официальным языком Карпатской Руси. Но этим добрым намерениям не суждено было осуществиться. Вначале некоторые правительственные издания печатались на языке близком литературному русскому, но затем этот язык все более и более искажался. Впоследствие же, даже некоторые школьные предметы было приказано преподавать на мадьярском языке. Название Карпатской Руси было переделано по чешскому образцу в „Карпаталья", то есть „Подкар-

патье". (Чехи называли Карпатскую Русь „Подкарпатско")

После того, как немцы вторглись в Венгрию и напали на Югославию, граф Телеки покончил самоубийством.

В Америку Геровский вернулся поздней осенью 1939 года. Перед его отъездом состоялось собрание русских депутатов, представлявших Карпатскую Русь в венгерском парламенте. Они выдали Геровскому письменное полномочие выступать от имени Карпатской Руси на тот случай, если они сами не будут в состоянии выступить на защиту своего родного края. Геровский предупреждал, что предстоит мировая война и советовал им, в случае угрозы советской оккупации, заблаговременно покинуть Карпатскую Русь. В то время все они уже разочаровались в мадьярском режиме и мечтали о присоединении к России, какой бы она ни была. Эту точку зрения с особым упорством защищал Андрей Бродий. Напрасно Геровский убеждал его, что советы убьют его по двум причинам, — потому что он не самостийник и потому, что будучи краевым лидером, не является коммунистом. К несчастью, предсказания Геровского сбылись. Советские власти „ликвидировали" всех русских лидеров, а некоторых из них сослали куда-то на восток, после чего о них больше никто ничего не слыхал.

Вернувшись в Америку, Геровский вошел в контакт с американским министерством иностранных дел, которое вело с ним переговоры о Карпатской Руси еще до ялтинской конференции, после которой ему было сказано, что американское правительство больше не интересуется судьбой Карпатской Руси.

Геровскому предложили по этому вопросу пойти в советское посольство в Вашингтоне и даже указали к кому следует обратиться персонально. Разговоры в советском посольстве не привели ни к чему. Там ему было заявлено, что Советский Союз не интересуется Карпатской Русью, поскольку она входит в состав Чехословацкой Республики и что советское правительство не притязает на чужие территории. Было ему также сказано, что в Карпатской Руси живут украинцы, а не русские и что он сам ошибочно называет себя русским, так как по сути дела он является „украинцем".

Долгое время Геровский был учителем в школе Берлица, в Нью Иорке. Там он преподавал разные языки и составил несколько новых учебников. Все шло гладко и хорошо в течение семи лет, пока он не опубликовал в одном протестантском епископальном журнале несколько статей о зверствах, которые творила римская церковь во главе с загребским архиепископом Степинцем, в созданной Гитлером „Независимой Державе Хорватской". Большая часть акций школы Берлица принадлежит иезуитской фамилии и та, под давлением иезуитов, Геровского уволила.

После Второй мировой войны созданный Геровским Карпаторусский Союз увял, так как у американских карпатских русских все надежды, возлагаемые ими на Россию, рухнули.

ГЛАВА X

САМОСТІЙНІ, ВІД НІКОГО НЕЗАЛЕЖНІ...

АВАНТЮРА ГАЛИЦКИХ САМОСТИЙНИКОВ НА ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ

Для нашего земляка, старого эмигранта из Карпатской Руси, будет не безинтересно узнать, каким это чудом его русский край через ночь стал „Карпатською Україною". Как могло случиться, что тот самый народ, который еще в 1937 году голосовал громадным большинством за русский литературный язык, как язык преподавания, вдруг внезапно изменил своей традиции, идеалу и национальному имени. Разве бывают такие чудеса? Конечно, нет!

О событиях на Закарпатской Руси, происходивших во время правительства Волошина, писалось очень много, больше всего галицкими и нашими местными самостийниками. Но они описывали эти события с сепаратистской, антинародной и авантюрной точек зрения. Стремления южно-русских (украинских и галицких) сепаратистов не я первый называю авантюрными.

Их еще во время революции охарактеризовал подобным образом украинский селянин. Он, этот русский селянин, следующими словами встретил в своем доме генерала М. Омельяновича-Павленко, боровшегося за самостийную Украину: „Я не дивуюся тій молоді, що хоче битися, бо то авантюра, але що ти, старий дурню, з ними зв'язався, я сего ніяк не розумію". (См. статью „Генерал-полковник Омельянович-Павленко". „Українське Слово", № 522, Париж).

Я попытаюсь изобразить „Карпатскую Украину", ее организаторов и вдохновителей с нашей русской, народной, нормально-человеческой точки зрения, с точки зрения здравого смысла; при чем, во избежание упрека в односторонности и пристрастности, буду пользоваться источниками самостийников исключительно.

Во время правительства А. Волошина наш край оказался в плену у галицких самостийников, которые терроризовав народ Закарпатья, производили над ним свои авантюрные опыты, к счастью, продолжавшиеся очень недолго.

Кто такие самостийники-националисты и откуда они взялись, кто родил их? Без ответа на этот вопрос дальнейшее мое повествование было бы для многих не вполне понятным.

Создателем, идеологом украинского национализма, современного типа, является, как это ни странно звучит, великоросс Димитрий Донцов. Свою идеологию он распространял посредством журнала „Вістник" и своих многочисленных книг. Юрий Шерех, современный украинский писатель самостийнического образа мыслей, в своей книге „Думки проти течії" 1949 г., считает большевизм и гитлеризм родными братьями учению Донцова (стр. 27); на стр. 17, он говорит:

„В протилежність цьому ми висуваємо тезу, що вістниківство є своєрідний двійник большевизму . . .". „Вістниківством" — автор называет „учение" Донцова", так как тот его распространял посредством своего журнала „Вістник".

Национализм Донцова — воистину нечто страшное, апокалиптическое, коммунистическое . . .

Послушайте, какой порядок желателен Донцову:

„Не непорушне щастя, не існуюче, не психосентиментальну утопію, не ідеал спокою, не щастя „мирної хліборобської країни", не ідеалізація покірного беззубого народа, — лише апотеоз волі, що руйнує й будує світи, апотеоз чину для чину, хоч би се був огонь, землетрус чи страшний суд, хоч би він окупався **слезами** і кровю міліонів..."

Вы, ведь, согласитесь со мною, что такую программу может создать только чудовище, упырь. Донцов уверяет нас, что эту вампирскую программу исповедовал Т. Г. Шевченко. Свою человеконенавистническую идеологию ни коммунисты, ни нацисты не проповедовали так откровенно.

Юрий Шерех говорит, что сам Донцов „прямо і не двозначно ставить большевизм у свої зразки" (образец).

В доказательство сему он приводит след. текст из книги Донцова: „Члени провідної касти, особливо в критичні епохи суспільства, це свого роду апостоли (а таку епоху переходить Україна від початку сего віку). А майже загальний для всіх віків психологічний закон є той, що не можна бути апостолом, не відчуваючи бажання гостро змасакрувати когось або зруйнувати щось. Всі апостоли гриміли в той самий спосіб проти безбожности своїх противників, уживаючи проти них ті самі процедури енергійного наглого винищення". С. Ю. Шерех, „Думки проти течії" стр. 32).

Юрий Шерех называет вестниковцев (воспитанных на журнале Донцова „Вістник") групкою „несамовитих фанатиків".

В руки, вот таких, ,несамовитих" одержимых фанатиков, горящих желанием „гостро змасакрувати когось, або зруйнувати щось" и попала наша родина на несколько месяцев.

Народом должна управлять элита, говорит Донцов, а сам народ в его представлении является ,свинями, бидлом, чи отарою" (Ю. Шерех,.. Думки проти течії стр. 40).

Желая играть на темных сторонах человеческой души, Донцов провозглашает: „До емоціональности і фанатич-

ности великих ідей, які рушають масами, треба додати, ще одну їх прикмету: аморальність". (Донцов, „Национализм" стр. 194).

На аморальности он очень настаивает. На 197 стр. вышеупомянутой книги есть слова: „Треба вже раз відріжняти моральности історії і тих, що її роблять від моральности одного з міліонів, який не хоче ніякої історії."

А вот какими должны быть вожди народа, по убеждению Донцова. Приведя выдержки из книги L. Ward. „Dyn Soziologie 1, 17", он вещает: „Не лише світ кермується „пристрастями, а не інтелектом, але й ... дійсні пани світа, щоби заслужити свою назву, мусіли бути часто не лише ентузіастами і фанатиками, але й в більшости випадків, божевільними". „Юрбою керували люди, натхнені, воодушевленные „магнетичною пасією епилептиків і мономанів".

Не станем приводить больше выдержек из Донцова. Кто желает ближе познакомиться с многочисленными трудами больной фантазии, пусть поищет книг Донцова в библиотеках. У Донцова есть много последователей не только в Галичине, но и у нас на Закарпатье.

Вот программа, изложенная в стихотворной форме, несчастным молодым карпаторусским поэтом с изуродованной Донцовым душой:

НІ, НЕМА.

Ні, нема братерства
Лише гнів та їдь,
Поблагословіте
Меч, залізо, мідь.
І будьте жорстокі,
І жадні пожеж,
Бо життя — то люта
Боротьба без меж.
Полюбіть залізо,
Кров і екразіт,
З заліза і крови
Творіть новий світ.

Ю. Боршош-Кумятский

(„Пробоєм", червень 1938).

Имеем ли мы право не интересоваться этим только потому, что мы далеко от нашей родины, что мы за океаном? Но, ведь, эти страшные эксперименты одержимые производили и собираются производить над живым телом нашего народа.

Твои родные, читатель, твои братья, сестры, родители, знако-

мые подвержены смертельной опасности стать объектом новых экспериментов.

Неужели „Талергоф” нас ничему не научил? Неужели уроки II-й Мировой войны, — когда люди, провозгласившие в 1941 году во Львове „самостійну Україну”, убили в продолжение 2-3 недель несколько тысяч человек — пройдет даром? Ведь я это утверждаю по свидетьству самих же самостийников.

Вот как смотрит на страшные последствия человеконенавистного учения душевно искалеченных людей самостийник же, Петро Голубенко. В Аргентинской национальной украинской газете „Наш Клич” он поместил статью, в которой, говоря о преступлениях украинских националистов-бандеровцев и об угрозе бандеровца М. Мартинюка, замечает следующее:

„Не следует относиться легкомысленно к этим угрозам и потому, что это не случайные заявления случайных людей. Это говорят их руководители. Оно не является временным настроением, а совсем законченной идеологией. Братоубийцев у нас не судят, они ходят среди нас как национальные герои. Такова наша действительность. Из всего этого становится ясно, какая угроза таится внутри украинского общества. Ему угрожает самоуничтожение”.

Даже из противников никто не мог бы более метко определить последствия злосчастного, антинародного безрассудного, украинского национализма.

Показав, в общих чертах, настоящее лицо „українського націоналіста”, теперь можем приступить ближе к интересующей нас теме.

Будучи врагами России и боясь возрождения русского государства, Масарик и Бенеш оказывали украинским сепаратистам огромную всестороннюю материальную и моральную помощь. Послушаем, что говорят об этом сами самостийники.

В 1949 г. появилась в свет книга видного галицко-самостийнического националиста-идеолога В. Мартинца. Она называется „Українське підпіля”.

В подзаголовке значится: „Від У.В.О. до О.У.Н. — спогади й матеріяли до передісторії та історії українського націоналізму”.

Вот что пишет хорошо осведомленный автор этой книги:

„. . . українська еміграція тішилася всебічною моральною й матеріяльною підтримкою чеського уряду, неприхильно наставленного до Польщі (за Тешин); тому мала тут те, про що українське населення на рідних землях, не дивлячись на всякі міжнародні заруки, мріяти (мечтать) не могло: український університет, високий педагогічний інститут, господарську академію, гимназію,

видавництва, товариства, організації та й ще загал студентства, що також мав необмежений доступ на всі високі чеські школи; користувався індивідуальними стипендіями, цілком вистачаючими на утримання та оплату студій; врешті, чеський уряд давав індивідуальні дотації поодиноким визначнійшим емігрантам, не говорячи про фінансування українських шкіл та установ".

Итак, самостийники имели в Чехословакии три высших учебных заведения, в то время как мы, русские, край которых составлял автономную часть государства, — не имели ни одного. Самостийники имели издательства, общества и организации, которые существовали на государственный счет. А какие из наших обществ, издательств и организаций существовали на государственный счет? Почему у нас вообще не было русского издательства? „Чеський уряд давав нідивідуальні дотації поодиноким визначним емігрантам." Кто из „визначних" ученых русских получал „дотации"? Наши ученые не только что дотаций не получали, но им даже мешали работать, их преследовали. Когда на учительские курсы, учрежденные в Сваляве летом 1936 года, лектором церковно-славянского языка, диалектологии и русского языка был приглашен проф. Г. Геровский, единственный ученый карпато-русский языковед, то мукачевская полиция запретила профессору оставлять Мукачево, где этот единственный наш языковед жил, лишенный даже подданства на своей земле. Наши студенты, которых вряд ли было больше 200-300, целых двадцать лет боролись за стипендии и общежитие. В то время много тысяч галицких самостийников получало стипендии, из которых они могли ежемесячно уделять крупную сумму на поддержку подпольной революционной работы в Галичине. Послушаем, что говорит об этом В. Мартинец, в упомянутой уже его книге: „В Чехословакії була велика кількість українських студентів, що діставали постійні стипендії у висоті приблизно 500 Кч. Через загальне оподаткування студентства можно було стягнути значні фонди ... Таким способом вдалося полагодити справу без великого шуму, навіть конспіративно, вислідом було 75.000 Кч. місячно, що їх пересилалося на потребу У.В.О. (подпольная организация — Украинская Войсковая Организация — замечание мое) до банку у Львові" (стр. 55). Так вот видите: члены этой самой У.В.О. „оподаткували", говоря проще, грабили студентов и посылали во Львов ежемесячно такую крупную сумму. Масарик и Бенеш не могли не знать, что они финансируют „работу" У.В.О.

Интересно бы узнать, какое число студентов пользовалось постоянными ежемесячными стипендиями. Пороемся в старых журналах. „Тризуб" — тижневик, издававшийся в Праге, в № 4 за 1931 год сообщает: „Протягом десяти років на Університеті було записано 7.700 студентів і студенток. Заметьте, что это до 1931 года и при том только на Университете. Сколько было сту-

дентов на остальных двух высших школах, нам не известно, хотя, между прочим, мы знаем, что подьебрадская „Господарска Академия” выпустила около 600 инженеров. (См. кн. „Правила, програми та плани навчання”, Регенсбург, 1947.)

В Чехословакии галицкие самостийники организовали и обучали революционные кадры, имели склады оружия. Дадим возможность им самим говорить: „Я прибув до Праги в половині листопада 1922 р., продовжував Бігун, тут жив зразу-під прізвищем Петро Климець. Зголосився я в сот. Рудницького, що був військовим аташе ЗУНР (Западно украïнська народня рада — примечание мое) при чеському уряді, а заразом керманичем УВО на Чехословаччині . . . Я налагодив організаційну сітку вГрадце Кральовім (Кенігрец), а потім жив у таборі в Йозефові (Йозефштадт), де студіював вибухові матеріяли й передавав свій досвід (опыт — прим. мое) на вишкільних курсах іншим членам УВО. Бо треба знати, що в цьому таборі колишньої нашої армії вишколювалися члени УВО, що при потребі діставали доручення й верталися до краю, одні нелегально, інші легально, зокрема по березні 1923 р . . . — Доволі велику ролю відіграв для УВО табір у Йозефові, що проіснував до 1924 р. . . . У таборі переховувалися члени УВО, що втікли з краю, тут відбувалися вишкільні курси УВО, тут був перехований склад зброї, що йшла до краю . . .”.

Вот таким опытным боевым „божевильним” людям, вооруженным авантюрною идеологией, ненавистью, безграничным честолюбием и даже оружием и попала в руки в 1939 году наша Закарпатская Русь.

Будет не лишним сказать еще несколько слов о том, как чехи с первого же дня присоединения Подкарпатской Руси (так оффициально называлась Закарпатская Русь) к Чехословакии, начали украинизировать наш край.

Я не хочу бросать этот упрек в лицо всего чешского народа, ибо среди чехов было очень много людей, не согласных с украинизаторской политикой своего правительства. В моем родном селе имел место такой случай. Маршировали по улице дети горожанской школы (неполной средней), между которыми находился и я, со своими учителями и пели песню, в которой были слова: „свою родну Украину навики покинув”. Никто другой, как мелкий чешский чиновник Носек, остановил нас и крикнул: „Tady neni Ukrajiny, zde jest Podkarpatská Rus”. Никто из учителей не возразил ему, а наоборот, когда мы удалились немного от места инцидента, к нам подошел директор школы — галицкий самостийник Демян Гадяк — и приказал нам, чтобы в будущем эту песню на улицах села петь так: „свою родну Русску Землю навики покинув”.

Известный украинизатор Закарпатской Руси, галичанин Василий Пачовский, в своей книжке „Срібна Земля” сообщает следующее: „У вересні (сентябре) 1919 р. чеське правительство звернулося через міністерство заграничних справ до бригади УГА

(Української Галицької Армії), яка тоді була стаціонована в Німцькім Яблоннім, з предложенням, щоб дати людей до науки дітей та до урядів (государственных учреждений) на Закарпатті. Можна було дати 1000 людей, передовсім учителів, бо було там доволі інтелігентів. Але в бригаді ухвалено (решено) не йти, бо мовляв, „може підемо на Україну" (стр. 66). Какое счастье, что самостийнические „інтелігенти" из УГА не пожелали тогда итти на Закарпатскую Русь!

Начальником Школьного Отдела — верховного учреждения, ведавшего школьными делами на З. Руси — был чех Пешек. Вот этот Пешек пригласил к себе галицких самостийников и поручил им организовать гимназию в Берегове. Они организовали там „руську" гимназию. Не нужно забывать, что самостийники у нас выступали под именем „руських", не украинцев. И убеждали нас, что мы только „руськи", а не русские, и что „русский", „руский" и „руський" не одно и то же самое. „Украинцами" они себя у нас стали называть в конце 30-ых годов, перед развалом Чехословакии.

„Та під нашою рукою — пишет В. Пачовський — за тих 10 літ, що я там був, росло молоде покоління в середних школах, з року на рік побільшуючи й число молодих діячів, сяючих ідеэю України . . ." — стр. 65.

Чешское правительство старалось, чтобы все культурно-просветительное и школьное дело на Зак. Руси было бы в руках самостийников. Русский литературный язык был изгнан изо всех школ. Конечно, были многие школы, даже большинства школ, которые не подчинились приказу министерства школ и народного просвещения и целых двадцать лет учили на традиционном русском литературном языке, за что Прага все время существования Чехословакии преследовала их.

Сразу же после возникновения Подкарпатской Руси чешское правительство поручило Ивану Панькевичу, галицкому самостийнику, написать грамматику, по которой бы составлялись все учебники для наших школ и язык которой считался бы литературным для нашего края. Он написал грамматику галицкого полонизированного наречия. Вышеупомянутый уже В. Пачовский написал на этой „мове" „Історію Подкарпатскоѣ Руси", а Владимир Бирчак составил учебник по истории карпато-русской литературы — „Литературнѣ стремлѣня Подкарпатскоѣ Руси".

В этих книгах злопамятных авторов осмеивалось и предавалось позору все прошлое нашего племени, вся его идеология и стремление слиться во-едино хотя бы в культурном и религиозном отношении с остальным русским народом. Самостийники лезли из кожи вон, чтобы уничтожить в народе те идеалы, то чувство единства с русскими в России, которые только и могли спасти наш народ в тысячелетней оторванности, от полной денационализации.

Наш писатель прошлого столетия Уриил Метеор (И. А. Сильвай) в своих воспоминаниях писал: „Однако-ж, при всем истоще-

нии сил угрорусского народа, есть одно обстоятельство, которое его предохраняет от конечного исчезновения. Именно, его язык есть язык исполинского народа, литература которого стоит на уровне прочих культурных народов Европы, и обладает силою по мере своего величия в культурном успеянии идти вперед громадными шагами. Итак, жизненная сила крошечного угрорусского народа заключается не в политическом его сознании, от которого он по своей— ничтожности не может ничего приобрести, не может ничего и утратить, но заключается в единстве языка и литературы, и в единстве обрядов церковных". („Автобиография", стр 12).

Именно потому чтобы убить духовно наш народ, ни одного учебника или школьного пособия, написанного на традиционном русском литературном языке, не было допущено Прагою в наши школы.

Но народ не сдавался. Росло постепенно число образованных русских людей, которые шаг за шагом отбивали у самостийников наши школы. Если в двадцатые годы из четырех наших гимназий три воспитывали детей в антирусском духе, в презрении и ненависти к нашей идеологии, традициям, вере и литературному языку, то уже в 1937 году все гимназии были в русских руках. Только в Береговской еще кое-как пытались отбиваться галицкие авантюристы. Так как русских учебников не было, то преподавателям гимназий приходилось употреблять или чешские книги или учебники русской эмигрантской гимназии в Праге. Большинство учителей обходилось без всяких учебников, диктуя уроки ученикам.

В политической жизни народа только те партии могли существовать на Под. Руси, которые поддерживали русское течение. В законодательном собрании чехословацкого государства карпаторусский народ был представлен шестью депутатами (Андрей Бродий, Петр Жидовский, д-р Павел Коссей, д-р Иван Пьещак, Юлий Ревай и д-р Степан Фенцик) и двумя сенаторами (д-р Э. Бачинский и Ю. Фелдеший). Из всех парламентских представителей только один депутат — Юлий Ревай — представлявший филиал чешской соц. демократической партии на Под. Руси — принадлежал к украинскому движению. Все остальные — русские.

Приведу еще один факт, очень красноречиво свидетельствующий о любви нашего народа к русскому литературному языку. До второй мир. войны книгоноши (протестантские) продавали в нашем краю Библии на разных языках. По статистике, напечатанной в карпаторусских газетах за известный отчетный период, этим книгоношам удалось продать 2000 Библий на русском языке и только 150 на украинском.

В 1937 году, когда пост министра Школ и Народного Просвещения занимал Крейчи, народный социалист, русским патриотам, наконец, удалось добиться утверждения первого русского учебника. Это была грамматика русского литературного языка

Е. Сабова. После этого были написаны на скорую руку учебники для начальных школ. Министерство их тоже утвердило.

Все русские учителя устранили учебники, писанные „мовою" и ввели в школы новые русские книги. Где на селе учителям был самостийник, там народ заставлял учителя учить по новым учебникам. Образовалось множество комитетов по собиранию средств на закупку русских учебников для бедных детей.

Чтобы выйти из неловкого положения, создавшегося после утверждения русских учебников для тех самых школ, в которых уже много лет употреблялись учебники украинские, министру Крейчи пришлось на прошение русских культурно-политических деятелей, устроить всенародный опрос.

Каждый селянин получил два билета. На одном было написано: „малоруський язык (украинский язык)", на другом — „великорусский язык (русский язык)". Несмотря на жульничество со словами „малорусский" и „великорусский" — ибо малорусский народный язык это не украинский язык, а русский язык (литературный) это — не великорусский — наши самостийники потерпели полное поражение, ибо 86 процентов селян, подчиняясь тысячелетнему чувству единства всего русского народа, голосовали за „великорусский язык".

Борьба за русский литературный язык, продолжавщаяся почти двадцать лет, казалось, приближалась к концу, к победному концу. Наконец-то восторжествует народная правда! Не нужно будет больше прятать учителям перед инспекторами русские учебники; можно будет учить без необходимости коверкать русский литературный язык.

Политическая деятельность Гитлера очень сильно тревожила чехословацких политических деятелей и всю общественность. Очень тревожило Чехословакию слияние Германии с Австрией. Трагические последствия для государства имело возникновение движения Судетских немцев за автономные права. Вождем этого движения был Генлайн, верный агент Гитлера. Немцы Чехословакии очень быстро стали такой крупной политической силой, которую никак нельзя было игнорировать, и их требования возрастали изо дня на день. Пользуясь слабостью и нерешительностью чешского правительства в отношении судетских немцев, словаки тоже стали заявлять о своих культурно-национальных правах. Русские Подкарпатья, которые ни на минуту не переставали бороться за свои автономные права, повели сильное наступление на Прагу.

Согласно Сен-Жерменскому мирному договору, Подкарпатской Руси предоставлялась **самая широкая** автономия с собственным законодательным органом (сеймом) и автономным правительством, ответственным перед сеймом. Статьи о русском самоуправлении были включены и в конституцию Чехословакии. Це-

лых двадцать лет чешское правительство отказывалось осуществить корпаторусскую автономию на том будто бы основании, что наш народ политически незрелый, и что у нашего народа нет достаточного количества образованных людей. О том, что такое политическая зрелость, чешские политики имели свои особые взгляды. Им и в голову не приходила та простая мысль, что народ, который после многовекового ига подымается на борьбу за свою народность, веру и государственность, не может не быть зрелым. Повидимому политическая зрелость чешского народа проявила себя образцово в 1946 г. на свободных выборах, когда чехи отдали 51% голосов коммунистам и социал-демократам (коммунисты получили 40%), что и дало возможность коммунистам захватить власть в свои руки в 1948 году. Так была чехами проявлена не славянская, а интернациональная солидарность. Никакой советской военной силы не было уже в начале 1948 года в Чехословакии, когда 22 марта случился коммунистический переворот. Этот заговор прошел гладко, как по маслу. Словаки, которых чехи тоже считали незрелыми, на выборах в том же 1946 году отдали свыше 60 процентов голосов антикоммунистической партии (Демократическая Партия Словацкая), а коммунисты получили у них около пятнадцяти процентов. Можно смело заявить, что если бы чехи в это время проявили хотя бы такую политическую зрелость, как словаки, коммунистический переворот был бы абсолютно невозможен.

А наш русский народ, испытавши на себе советские порядки, бежал в Чехословакию летом 1945 г. десятками тысяч, когда узнал, что Чехословацкое правительство передало Закарпатскую Русь Советскому Союзу. Наш народ разобрался в коммунизме в течение нескольких месяцев, в то время как чехам мало было для этого почти двух лет.

Вернемся назад. В 1938 году вся Закарпатская Русь волновалась, организовалась, протестовала, требовала свои законные права. Борьбу вели политические партии. Количественно самой сильной русской партией был Автономный Земледельческий Союз (АЗС), вождем которого после смерти Куртяка стал Андрей Бродий. Аграрная партия была многочисленнее АЗС и поддерживала тоже русское движение, но она не могла проявлять большой инициативы в пользу автономных прав, так как являлась филиалом чешской Аграрной партии. Самой молодой и в то же время самой активной была Русская Национально-Автономная Партия, вождем которой был д-р Степан Фенцик. В этой партии было много молодежи и образованных людей.

Другие партии в жизни нашего народа играли незаметные роли, так как число их сторонников было очень малое. Руководителем партии Народных Социалистов на Зак. Руси был учитель городской школы Михаил Василенко, большой русский патриот. Он умер от туберкулеза поздней осенью 1944 года, уже после занятия нашего края Советами. Когда был назначен министром

школ и народного просвещения народный социалист (Крейчи), то М. Василенко воспользовался этим случаем и добился заветной своей цели — утверждения русских учебников. О коммунистической партии Закарпатья не буду здесь говорить, ибо она вела строго интернациональную линию и борьбе за автономные права нашего народа не сочувствовала, даже мешала ей.

Наши украинствующие не могли собрать столько голосов, чтобы послать в парламент своего представителя. Из восьми представителей русского народа в пражском парламенте украинствующих представлял только один депутат — Юлий Ревай, проведенный в парламент филиалом чешской партии Социальных Демократов.

Очень важную роль, может быть, даже решительную в борьбе за автономные права сыграла делегация, высланная летом 1938 года на Закарпатскую Русь карпатороссами, живущими в США. Главную роль в этой делегации играл д-р А. Геровский. Благодаря энергичной деятельности, делегации удалось объединить две самых больших русский партии — Автономный Земледельческий Союз и Аграрную Партию. Обе эти партии имели по два депутата и по одному сенатору в пражском парламенте. Они представляли большинство русского народа, так как имели шесть представителей в парламенте, а всех представителей русского народа в пражском парламенте было восемь. В Русский Блок — так называлось это объединение — не вошел представитель РНАП — А. Фенцик и украинец Ю. Ревай.

В сентябре 1938 г. члены Русского Блока подписали декларацию (заявление), к которой позднее присоединили свои подписи и С. Фенцик и Ю. Ревай.

Всем казалось в то время, что пришел конец всяким экспериментам над нашим народом. Ни чехизация, ни украинизация не удались. Единственному представителю, при том, незаконному, наших „украинцев", Юлию Реваю, не осталось ничего другого, как капитулировать — дать свою подпись под заявлением, в котором депутаты парламента называют себя „представителями русского народа".

Подписав протокол о состоявшемся выборе автономного русского правительства, культурно-политический деятель украинствующих М. Бращайко заявил: „Слава Богу, наконец маем уже правительство, маем автономию. Але треба признати, що Украина програла" (см. д-р А. Геровский „Карпатская Русь в чешском ярме", стр. 18).

В первые дни октября 1938 года, наконец, после долгой и упорной борьбы было создано первое автономное русское правительство, в которое вошли: А. Бродий (председатель совета министров и министр народного просвещения), д-р Е. Бачинский, д-р И. Пьещак, д-р С. Фенцик и Ю. Ревай.

Украинствующие просили, чтобы в правительство принять и о. А. Волошина. Ради успокоения украинствующего меньшин-

ства был принят в правительство и А. Волошин. Таким образом первое русское правительство Карпатской Руси состояло из шести членов: четырех русских и двух „украинцев". Украинцы были приняты исключительно по милости русского большинства. Через некоторое время о. А. Волошин и Ю. Ревай, будучи назначены вторично членами правительства, но уже по милости Берлина, отплатили русскому большинству по украинскому этикету.

„На одном из первых совещаний нашего правительства, на котором я присутствовал, — пишет д-р А. Геровский в книжке „Карпатская Русь в чешском ярме" — монсиньор Волошин сказал, что „треба бы поихати до Берлина", но Ревай ему не дал говорить дальше о Берлине. Когда я через пару дней поехал в Белград, генерал Сыровый (занимавший место как премьер-министра, так и место дезертировавшего президента Бенеша*) арестовал Бродия и посадил на его место монсиньора Волошина. Украинствующие, договорившись с Берлином, изменили Бродию. Я потом узнал, что генерал Сыровый арестовал Бродия по желанию немецкого правительства. На его место хотел сесть Ревай, но он был простой учитель начальной школы, а немцы хотели человека образованного. Кандидатом у них был д-р Бращайко, но, как мне потом в 1939 году сам д-р Бращайко сказал: у меня тогда не было ни одного зуба, и я выглядел как старая баба", и его забраковали. Таким образом во главе Карпатской Руси стал, по назначению чешского генерала и по милости Берлина, монсиньор Волошин, который перекрестил Карпатскую Русь на Украину".

После образования первого автономного правительства на нашем клочке русской земли, народному ликованию не было пределов. Люди по целым дням сидели за радио и читали газеты, чтобы не пропустить какую-нибудь важную новость. В каждом селе чуть не ежедневно организовались собрания, на которых по большей части учителя сообщали народу последние политические новости. Все были безмерно рады тому, что наконец мы сами будем хозяева на своей земле, что не будем слышать больше презрительных замечаний по отношению к нашему языку, вере и обычаям от чешских, по большей части невежественных, чиновников. Никто не сомневался в том, что местное автономное правительство исправит ошибки, допущенные Прагою, что неправильное решение основных экономических, культурно-национальных и религиозных проблем будет исправлено.

В первую очередь ожидалась передача земли бывших мадьярских и немецких графов и баронов в руки русского крестьянства. Земельная реформа, осуществленная чешской властью, была проведена совершенно несправедливо: громадное большинство этих земель было передано чешским колонистам. Огромнейшие поместья графа Шенборна переданы в руки чешских банков, основавших общество „Латорица", которое относилось к местному

бедному русскому крестьянству более бессердечно, чем некогда сам австрийский граф Шенборн.

В религиозном вопросе ожидалось, что местное правительство перестанет поддерживать униатскую церковь, которая вопреки всемерной поддержке пражского правительства, таяла, как весенний снег. Самым болезненным вопросом было то, что вопреки переходу всей церковной общины в Православную веру, здание церкви, приходской дом, церковные земли, также, как и все имущество прихода оставалось за унией. Этим мероприятием чехи очень тормозили переход нашего народа из навязанной ему насилием веры, в свою истинную православную веру. Иногда чешским властям удавалось доводить народ до крайности, заставлять его совершать отчаянные поступки. Так, в 1935 году я был свидетелем следующего события. В селе Вышний Быстрый, находящемся в прекрасной живописной долине реки Река, была замечательной архитектуры деревянная церковь. В художественном отношении самым ценным был иконостас этого древнего памятника. Этот иконостас считался самым замечательным в крае. После первой мир. войны все население села перешло торжественно и радостно в православную веру, не осталось в унии ни одной души, кроме священника. И вот, однажды, поздней весною 1935 года, рано утром, я вышел и увидел страшное зрелище. Вся церковь была охвачена пламенем. Никто из селян не тушил огонь. Только таким страшным отчаянным преступлением смогли крестьяне выжить из села униатского священника. Вот до чего доводила наш богобоязненный и глубоковерующий народ чешская поддержка панской униатской веры.

Очень много вопросов пришлось бы решать местному правительству, но по воле всесильного в то время Гитлера, оно не успело ничего сделать. Меньше чем через три недели после образования этого правительства, Андрей Бродий, председатель министров, был арестован.

Второе автономное правительство было поручено составить уже не русскому человеку, но ставленнику Берлина и галицких сепаратистов, А. Волошину. Всем было ясно, откуда ветер дует, и каждый знал, что протестовать против этого бесполезно, так как даже большие государства, как Франция и Англия, идут навстречу фюреру, надеясь удовлетворением его аппетита избежать войны.

Правительство Волошина, попав в плен к галицким националистам, начало лихорадочную деятельность. В первую очередь приказало украинизировать вывески на магазинах, — они все были еврейскими. Двадцать лет перед этим то-же самое происходило и на Украине. Политический деятель и писатель В. Винниченко упоминает в своей книге „Возрождение нации", как „атаманы" Коновалец и Петлюра издали приказ украинизировать вывески. В продолжение трех дней переписать все вывески на украинскую мову или — кара. „Треба було подивитись на отамана

С. Петлюру, (замечает иронически автор) як він самовдоволено їздив по вулицях і тішився українськими написами над магазинами" (стр. 202). А то, что „массы без враждебности не могут и слышать слова „Украина" (там же, стр. 95), не беспокоило ни Петлюру, ни галицких самостийников. „Массы", т. е. народ, по их понятиям, несведомы (несознательны), темны. На то и существует сабля и наган, тюрьмы и голод, чтобы посредством них приводить народ к сознанию. Очередными распоряжениями **влади** (чешско-польск. слово — правительства) распускались русские политические партии, закрывались культурно-просветительные, студенческие, молодежные и др. русские организации. Вместо обиходного: „Слава Иисусу Христу" принуждали приветствовать: „Слава Украине" (наподобие немецкого „Heil Hitler").

Михаил Прокоп

А. Геровский

УКРАИНСКИЙ МОНСИНЬОР ВОЛОШИН — АГЕНТ ГИТЛЕРА

В мае месяце 1938 года в Карпатскую Русь отправилась из Америки делегация Карпаторусского Союза, в составе трех лиц: Ивана Попа, о. протоиерея Иоанна Янчишина и д-ра А. Геровского. Результатом их поездки было провозглашение осенью того же года автономии Карпатской Руси, гарантированной нашему краю сен-жерменским договором, подписанным 10 сентября 1919 г. великими державами-победительницами и представителями новой Чехословацкой Республики: д-ром Карлом Крамаржем и д-ром Эдуардом Бенешем. Чешское правительство в течение двадцати лет не удосужилось предоставить Карпатской Руси автономию, хотя она была предусмотрена также и чехословацкой конституцией.

Два члена делегации — Иван Поп и протоиерей Иоанн Янчишин, по истечении двух месяцев уехали из Чехословакии, передав свои полномочия оставшемуся там третьему члену делегации, д-ру А. Геровскому, который и довел дело до провозглашения автономии. Чехословацкое правительство пробовало упразднить автономию Карпатской Руси, решив арестовать Геровского и выслать его за пределы Чехословакии. Однако, благодаря вмешательству югославянского посла в Праге, потребовавшего освобождения Геровского и разрешения ему оставаться в Чехословакии, генерал Сыровый, заменивший бежавшего заграницу президента Бенеша, был принужден признать автономию и первое автономное правительство во главе с карпатороссом Бродием, русским, противником украинского сепаратизма. Несколько дней спустя чехословацкий министр иностранных дел, д-р Хвалковский, передал д-ру Геровскому приглашение германского министра иностран-

ных дел Риббентропа приехать в Мюнхен для переговоров. Хвалковский сказал Геровскому, что чешское правительство предоставляет ему для этой цели военный самолет, который доставит его в Мюнхен через два часа. К большому огорчению и ужасу пана Хвалковского Геровский отказался поехать в Мюнхен на свидание с Риббентропом.

Посоветовавшись с югославянским послом в Праге, Геровский полетел в Белград. Когда на следующее утро он зашел в президиум югославянского правительства, ему там сообщили, что только что было получено известие о том, что пражское правительство арестовало Бродия, председателя автономного карпаторусского правительства, и что на его место назначен униатский монсиньор Волошин,*) украинский самостийник. Не будет лишним отметить здесь, что в то время во главе автономной Словакии оказался римокатолический монсиньор Тисо.

Геровский немедленно тут же из президиума югославского министерского совета позвонил в Прагу министру иностранных дел Хвалковскому. Его в министерстве не оказалось и вместо него с Геровским разговаривал его заместитель д-р Масаржик.

На вопрос Геровского, на основании какого права чешское правительство могло арестовать главу автономного карпаторусского правительства и назначить на его место человека, к которому большинство русских Карпатской Руси не имеет никакого доверия, — д-р Масаржик ответил, что чешскому правительству пришлось это сделать потому, что ему „так было приказано свыше". Когда Геровский выразил свое удивление по этому поводу, Масаржик прибавил: „Нам пришлось сделать еще и что-то другое, что нам было гораздо более неприятно". А на вопрос, что под этим следует подразумевать, он ответил: „Мы им (т. е. Германии) должны были предоставить экстерриториальную дорогу, соединяющую Бреслау с Веной через нашу территорию".

Волошин переименовал Карпатскую Русь на „Карпатскую Украину" и возмечтал сделать из нее Пьемонт для создания „Великой Украины". Но 15 марта 1939 г., в день объявления независимости Капатской Украины, спасаясь от мадьяр, бежал в Румынию, а оттуда в Югославию, в город Загреб, где находилась главная квартира хорватской крестьянской партии д-ра Мачека, прислужника Рима. Там, после свидания с ним, в печатном органе Мачека появилось его интервью, часть которого мы приводим ниже в русском переводе.

---

*) Впоследствии, уже в Америке, д-р Милан Ходжа, последний министр-президент Чехословакии, сообщил д-ру Геровскому, что гитлеровское правительство потребовало, чтобы и он, Геровский, был арестован вместе с Бродием.

Вот заявление Волошина:

„Когда я понял, что чехословацкая федерация, возникшая в результате мюнхенского соглашения, приговорена к исчезновению, я передал в Берлин интересное предложение, сделанное мне Венгрией. Будапешт предложил включить Карпатскую Украину в состав державы святого Стефана и предоставить нам автономию наподобие той, которой пользовалась Хорватия и Славония в Австро-Венгерской империи. Я был согласен принять это выгодное предложение, но я не мог этого сделать без разрешения Берлина. Это случилось в первой половине месяца марта. Берлин запретил мне дать ответ на венгерское предложение на том основании, что оно не соответствует духу венского арбитража. Германия не хотела допустить, чтобы Венгрия имела границу с Польшей. Вследствие этого я провозгласил 15 марта независимость Карпатской Украины. Мне опять сообщили, что мы Германии необходимы для создания Великой Украины, которое начнется с присоединения украинских частей Польши, а затем всей русской Украины к Карпатской Украине.

Ввиду такого положения вещей мне не оставалось ничего другого, как защищать новое украинское государство от венгерских притязаний.

ГЛАВА XI

ПРАВОСЛАВИЕ В ДОВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

ОДИН ДЕНЬ ВЛАДЫКИ

(Недавняя быль)

Начался день обычным порядком; архиепископ отстоял в монастырском храме раннюю обедню, во время которой виделся, как почти всегда, с одними и теми же лицами.

Новым был лишь только что назначенный викарий — православный поляк*) епископ Мелетиуш, и архиепископ должен был в душе сознаться, что приезд „православного поляка" часто мешал ему сосредоточиться в молитвах и в сотый раз начинал думать, как же все это произошло.

В сущности, в этом не было ничего неожиданного, потому что все это подготовлялось уже давно. Рука польского правительства, вдохновляемого католическим духовенством, сжимала православие все сильнее. И конечно, приезд предателя православного поляка-епископа означал только то, что вскоре начнется сильное наступление на православие в этом крае.

Архиепископ хорошо понимал, что он уже не хозяин в своей епархии, власть в которой начинает переходить в руки предателя-викария, начавшего настаивать на замене богослужебного церковно-славянского языка языком польским. Когда викарий при своем прибытии сюда обратился к встречавшим его русским с речью на польском языке, его освистали и не пожелали слушать. Викария сопровождали польские офицеры, он выполнял задание польского правительства, делая быстро служебную карьеру и любовь паствы его не очень интересовала. И вот с таким человеком архиепископу надо быть постоянно вместе. То, что происходило теперь, предвещало в будущем несчастье.

При конце литургии к архиепископу подошел викарий и, сделав поклон, сказал:

---

*) Член „Общества православных поляков", основанного польским правительством в 1935 году для совращения тех православных русских, которые готовы из-за соображений карьеры предать и свой народ и свою веру.

— Я к вам, Ваше Высокопреосвященство, с предложением. Думаю, что вы не будете иметь ничего против, если я съезжу на этой неделе в Н-ский „повят" ревизовать несколько приходов. Это ведь никогда не мешает. Для порядка, конечно.

Архиепископ знал, что викарий своего достигнет, но все же счел нужным ответить:

— Мне кажется, ваше преосвященство, что нужды в объезде там нет, но я поговорю об этом с консисторией.

Викарий, кисло улыбнувшись отошел.

По дороге из храма архиепископ остановил наместника монастыря о. Никона и спросил:

— Ну, что у вас, о. архимандрит?

— Да ничего, ваше высокопреосвященство, хорошего, — с печальной улыбкой ответил тот.

— Учим польский. Мне 68 лет, молился я все время по-славянски, а теперь, так сказать, у преддверия могилы, должен молиться по-польски: а владыка Мелетиуш еще подгоняет. Вчера встречает меня и спрашивает: — Как у вас с польским? Я отвечаю: — Плохо, владыко. Трудно мне, старику, учиться новому. А он мне на это: — Старайтесь, о. архимандрит, старайтесь, а не хотите, на ваше место найдутся другие. Каково это слушать... И что делать и где искать защиты, не знаю.

Архиепископ, нахмурившись, тихо проговорил:

— Молитесь, о. архимандрит. На Бога одна надежда. Всем нам теперь тяжело.

— Ну, не всем, ваше высокопреосвященство. Вот келейник владыки викария Петр. Этот ходит и только над нами подшучивает. Знал его преосвященство кого взять в келейники. А о. Кирилл? Член консистории, а тоже всей душой за поляков. Уйти бы от всего этого куда глаза глядят. „Прискорбна есть душа моя до смерти", и о. наместник махнув рукой, отошел в сторону.

После чая, как всегда, в одиннадцать часов архиепископ слушал доклад секретаря консистории. На докладе теперь, с вынужденного согласия архиепископа, неизменно присутствовал и епископ Мелетиуш, якобы для того, чтобы приучаться к делам, а в действительности его цель — шпионить за архиепископом и быть постоянно в курсе всего, что происходит в епархиальном управлении. Впрочем, он не только наблюдал и слушал, но принимал участие и в обсуждении дел, а подчас резко возражал самому архиепископу. При докладах викарий говорил только по-польски. Архиепископ понимал, что протестовать бесполезно и жаловаться некому.

Секретарь Павел Иванович, тихий, исполнительный и заслуживающий доверия человек, казался, с тех пор как явился в епархию викарий, смущенным и испуганным. Ясно было, что он ни в чем возражать викарию не посмеет.

И на этот раз викарий вел себя при докладе, как всегда. При чтении рапорта одного благочинного, который просил указаний,

как быть с прихожанами села Заречья, заявившими своему настоятелю, что не потерпят в своей церкви богослужений на польском языке, викарий тотчас же с возмущением сказал:

— Раз такое желание правительства, его надо исполнить. А благочинного, который не знает, как в таких случаях быть, надо немедленно уволить! Такой священник не на месте! После доклада келейник доложил архиепископу, что просит о приеме о. протоиерей Белогорский. Архиепископ любил этого образованного и умного старика и надеялся, что беседа с ним позволит ему хоть немного отдохнуть душой.

Архиепископ благословил вошедшего протоиерея, предложил садиться и сказал:

— Расскажите, о. протоиерей, что-либо хорошее и утешьте меня. В настоящее время по большей части приходится слышать плохое.

— Ох, Владыка, — ответил, грустно улыбнувшись, протоиерей. Трудно мне вас порадовать, потому что и у нас хорошего мало. У нас еще викарий Мелетиуш не был, но мы на очереди. А когда приедет, будет и у нас то же, что и в других местах, где он бывал. Знаю, владыко, что вам тяжело и потому я с вами откровенен. Не только мы, но и простые крестьяне понимают, что для православных людей настали страшные времена. Православие хотят не только ополячить, но просто уничтожить.

Он остановился и посмотрел вопросительно на архиепископа, ожидая, что тот скажет. Архиепископ помолчав с минуту, сказал:

— Да, вы правы, о. протоиерей, времена настали тяжелые. И что дальше с нами будет, одному Богу известно.

— Вам, конечно, известно, владыко, — снова заговорил протоиерей, — что когда приезжат куда-либо преосвященный Мелетий, он ни слова ожидающим его верующим не скажет. Попольски говорить видимо опасается, как бы не вышел, как у вас тут, скандал, по-русски говорить не хочет, потому, что обещал полякам вводить все польское. Вместо него говорит к народу порусски сопровождающий его в поездках протоиерей Кирилл Ковальский. Получается в высшей степени странно. У владыки для своих духовных чад нет ни одного слова приветствия или поучения. Зато после богослужения, которое совершает преосвященный Мелетиуш пока все еще по-славянски, в доме священника говорит с собравшимся духовенством только по-польски. Если он в ком-либо увидит нелюбовь к польскому языку, сразу же изрекает свое решение: вон! И каждый понимает, что эту свою угрозу владыка-викарий выполнит. Если вы, ваше высокопреосвященство, не сделаете по его желанию, то сделают это польские власти.

Между прочим, везде, куда бы он ни приезжал, возле него непременно находятся несколько полицейских, по всей вероятности на случай возможных скандалов. Все это, владыко, вам должно быть хорошо известно. Вот так под постоянной угрозой увольнения и живем. Ни сам покоя не знаю, ни вас утешить не могу. Все мы

прекрасно понимаем, что польский язык — это только начало, а дальше будет и у нас то, что теперь происходит на Волыне, где полиция и войско силою заставляют православных отрекаться от своей веры и переходить в латинство, или на Холмщине и на Подляшьи, где католики теперь за последний год разрушили, тоже при помощи войска и полиции, более ста православных церквей. И это делается в двадцатом веке в христианской Польше — страшно подумать. Вот и у нас это скоро будет, для этого и приехал сюда новый викарий.

— Вы правы, о. протоиерей, — сказал архиепископ — скрывать нам друг от друга правду нечего. Положение создалось ужасное, почти такое, как в Советском Союзе. Но ведь там — безбожники, а тут — христиане. Разложение среди духовенства идет вовсю. Надо признать, что миряне несколько устойчивее, но развал идет и там. Все мы, старшие, повинны в излишней самоуверенности, в своей слепоте, в безразличии и даже просто в легкомыслии. Нам казалось, что все как-то устроится. А между тем признаки беды были и нельзя было их не видеть. Да нас и прямо предупреждали и советовали: **объединяйтесь, опирайтесь на народ, вводите соборное начало!** Но нам казалось, что такие советы — это покушение на наш авторитет, что мы справимся с бедой и сами. Теперь надо признать, что „соборяне" были правы. Но теперь исправить допущенные ошибки вряд ли можно, так как уже слишком поздно. Кроме того, даже и теперь среди нас нет нужного единодушия.

— Простите, владыко, — заговорил протоиерей, — я все же считаю, что следовало бы сделать попытку спасти положение. Я с вами, владыко, с вашего разрешения, буду откровенен. Теперь всем ясно, что ополячение православной церкви здесь началось и идет при содействии митрополита и иерархов, простите, владыко, за прямоту. Сам митрополит служит по-польски, и всенародно одобряет все, что делает плохого польское правительство для православия. Но хотя бы и теперь, когда все зашло очень далеко, неужели нельзя попробовать оказать сопротивление? Как это сделать — не знаю, но ведь у митрополита много возможностей.

— Если бы митрополит энергично запротестовал по поводу теперешней польской политики в отношении православия, — ответил архиепископ, — он очень скоро был бы удален с своего поста а на его место посадили бы епископа православного поляка. Вспомните, как поступили польские власти всего лишь шестнадцать лет тому назад с архиепископом Елевферием и епископами Владимиром, Сергием, и Пантелеймоном. Первых троих выслали из Польши, а Пантелеймона заточили в монастырь, где он сидит и до сих пор. И не за что иное пострадали они, как только за законный протест. Поздно, дорогой о. протоиерей. О нашей беседе нам обоим лучше молчать.

Архиепископ поднялся и благословил своего собеседника, давая этим понять, что аудиенция окончена.

После обеда архиепископ для того, чтобы хоть немного отвлечься от неприятностей, взял французский томик Ламенне*) и стал читать. Мысли все время возвращались к тревожным сегодняшним впечатлениям, но он усилием воли заставлял себя сосредоточиться на содержании книги и понемногу стал успокаиваться. Но не прочел он и двадцати страниц, как келейник доложил, что пришел „шеф беспеченства" пан Ясинский и просит его принять.

Когда архиепископ вошел в гостиную, навстречу ему поднялся со стула сравнительно молодой человек с пышной шевелюрой и протянул ему руку. Архиепископ предложил пришедшему сесть и приготовился слушать.

Как всегда, минут пять ушло на распросы о здоровьи, о том, как идут дела и прочее. Говорил пан Ясинский по-польски. Он сказал, что понимает, как трудно архиепископу управлять епархией, даже имея такого прекрасного помощника, как епископ Мелетиуш. Затем он добавил:

— Конечно, эминенция, вы устали и вам необходим хотя бы месячный отдых. Вчера мы о вас в воеводстве говорили и все согласились со мной, что вам нужно уехать из города на дачу. Здоровье дороже всего, не так ли?

— Да, — сказал архиепископ, — месяца через полтора-два я собираюсь на отдых.

Зачем же через полтора-два, — живо возразил пан Ясинский. Зачем откладывать? Завтра же поезжайте. Мы знаем, что вы отдыхаете каждое лето у о. Михаила Забельского. Я принес вам на завтрашний поезд два билета, вам и келейнику, а вас тут прекрасно заместит епископ Мелетиуш.

— Но позвольте, пане шефе! возразил пораженный архиепископ. — Я должен получить отпуск от своего митрополита. Так просто уехать я не могу.

Пан Ясинский снисходительно улыбнулся на такую наивность архиепископа и сказал:

„С митрополитом никаких осложений у вас не произойдет, могу вас уверить. Итак, поезжайте завтра утром. О. Забельский предупрежден и вас у себя на станции встретит. Желаю счастливого пути и приятного отдыха.

Пан Ясинский галантно поклонился, положил на стол конверт с билетами и вышел.

Некоторое время архиепископ не мог от изумления придти в себя. Такого безцеремонного обращения с собой он все же не ожидал.

Немного успокоившись, он послал келейника за секретарем.

---

*) Французский священник (перв. полов. XIX века) снявший сан, но оставшийся верующим.

Когда тот явился, архиепископ рассказал ему, зачем приходил шеф беспеченства, и добавил:

— Так просто подчиниться приказу Ясинского я не могу. Я вас прошу дать сейчас же митрополиту следующую телеграмму: получил сегодня через шефа беспеченства от воеводства приказ завтра уехать в месячный отпуск. Прошу срочных указаний Вашего блаженства, как поступить.

— Но я боюсь, владыко, — заметил секретарь, — что от митрополита помощи не получите. Очень плохо обстоят дела, владыко. И как быстро все идет. Энергично работают отцы иезуиты. Так я, владыко, сейчас же на телеграф. И секретарь вышел.

Архиепископ в сильном волнении ходил по своим покоям. Потом спустился в сад и стал гулять по дорожке. Секретарь прав, подумал он: на митрополита надежды никакой. Митрополит выполнит все, что поляки от него потребуют. Ужасно очутиться в таком одиночестве и не знать к кому обратиться за помощью. Совершенно ясно, что этот выезд на отдых нужен предателю Мелетиушу, который оставшись один, развернет во всю свою работу. Полетит с места настоятель, быстрыми темпами пойдет полонизация церквей, потом дойдет и до конфискации и разрушения храмов. Очень возможно, что и я сам из этого вынужденного отпуска на свой пост уже не вернусь; прикажут уйти на покой в какой-либо монастырь, где конечно, покоя для меня не будет.

— Господи, подкрепи меня и не дай впасть в отчаяние, — проговорил архиепископ и перекрестился.

Скоро принесли ответную телеграмму от митрополита. Архиепископ вскрыл ее и прочел: — Ваша мудрая опытность укажет вам правильный выход.

— Умыл руки, — с горечью подумал архиепископ о митрополите, которого он за долгие годы совместного служения хорошо знал как человека неумного, тщеславного, жадного и трусливого, готового для сохранения своего положения пойти на любые уступки и унижения.

Вспомнил архиепископ, как митрополит в парадной рясе и белом клобуке вез в тачке землю на „копец Пилсудского". Его, конечно, сфотографировали и поместили снимок в журналы, над чем католики потом злорадствовали.

— Эх, не такого бы первоиерарха надо здесь православным. Но придет время, когда не помогут никакие уступки, — думал архиепископ, возвращаясь в свои покои.

Он отказался от ужина и раньше обычного стал на вечернюю молитву.

Священные слова несколько успокоили его, но все же на душе у него было очень тяжело. Как поступить при данных условиях, он еще не решил, но чувствовал, что на сопротивление у него не осталось сил . . .

Когда архиепископ окончил молиться, ему доложили, что приехал протоиерей Забельский и просит, несмотря на позднее

время, его принять. Архиепископу было ясно, что это в связи с планом Ясинского.

Войдя в кабинет и приняв благословение, о. Забельский сразу заявил:

— Я, дорогой владыка, за вами. Все мне известно и я сужу, что вам ничего иного не остается, как ехать со мной. У меня отдохните и не будете видеть и слышать этих ужасных людей. А через месяц, — здесь о. Забельский подошел ближе и понизил голос, — неизвестно что будет. С немцами как вам, владыко, известно, отношения со дня на день все хуже и гроза может разразиться очень скоро.

На глазах у архиепископа появились слезы. Он обнял о. Забельского и сказал:

— Верьте, дорогой о. протоиерей, нервы сдают. Сил у меня не осталось. Мне собственно говоря, место в больнице. Поэтому сердечно благодарю вас за любезное приглашение, которым я решаю воспользоваться. Завтра утром едем, и помолчав добавил: но виноваты во всем этом главным образом мы сами.

Прот. Аркадий Свитич

ГЛАВА XII

КОНЕЦ ЛЕМКОВЩИНЫ

На прилагаемом рисунке названия части русских сел, которые были насильственно выселены из западной части Галичины, так называемой Лемковщины и отданы полякам для польской колонизации.

Советское правительство разделило русский народ в Карпатах на три части: одну часть, восточную, оно взяло себе; Пряшевщину оно отдало Чехословакии; а галицкую Лемковщину — Польше. С панами в Праге и в Варшаве московские господа заключили договор, по которому руснаки из Лемковщины и из Пряшевщины могут добровольно переселиться в Советский Союз. Никто не спросил наш народ, чего он хочет. На Пряшевщине наших людей еще не трогают, но галицких лемков насильственно переселяют в Советский Союз. Гонят их как скот, в снег, в стужу и дождь на железнодорожные станции, и там они ожидают поезда под открытым небом по целым неделям, иногда и по три и по

пять недель. Во многих случаях их хаты разрушают и жгут целые деревни, дабы люди не могли вернуться домой. Из Лемковщины пишут, что вместо освобождения там теперь плачь и рыдание и что пришел конец Руси на Лемковщине.

Будем на страже и будем организоваться, дабы такая же судьба не постигла и Пряшевщину и всю Карпатскую Русь.

1945 год. **А. Геровский**

Д-р А. Геровский лет 30 тому назад обратился со следующим словом к делегатам XII-го Съезда Лемко-Союза:

Братья лемки!
Русские люди!

Уже прошло больше четверти века с тех пор, как Ваня Гунянка и д-р Пыж создали при помощи выдающихся русских патриотов Лемковской Союз. Д-р Пыж умер несколько лет тому назад, а Ваня Гунянка, если он еще жив, находится где-то в Советском Союзе, куда он уехал после последней войны. В свой родной край, Галицкую Лемковщину, он не попал потому, что ее забрали поляки и русских людей там уже нет.

Цель Лемковского Союза была освободить Лемковщину от чужого господства, т. е. от поляков и от чехов.

Вы все наверно помните большую Карту „Лемковины", которую нарисовал Ваня Гунянка и издал Лемковский Союз за несколько лет до последней войны. Тогда эту карту можно было видеть на стенах в домах многих лемков. Вероятно и теперь еще эта карта у них сохранилась. Тогда наши лемки уповали на слова и обещания вождей, что в случае войны Россия победит и освободит всю Прикарпатскую Русь, в том числе и Лемковщину.

А где теперь эта Лемковина? Что с ней случилось? Свободна ли она? Что от нее осталось? Осталась одна только карта Лемковины. А вся галицкая Лемковская Русь теперь превратилась в пустыню, поросшую тернем и бурьяном. Как- когда-то, в 1945 году, написала одна женщина, вывезенная в Советский Союз: — „Мы все надеялись, что нас, русских людей, освободит Россия, а теперь тота Советская Россия освободила наш край от русского народа".

Газета Лемковского Союза „Карпатская Русь" в течение многих лет поддерживавшая в наших людях надежду на Россию, сперва утешала наших американских лемков тем, что галицкая Лемковщина, которую Сталин отдал полякам, будет автономным краем и впоследствии свободно сможет объединиться с Россией. Как вы все знаете, эта надежда не оправдалась и галицкая Лемковина уже не существует.

Старых номеров „Карпатской Руси" от 1944-1945 г.г. наверно уже ни у кого нет и мало кто из Вас уже помнит, что в них было

написано. Поэтому мы Вам приводим, как пример, точный текст того, что было напечатано в „Карпатской Руси" 7-го сентября 1945 г. и 18 декабря того же года.

В номере от 7 сентября редактор газеты напечатал свою отповедь тем читателям, которые начали отчаиваться и предвидели конец Лемковщины. Вот что было сказано в статье „Наша отповедь":

— Наш лемковский народ в родном крае стал так же свободным, как все другие славяне: поляки, словаки, чехи и др.

Лемки получили право на свободное переселение в свою национальную державу.

Мы верим, что большинство лемков останется в своих родных селах.

В новой Польше... наш народ будет пользоваться полной свободой... то значит, будет иметь право создать свой малый штат. Если народ того малого штата выразит желание соединиться с своими восточными братьями, то никто ему запретить это не может... Мы уверены в этом".

Так писали редакторы „Карпатской Руси". —

А в письме от 18 декабря Иван Савчак из Воли пишет своей сестре Марии Кинн в Колдейл, Пенсильвания. Письмо от 8 октября, а помещено в газете „Карпатская Русь" 18 декабря:

— Наше житья до теперь было яко-тако, а теперь уж не знаме, як буде, ибо вшиткы села выгоняют до России. Уж больша частина людей выехала. Днесь вывожают Дальову и Нижню Волю, а на другый тыждень прийде очередь на Вышню. То есть велика біда!

Дождь ліе уж цілый тыждень. На станціи треба чекати и по три тыжни под голым небом. Студынь, голод, біда, уж тифус ся людей чиплят. Не думайте, што може я вас обманьываю. Люде повтікали до ліса с скотом и дітьмы, и зерно повывожали и так бідуют по лісах... Войско заберат с дому все, што тільки найде, выбивают окна, разбивают пецы и палят села. Дуже надругаются над нашым бідным русскым народом. —

А куда девались русские люди, которых выгнали из родного края? Одних, как сказано в одном письме, „распорошили по всей России", а других поляки вывезли в западную Польшу на немецкие земли и там их рассеяли в разных местах, как пишут наши люди, „на песках". При народной переписи им не разрешают записываться русскими, их всех записывают украинцами.

Все это так. Все это было и приходится считаться с фактом, что галицкой Лемковщины больше нет и что Пряшевщина осталась под Чехословакией и денационализируется.

Что нам делать? Что мы можем делать? На что мы можем надеяться? Считать ли нам, что все пропало и опустить руки? Или же верить, что в будущем, более близком или более далеком, мы сможем все вернуть и добиться свободы для нашего народа?

Мы не должны отчаиваться, но должны верить в лучшую

будущность, должны верить в то, что наши лемки вернутся на свою родную землю и будут свободны.

Что нам нужно для этого делать? Об этом нужно подумать и посоветоваться. Мы здесь, в Америке, пользуемся полной свободой и, что чрезвычайно важно, у Лемко-Союза имеется материальный фундамент, имеются дома, земли и тысячи членов. Эти члены не должны впасть в отчаяние а должны продолжать работу с целью освобождения Лемковщины и возвращения всех лемков в родной край.

Для этого нужна новая программа, основанная на новых фактах, которых основатели Лемко-Союза не предвидели. Мы им этого в вину не ставим. Они ошиблись, но все-таки созданная ими организация существует, и на этом фундаменте можно строить дальше и продолжать работу.

Необходимо, чтобы те из наших людей, которые не потеряли еще своей веры в лучшую будущность нашего народа, серьезно подумали и посоветовавшись между собой, созвали руководителей всех местных отделов на совещание, на котором все они могли бы высказаться и принять новую программу, соответствующую переживаемому нами моменту.

1945 г. **А. Геровский**

ПИСЬМО Д-РА ГЕРОВСКОГО СТАЛИНУ

Председателю Совета Министров СССР
Иосифу Виссарионовичу Сталину

Кремль, Москва.

Уважаемый Иосиф Виссарионович,

В Соединенных Штатах Северной Америки проживает более чем 300.000 переселенцев из западной половины Карпатской Руси, то есть из той ее части, которая по советско-чехословацкому соглашению от 10-го июля 1945-го года осталась за Чехословакией. Благодаря изменившейся международной обстановке, в частности соседству Чехословакии с Советским Союзом, мощь и авторитет которого так сильно возросли в итоге войны, положение местного русского населения значительно улучшилось в национально-культурном отношении по сравнению с довоенным временем.

Но все же, русские жители этого края находятся и теперь еще на положении граждан второго разряда, в особенности в экономическом и в политическом отношениях. Так, например, от помощи, которую дает Чехословакии УНРА, до них доходят толь-

ко жалкие крохи, невзирая на то, что карпаторусский край пострадал от войны несравненно больше нежели Словакия, — а Чехия остались почти нетронутой. И в политическом отношении русские не уравнены в правах со словаками и чехами. Сен-жерменский договор 1919-го года, которым Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии, гарантировал русским „самую широкую" территориальную автономию с собственным парламентом и ответственным перед ним правительством. Во время последней войны президент Бенеш заявлял неоднократно, что „новая Чехословакия будет державой чехов, словаков и карпатских русских". Но Сен-жерменский договор оказался клочком бумаги, а торжественные обещания президента Бенеша — пустым звуком. Новая Чехословакия — это держава только чехов и словаков, а карпаторусский край составляет часть Словакии без каких-либо автономных прав.

Вдобавок ко всему этому, над русским населением „восточной Словакии" все время висит угроза принудительного выселения в Советский Союз, наподобие того ,как в прошлом году было выселено из Польши русское население северного склона Карпат, из так называемой Лемковщины.

Мы никак не можем понять, почему после блестящих побед русского оружия и потоков русской крови, пролитой в русских Карпатах, русские жители этого края должны оставаться на положении второразрядных граждан в чуждом им государстве? Или, почему этот искони русский край должен быть ликвидирован и превращен в словацкую колонию? Если по каким-либо высшим соображениям западной половине Карпатской Руси суждено оставаться в пределах Чехословакии, то ей должны бы быть обеспечены равные права с остальными частями федерации. Карпатская Русь должна быть выделена из Словакии и она должна бы составлять самостоятельную единицу, наделенную такой же автономией, какой пользуется Словакия. При этом название федерации должно бы быть изменено соответствующим образом например: „Карпатославия" или „Славянский Союз" вместо Чехословакии. Кроме того окатоличенную часть населения в западной части Карпатской Руси, потерявшую русское национальное самосознание, следовало бы переселить в обезлюдевшие, вследствие выселения немцев и мадьяр, части Чехии в юго-западной Словакии, где нужны миллионы колонистов и где эти переселенцы будут жить среди своих католиков, чехов и словаков. Положение в западной части Карпатской Руси аналогично с положением в западной Белоруссии, где миллионы окатоличенных белоруссов лишились русского национального самосознания и называют себя поляками. С переселением национально обезличенной части населения западной части Карпатской Руси в Чехию и Словакию, прекратились бы трения между русскими и словаками из-за этнографической границы, что чрезвычайно желательно в обоюдных интересах.

Судьба Карпатской Руси волнует умы сотен тысяч американских карпатороссов. Подготовляется массовая акция в защиту „старого" края, в особенности западной части Карпатской Руси, вошедшей в состав Чехословакии. Но пока эта акция даст результаты, может начаться принудительное выселение русских людей в Советский Союз по примеру прошлогоднего выселения лемков. Кроме того, чехословацкое правительство уже начало заселять бывшие немецкие земли в Чехии и на Моравии карпатскими русскими, пострадавшими от войны. Этим чехословацкое правительство преследует двоякую цель: во первых, оно заселяет бывший немецкий Судетенланд, для которого не хватает чехов, а второе поколение русских колонистов, оторванных от родного края, превращает в чехов, ослабляет русский элемент в „восточной Словакии" и подготовляет его ликвидацию.

По этим причинам я решил послать Вам пока это письмо, дабы обратить Ваше внимание на угрожающую западной части Карпатской Руси опасность. У меня имеется полномочие выступать от имени первого автономного правительства Карпатской Руси, а также полномочие от большинства карпаторусских депутатов, избранных карпаторусским народом перед войной. Полномочие это было выдано мне на случай, если бы депутаты и правительство были лишены возможности свободно говорить. Этот момент теперь наступил. В западной части Карпатской Руси никто не смеет поднять затронутые здесь вопросы и предъявить требования, изложенные в настоящей записке, хотя с этими требованиями согласны все русские Карпат. Будучи осведомлен об их стремлениях и чаяниях, я обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, как к главе правительства Советского Союза, в состав которого входит русский народ. На русском народе зиждется мощь и величие Советского Союза и от судьбы Руси зависит судьба всех народов Советского Союза.

Я обращаюсь к Вам, от имени сотен тысяч карпаторусских эмигрантов в Америке, а также и от имени братьев в „старом крае", в Европе, которые не могут высказаться.

Не дайте в обиду самой западной окраины Земли Русской. Защитите ее. Не допустите, чтобы наше маленькое русское племя, удержавшееся в течние тысячи лет на югозападных склонах Карпат, было стерто с лица земли в момент величайших побед русского оружия. Спасите русский край, который русские ученые (профессор Ключевский) считают колыбелью русского народа. Русская история Вам этого никогда не забудет.

Меры, которые следовало бы принять для спасения западной части Карпатской Руси, по моему мнению, следующие:

1) западная часть Карпатской Руси должна быть выделена из Словакии, при чем границей между Словакией и Карпатской Русью должен считаться водораздел меэду реками Вагом и Гроном с одной стороны, и реками Попрадом и Горнадом с другой;

2) Западной части Карпатской Руси должна быть предоставлена территориальная автономия по образу автономии Словакии;

3) окатоличенная и лишившаяся своей русской национальности часть жителей западной части Карпатской Руси должна бы быть переселена в обезлюдевшие, вследствие изгнания свыше 3-х миллионов немцев и мадьяр, части Чехии и Словакии и освободившиеся таким образом земли в западной части Карпатской Руси надо бы передать безземельным и малоземельным карпаторусским крестьянам.

Кончая, я должен еще заметить, что во время войны я несколько раз беседовал с членами советского посольства в Вашингтоне и передал им записку о карпаторусском вопросе. В посольстве мне каждый раз говорили, что карпаторусский народ касается только чехословацкого правительства и, что Карпатская Русь останется частью Чехословакии, так что разговаривать собственно было не о чем. В 1944-м году я обратился в советское посольство с письменной просьбой дать мне визу для поездки в Москву, где я надеялся найти в министерстве иностранных дел людей, небезразличных к судьбе карпаторусского народа. На это мое письмо я до сих пор никакого ответа не получил.

Поэтому я обращаюсь теперь к Вам лично с просьбой распорядится о выдаче мне визы для поездки в Москву и предоставить мне возможность изложить компетентным кругам взгляды огромного большинства нашего народа на карпаторусский вопрос.

Нью Йорк, 10 января, 1947.

Уважающий Вас
Алексей Юлианович Геровский

К письму Геровского

Письмо д-ра Алексея Юлиановича Геровского И. В. Сталину точно определяет ряд политических проблем, вызванных в итоге второй мировой войны на стыке русского и словацкого народов.

Несмотря на монологическую форму письма, чувствуется, что это скрытый диалог свободной русскости с ее поработителями — диктатором и партией. Хотя ответа Сталина на письмо Геровского не последовало, но читатели этой книги могут домыслить, что могли бы ответить на него инициаторы коммунистического братства, равенства и свободы за колючей проволокой.

Геровский, естественно, понимал, что никакого вольного обмена мнений с международными насильниками и грабителями быть не может, однако он готов был ехать отстаивать интересы русскости под Татрами и за проволоку, веря, подобно Яну Гусу, что рано или поздно правда восторжествует.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Из прошлого Карпатской Руси

Глава II.

Глава III.

Глава IV. Из недавнего прошлого Гал. Руси

Глава V.

Глава VI.

Глава VII. Украина—Русская земля, украинец—русский человек

Глава VIII. Рим — наш враг

Глава IX. Из недавнего прошлого Закарп. Руси

Глава X. Самостійні, від нікого незалежні . . .

Глава XI. Православие в довоенной Польше

Глава XII.